ДБ
300
082
Отечествен.
война и ее
причины и
следствия.
М., 1912

44
31
D5
300
.O82

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ея причины и слѣдствія.

5.

Книги, вышедшія подъ редакціей Исторической Комиссіи Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.:

Русская исторія въ картинахъ. Картины въ краскахъ, съ текстомъ. Цѣна каждаго листа 20 к., всей серіи 3 р. 60 к.

Тѣ же картины (размѣромъ 9×13 вершк.) въ видѣ альбома— 5 р. Къ альбому приложенъ текстъ.

Крѣпостное право и реформа 19 февраля. (Сборникъ статей для старшихъ классовъ средней школы.) Ц. 1 р. 10 к.

Реформы Александра II и ихъ судьба. Сост. *А. А. Титовъ.* Ц. 40 к.

Я. И. Ростовцевъ. Сост. *Д. Крачковскій.* Ц. 10 к.

Паденіе крѣпостного права. Очеркъ *Т. П. Алабиной.* Ц. 10 к.

Будда, его жизнь и ученіе. Сост. *Платонъ Лебедевъ.* Изд. 2-е. Ц. 10 к.

Страна пирамидъ (Египетъ). Сост. *М. Мельгунова.* Изд. 2-е. Ц. 10 к.

Въ римскомъ циркѣ. Сост. *Е. Мельгунова.* Изд. 2-е. Ц. 8 к.

Персія и персы. Сост. *Е. Богрова.* Ц. 20 к.

Когда и какъ стала Волга русскою рѣкою. Сост. *М. Чернаева.* Ц. 20 к.

Картины изъ жизни государства аѳинскаго въ V в. до Р. Хр. Сост. *Т. Алабина.* Ц. 25 к.

Промыслы и торговля въ древней Руси. (Образованіе Русскаго государства.) Сост. *Вл. Лабунскій.* Изд. 2-е. Ц. 15 к.

Владиміръ Мономахъ и его время. Сост. *М. И. Молчановъ.* Ц. 15 к.

Мѣстничество въ древней Руси. Сост. *Е. Н. Волчанецкая.* Ц. 15 к.

Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи. Состав. *Е. А. Ефимова.* Ц. 25 к.

Іезуиты и ихъ вліяніе на исторію человѣчества. Составилъ *Ал. Ильинъ.* Ц. 25 к.

Іоаннъ Гутенбергъ и развитіе книгопечатанія. Сост. *Е. Н. Волчанецкая.* Ц. 20 к.

Хожденіе за три моря Аѳанасія Никитина. Сост. *К. Гарина.* Ц. 10 к.

Борисъ Годуновъ. Сост. *П. Ивановъ.* Ц. 15 к.

DB
300
.O72

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА О. Р. Т. З.
(Редакція В. И. ПИЧЕТЫ).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА и ЕЯ ПРИЧИНЫ и СЛѢДСТВІЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

6 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
689520

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1912.

Россія передъ столкновеніемъ съ Франціей.

Россія XVIII вѣка представляла изъ себя яркую смѣсь культуры съ варварствомъ, либерализма съ деспотизмомъ, вѣры съ изувѣрствомъ. Эта странная пестрота проникала всѣ проявленія русской жизни: домашнюю обстановку, литературу, государство.

Западная образованность, которую такъ старательно насаждали у насъ, покрыла русскую жизнь лишь легкой корой, и изъ-подъ нея постоянно вырывались мутныя волны старыхъ нравовъ.

Камзолъ и пудра, фижмы и прически, — все по послѣдней модѣ, все какъ въ Европѣ... «на Невскомъ мнѣ казалось, что я въ Парижѣ, — пишетъ въ концѣ XVIII в. графъ Пюибюскъ (Puibusque). — Французскій говоръ вокругъ меня, вѣжливость, быстрота разговора, пріятная кокетливость веселой довольной толпы, костюмы мужчинъ и дамъ, — все заставляетъ забыть разстояніе». Ростопчинъ, не терпѣвшій ничего иностраннаго, отмѣчаетъ, только въ болѣе язвительныхъ выраженіяхъ, то же увлеченіе Франціей: «Наши дамы считаютъ своимъ долгомъ возстановить старую французскую любезность, но имъ удается только стать смѣшными». И пожалуй, если поглубже заглянуть въ окружающую ихъ обстановку, Ростопчинъ правъ: напудренные маркизы оставались такими же некультурными барами; даже въ самыхъ лучшихъ домахъ толклись шуты, шутики, карлики, калмычки. Эта пестрая нелѣпая толпа наполняла барскіе дома не только по привычкѣ, по традиціи, но и потому, что ее любили, что еще не потеряли вкуса къ такимъ развлеченіямъ.

Подъ вліяніемъ Европы изъ крѣпостныхъ создавали актеровъ, балеринъ, докторовъ, но при малѣйшемъ неудоволь-

ствіи вновь испеченныхъ артистовъ и ученыхъ лупили по щекамъ, драли на конюшнѣ. И это дѣлало русскую цивилизацію не только смѣшной, но порой ужасной, трагичной,—трагичной не только для рабовъ, но и для тѣхъ изъ владѣльцевъ, которые, сумѣли понять дѣйствительную цѣнность западной культуры.

Культура эта подъ разными видами широкой рѣкой вливалась въ тогдашнюю Россію. Ученые, художники, авантюристы, портные — всѣ вносили свою лепту, и наши дѣды съ одинаковымъ благоговѣніемъ воспринимали всѣ новинки образованнаго Запада.

Въ сношеніяхъ съ Западомъ въ теченіе XVIII в. мы наблюдаемъ очень интересную эволюцію: сначала мы живемъ заимствованіями отъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей — германцевъ, затѣмъ къ концу вѣка все больше и больше подпадаемъ подъ культурное вліяніе Франціи и Англіи. Такой путь создался не только благодаря географическому положенію, но и благодаря соотношенію культуръ, — дальній Западъ былъ слишкомъ утонченъ и образованъ для Россіи петровскихъ дней; для грубыхъ полуварваровъ нужна культура попроще и покрѣпче, какой была культура германская.

Сами нѣмцы еще питались французскими идеями и въ опрощенномъ видѣ поставляли ихъ «сѣвернымъ варварамъ». Нѣмцы, привыкшіе еще съ XVII вѣка къ грубоватой русской жизни, легче сживались съ нашей обстановкой и явились первыми носителями западнаго просвѣщенія въ дикой странѣ. Но прошли годы, и нѣмецкая культура у насъ становится уже синонимомъ грубости, уже русскіе не удовлетворяются тѣмъ источникомъ, который питалъ ихъ отцовъ и дѣдовъ, а дни Петра III и Павла I, дни возврата къ нѣмецкимъ образцамъ, кажутся имъ днями упадка и одичанья. Во второй половинѣ XVIII вѣка Россія живетъ почти подъ исключительнымъ вліяніемъ Франціи, и даже чистокровная нѣмка Екатерина II, увлеченная общимъ потокомъ, насаждаетъ исключительно французскія идеи.

Внѣшнимъ рубежомъ начала французскаго вліянія на русское общество надо считать царствованіе Елизаветы Петровны. Въ предыдущія царствованія нѣмцы были у насъ не только учителями, но правителями, и такъ опротивѣли Россіи, что поворотъ въ сторону французскаго вліянія вполнѣ понятенъ; но помимо этихъ внѣшнихъ причинъ, которыя могли поколебать нѣмецкое вліяніе лишь на короткій срокъ, были другія,

болѣе глубокія, — нѣмецкая культура уже не удовлетворяла запросамъ русскаго общества, особенно запросамъ литературнымъ и эстетическимъ.

Въ XVII и началѣ XVIII вѣка французскія книги — рѣдкія гости въ Россіи, онѣ встрѣчаются лишь у такихъ поклонниковъ Запада, какъ Матвѣевъ, Остерманъ. Это сочиненія Фенелона, Корнеля, Расина, Мольера, географическія описанія Франціи; съ эпохи Петра особымъ успѣхомъ начали пользоваться всевозможныя руководства хорошаго тона: «Devoirs des gentilshommes», «modéle du chevalier français» и другія; читались и переводились французскія книги по военному искусству, но это все не давало знакомства съ французской культурой и жизнью.

Самъ Петръ I, хотя и не любилъ Францію, но все-таки пытался попользоваться французской культурой и въ концѣ 1715 года писалъ въ Парижъ къ Зотову: «понеже король французскій умеръ, а наслѣдникъ зѣло молодъ, то чаю мастеровые люди будутъ искать фортуны въ иныхъ государствахъ, чего для навѣдывайся о такихъ и пиши, дабы потребныхъ не пропускать». И вотъ въ Петербургѣ появляются Растрелли, Лежандръ (архитектора), Каравакъ (художникъ), ученые: Дювернуа (анатомъ), Делиль (астрономъ), но эти первые піонеры французской культуры почти не имѣли ни вліянія, ни учениковъ, ибо они не могли найти людей, знающихъ французскій языкъ.

Въ эту эпоху политическая связь между Россіей и Франціей была такъ же слаба, какъ и культурная, — попытки союза, заключенія брака Елизаветы Петровны съ Людовикомъ XV, кончились полной неудачей.

Усиленіе французскаго вліянія въ 40-хъ годахъ XVIII в. обыкновенно объясняютъ участіемъ французскаго посла де-Шетарди въ переворотѣ 1741 года, благодаря которому Елизавета взошла на престолъ, и личными симпатіями этой государыни, но упускаютъ изъ вида самое главное — успѣхи русской цивилизаціи сравнительно съ XVII вѣкомъ и петровской эпохой.

Франція XVIII вѣка — это образецъ для всего міра. Тамъ одинаково совершенны и танцы, и идеи, и парики, и философія, и все это, съ одинаковымъ успѣхомъ, вывозится въ другія страны. Но ничто изъ этихъ модныхъ новинокъ не могло привиться въ Россіи въ дни, когда все образованіе строилось

на практическихъ требованіяхъ минуты, когда торжествовалъ всепьянѣйшій соборъ и шутовскія свадьбы, когда высшимъ развлеченіемъ было напоить ближняго и самому напиться до зеленаго змѣя или заморозить карлика. Нужна была огромная культурная подготовка не только для воспріятія философіи, но и для того, чтобы не наступать на шлейфъ дамы, чтобы не вцѣпляться сосѣду въ парикъ на попойкѣ или на засѣданіи сената.

Подготовка идетъ постепенно: при организаціи шляхетскаго корпуса изъ 282 кадетовъ лишь 91 избираютъ французскій языкъ, но постепенно появляется все больше лицъ, которые не могутъ обходиться безъ французскаго языка; имъ начинаютъ увлекаться, блистать и уже въ 50-хъ годахъ Сумароковъ жалуется на вытѣсненіе въ обществѣ русскаго языка французскимъ: «Мнѣ сказывали, — пишетъ онъ въ журналѣ «Трудолюбивая Пчела» за 1759 годъ,—что нѣкогда нѣмка нѣмецкой слободы говорила: «mein мужъ kam домой, steig черезъ заборъ и fiel ins грязь». Это смѣшно. Да и это смѣшно: «Я въ дистракціи и дезеспере; аманата моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я ку сюръ противъ риваля моего буду реванжироваться».

Слѣдовательно, въ это время французскій языкъ еще не столько переваренъ, чтобы уживаться спокойно съ русскимъ, но все-таки уже твердо засѣлъ въ русскихъ головахъ. Такой птичій языкъ и путаница идей были неминуемы въ елизаветинскіе дни, ибо первое воспріятіе французской культуры носило чисто внѣшній характеръ. Въ эти какъ разъ переходные годы подросталъ и воспитывался «философъ въ 15 лѣтъ», Екатерина II, которая стала главнымъ проводникомъ французскаго вліянія.

«Екатерина-нѣмка проводитъ въ политикѣ чисто русскіе интересы, — характеризуетъ ее Бильбасовъ, — мелкая нѣмецкая принцесса продолжаетъ внутреннюю политику Петра I въ смыслѣ распространенія европейской образованности среди полуазіатскаго русскаго общества. Она пишетъ законы, создаетъ промыслы, развиваетъ торговлю, организуетъ войско, просвѣщаетъ народъ и, *минуя свою родину, протягиваетъ обѣ руки къ французскимъ философамъ*, «обкрадывая» Монтескье, переписываясь въ Вольтеромъ и призывая Дидро въ Петербургъ для личнаго знакомства съ представителемъ энциклопедистовъ».

Сама Екатерина не скрывала того, что ея преобразовательные планы слагались подъ сильнымъ вліяніемъ французской

философіи: «Вы увидите,—писала она въ 1765 году Д'Аламберу, — изъ «Наказа», какъ я на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его: надѣюсь, что если бъ онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающей, то простилъ бы этотъ плагіатъ ради блага двадцати милліоновъ людей, которое изъ этого послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобъ обидиться тѣмъ; его книга служитъ для меня молитвенникомъ».

Французскіе философы въ дѣятельности Екатерины II также видѣли развитіе и осуществленіе своихъ идей: Монтескье явился не только духовнымъ отцомъ «Наказа», но и самая идея созыва комиссіи изъ депутатовъ всей страны для выработки уложенія выросла у Екатерины подъ вліяніемъ «Духа Законовъ», подъ вліяніемъ идей просвѣтительной философіи, что хорошее или дурное устройство общества зависитъ отъ качества законовъ. Дидро, личный другъ Екатерины, понималъ связь комиссіи съ своими идеалами и, будучи въ Петербургѣ въ 1773 году, убѣждалъ императрицу вновь созвать комиссію и придать ей постоянный характеръ, такъ что Екатерина замѣтила ему: «Вы, значитъ, совѣтуете мнѣ устроить парламентъ на англійскій образецъ»... А императрица, любя «вольныя идеи», будучи въ душѣ «республиканкой», на дѣлѣ не выносила никакого ограниченія своей власти и въ области политической совершенно не желала осуществленія западныхъ идеаловъ.

Гораздо глубже было культурное вліяніе французскихъ идей.

Екатерина всѣ свои разностороннія знанія почерпнула изъ французской литературы. Для нея, какъ для человѣка, не получившаго систематическаго образованія, «Энциклопедія» была незамѣнимымъ источникомъ свѣдѣній, проектовъ, идей. «Я не могу обойтиться ни одного дня безъ «Энциклопедіи»,— писала Екатерина. Она такъ цѣнила эту работу, содержащую квинтъ-эссенцію всей французской философіи XVIII вѣка, что всего черезъ девять дней по восшествіи на престолъ предлагала Дидро перенести изданіе «Энциклопедіи», запрещенной во Франціи, въ Петербургъ.

Въ области воспитанія Екатерина всецѣло слѣдуетъ французскимъ образцамъ: она организуетъ Смольный институтъ по образцу Сенъ-Сира, она увлекается идеей создать новыхъ матерей и отцовъ, чтобы они дали другое, болѣе благо-

родное поколѣніе: «мы не хотимъ дѣлать, — писала Екатерина Вольтеру, — изъ молодыхъ дѣвушекъ ни скромницъ, ни кокетокъ, но любезныхъ и могущихъ воспитывать своихъ дѣтей».

Это учебное заведеніе находится подъ прямымъ вліяніемъ французскихъ идей, и даже Дидро, по просьбѣ Екатерины, пишетъ для ихъ дѣтскаго театра въ Смольномъ спеціальную пьесу: «Le Broin du monde ou les moers honnêtes commes elles sont».

Конечно, въ дѣйствительности это воспитаніе было далеко отъ плановъ, которые привели въ восторгъ Дидро, и со стороны русскаго общества часто раздавались нападки на то, что ни Смольный институтъ, ни Шляхетскій корпусъ ничего не даютъ для серьезнаго умственнаго развитія молодежи; оттуда выходятъ пустыя головы, которыя умѣютъ играть комедіи, пѣть, острить, но съ трудомъ владѣютъ русскимъ языкомъ и не заботятся ни о чемъ, какъ только объ успѣхѣ въ салонахъ.

Важнымъ элементомъ въ распространеніи французскаго вліянія въ Россіи были домашніе учителя и мамзели, которые стали въ XVIII вѣкѣ обязательны для каждой мало-мальски состоятельной семьи.

Вліяніе императрицы и двора подготовляло почву французскому вліянію въ обществѣ, а воспитаніе новаго поколѣнія дало ему возможность схватить не только внѣшнюю сторону французскихъ идей, но и ихъ содержаніе, глубокое, разрушительное и совершенно неприложимое къ русской дѣйствительности.

Это вліяніе гораздо шире и глубже, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. По шаблонному изображенію, русское общество распадается въ XVIII вѣкѣ на двѣ части: одни поверхностно увлекаются модными идеями французской философіи, дѣлаются вольтерьянцами и безбожниками, другіе, во главѣ съ Новиковымъ и московскими розенкрейцерами, проповѣдуютъ сознательныя національныя начала и обличаютъ первыхъ въ незнаніи русской жизни и даже русскаго языка. Но если мы глубже всмотримся въ идеалы этихъ двухъ группъ, то мы увидимъ, что Франція была ихъ общимъ источникомъ, но что они восприняли просто различныя теченія тогдашней французской мысли, и Сенъ-Мартенъ, въ своихъ поискахъ истины, такой же сынъ Франціи, какъ и Вольтеръ, но только Франціи мистической: одинъ шелъ отъ Паскаля, другой—отъ Мон-

теня. Кружокъ Новикова, московскіе мартинисты были въ сущности первыми воспринявшими вліяніе Франціи не только внѣшне, но и внутренно. Но нихъ оказали вліяніе не только Сенъ-Мартенъ и Ж.-Ж. Руссо, но и раціоналисты, съ которыми они такъ жестоко боролись въ области религіозной. Зато въ области общественныхъ отношеній и народнаго просвѣщенія они многое заимствовали у своихъ противниковъ. Многіе изъ мартинистовъ, какъ Лопухинъ, сначала воспитывались на самыхъ крайнихъ матеріалистахъ французской философіи и, ставъ религіозными, сохранили многое изъ своихъ увлеченій.

Мистики-мартинисты скорѣй, легче и глубже всѣхъ восприняли идеи, пришедшія изъ Франціи, ибо они, уносясь въ безбрежную высь религіозныхъ исканій, не трогали основъ русскаго быта, — крѣпостного права и деспотизма. А вотъ чѣмъ ближе касались идеи русской дѣйствительности, тѣмъ онѣ труднѣе усваивались. Напримѣръ, знаменитый конкурсъ Вольноэкономическаго Общества на тему: «Что полезнѣй для общества, — чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его право на то или другое имѣніе простираться должно?» остался безъ всякаго вліянія на русскую жизнь. Напрасно трудились Вольтеръ, Мармонтель, Беарде-де-Лабей и десятки другихъ французскихъ писателей,—ихъ слава была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ и трезвыхъ экономистовъ того времени Мерсье-де-ла-Ривьеръ, попавъ въ Россію, показался Екатеринѣ и ея двору, увлеченнымъ французскими идеями, просто болтуномъ, ибо онъ сразу оцѣнилъ русскую дѣйствительность и крѣпостное право и критиковалъ самыя основы жизни. Нападки на религію, на нравы, на то, что не затрагиваетъ дѣйствительныхъ основъ жизни,—вотъ что изъ французской революціонной философіи имѣло успѣхъ у насъ.

Эти вкусы нашихъ прадѣдушекъ объясняются ни легкомысліемъ, ни злостностью, а несоотвѣтствіемъ культуръ, — многаго они не могли воспринимать. Нуженъ былъ такой крупный умъ, какъ Радищевъ, чтобы приложить выводы французской просвѣтительной философіи къ крѣпостнической Россіи, и нужна была его смѣлость, чтобы и рѣшиться высказать это громко. Чѣмъ глубже проникали французскія идеи въ Россію, тѣмъ больше отпугивали онѣ отъ себя русскихъ людей.

«Ни въ чемъ на свѣтѣ я такъ не ошибался, какъ въ мысляхъ моихъ о Франціи, — писалъ Фонвизинъ, — въ ней болѣе

худого, чѣмъ хорошаго... нѣмцы простѣе французовъ, но несравненно почтеннѣе, и я тысячу разъ предпочелъ бы жить съ нѣмцами, нежели съ ними. Тѣмъ не менѣе у насъ, въ Россіи, все лучше, и мы больше люди, нежели нѣмцы».

Конечно, съ наплывомъ французовъ въ концѣ царствованія Екатерины ихъ качества не улучшились, а подъ вліяніемъ конкуренціи взаимное озлобленіе возросло. Сплетни и клевета затрагивали даже такихъ крупныхъ людей, какъ Фальконэ, Дидро; про художницу Виже-Лебренъ, которая пользовалась большимъ вниманіемъ петербургскаго свѣта, сейчасъ же пустили слухъ, что къ ней ѣздятъ, такъ какъ въ ея мастерской назначаютъ свиданія.

Изъ крупныхъ фигуръ, которыя насаждали у насъ французскую цивилизацію, можно отмѣтить только двѣ; Роммъ воспиталъ графа Павла Строгонова и Лагарпъ, воспитатель Александра I.

Оба республиканцы. Роммъ впослѣдствіи членъ Конвента, казненный какъ соучастникъ одного изъ послѣднихъ парижскихъ возстаній 1-го фреріаля III года (въ 1795 году). Оба люди высокообразованные, моральные, съ свободными взглядами, для которыхъ Христосъ былъ просто «евреемъ, отъ котораго секта христіанъ заимствовала свое имя». Оба воспитателя сумѣли привить своимъ воспитанникамъ даже свои республиканскіе взгляды — Александру Павловичу сентиментальные, съ мечтами о тихой жизни въ хижинѣ на берегахъ Рейна, графу Строгонову активные, которые толкаютъ въ бой, заставляютъ произносить зажигательныя рѣчи въ клубѣ якобинцевъ и даже предъ рѣшеткой Конвента. Конечно, такіе воспитатели оказывали глубокое вліяніе не только на своихъ учениковъ, но и на общество, съ которымъ они сталкивались.

Французская революція, пронесясь далеко на востокъ, нашла откликъ и въ Россіи. Уже «Собраніе Нотаблей» интересовало наше общество, и Екатерина довольно вѣрно выразила въ письмѣ къ Гримму отношеніе къ нему высшихъ слоевъ общества: «Что касается высшаго собранія нотаблей, — писала она 4-го апрѣля 1787 года, — то хотя оно и дѣлаетъ честь благимъ намѣреніемъ короля, однако у насъ о немъ не особенно высокаго мнѣнія», и нѣсколько позднѣе, въ іюнѣ того же года, она не хочетъ и слушать о нотабляхъ: «ступайте вы прочь съ вашими нотаблями», пишетъ она Гримму.

Чѣмъ дальше развивается революція, тѣмъ рѣзче отношеніе къ ней Екатерины, — Національное собраніе представляется ей «гидрой о 1200 головахъ», съ которой необходимо бороться: «мы не должны,—заноситъ въ дневникъ слова Екатерины статсъ-секретарь Грибовскій, — предать добродѣтельнаго короля въ жертву варварамъ. Ослабленіе монархической власти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ другія монархіи. Европейскіе монархи должны устремиться на помощь государю и его семейству, въ заточеніи находящемуся. Безначаліе есть злѣйшій бичъ, особливо когда дѣйствуетъ подъ личиной свободы, сего обманчиваго призрака народовъ. Европа скоро погрузится въ варварство, если не поспѣшатъ ее отъ онаго предохранить. Съ моей стороны я готова воспользоваться всѣми моими силами. Пора дѣйствовать и приняться за оружіе для устрашенія сихъ бѣснующихся. Благочестіе къ сему возбуждаетъ, религія повелѣваетъ, человѣчество призываетъ, а съ ними драгоцѣнныя и священныя права Европы сего требуютъ».

Это не только ханжество состарѣвшейся женщины, но и ужасъ монарха, боящагося потерять корону, — вѣдь раньше Екатерина сама проповѣдывала тѣ идеи, осуществленіе которыхъ теперь вызывало въ ней неподдѣльный ужасъ.

То же чувство неожиданнаго переполоха охватило многихъ русскихъ поклонниковъ просвѣтительной философіи, и они, пожалуй, и сама Екатерина, неясно себѣ представляли связь между революціей и просвѣтительной философіей, ибо они брали изъ нее далеко не все; самое главное — выводы экономическіе и политическіе — равенство и свобода не были поняты и восприняты въ русскомъ обществѣ. Не было и почвы для воспріятія этихъ идей, ибо крѣпостное право было альфой и омегой русской жизни, и тотъ классъ, который явился во Франціи носителемъ новыхъ идеаловъ — буржуазія, былъ еще въ зачаточномъ состояніи и мечтахъ, какъ то выяснилось въ комиссіи 1767 года, лишь о «свободѣ» покупать крѣпостныхъ.

Графъ Семенъ Воронцовъ называетъ депутатовъ Національнаго собранія «сумасшедшими, которыхъ слѣдуетъ перевязать»; масонъ Лопухинъ съ паѳосомъ восклицаетъ: «Равенство! свобода буйная! мечты, порожденныя чадомъ тусклаго свѣтильника лжемудрія; расплоджденная безумными писаніями нечестивыхъ татей философскаго имени; адскимъ пламенемъ

стремящихся отвращать взоръ человѣческій даже отъ тѣни пресвѣтлаго Софіина лица. Мечты соблазнительныя умамъ слабымъ, сердцамъ развращеннымъ. Сердце рыдаетъ и трепещетъ ужасомъ отъ единаго помышленія о злодѣяхъ, дерзающихъ на величество... помазаніе... Такъ, мечты пагубныя, вы воплотились въ тигровъ».

Офиціальная редакція была еще проще и грубѣй. «С-Петербургскія Вѣдомости» изрекаютъ очень рѣшительные афоризмы: «народная вольность есть не что иное, какъ гибельное безначаліе», «вольность никого, кромѣ грабителей, не кормитъ». Засѣданія Національнаго собранія — «театръ фарсовъ», а «голова Мирабо набита сѣнной трухой».

Итти дальше въ злобной оцѣнкѣ французскихъ событій было невозможно. По отношенію же къ русскимъ вольнодумцамъ начинаютъ примѣняться не только ругательства, но и очень рѣшительныя мѣры, при этомъ безъ всякаго разбора. Первымъ пострадалъ Н. И. Новиковъ, рѣшительный противникъ раціоналистической философіи, но и не сторонникъ русскихъ государственныхъ порядковъ, вмѣстѣ съ нимъ пострадали московскіе розенкрейцеры. Это былъ лишь первый шагъ; «по случаю взрыва французской революціи, — разсказываетъ масонъ Беберъ,—подозрѣніе противъ тайныхъ обществъ безконечно усилилось, и работы во всѣхъ ложахъ прекратились». Затѣмъ пошли аресты Радищева и другихъ.

Когда мы смотримъ на эту вспышку правительственной реакціи, то невольно является вопросъ, помимо ея оцѣнки, имѣла ли она подъ собой какія - нибудь основанія или нѣтъ?

Въ 1790 году наставникъ великаго князя Александра Павловича священникъ Самборскій писалъ гр. Н. И. Салтыкову: «Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему любезнѣйшему отечеству наиужаснѣйшее кровопролитіе».

Вы «остолбенѣете, — писалъ Ростопчинъ Воронцову, — увидѣвъ здѣсь сотни молодыхъ людей, которые достойны быть пріемными сыновьями Робеспьера и Дантона».

Но эти слова священника и извѣстнаго реакціонера, могутъ быть неубѣдительны и намъ; чтобы понять настроеніе тѣхъ годовъ, придется обратиться къ самымъ фактамъ движенія, вызваннаго у насъ французской революціей.

Французскій посланникъ въ Петербургѣ Сегюръ въ своихъ мемуарахъ такъ разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Петербургѣ паденіемъ Бастиліи: это была всеобщая радость: «Французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы,—всѣ на улицахъ обнимались, поздравляли другъ друга, какъ будто они освободились отъ тяжелыхъ цѣпей, которыя сковывали ихъ».

Радостное настроеніе въ первые дни революціи, какъ разсказываютъ современники, охватываетъ все общество: напримѣръ, семилѣтняя Соймонова иллюминуетъ галлерею дома въ честь взятія Бастиліи и говоритъ отцу, удивленному этимъ праздникомъ: «О, папа! я праздную освобожденіе бѣдныхъ французскихъ узниковъ».

По сообщенію Каразина и Болтина, въ провинціи также наблюдается интересъ къ событіямъ во Франціи. Тамъ читаютъ иностранныя газеты, переводятъ изъ нихъ отдѣльныя статьи, такъ что составляются рукописные сборники, ходящіе по рукамъ. То же самое движеніе наблюдается и въ Петербургѣ въ учебныхъ заведеніяхъ, и кадетъ С. Н. Глинка даже переводитъ марсельезу.

Но всѣ эти факты отрывочны и въ сущности не даютъ картины общественнаго движенія, по нимъ можно сказать, что французская революція вызывала въ нашемъ обществѣ большой интересъ, а отчасти сочувствіе и завистивые вздохи. Дальше этого мало кто рѣшался итти, а самое главное, даже ярые приверженцы французской революціи не умѣли приложить ея принципы у насъ, въ совершенно иной обстановкѣ.

Человѣкомъ понявшимъ внутренній смыслъ французскихъ идей XVIII вѣка, былъ Радищевъ. Еще въ 1782 году по поводу открытія памятника Петру I онъ писалъ въ своемъ произведеніи «Письмо къ другу»: «могъ бы Петръ славнѣе быть... утверждая вольность частную; но если мы имѣемъ примѣры, что цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что приисходило не отъ великодушія, но отъ сытости сана своего», то «нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ-быть, не будетъ, чтобы царь уступилъ добровольно что-либо изъ своей власти, сѣдяй на престолѣ».

Для него крѣпостное право представляется чудищемъ «стозѣвнымъ», которое поработило Россію. Какъ достойный ученикъ крайнихъ французскихъ писателей: Руссо, Мабли, Рейналя, онъ всесторонне развиваетъ ихъ идеи. Это не «воль-

нодумство», а жестокая, разрушительная критика русской дѣйствительности. Онъ требуетъ свободы личности, слова, совѣсти и прежде всего освобожденія крестьянъ; но онъ, очевидно, подъ вліяніемъ французскихъ событій, ждетъ его не сверху, а снизу, отъ протеста самихъ крѣпостныхъ.

Въ своей одѣ «Вольность» онъ восторгается раньше бывшими революціями, восхваляетъ Вашингтона и, обращаясь къ Франціи, сбросившей иго деспотизма, говоритъ:

«Ликуешь ты! а мы здѣсь страждемъ!
Того жъ, того жъ и мы всѣ жаждемъ».

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищева, дѣйствительно, читается нарасхватъ, появляются отдѣльныя пропагандисты революціонныхъ идей въ родѣ Ѳ. Кречетова, который убѣждалъ солдатъ, что присяга недѣйствительна, Петра I называлъ «великимъ тираномъ», а Павла I просто «дуракомъ», проповѣдывалъ необходимость вольности для крестьянъ и солдатъ, призывая послѣднихъ къ вооруженному возстанію; но все это были отдѣльныя яркія искры, которыя гасли на лету, лишь мелькнувъ въ потёмкахъ русской ночи.

Итакъ, западно-европейская образованность и по преимуществу французская старательно насаждается у насъ въ теченіе всего XVIII вѣка, но прививается плохо, она не претворяется, не усваивается русскимъ обществомъ, а покрываетъ его довольно крѣпкой корой, изъ-подъ которой часто выглядываетъ русская угловатость и дикость. Чтобы оцѣнить роль Россіи въ началѣ XIX вѣка въ европейскихъ дѣлахъ и неудачно-либеральныя исканія александровскихъ дней, надо отчетливо различать истинно-русскую дѣйствительность и покрывшую ее внѣшнюю культуру. Всѣ проекты друзей Александра и Сперанскаго гибли оттого, что они строились на пескѣ, — на этой привнесенной оболочкѣ.

Русская дѣйствительность съ эпохи Петра претерпѣла только количественныя, а не качественныя измѣненія: въ подавляющей массѣ хозяйство остается натуральнымъ, крѣпостное право если и измѣняется, то фактически въ сторону его усиленія, фабрики и заводы, рудники, короче, вся промышленность возрастаетъ численно, но не мѣняетъ своего характера; она попрежнему питается крѣпостнымъ трудомъ и не вызываетъ свободнаго труда съ его пролетаріатомъ, прямой результатъ этого слабый ростъ городовъ. Внутренняя торговля предметами первой необходимости, самая важная часть обмѣна, по-

прежнему развита очень слабо, такъ какъ деревня продолжаетъ потреблять собственное производство. Относительно быстро растетъ внѣшняя торговля — усиленно вывозится хлѣбъ и сырье, ввозятся предметы роскоши и необходимое для «порядочнаго общества» фабрикаты, колоніальные товары, вина. Внѣшній обмѣнъ въ Россіи растетъ въ концѣ XVIII вѣка, сравнительно съ другими статьями народнаго хозяйства, очень быстро, и это вызываетъ усиленныя торговыя и дипломатическія сношенія.

Съ конца XVII вѣка и до конца царствованія Екатерины, когда, Россія, наконецъ, укрѣпляется на Черномъ морѣ, наши войны опредѣляются путями внѣшней торговли,—добиться выхода въ моря, въ другія страны,—вотъ мечты правящаго русскаго класса. Тогда нужны Россіи не рынки, чтобы самой торговать: наше купечество слишкомъ ничтожно, а именно пути, чтобы иностранные купцы могли скупать произведенія дворянскихъ имѣній и ихъ крѣпостныхъ. Наша внѣшняя торговля, такъ сильно выростая благодаря внутреннимъ экономическимъ отношеніямъ страны, въ концѣ XVIII вѣка пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе въ русской жизни. Она создаетъ огромный притокъ денегъ въ дворянскіе кошельки, создаетъ новыя потребности и ихъ удовлетворяетъ, благодаря чему правящій классъ оказался въ тѣсной зависимости отъ этой отрасли народнаго хозяйства, и, какъ это ни странно на первый взглядъ, именно внѣшняя торговля опредѣляетъ многое въ русской политикѣ, даже во внутренней.

Такое давленіе внѣшнихъ отношеній на внутреннія мы наблюдаемъ впервые въ царствованіе Павла I.

Екатерина II всегда внимательно прислушивалась къ голосу благороднаго россійскаго дворянства; насаждая французскую культуру, борясь въ идеями французской революціи, она всегда шла нога въ ногу съ правящимъ классомъ. Для Павла это было невозможно, ибо у него не было ни своего, ни чужого пути, онъ двигался въ политикѣ, такъ же какъ и въ жизни, нелѣпыми скачками безъ всякой послѣдовательности и связи.

Наслѣдникъ престола Александръ такъ характеризовалъ систему управленія Павла въ письмѣ къ своему воспитателю Лагарпу:

«Безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно никакого строгаго, опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобы сказать однимъ словомъ, благосостоянie государства не играетъ никакой роли въ управленiи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ-навыворотъ».

Во внѣшней политикѣ капризы императора были не менѣе быстры и безпричинны, чѣмъ во внутренней, и они особенно ярко проявились въ сношенiяхъ съ Францiей. Сначала революцiя казалась Павлу чудовищемъ, которое онъ не хотѣлъ даже признавать,—напримѣръ, если мы возьмемъ «мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1799» (календарь, изданный въ «Санкпетербургѣ при Императорской Академiи Наукъ») и откроемъ иностранный отдѣлъ, то мы тамъ найдемъ: «Францiя, а) главный городъ Парижъ, король: Людовикъ осьмыйнадесять, 44 лѣтъ, родился 6 ноября и т. д.» — республики во Францiи нѣтъ и помину, цензура воспретила переходить черезъ русскую границу не только книгамъ, но и фактамъ; а всего черезъ годъ уже начинается дружба съ республикой и подготовка къ борьбѣ съ своими недавними союзниками—Англiей и Австрiей.

Эту безтолковую и страшно тяжелую для русскаго дворянства внѣшнюю политику прекрасно охарактеризовалъ въ своихъ запискахъ декабристъ Фонвизинъ:

«Павелъ сперва врагъ французской революцiи, готовый на всѣ пожертвованiя для ея подавленiя, раздосадованный своими недавними союзниками, которымъ справедливо приписывалъ свои неудачи, испытанныя его войсками послѣ славной кампанiи Суворова въ Италiи, вдругъ совершенно измѣнилъ политическую систему и не только мирится съ первыми консулами французской республики, умѣвшими ловко польстить ему, но становится восторженнымъ почитателемъ Наполеона Бонапарта и угрожаетъ войной Англiи. Разрывъ съ ней наносилъ неизъяснимый вредъ нашей заграничной торговлѣ: Англiя снабжала насъ произведенiями—и мануфактурами и колонiальными — за сырыя произведенiя нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми въ Россiю притекало все для насъ необходимое. Дворянство было обезпечено въ вѣрномъ полученiи доходовъ со своихъ помѣстiй, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку,

Александръ I.

(Волкова).

ленъ и проч. Разрывъ съ Англіею, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ ненависть къ Павлу, и безъ того возбужденную его жестокимъ деспотизмомъ, мысль извести Павла какимъ бы то ни было способомъ сдѣлалась почти всеобщей».

Павелъ погибъ въ ночь съ 11-го на 12-ое марта 1801 года отъ руки русскаго дворянства, недовольнаго тѣмъ, что императоръ не желалъ и не могъ итти его путями.

Короткое царствованіе Павла пронеслось надъ Россіей тяжелымъ кошмаромъ и исчезло такъ же безслѣдно, какъ исчезаютъ кошмары: не только преслѣдованія круглыхъ шляпъ и французскихъ книгъ, но даже походы Суворова противъ республики не внесли почти ничего въ русскую жизнь, въ ея отношенія къ французской культурѣ. Политическая вражда не могла убить культурнаго вліянія — Россія была полна эмигрантовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи, но всегда остававшихся французами до мозга костей; они поддерживали традиціи екатерининскихъ дней.

Александръ I взошелъ на престолъ при общемъ ликованіи и сразу намѣтилъ свои вкусы, заявивъ: «при мнѣ будетъ все, какъ при бабушкѣ». Дѣйствительно, его эпоха, это время самаго тѣснаго сліянія въ Россіи французской культуры и русской дѣйствительности.

Самъ Александръ I и все поколѣніе начала XIX вѣка воспиталось подъ сильнымъ вліяніемъ не только французской литературы, но и революціи. Короткое царствованіе Павла I не ослабило, а, наоборотъ, усилило и укрѣпило въ головахъ этого поколѣнія ужасъ передъ самодержавіемъ. Александръ Павловичъ въ бесѣдахъ съ Чарторыйскимъ заявлялъ, что «желалъ бы всюду видѣть республики и признаетъ эту форму правленія единственно сообразною съ правами человѣчества... Онъ утверждалъ, что наслѣдственная монархія, установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть должна даровать не случайность рожденія, а голосованіе народа, который сумѣетъ избрать наиболѣе способнаго къ управленію государствомъ».

Позднѣе, когда уже рушатся многіе идеалы, Александръ вполнѣ искренне утверждаетъ: «что бы ни говорили обо мнѣ, но я жилъ и умру республиканцемъ».

Окружающіе его сотрудники — друзья гр. Павелъ Строгоновъ — якобинецъ, Кочубей, Новосильцевъ, Чарторыйскій —

Государств. публичная историческая библиотека

конституціоналисты, держатся тѣхъ же взглядовъ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ людей Александра — Лагарпъ, хотя и испугался крайностей революціи, но все-таки остался либераломъ.

Все русское общество мечтаетъ о свободѣ и о твердынѣ законодательныхъ гарантіяхъ своихъ, хотя бы сословныхъ, правъ.

Отъ первыхъ годовъ царствованія Александра I до насъ доходитъ огромное количество всевозможныхъ преобразовательныхъ проектовъ конституціоннаго характера. Въ этой области работаютъ самые крупные умы того времени: Радищевъ, Державинъ, Каразинъ, государственные сановники: Мордвиновъ, Воронцовъ, Зубовъ и др., наконецъ, всевозможные канцелярскіе чиновники и просто «неизвѣстные» — «съ самаго восшествія Александра на престолъ, — вспоминаетъ одинъ современникъ, — во всѣхъ петербургскихъ обществахъ толковали о политикѣ, и даже мы, мелкіе корнеты, разсуждали о дѣлахъ! Это было въ духѣ времени».

Сказочность александровскихъ идеаловъ первымъ оцѣнилъ Радищевъ, самый умный и самый крайній изъ дѣятелей той эпохи. Онъ понялъ, что, даже въ первые дни радости, настоящимъ республиканцамъ мѣста въ Россіи нѣтъ и, не желая ни мѣнять убѣжденій, ни терпѣть преслѣдованія, предпочелъ разсчитаться съ жизнью. Но выпить яда вся интеллигентная и крестьянская Россія, обѣ онѣ одного ждали—освобожденія, не могли и на ихъ долю досталась горечь разочарованья.

Весь XVIII вѣкъ полонъ попытокъ навязать русскому государственному строю конституціонныя формы, но всѣ эти попытки кончались фатальной неудачей. Уже въ XVIII вѣкѣ наиболѣе умные конституціоналисты—Фонвизинъ, братья Панины, Дашкова (крѣпостничка по убѣжденіямъ) начинаютъ понимать причину неудачъ и рядомъ съ ограниченіемъ самодержавія, въ заговорѣ 1773 — 4 гг., выдвигаютъ идею освобожденія крестьянъ. Но первый, кто точно формулировалъ связь между свободой Россіи и крестьянства, былъ Радищевъ: «мы рабы потому, что мы господа: мы крѣпостные потому, что держимъ въ неволѣ нашихъ братьевъ».

Деспотизмъ былъ тѣсно связанъ съ крѣпостнымъ правомъ, на немъ выросъ, на него опирался, и разрушеніе «безобразнаго зданія» надо было начинать не сверху, а снизу. Но тотъ классъ, который добивался политической свободы, — дворянство — не хотѣлъ пожертвовать своими правами на людей. Напримѣръ,

самый либеральный изъ друзей Александра, графъ П. Строгоновъ, говорилъ: «Задача въ томъ, чтобы провести (освобожденіе крестьянъ) безъ потрясеній, — если нельзя выполнить этого условія, лучше совсѣмъ ничего не дѣлать. Надо щадить собственниковъ и итти къ своей цѣли посредствомъ ряда указовъ, которые, не обижая ихъ, произведутъ нѣкоторое улучшеніе въ положеніи крестьянъ». На этомъ нежеланіи обидить «собственниковъ» сходились почти всѣ конституціоналисты и считали крестьянскій вопросъ самымъ деликатнымъ, затронувъ который можно поссориться съ дворянствомъ, что̀, какъ они знали по опыту Павла I, довольно опасно.

Французскія политическія идеи дали на русской почвѣ лишь пышный пустоцвѣтъ; зато культурное вліяніе Франціи на Россію въ александровскіе дни достигаетъ наивысшей точки: стиль Empire дѣлается нашимъ отечественнымъ стилемъ, французскій языкъ — роднымъ, Парижъ самымъ дорогимъ городомъ.

Въ эти замѣчательные годы съ церковныхъ амвоновъ объявляютъ Наполеона Антихристомъ и проклинаютъ Францію, а народъ ждетъ своей свободы именно отъ Бонапартія, который будто бы и «войны не хочетъ прекращать», пока не освободятъ крѣпостныхъ и кажется имъ, что черезъ эту войну «въ Россіи вся несправедливость будетъ отвергнута».

В. Филатовъ.

Екатерина II.

Франція передъ столкновеніемъ съ Россіей.

I.

Послѣдній годъ XVIII вѣка — канунъ новаго столѣтія — ознаменованъ былъ во Франціи переворотомъ, закончившимъ періодъ революціонныхъ бурь и установившимъ военную диктатуру. Причудливый, быстро мѣнявшійся бѣгъ революціи дошелъ до своего конца, и на смѣну побѣдной пѣсни демократіи зазвучали военные кличи въ честь храбраго генерала. Переворотъ не являлся полной неожиданностью, цѣлая цѣпь историческихъ явленій его подготовила. Бурный ходъ революціи съ цѣлымъ рядомъ переворотовъ, съ осложненіями внутренними и внѣшними, съ нежданными смѣнами общественныхъ настроеній выбилъ надолго страну изъ колеи мирной жизни. Прошелъ первый періодъ революціи — эпоха торжества «третьяго сословія» и капитуляціи «стараго порядка», когда лихорадочно проводились въ жизнь новыя начала — всюду и во всемъ: прежде строго централизованная страна получала широкое самоуправленіе, всесильная церковь должна была склониться передъ гражданской властью, уничтожались феодальныя права и привилегіи — эти мрачные пережитки средневѣковья, торжественно провозглашены были права человѣка и гражданина, выработана была конституція 1791 года, въ дѣйствительность претворившая передовыя идеи политическихъ мыслителей XVIII вѣка. Но осложненія внѣшнія — грозный призракъ иностраннаго вмѣшательства и неурядицы внутреннія — все болѣе опредѣлявшаяся рознь между представителями «стараго» и поборниками «новаго» направили потокъ событій по извилистому, чреватому порогами и отмелями руслу. 10 августа 1792 года падаетъ монархія и при полной растерян-

ности представителей умиренной буржуазіи, первоначально дававшей общій тонъ, захватываютъ власть представители крайнихъ республиканскихъ идей, опирающіеся на городскіе низы. Грозная внѣшняя опасность вызываетъ общее напряженіе страны, устанавливается и ревностно проводится система террора, направленнаго противъ «внутреннихъ враговъ», противъ всѣхъ «подозрительныхъ»; при громкомъ провозглашеніи демократическихъ началъ власть сосредоточивается въ рукахъ немногихъ — объединенной и крѣпко спаянной крайней лѣвой партіи якобинцевъ. Какъ извѣстный прообразъ будущей диктатуры генерала, устанавливается диктатура политической партіи, политическаго клуба. Въ области внѣшней политики борьба съ иностранными врагами повела къ торжеству республиканскихъ войскъ. Армія французскихъ волонтеровъ, восторженныхъ и патріотически одушевленныхъ, совершала чудеса, нанося одно пораженіе за другимъ замореннымъ шагистикой и фронтовыми ученіями войскамъ государей Европы. Въ скоромъ времени отъ обороны Франція переходитъ къ нападенію. Энтузіазмъ революціи проповѣдуетъ необходимость «вооруженной пропаганды» революціонныхъ идей, реальные политики, обнадеженные военными успѣхами, поднимаютъ вопросъ объ «естественныхъ» границахъ. Рейнъ, Альпы, Пиренеи,— вотъ естественные предѣлы Франціи. Но эти внѣшніе успѣхи не могли покрыть все более опредѣлявшихся внутреннихъ непорядковъ. Диктатура революціоннаго меньшинства удерживала власть помощью непрестаннаго террора, безчисленныхъ казней, жестокихъ репрессій. Въ оппозиціи — напуганные всѣми этими ужасами представители буржуазіи и крестьянство, все громче ропщетъ провинція, возставая противъ самодержавныхъ замашекъ Парижа, не удовлетворенъ въ своихъ желаніяхъ городской пролетаріатъ, ранѣе поддерживавшій крайнюю лѣвую. Кровавый туманъ ослѣпилъ самихъ руководителей террора, они начали истреблять другъ друга; послѣ гибели цѣлой партіи жирондистовъ, стоявшей за областныя вольности, кончаетъ свою жизнь на эшафотѣ Дантонъ, самый крупный политикъ того времени, иниціаторъ террора, но хотѣвшій его во-время прекратить, подвергаются казни и многіе другіе. Холодный эгоистъ и мрачный честолюбецъ Робеспьеръ захватываетъ всю власть въ свои руки, отъ казни идя къ новой казни. Но это напряженіе долго продолжаться не могло; широкіе буржуазные круги производятъ переворотъ, свергая диктатуру

якобинцевъ и Робеспьера. Наступаетъ полоса реакціи. Новая конституція (1795 года) старается провести уравненіе и обособленіе властей; законодательная власть сосредоточивается въ двухъ палатахъ — совѣтѣ старѣйшинъ и совѣтѣ пятисотъ, власть исполнительная поручается пяти директорамъ. Но новыя установленія были непрочны, новая власть не популярна. Если предшествующій періодъ былъ періодомъ наивысшаго напряженія революціи со всѣми ея крайними проявленіями, то все же эта эпоха богато представлена наиболѣе крупными, наиболѣе яркими и талантливыми дѣятелями; теперь же на сцену выступаютъ или сѣрая бездарность или ничтожные честолюбцы, прежде всего и главнымъ образомъ мечтающіе о своемъ собственномъ благополучіи. Въ составѣ новаго правительства лишь немногіе директора (какъ Карно) были проникнуты сознаніемъ долга, большинство же (особенно типиченъ въ этомъ отношеніи безнравственный и циничный Баррасъ) не имѣло никакихъ убѣжденій, преслѣдуя только свои личныя выгоды. Внутри страны было неспокойно: съ одной стороны поднимали голову приверженцы королевской власти, мечтая о возстановленіи монархіи, съ другой — порѣдѣвшіе остатки крайнихъ республиканцевъ готовились къ новому захвату власти. Не находя опоры внутри страны, директорія все упованіе возлагала на счастливую внѣшнюю политику. Военная слава не измѣняла французамъ, рядъ побѣдъ открывалъ передъ ними все новые и новые горизонты. Армія и ея побѣдоносные вожди были окружены ореоломъ; среди общаго безлюдія, среди унынія единственно армія поддерживала честь и доблесть страны. Къ войску и генераламъ прибѣгаетъ правительство для расправы съ покушеніями справа и слѣва; постепенно армія начинаетъ играть политическую роль. Въ то время, какъ директорія, желавшая внѣшними успѣхами прикрыть свое внутреннее безславіе, ведетъ воинственную политику, — страна устала воевать, не хочетъ войны, жаждетъ мира. Внутренняя жизнь все не входитъ въ колею, всюду царитъ хаосъ безначалія и безправія, нѣтъ школъ, нѣтъ религіи, пріостановилась торговля, глохнетъ промышленность; буржуазія и крестьянство, добившіеся своего отъ революціи, обезпечившіе свои политическія и соціальныя права, хотятъ мира и порядка, внѣшняго покоя и внутренняго строительства. Существующее правительство не обезпечиваетъ и не можетъ обезпечить имъ этого. И взоры и помыслы направляются къ

арміи и ея вождямъ. Тѣ, кто въ великомъ испытаніи оберегли и прославили Францію, должны теперь обезпечить ея мирное внутреннее развитіе. Такъ постепенно вождь побѣдоносной арміи преобразуется въ руководителя всего государства. Пока еще смутно и неясно страна подходила къ идеѣ военной диктатуры. Дальновидные и прозорливые политики давно уже предсказывали, что французская революція кончитъ диктатурой. Русская императрица Екатерина II еще въ 1794 г. писала: «Если Франція справится со своими бѣдами, она будетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, будетъ послушна и кротка, какъ овечка; но для этого нуженъ человѣкъ, недюжинный, ловкій, храбрый, опередившій своихъ современниковъ и даже, быть-можетъ, свой вѣкъ». «Родился ли онъ или не родился? Придетъ ли онъ? — все зависитъ отъ того». Такой человѣкъ пришелъ — и имъ былъ Наполеонъ.

Какъ бы оправдывая извѣстное изреченіе «война родитъ героевъ», Франція въ періодъ революціонныхъ войнъ выдвинула цѣлую плеяду блестящихъ полководцевъ: Гошъ, Моро, Пишегрю, Дезе, Клеберъ и многіе, многіе другіе широко разносили славу французскаго оружія. Но и въ этой блестящей плеядѣ опредѣленно-первое мѣсто занялъ Наполеонъ Бонапартъ. Корсиканецъ по происхожденію, Наполеонъ образованіе свое получилъ на французской почвѣ. Начало революціи застало его двадцатилѣтнимъ юношей. Проникнутый тогда передовыми идеями «просвѣтительной философіи» Наполеонъ примкнулъ къ движенію. Въ 1792 г. онъ присутствовалъ въ Парижѣ, когда возмутившійся народъ низвергалъ короля. Въ 1793 г. Наполеонъ — молодой офицеръ, оказалъ серьезныя услуги при взятіи Тулона, отложившагося отъ республики и перешедшаго на сторону англичанъ. Въ это время Наполеонъ раздѣлялъ крайнія идеи и былъ близокъ съ якобинцами. Якобинское правительство быстро двигало талантливаго и много обѣщавшаго воина. Но вотъ блестяще-начатой карьерѣ грозитъ серьезный ударъ: падаетъ якобинская диктатура. Наполеонъ оставался нѣкоторое время въ тѣни, но, ведя тонкую и расчетливую политику, сумѣлъ войти въ довѣріе и расположеніе директоріи. Новое правительство обратилось къ нему для подавленія внутренняго мятежа (1795 г.) — и Наполеонъ съ большимъ искусствомъ выполнилъ отвѣтственное порученіе. Въ награду за это Наполеонъ получилъ главное командованіе надъ арміей въ Италіи (1796 г.). Здѣсь вполнѣ могли развер-

нуться исключительныя военныя дарованія Бонапарта; одна побѣда смѣняла другую, — и скоро Италія въ рукахъ французовъ. Побѣды Бонапарта вызывали общій энтузіазмъ, армія его обожала; военная слава рѣяла надъ нимъ. Правительство директоріи начало съ опаской смотрѣть на вождя своей арміи, болѣе чѣмъ самостоятельно распоряжавшагося въ Италіи. Однако къ нему же пришлось обратиться, когда въ 1797 г. былъ задуманъ переворотъ съ цѣлью устраненія двухъ директоровъ и монархически настроенныхъ членовъ совѣтовъ. Наполеонъ прислалъ одного изъ своихъ генераловъ, который оказалъ содѣйствіе директоріи; политическое значеніе главнокомандующаго арміей въ Италіи еще болѣе увеличилось. Когда въ томъ же 1797 году Наполеонъ возвратился въ Парижъ, населеніе встрѣтило его восторженно, директорія во всѣхъ важныхъ дѣлахъ съ нимъ совѣтовалась. Но Наполеонъ видѣлъ, что время его еще не приспѣло, хотя и близко. Новымъ блестящимъ подвигомъ хотѣлъ онъ скорѣе достигнуть власти — и вотъ задумывается грандіозный планъ похода въ Египетъ, на далекій, загадочно-сказочный востокъ, откуда можно будетъ нанести рѣшительный ударъ смертельному врагу—Англіи. Директорія, ревниво настороженная, и рада была избавиться отъ популярнаго генерала, охотно согласилась на экспедицію. Но отсутствіе Бонапарта (1798 — 1799 гг.), очень скоро дало себя знать; противъ Франціи образовалась новая коалиція (Австрія, Россія и Англія) и война принимаетъ неудачный для республики оборотъ. Французскіе генералы терпятъ пораженія, въ Италіи геніальный русскій полководецъ Суворовъ отвоевываетъ у французовъ одну область за другой. Внѣшнія пораженія еще болѣе обнаруживаютъ внутреннія язвы; директорія теряетъ свой послѣдній престижъ. Образуется ново-умѣренная партія изъ кадровъ буржуазіи съ ловкимъ и осторожнымъ Сіэсомъ во главѣ; эта партія задумываетъ государственный переворотъ и ищетъ для осуществленія его генеральской шпаги. Сіэсъ намѣчаетъ то одного, то другого генерала, какъ вдругъ изъ Египта возвращается Наполеонъ. Сіэсъ нашелъ, кого искалъ.

Былой республиканизмъ якобинца Бонапарта давно прошелъ; Наполеонъ пересталъ вѣрить въ идеологію XVIII вѣка и съ презрѣніемъ относился къ республиканскимъ установленіямъ. Еще въ Италіи онъ говорилъ: «неужели вы думаете, что я одерживаю побѣды въ Италіи ради величія адвокатовъ

Наполеонъ.
(*Вернэ*).

директоріи, всѣхъ этихъ Карно и Баррасовъ? Неужели вы думаете, что я это дѣлаю для основанія республики? Что за идея! Республика въ тридцать милліоновъ душъ! Съ нашими нравами, съ нашими пороками! Возможно ли это? Вѣдь это химера, которой французы одержимы теперь, но которая пройдетъ подобно многимъ другимъ. Имъ нужна слава, имъ нужно удовлетворить ихъ тщеславіе, а что касается до свободы, то въ ней они ничего не понимаютъ». Здѣсь же, въ этой откровенной бесѣдѣ, Наполеонъ высказался и о своей будущей роли: «если я оставлю Италію, то только для того, чтобы во Франціи играть роль, подобную той, какую я здѣсь играю, но время для этого еще не настало — груша еще не созрѣла». Для достиженія своихъ цѣлей Наполеонъ имѣлъ и опредѣленные планы; по словамъ одного извѣстнаго историка, Наполеонъ «рѣшилъ сдѣлаться гражданской властью, вознесенный арміей, всемогущимъ черезъ ту же армію, но поставленнымъ выше арміи самой волей народа и національнымъ характеромъ своей власти». Съ этими планами и настроеніями, созрѣвавшими еще во время итальянскихъ походовъ и египетской экспедиціи, Наполеонъ вернулся во Францію и нашелъ почву подготовленной. Онъ охотно вступилъ въ переговоры съ Сіэсомъ; соглашеніе не замедлило состояться и планъ переворота былъ выработанъ. Было рѣшено перенести засѣданія совѣтовъ въ Сенъ-Клу, подальше отъ Парижа, добиться назначенія Наполеона главнокомандующимъ, а также предложить его вмѣстѣ съ Сіэсомъ и Роже-Дюко во временные консулы, назначивъ подъ ихъ руководствомъ особую комиссію для пересмотра конституціи. 18 брюмера (9 ноября) 1799 года совѣтъ старѣйшинъ вотировалъ назначеніе Бонапарта главнокомандующимъ. Наполеонъ самъ явился въ совѣтъ старѣйшинъ и произнесъ рѣчь о преданности гражданской свободѣ, покрытую аплодисментами. На слѣдующій день, 19 брюмера (10 ноября) совѣтъ старѣйшинъ и совѣтъ пятисотъ собрались въ Сенъ-Клу; оба совѣта были въ смятеніи, такъ какъ догадывались, что дѣло идетъ о низверженіи конституціи. Совѣтъ пятисотъ, въ рядахъ котораго были немногіе представители якобинства, постановилъ истребовать возобновленіе присяги на вѣрность конституціи. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ, рѣшилъ дѣйствовать. Прежде всего онъ вошелъ въ залъ совѣта старѣйшинъ и произнесъ рѣчь, гдѣ указалъ, что конституція не разъ уже нарушалась. Рѣчь онъ закончилъ словами: «Помните, что я шествую, со-

провождаемый богомъ счастья и богомъ войны». Изъ совѣта старѣйшинъ Наполеонъ, захвативъ четырехъ гренадеровъ, отправился въ совѣтъ пятисотъ. Здѣсь видъ вооруженныхъ людей вызвалъ взрывъ негодованія, и депутаты бросились на Наполеона съ криками «внѣ закона» и толкали его. Наполеонъ въ полуобморочномъ состояніи былъ вынесенъ гренадерами. Братъ Наполеона, Люціанъ Бонапартъ, представитель совѣта пятисотъ, бросился за военной помощью. На дворѣ Наполеонъ и офицеры сѣли верхомъ передъ батальономъ гвардіи, Люціанъ призывалъ войска водворить порядокъ. Подъ звуки барабаннаго боя вошелъ отрядъ съ Мюратомъ во главѣ и очистилъ залъ совѣта пятисотъ отъ депутатовъ; часть депутатовъ, спасаясь отъ насилія, прыгала въ окна. Переворотъ былъ совершонъ. Совѣтъ старѣйшинъ назначилъ временное правительство—изъ трехъ консуловъ, и выбралъ комиссію для измѣненія конституціи; вечеромъ того же дня остатки совѣта пятисотъ приняли тѣ же рѣшенія. Парижъ спокойно отнесся къ перевороту. Рабочее населеніе парижскихъ предмѣстій не возстало въ защиту демократическихъ депутатовъ; якобинцы въ столицѣ не играли болѣе активной роли. Буржуазія, особенно представители крупнаго купечества, чувствовали себя въ полной безопасности. 17 брюмера, наканунѣ переворота консолидированная рента шла по 11 фр. 38; 18 ноября она поднялась до 12 фр. 88; 19-го — до 14 фр. 38; 21-го — до 15 фр. 63; 24-го — до 20 фр. Но съ другой стороны не было особыхъ ликованій и восторговъ; Парижъ привыкъ къ постояннымъ нарушеніямъ конституціи и непрестаннымъ переворотамъ и развѣ только былъ удивленъ. Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ провинціи. Въ различныхъ мѣстахъ выказывалось противодѣйствіе; чиновники, выбранные департаментами, комиссары директоріи отказывались повиноваться декретамъ 19 брюмера. Гражданская администрація Юрскаго департамента даже не удовольствовалась однимъ протестомъ, но предписала ограничивать войско, которое должно было двинуться противъ и тирановъ-узурпаторовъ; приказъ этотъ, впрочемъ, не былъ исполненъ. Протестъ заявили и политическіе клубы, еще сохранившіеся въ провинціи. Но республиканская оппозиція давала себя чувствовать не въ широкихъ размѣрахъ. Въ массѣ страна, жаждавшая покоя и порядка, вполнѣ признала переворотъ.

II.

Временные консулы и специально образованная комиссія занялись прежде всего выработкой конституціи. Старая конституція была уничтожена, проектъ новой конституціи былъ представленъ Сіэсомъ. Стремясь избѣжать анархіи съ одной стороны и деспотизма съ другой, Сіэсъ хотѣлъ примирить демократическую идею съ идеей сильной власти. По его мысли власть должна приходить сверху, а довѣріе—снизу. Народъ долженъ выбирать лишь кандидатовъ, изъ которыхъ правительство имѣло право назначать на всѣ должности коммунальныя, департаментскія и общегосударственныя. Предполагалось, что пять милліоновъ гражданъ выберутъ пятьсотъ тысячъ годныхъ для занятія по назначенію правительства въ мѣстныхъ самоуправляющихся единицахъ — коммунахъ; эти пятьсотъ тысячъ, въ свою очередь, выберутъ пятьдесятъ тысячъ, изъ которыхъ правительство будетъ назначать на разныя должности въ областномъ (департаментскомъ) управленіи; наконецъ эти пятьдесятъ тысячъ выберутъ свою десятую часть — пять тысячъ, кандидатовъ въ законодательныя учрежденія и на должности по центральному управленію. Законодательная власть распредѣлилась между четырьмя палатами; государственный совѣтъ вырабатывалъ законопроектъ, трибунатъ обсуждалъ его, законодательный корпусъ голосовалъ его, сенатъ — стражъ конституціи отвергалъ или утверждалъ законъ. Сенату представлялось право назначать членовъ всѣхъ законодательныхъ собраній, смѣщать представителей исполнительной власти и высшихъ сановниковъ. Исполнительная власть поручалась двумъ консуламъ, при чемъ одинъ изъ нихъ вѣдалъ дѣла войны (армію, внѣшнія сношенія), другой—дѣла мира (внутреннее управленіе); надъ ними стоялъ «великій избиратель», назначавшій и смѣщавшій двухъ консуловъ. Наполеону много не понравилось въ проектѣ Сіэса и планъ этотъ былъ подвергнутъ крупнымъ измѣненіямъ. Значеніе сената было сильно урѣзано, и этотъ наиболѣе вліятельный и активный органъ законодательной власти долженъ былъ зависѣть отъ Наполеона. Должность «великаго избирателя», которую Наполеонъ остроумно назвалъ «безплотной тѣнью лѣниваго короля», была вычеркнута и замѣнена должностью перваго консула, выбираемаго на 10 лѣтъ и дающаго тонъ всей исполнительной власти. При

той вполнѣ опредѣленной тенденціи, проходившей черезъ всю конституцію, что власть законодательная подчиняется власти исполнительной, — первый консулъ получалъ исключительное значеніе. § 41 конституціи гласилъ: «Первымъ консуломъ обнародуются законы; онъ назначаетъ и смѣняетъ, по своему усмотрѣнію, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, пословъ и другихъ важнѣйшихъ иностранныхъ агентовъ, офицеровъ арміи и флота, членовъ мѣстнаго управленія и правительственныхъ комиссаровъ судебнаго вѣдомства. Онъ назначаетъ всѣхъ уголовныхъ и гражданскихъ судей, исключая мировыхъ и кассаціонныхъ, но не можетъ отрѣшать ихъ отъ должности». Два другихъ консула имѣли лишь право совѣщательнаго голоса. Конституція VIII года (1799 г.) была лишь по названію конституціей республиканской; на самомъ дѣлѣ вся полнота власти была въ рукахъ перваго консула — невѣнчаннаго монарха, которому одному принадлежало право обнародованія законовъ или ихъ отверженія.

По выработкѣ конституціи Наполеонъ принялся проводить ее въ жизнь. Сіэсъ былъ назначенъ президентомъ сената; онъ совмѣстно со вторымъ и третьимъ консулами выбрали сенаторовъ, которые, въ свою очередь, назначили членовъ трибуната и законодательнаго корпуса. Наполеонъ организовалъ государственный совѣтъ, первое засѣданіе котораго состоялось уже 25 декабря 1799 г. Въ то же время текстъ конституціи былъ разосланъ во всѣ общины Франціи съ предложеніемъ гражданамъ подать голоса поголовно. Страна не обманула надеждъ Наполеона. 7 февраля 1800 года было объявлено, что изъ 3.012.509 голосовавшихъ гражданъ за принятіе конституціи высказалось 3.011.007 человѣкъ. Теперь республиканскій флеръ только прикрывалъ личное правленіе военнаго диктатора, подъ какой бы титулатурой оно ни скрывалось. У самого Наполеона былъ вполнѣ опредѣленный взглядъ на задачи и способы управленія. Принципы военной команды онъ хотѣлъ перенести на всѣ отрасли управленія, находя, что «хорошо управлять можно только въ ботфортахъ и со шпорами». Смѣны и колебанія правительственной жизни во время революціи внушили ему безусловную вѣру только въ сильную власть, никѣмъ и ничѣмъ не связанную. Въ одной бесѣдѣ Наполеонъ — императоръ говорилъ: «Моя власть рушится, лишь только я перестану быть страшнымъ. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь осмѣливался что-либо предпринимать, не-

медленно же не подавляя съ своей стороны этого предпріятія. Я не могу позволить, чтобы мнѣ угрожали, самъ не нанося удара тѣмъ, кто вздумалъ бы это дѣлать. И внутри и внѣ я царствую въ силу внушаемаго мной страха. Если бы я оставилъ эту систему, меня не замедлили бы низложить съ престола. Вотъ мое положеніе и мотивы моего поведенія». Такіе политическіе принципы естественно противорѣчили основнымъ положеніямъ всякаго конституціоннаго строя, и Наполеонъ не стѣснялся нарушеніемъ конституціонныхъ гарантій. Конституція VIII года очень скоро перестала его удовлетворять; въ ближайшіе же годы въ ней былъ сдѣланъ рядъ поправокъ и измѣненій, урѣзывающихъ права законодательныхъ учрежденій въ пользу власти исполнительной. Въ 1802 г. Наполеонъ изъ консула на десятилѣтній срокъ превратился въ пожизненнаго консула съ правомъ назначать себѣ преемника, утверждать договоры съ иностранными государствами и миловать преступниковъ; пожизненное консульство было наградой Наполеону за блестяще-проведенную кампанію 1800 — 1801 гг. и выгодный Люневильскій миръ. Отъ пожизненнаго консульства недалекъ былъ шагъ и до имперіи, которая осуществилась, наконецъ, въ 1804 г. Въ это время былъ открытъ заговоръ роялистовъ противъ Наполеона; послѣдній предалъ за это казни ни въ чемъ неповиннаго герцога Энгіенскаго, принца королевской крови. Этотъ злодѣйскій поступокъ вызвалъ общее негодованіе во всей Европѣ, но во Франціи въ ознаменованіе избавленія отъ опасности Наполеону предложено было законодательными палатами императорское достоинство. Предложеніе было подвергнуто всенародному голосованію и прошло 3.521.675 голосами изъ 3.524.254. Еще во время пожизненнаго консульства и особенно во времена имперіи Наполеонъ старался урѣзать права законодательныхъ палатъ. Число членовъ трибуната сначала было сокращено со 100 до 50; затѣмъ это законодательное учрежденіе, не нравившееся Наполеону своимъ правомъ обсуждать законопроекты, было совсѣмъ уничтожено. Законодательный корпусъ и государственный совѣтъ также потерпѣли рядъ ограниченій и сдѣлались послушными орудіями въ рукахъ Наполеона. Съ сенатомъ Наполеонъ болѣе считался, но все же и это установленіе потеряло всякую независимость и должно было руководствоваться предначертаніями Наполеона. Кромѣ того, къ восьмидесяти членамъ сената, предусмотрѣннымъ конституціей, На-

полеонъ присоединилъ всѣхъ французскихъ принцевъ, всѣхъ высшихъ сановниковъ и всѣхъ гражданъ, «которыхъ онъ признаетъ нужнымъ возвести въ званіе сенатора». Установленіе имперіи вызвало учрежденіе цѣлаго ряда новыхъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ должностей, снова появились титулы, орденскіе знаки, придворныя званія, строгій церемоніалъ и этикетъ; казалось, что снова воскресаютъ стародавнія времена — короля солнца. Но въ особенной чести Наполеона была армія. Онъ всячески баловалъ и лелѣялъ ее, хотя и положилъ ея немало на поляхъ битвъ; производство въ чины шло быстро и всякій могъ мечтать изъ простыхъ солдатъ попасть въ генералы. Наиболѣе выдающіеся полководцы Наполеона — его маршалы вездѣ занимали первое мѣсто, а въ эпоху наполеоновскаго владычества въ Европѣ многіе изъ нихъ превратились во владѣтельныхъ государей.

III.

Въ эпоху консульства и имперіи происходятъ крупныя измѣненія въ организаціи внутренняго управленія страны. Всюду проводятся принципы строгой централизаціи и правительственной опеки. Особенно сказалось это на преобразованіи областного управленія. Какъ мы уже имѣли случай отмѣтить, въ началѣ революціи вмѣсто централизаціи и бюрократическаго управленія въ областяхъ было введено широкое мѣстное самоуправленіе; всѣ областныя власти были мѣстными, выборными. Въ бурные годы революціи эта организація мѣстнаго управленія, быстро и не всегда умѣло введеннаго, способствовали немалой сумятицѣ и хаосу. И Наполеонъ прежде всего обратилъ вниманіе на организацію областного управленія. Въ первый же годъ консульства была проведена административная централизація, устранившая прежнее самоуправленіе. Во главѣ каждаго департамента былъ поставленъ префектъ — представитель исполнительной власти, назначаемый и смѣняемый правительствомъ; при немъ состояли генеральный совѣтъ, члены котораго также назначались правительствомъ по спискамъ департаментскихъ избирателей, и административный совѣтъ съ судебными правами. Въ каждомъ округѣ былъ поставленъ подпрефектъ, при немъ окружной совѣтъ; въ каждой общинѣ исполнительную власть представлялъ мэръ, при немъ

муниципальный совѣтъ. Какъ подпрефекты и мэры, такъ и члены окружныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ назначались правительствомъ. Кромѣ того, въ каждомъ селеніи, насчитывавшемъ свыше пяти тысячъ душъ, былъ особый комиссаръ полиціи, зависѣвшій непосредственно отъ министра полиціи. Въ области судебной организаціи выборные судьи революціи были замѣнены назначаемыми отъ правительства. Такимъ образомъ, принципъ мѣстнаго самоуправленія, довѣрія къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ былъ въ корнѣ уничтоженъ; на смѣну его явилась бюрократическая централизація, въ новой формѣ возстанавливавшая порядки стараго строя.

Весьма важныя реформы были произведены Наполеономъ въ области законодательства. Франція уже давно нуждалась въ сводѣ законовъ; старое обычное право, дробное и особое чуть не для каждой области, для каждой мѣстности, приносило существенный ущербъ. Съ начала революціи выставляются требованія введенія единаго общаго для всей страны законодательства; но въ теченіе революціи этотъ сводъ законовъ не осуществился. Наполеонъ, стремясь во всемъ къ порядку и единству, энергично и быстро принялся за осуществленіе этой задачи. Обширная кодификаціонная работа была сосредоточена въ рукахъ видныхъ и умныхъ юристовъ Наполеонъ принималъ личное, непосредственное участіе въ работѣ, при чемъ, не будучи юристомъ, поражалъ всѣхъ способностью быстро оріентироваться и разбираться въ сложныхъ и спорныхъ юридическихъ вопросахъ. Задачей кодекса было объединить и привести въ стройную систему положенія обычнаго права, римскаго права, каноническаго права, отдѣльныхъ установленій и революціонныхъ законовъ. Проектъ былъ въ скоромъ времени готовъ, прошелъ законодательныя инстанціи и былъ принятъ законодательнымъ корпусомъ подъ названіемъ «Гражданскаго Кодеска» (1804 г.) *). Гражданское уложеніе представляетъ трудъ выдающійся, и оно оказало вліяніе далеко за предѣлами Франціи. Недаромъ Наполеонъ въ изгнаніи, на островѣ св. Елены, говорилъ: «Моя истинная слава не въ томъ, что я выигралъ сорокъ сраженій . . . . . Но что не можетъ быть забыто, что будетъ жить вѣчно — это мое гражданское уложеніе». Вслѣдъ за гражданскимъ кодексомъ послѣдовали своды гражданскаго и уголовнаго судопроиз-

---

*) Позже этотъ Кодексъ получилъ названіе Кодекса Наполеона 1807 г.).

водства (1806 г.), торговое уложеніе (1807 г.) и уголовный кодексъ (1810 г.).

Въ области религіозно-церковныхъ вопросовъ Наполеонъ старался установить извѣстный порядокъ, нарушенный въ годы революціи. Съ римской церковью во время консульства (1801 г.) было заключено соглашеніе (конкордатъ), по которому католическая религія признавалась религіей большинства французскихъ гражданъ и получила право свободнаго исповѣданія. Духовныя лица должны были получать отъ правительства содержаніе. Первому консулу предоставлялось право назначать архіепископовъ и епископовъ, которымъ затѣмъ папа давалъ каноническое поставленіе; епископы получили право назначать священниковъ, которые должны были быть, однако, признаны со стороны правительства. Всѣ духовныя лица обязаны были присягать передъ вступленіемъ въ должность и молиться въ церквахъ за республику и консуловъ. Заключая конкордатъ, Наполеонъ, вообще равнодушный къ религіознымъ вопросамъ, преслѣдовалъ исключительно политическія цѣли. Французское населеніе въ массѣ не сочувствовало революціонному разрыву съ церковью и желало примиренія съ папскимъ престоломъ; Наполеонъ же прекрасно понималъ, что благодарная и обязанная ему церковь будетъ служить хорошей опорой для государства. Послѣ заключенія конкордата отношенія Наполеона къ римской куріи носили перемѣнный характеръ. Слабый римскій первосвященникъ долженъ былъ склоняться передъ всесильнымъ деспотомъ, считавшимъ себя преемникомъ Карла Великаго. Въ 1804 г. папа Пій VII пріѣхалъ на коронацію Наполеона, но въ торжественной церемоніи Наполеонъ самъ возложилъ на себя императорскій вѣнецъ. Папа счелъ себя оскорбленнымъ, и отношенія его съ Наполеономъ сильно охладились. Въ 1808 г. французы захватили папскую область, которая затѣмъ объявлена была входящей въ составъ французской имперіи. Папа рискнулъ отлучить Наполеона отъ церкви, но за это былъ насильственно удаленъ изъ Рима и содержался въ почетномъ плѣнѣ. Однако и лишенный свободы папа оказывалъ противодѣйствіе императорскому правительству, не утверждая новыя назначенія на епископскія каѳедры. Тогда Наполеонъ рѣшилъ прибѣгнуть къ традиціямъ національной церкви, собралъ соборъ французскихъ и итальянскихъ епископовъ и провели постановленіе, что въ случаѣ отказа папы посвящать епископа, его посвящаетъ архіепи-

МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА.

Понятовскій.

Пр. Евгеній Богарнэ.

Мюратъ.

Ней.

Викторъ.

Даву.

Удино.

Мортье.

скопъ. Папа вынужденъ былъ согласиться на этотъ декретъ. Передъ самымъ паденіемъ Наполеона былъ заключенъ новый конкордатъ, совсѣмъ почти лишившій свѣтской власти папу.

Подчиняя все и вся своей власти, стремясь все подогнать подъ одну мѣрку и одинъ ранжиръ, Наполеонъ тѣ же принципы проводилъ и въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1806—1808 гг. былъ созданъ «Императорскій Университетъ», объемлющій все образовательное дѣло имперіи. Во главѣ всего учрежденія, объединявшаго учебныя заведенія имперіи, былъ поставленъ «великій магистръ», при немъ состоялся особый университетскій совѣтъ. Самъ университетъ дѣлился на академіи (округа) съ ректорами во главѣ, особыми инспекторами и совѣтами. Въ составъ университета входили факультеты (высшая школа), лицеи и коллежи (средняя школа), начальныя и низшія школы. Задачей университета было служить моральной опорой государству. Профессорамъ и преподавателямъ вмѣнялось въ обязанность подчиняться «статутамъ педагогической корпораціи, которые имѣютъ цѣлью установить единообразіе въ преподаваніи и стремятся создать для государства гражданъ, преданныхъ вѣрѣ, государю, отечеству и своей семьи»; руководящими основами преподаванія должны являться «правила католической религіи, вѣрность императору и императорской монархіи, блюстителямъ народнаго благополучія, и наполеоновской династіи, хранительницы единства Франціи и всѣхъ либеральныхъ идей, провозглашенныхъ конституціей». Все обученіе носило утилитарный и практическій характеръ; особенно заботились о лицеяхъ, которые поставляли чиновниковъ и офицеровъ. Не только въ средней, но и въ высшей школѣ была введена желѣзная дисциплина, напоминающая военную. Для женскаго образованія почти ничего не было сдѣлано; женщинамъ, по словамъ императора, «не нужно общественнаго обученія, такъ какъ онѣ не предназначены для общественной жизни». Относясь отрицательно ко всему, что такъ или иначе связано съ «идеологіями», Наполеонъ не сочувствовалъ наукамъ словеснымъ и юридическимъ; зато при немъ особаго процвѣтанія достигли науки точныя. Славу же царствованія должны были сохранить потомству памятники покровительствуемыхъ и поощряемыхъ изобразительныхъ искусствъ.

Правительственная опека распространялась на всѣ стороны общественной и гражданской жизни. Министерство полиціи имѣло самыя широкія полномочія. Аресты и администра-

тивныя ссылки были въ постоянномъ обиходѣ; шпіонство и доносы получили самое широкое распространеніе. Провинціальная жандармерія должна была доносить центральному начальнику не только о проступкахъ мѣстныхъ жителей, но о слухахъ, разговорахъ, самыхъ мелкихъ происшествіяхъ и т. д. Бдительному полицейскому надзору были подчинены наука, религія, литература, театръ, пресса,—однимъ словомъ все, что составляло душу націи Особенно тяжелымъ было положеніе печати. Уже въ 1800 г. были пріостановлены выходящіе въ Парижѣ газеты за исключеніемъ тринадцати; да и послѣднимъ было объявлено, что они немедленно будутъ закрыты, если будутъ печатать «статьи, способныя подорвать уваженіе къ общественному договору, суверенитету народа и къ славѣ арміи». Издатели обязаны были представляться министру полиціи и имѣть редакторами лицъ, угодныхъ правительству. Въ 1810 г. былъ изданъ особый законъ о печати, отнюдь не облегчившій, однако, ея положеніе и всецѣло предоставлявшій ее усмотрѣніямъ начальства. И столичная и провинціальная пресса теряли свой престижъ, не имѣя возможности высказываться мало-мальски свободно; и уже во времена консульства число подписчиковъ на парижскія газеты сократилось почти вдвое (съ 60 тысячъ до 32 тысячъ). Не въ лучшемъ положеніи были авторы и издатели книгъ и брошюръ, которымъ также приходилось претерпѣвать немало мытарствъ.

Экономическая жизнь Франціи при Наполеонѣ опредѣляется непрестаннымъ движеніемъ по пути промышленнаго развитія; появляются машины и развивается машинное производство. Офиціальныя данныя, вполнѣ подтверждаемыя и другими источниками, наглядно свидѣтельствуютъ о прогрессѣ индустріи. Такъ, особенно развивается хлопчатобумажное производство; въ 1812 г. число веретенъ превосходитъ милліонъ, насчитываютъ болѣе 100 механическихъ бумагопрядиленъ, 70 тысячъ ткацкихъ станковъ, валовой доходъ производства равенъ приблизительно 190 милліонамъ франковъ. Производство шерстяныхъ матерій занимаетъ громадное число рабочихъ; въ Седали 18.000 рабочихъ при 1.550 станкахъ, въ Каркассонѣ — 9.000 при 290, въ Реймсѣ — 20.000 при 6.265. Быстро растетъ шелковое производство; напр., въ Ліонѣ—въ 1800 г. при 3.500 станкахъ работаетъ 5.800 ткачей, въ 1812 г.— при 10.700 станкахъ 15.500 ткачей. Получаютъ развитіе также

производства фарфора, гончарное дѣло, стеклянные заводы; потребленіе каменнаго угля съ 25.000 тоннъ выросло до 92.000 тоннъ и т. д. и т. д. Наполеонъ всячески способствовалъ промышленному подъему, но и здѣсь, какъ во всемъ, его дѣйствія носили самовластный и произвольный характеръ, приводившій въ конечномъ счетѣ къ результатамъ совершенно обратнымъ. Долгое время основой экономической политики Наполеона была такъ называемая «континентальная система». Находясь въ непрерывной войнѣ съ Англіей и желая нанести ей смертельный ударъ, Наполеонъ рѣшилъ съ 1806 г. закрыть всѣ порты европейскаго континента для англійской торговли. Особымъ декретомъ Наполеонъ объявилъ Британскіе острова въ состояніи блокады; всѣ торговыя сношенія съ ними были запрещены; письма и посылки въ Англію и всѣ склады англійскихъ товаровъ на территоріи французской имперіи и ея союзниковъ подлежали конфискаціи; англійскимъ кораблямъ закрывался доступъ въ европейскіе порты, и всякій англійскій подданный долженъ былъ считаться военноплѣннымъ. Дальнѣйшія мѣропріятія усиливали строгость континентальной блокады. Но блокада эта была весьма стѣснительна какъ для самой Франціи, такъ и для державъ, къ ней примкнувшихъ. Самому Наполеону приходилось дѣлать изъятія изъ общаго установленнаго правила, приходилось прибѣгать къ исключеніямъ; съ другой стороны непомѣрное распространеніе получила контрабанда. Запретительной системой Наполеонъ предполагалъ въ корнѣ убить англійскую торговлю и установить торговую гегемонію Франціи. Вмѣсто запрещенныхъ и преслѣдуемыхъ англійскихъ товаровъ всюду должны были вводиться французскія издѣлія. Французскіе промышленники съ жаромъ бросились производить на весь европейскій рынокъ; началась форменная индустріальная лихорадка, приведшая къ промышленному кризису. Товаровъ было заготовлено много, а сбытъ ихъ былъ плохой; общее перепроизводство повлекло за собой прекращеніе платежей, обѣднѣніе или сильное сокращеніе фабрикантовъ, паденіе заработка у рабочихъ и даже полную безработицу. Постоянныя войны Наполеона, то напряженіе, въ которомъ онъ держалъ Европу, также сильно мѣшали внѣшнимъ торговымъ операціямъ Франціи. И въ 1812 г., незадолго да заката Наполеона, французскій вывозъ палъ до 383 милліоновъ франковъ по сравненію съ 456 милліонами— вывозомъ 1806 г.

Экономическія отношенія въ значительной степени опредѣлили и соціальную политику Наполеона. Ростъ промышленности, способствовавшій росту буржуазіи, накладывалъ на всю политику Наполеона опредѣленный буржуазный отпечатокъ. Хотя Наполеонъ и старался примириться съ старымъ дворянствомъ, возвращая и приближая эмигрантовъ, создавалъ и новую знать, опирающуюся на землевладѣніе, но все же его главной опорой была буржуазія, обезпечившая ему первый успѣхъ. Буржуазія и крестьянство, чувствовавшія себя спокойно и охранявшія свое достояніе подъ шпагой военнаго тріумфатора, долгое время служили основой наполеоновой монархіи, пока захватныя стремленія ихъ героя не перешли границы и не стали грозить серьезнымъ ущербомъ. Концу Наполеона столь же способствовали внѣшнія осложненія, какъ и эволюція отношеній внутреннихъ. . . . .
Буржуазный характеръ соціальной политики Наполеона особенно ярко сказался въ его отношеніяхъ къ рабочимъ. Наполеонъ усиленно стремился дать работу незанятымъ рабочимъ, но въ то же время различными мѣропріятіями полицейскаго характера старался подчинить ихъ единообразной дисциплинѣ. «Лишенный труда рабочій, — говорилъ Наполеонъ, — является благодарнымъ матеріаломъ для интригановъ; его можно возмутить; я болѣе боюсь возстаній, основанныхъ на недостаткѣ хлѣба, нежели сраженій съ 200.000 враговъ». Рабочая политика Наполеона сводилась къ тому, чтобы рабочій по возможности былъ сытъ и находился бы подъ неусыпнымъ и бдительнымъ надзоромъ администраціи и буржуазіи. Издаются законы, карающіе стачки рабочихъ, вводятся особыя паспортныя книжки, ставившія рабочихъ въ зависимость отъ хозяевъ и мелкой администраціи, создаются совѣты изъ выборныхъ фабрикантовъ и предпринимателей (такъ называемые совѣты прюдомовъ), и имѣвшіе право налагать исправительное наказаніе за все, что могло бы нарушить порядокъ въ промышленныхъ заведеніяхъ и поколебать дисциплину въ средѣ рабочихъ.

IV.

Но мирная, созидательная работа не могла всецѣло удовлетворять Наполеона; его честолюбію малы и узки были предѣлы Франціи. Воинственный размахъ Наполеона не зналъ предѣловъ, одно завоеваніе влекло за собой другое; путеводи-

тельной звѣздой было стремленіе къ міровому господству. Французская армія, закаленная въ непрестанныхъ войнахъ, далеко и широко разнесла славу своего полководца. Легендарные подвиги и сказочный успѣхъ вели отъ побѣды къ побѣдѣ. Какъ армія была предана своему вождю и по мановенію его руки шла класть свои кости въ чужія страны, такъ и Наполеонъ гордился своимъ войскомъ, всячески отличалъ его, ставилъ на первое мѣсто. Но нигдѣ, быть-можетъ, такъ не сказались властный эгоизмъ и безсердечіе Наполеона, какъ въ отношеніи къ той же арміи, которой онъ буквально устилалъ поля сраженій. Одному австрійскому дипломату Наполеонъ прямо сказалъ: «Я выросъ на поляхъ битвъ; такому человѣку, какъ я, наплевать на жизнь милліона людей». И къ концу Наполеонова могущества ряды славной арміи порѣдѣли; новые и новые наборы поставляли юношество, не могшее и не умѣвшее замѣнить прежнихъ бойцовъ, да и былой военный пылъ сталъ остывать и поддерживался лишь искусственно и насильственно. Но Наполеонъ, пока былъ у власти, не зналъ мира; для него не было препятствій, онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы добиться своей цѣли. И потому внѣшняя политика Наполеона— это нескончаемая вереница войнъ въ Европѣ и со всей Европой.

Съ самаго начала консульства Наполеону пришлось столкнуться съ осложненными внѣшними отношеніями. Въ послѣдній годъ правленія директоріи французская армія въ Италіи потерпѣла рядъ пораженій, что окрылило надежды враждебныхъ державъ-союзницъ. Но послѣ брюмерскаго переворота отношенія между союзниками стали портиться. Русскій императоръ Павелъ, недовольный поведеніемъ Австріи, вышелъ изъ коалиціи и даже охотно вступилъ въ сношенія съ первымъ консуломъ, въ которомъ онъ видѣлъ возстановителя порядка. Врагами Франціи оставались, однако, Австрія и Англія. Наполеонъ прежде всего обратился къ нимъ съ предложеніемъ прекратить борьбу; внѣшне выказывая миролюбіе, Наполеонъ въ то же время готовился къ войнѣ. Державы потребовали возстановленія на королевскомъ престолѣ прежней династіи и возвращенія Франціи къ прежнимъ границамъ. Съ новой силой война возгорѣлась на поляхъ Италіи и южной Германіи. Первый консулъ, не могшій по конституціи быть главнокомандующимъ, являлся, однако, душой и фактическимъ руководителемъ арміи, вторгшейся черезъ Швейцарію въ Италію. Блестящая побѣда при Маренго (14 іюня 1800 г.) вернула Франціи господ-

ство надъ всей Ломбардіей, побѣда же при Гомлинденѣ (3 декабря того же года), одержанная генераломъ Моро и являющая блестящій образецъ военнаго искусства, открыла дорогу къ Вѣнѣ. Австрія должна была искать мира, который и былъ заключенъ въ Люневилѣ (1801 г.). Границами Франціи были признаны Рейнъ и Эгъ, Ломбардія превратилась въ Италійскую республику, которая избрала своимъ президентомъ Наполеона. Крупнымъ измѣненіямъ подверглись также нѣмецкія княжества; одни изъ нихъ (Баварія, ранѣе другихъ заключившая союзъ съ Франціей, Баденъ, Виртембергъ и др.) были увеличены въ своихъ владѣніяхъ, другія (особенно мелкія княжества) были сильно сокращены. Трудная для Франціи была борьба съ Англіей, неуязвимой со стороны моря. Французскій флотъ не могъ соперничать съ англійскимъ; единственно Франція могла отразить Англію отъ сношеній съ континентомъ. Однако и Англія, желавшая передохнуть отъ войны и изнуренная непомѣрнымъ ростомъ государственнаго долга, заключаетъ съ Франціей миръ въ Амьенѣ (1802 г.). Но миръ былъ недолговѣченъ. Наполеонъ вызываетъ общее раздраженіе своими самовольными поступками въ Германіи, гдѣ онъ захватываетъ связанный съ Англіей Ганноверъ, въ Голландіи (Батавской республики) и Швейцаріи, гдѣ онъ устанавливаетъ свой протекторатъ, въ Италіи, которая изъ республики была превращена въ королевство и гдѣ королемъ былъ провозглашенъ Наполеонъ (1805 г.). Все это вмѣстѣ съ убійствомъ герцога Энгіенскаго, принятіемъ императорскаго титула, открытымъ проявленіемъ ничѣмъ не сдерживаемаго честолюбія Наполеона — заставило европейскія державы составить новую коалицію, въ которую вошли Австрія, Англія, Россія, Швеція и Неаполь. Отвлекши вниманіе своихъ противниковъ приготовленіями къ предполагаемой высадкѣ въ Англіи, Наполеонъ съ поразительной быстротой двинулъ свои войска въ Германію. Союзные нѣмецкіе князья примкнули къ Наполеону; и австрійская армія при Ульми должна была сдаться на капитуляцію (20 октября 1805 г.). 13 ноября была захвачена Вѣна, а 2 декабря на поляхъ Моравіи произошла знаменитая Аустерлицкая битва — битва трехъ императоровъ (французскаго, австрійскаго и русскаго), гдѣ побѣдилъ Наполеонъ. Австрія униженно просила мира, который въ концѣ того же года былъ заключенъ въ Пресбургѣ; по этому миру Австрія лишилась Тироля и Венеціанской области. Старая и давно пережившая

себя «священная римская имперія германской націи» съ Австріей во главѣ окончательно распалась; въ извѣстный противовѣсъ ей Наполеонъ образовалъ подъ своимъ протекторатомъ Рейнскій союзъ князей. Братья Наполеона Іосифъ и Людовикъ получили короны въ новообразованныхъ королевствахъ—Неаполѣ и Голландіи. Но лавры побѣды надъ Австріей омрачились полнымъ пораженіемъ французскаго флота, разбитаго при Трафальгарѣ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ (21 октября 1805 г.). Кромѣ того, не заключала мира Россія. Пруссія, ведшая двусмысленную политику и болѣе склонявшаяся къ коалиціи, вызвала недовѣріе Наполеона, который началъ относиться къ ней свысока и совсѣмъ не церемонился съ ея владѣніями. Пруссія, доведенная до крайности, потребовала у Наполеона очищенія южной Германіи и образованія сѣверогерманскаго союза съ Пруссіей во главѣ. Наполеонъ отвѣтилъ отказомъ и двинулся противъ Пруссіи (1806 г.). Цѣлый рядъ послѣдовавшихъ одна за другой побѣдъ предоставили Наполеону владычество надъ страной. Въ битвахъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ особенно сказались боевыя преимущества «гражданской» арміи французовъ надъ забитыми внѣшней дисциплиной и тонкостями вахтпарадной службы пруссаками. Союзную помощь Пруссіи оказывали русскіе, но они не могли склонить успѣха на свою сторону. Въ 1807 г. состоялся Тильзитскій миръ между Наполеономъ и Александромъ, по которому два могущественныхъ властелина подѣлили Европу между собой *). Пруссія была значительно урѣзана въ своихъ владѣніяхъ; образовано было новое Вестфальское королевство съ братомъ Наполеона Іеронимомъ во главѣ; Саксонія и рядъ другихъ нѣмецкихъ княжествъ примкнули къ Рейнскому союзу. Наполеонъ добился великихъ успѣховъ. Теперь всѣ его воинственные помыслы направлены были всецѣло противъ Англіи. Русскій императоръ Александръ I согласился присоединиться къ континентальной блокадѣ, остальныя державы должны были это сдѣлать. Несогласныхъ принуждали силой оружія; такъ было съ Швеціей и Даніей. Въ это же время Франція вмѣшалась во внутреннія дѣла Испаніи и, воспользовавшись происходящими тамъ неурядицами, свергла старую династію и посадила на королевскій престолъ брата Наполеона Іосифа, котораго въ Неаполѣ замѣнилъ зять Наполеона маршалъ Мюратъ.

*) Объ этомъ подробно смотри статьи «Внѣшняя политика Россіи до 1812 г.»

Вслѣдствіе отказа другого Пиринейскаго государства — Португаліи примкнуть къ континентальной блокадѣ и порвать съ Англіей французскія войска начинаютъ завоевываніе этой страны. Въ 1808 г. въ Эрфуртѣ происходитъ свиданіе русскаго и французскаго императоровъ, знаменующаго передъ цѣлымъ сонмомъ присутствующихъ на торжествѣ королей, князей, министровъ и дипломатовъ союзъ двухъ владыкъ Европы. Въ слѣдующемъ году Австрія, не могшая примириться съ своимъ униженіемъ, рѣшила еще разъ выступить противъ Наполеона. Наполеонъ во главѣ своихъ войскъ и войска Рейнскаго союза быстро отъ обороны перешелъ къ нападенію. Въ короткій срокъ армія австрійцевъ была разбита. Вѣна оказалась въ рукахъ французовъ. За блестящей побѣдой Наполеона при Ваграмѣ, одной изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ битвъ эпохи (каждая сторона потеряла 20 — 25.000 человѣкъ) послѣдовалъ крайне тяжелый для Австріи миръ въ Шенбруннѣ (1809 г), лишившій ее многихъ владѣній (Зальцбурга, Западной и части восточной Галиціи, части Карнитіи, Крайны, Тріеста, Фріунъ и др.). Австрійскій императоръ, гордый носитель Габсбургскихъ традицій, долженъ былъ выдать свою дочь замужъ за «выскочку» Наполеона. Наполеонъ присоединилъ къ владѣніямъ Франціи папскую область, уничтоживъ свѣтскую власть папы; въ 1810 г. Голландія, бывшая королевствомъ, была прямо присоединена къ Франціи. Французская имперія достигла колоссальныхъ размѣровъ, въ составъ ея кромѣ Франціи входили Бельгія, Голландія, часть сѣверной Германіи до Балтійскаго моря съ устьями Рейна, Везера и Эльбы, весь лѣвый берегъ Рейна, часть Швейцаріи, Пьемонтъ, Тоскань, Папская область. Корона Италіи была на челѣ Наполеона, на Балканскомъ полуостровѣ ему принадлежала Иллирія. Власть Наполеона простиралась и на другія державы; единственными соперницами являлись неуязвимая островная Англія и Россія. Хотя съ послѣдней у Франціи и былъ союзъ, но было ясно, что двѣ могущественныя державы не подѣлятъ мирно власть. Передъ роковымъ походомъ 1812 года Наполеонъ царилъ, казалось, безгранично, но грозныя тучи уже заволакивали горизонтъ. На югѣ, за Пиринейскими горами, возставалъ испанскій народъ, героически отстаивающій свою независимость; неусмирима была и Португалія. А на востокѣ загадочно молчалива и холодно враждебна была Россія, и манившая и пугавшая завоевателя.

И. Бороздинъ.

Внѣшняя политика Россіи до 1812 г.

Правительство Екатерины II и большая часть дворянства съ большой боязнью воспринимали извѣстія о происшедшихъ революціонныхъ событіяхъ во Франціи. Уже тогда правительство вполнѣ было убѣждено въ необходимости вмѣшательства Россіи во французскія дѣла и возстановленія силой оружія нарушеннаго порядка. Впрочемъ, пока это желаніе было чисто теоретическое. У правительства и безъ того было много дѣла. Приходилось воевать на нѣсколько фронтовъ: съ поляками, шведами и турками, а такая разносторонняя внѣшняя политика, напрягавшая до послѣдней степени военныя силы и финансовыя средства государства, конечно, не допускала даже мысли о возможности немедленнаго вмѣшательства во французскія дѣла. Отказавшись отъ мысли объ активной борьбѣ съ Франціей, правительство Екатерины II вступило съ ней въ борьбу на экономической почвѣ, запретивъ рядомъ указовъ ввозъ въ Россію какихъ бы то ни было французскихъ товаровъ, чѣмъ и былъ нанесенъ революціонной Франціи серьезный экономическій ущербъ. Преемникъ Екатерины II, Павелъ I первоначально не думалъ о какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ въ дѣла Франціи. По справедливому сужденію монарха— ни одна изъ державъ не вела такъ много войнъ, какъ Россія, и естественно нуждалась въ продолжительномъ мирѣ. Къ сожалѣнію, эти слова не оправдались на дѣлѣ. Наполеоновская внѣшняя политика слишкомъ нарушала политическое равновѣсіе въ Европѣ, чтобы Павелъ могъ равнодушно отнестись

къ этому. Поэтому онъ сочувственно отнесся къ предложеніямъ Австріи и Англіи вступить въ коалицію. Съ первой Павла связывала ненависть къ Бонапарту и революціи и одинаковое монархическое устройство обоихъ государствъ; со второй Россія была связана тѣсными экономическими узами, такъ какъ русское сельско-хозяйственное сырье по преимуществу вывозилось на англійскій рынокъ. Начавшіяся военныя дѣйствія пошли не совсѣмъ удачно для союзниковъ. Въ Голландіи и Швейцаріи союзныя арміи понесли большія пораженія, да къ тому же, среди союзниковъ не было ни согласія, ни скомбинированнаго плана военныхъ дѣйствій, что, конечно, мѣшало успѣшнымъ дѣйствіямъ коалиціи. Это рѣшило судьбу коалиціи, распавшейся послѣ выхода изъ нея Павла. Скоро отношенія къ Франціи приняли совсѣмъ другой характеръ. Наполеону удалось усыпить бдительность Павла и льстивыми отношеніями склонить его на свою сторону. Уже тогда у Наполеона отчетливо созрѣлъ планъ — уничтожить Англію съ помощью Россіи, закрывъ для нея столь важный рынокъ. Приготовляясь къ военнымъ дѣйствіямъ противъ своей прежней союзницы, Павелъ, указомъ 10 марта 1801 года, запретилъ какія бы то ни было торговыя съ ней сношенія. Приведеніе въ исполненіе этой мѣры привело бы Россію къ полному финансовому банкротству, такъ какъ прекратилась бы всякая внѣшняя торговля, благодаря которой въ страну приливало золото и, кромѣ того, окончательно бы разорило помѣстное дворянство, затратившее большіе капиталы на поднятіе доходности своего хозяйства и связавшее себя съ англійскимъ рынкомъ крѣпкими нитями, и оптовое купечество, вложившее всѣ свои капиталы въ англійскую торговлю. И военные и экономическіе планы Павла, шедшіе въ разрѣзъ съ интересами сословій, потерпѣли полное фіаско, такъ какъ императоръ 11 марта 1801 года былъ убитъ, а его преемникъ Александръ I, желая поднять упавшій престижъ власти, счелъ болѣе цѣлесообразнымъ не ссориться съ дворянствомъ и отмѣнилъ соотвѣтствующіе указы Павла. Одновременно Александръ I предполагалъ ликвидировать войну съ Англіей, не разрывая дружественныхъ отношеній съ Франціей. Начавшіеся мирные переговоры съ Англіей скоро привели къ благопріятному результату, и 5 (17) іюня 1801 года между Россіей и Англіей была заключена конвенція о взаимной дружбѣ, впрочемъ, не безъ выгоды для Англіи, добившейся рѣшитель-

ныхъ уступокъ въ области морского права. И переговоры съ Франціей скоро окончились въ благожелательномъ для правительства смыслѣ, и 8 окт. н|с 1801 года былъ подписанъ мирный трактатъ. Этотъ трактатъ имѣетъ огромное значеніе для внѣшней политики Александра, такъ какъ, согласно его условіямъ, оба государства, съ взаимнаго согласія, должны были вознаградить князей, потерявшихъ владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, устроить итальянскія дѣла, примирить Францію съ Турціей, вознаградить короля сардинскаго, баварскаго, герцога вюртембергскаго, и маркграфа баденскаго.

Мирные трактаты, заключенные съ Франціей и Англіей, вполнѣ соотвѣтствовали тѣмъ началамъ, которыхъ правительство Александра I было намѣрено придерживаться въ своей внѣшней политикѣ, неоднократно обсуждавшейся въ неофиціальномъ комитетѣ. Такъ, на засѣданіи 10 (22) іюля 1801 г. участниками комитета: было высказано мнѣніе, что политика Россіи должна быть миролюбива, и что поэтому не слѣдуетъ заключать договоровъ, связанныхъ съ выполненіемъ тѣхъ или другихъ обязательствъ. Мирное настроеніе правительства Александра I въ общемъ было кратковременно. На политическомъ горизонтѣ сгущались тучи, и Россія не могла оставаться при этомъ равнодушной и спокойной. Нарушеніе Наполеономъ условій трактата, заключеннаго имъ съ Россіей, считалось серьезной угрозой европейскому миру и вызвало вполнѣ законныя нареканія русскаго правительства, хотя еще не было достаточныхъ поводовъ къ разрыву съ французскимъ правительствомъ. Одновременно возникли недоразумѣнія между обоими правительствами изъ-за восточнаго вопроса. Русское правительство клало въ основу своей политической системы сохраненіе единства и нераздѣльности Турціи, тогда какъ Наполеонъ, по словамъ русскаго представителя Моркова во Франціи, неоднократно поднималъ разговоръ съ окружавшими его о близкомъ распаденіи Турціи; но русское правительство рѣшительнымъ тономъ заявило Наполеону, что императоръ Александръ не намѣренъ принимать никакого участія въ какомъ бы то ни было проектѣ, враждебномъ Турціи. Категорическій отвѣтъ правительства Александра I положилъ конецъ разговорамъ о раздѣлѣ Турціи, но зато онъ обострилъ отношенія Франціи къ Россіи. Наполеонъ не считалъ нужнымъ скрывать своего раздраженія, проявляя его на русскомъ послѣ и сопровождая его угрозами по адресу

русскаго правительства. Все это говорило о близости разрыва съ Россіей. Между тѣмъ вспыхнула война между Англіей и Франціей. Россія и Австрія, принципіально сочувствуя этой войнѣ, однако не находили возможнымъ пока вмѣшаться въ нее и постарались быть наготовѣ. Но событія на материкѣ заставили оба государства занять болѣе опредѣленную позицію по отношенію къ Франціи. Убійство герцога Энгіенскаго переполнило чашу терпѣнія обоихъ правительствъ и заставило думать о сближеніи съ Англіей и объ образованіи коалиціи противъ Наполеона. Естественными членами коалиціи, кромѣ Россіи, являлись Англія, Австрія и Пруссія, но въ данный моментъ было очень трудно достигнуть необходимаго соглашенія. Австрія считала себя не готовой къ войнѣ и находила для себя невыгоднымъ немедленный разрывъ съ Наполеономъ. Помимо этого, австрійское правительство боялось агрессивныхъ нападеній со стороны Пруссіи и предпочитало оставаться спокойнымъ и удерживать Пруссію отъ захвата австрійской территоріи. Что касается Пруссіи, то, несмотря на дружескія отношенія между прусскимъ королемъ и Александромъ I, она боялась разрыва съ Наполеономъ и находила для себя болѣе подходящимъ занять выжидательное положеніе. Легче было сговориться съ Англіей, съ которой связывали Россію общіе экономическіе и политическіе интересы. Англія владѣла флотомъ, и ея участіе въ коалиціи являлось безусловно необходимымъ. Кромѣ того, Англія, какъ наиболѣе богатая страна, должна была субсидировать континентальныя державы. Радикальное измѣненіе направленія внѣшней русской политики повело къ отставкѣ руководителя иностранной политики А. Г. Воронцова и передачѣ министерства иностранныхъ дѣлъ кн. Адаму Чарторижскому, стороннику скорѣйшаго образованія коалиціи для борьбы съ Наполеономъ, такъ какъ онъ считалъ данный моментъ наиболѣе подходящимъ для возстановленія польскаго королевства и возвращенія ему тѣхъ областей, которыя во время польскихъ раздѣловъ отошли къ Австріи и Пруссіи. Чарторижскій не скрывалъ отъ себя трудностей исполненія этого плана. Больше всего онъ опасался противодѣйствія со стороны Пруссіи, война съ которой была необходима для удачи его плановъ. Впрочемъ, Александръ I по отношенію къ Пруссіи хотѣлъ держаться другой тактики—политики сближенія и втягиванія въ коалицію Фридриха Вильгельма III.

Изъ всѣхъ державъ навстрѣчу предположеній русскаго правительства скорѣе всего пошла Англія, и спеціальному лицу, отправленному въ Англію—Новосильцеву не составляло особенныхъ трудностей договориться объ основныхъ условіяхъ союза съ Россіей. Оба правительства быстро сговорились по поводу большинства вопросовъ, бывшихъ предметомъ обсужденія со стороны Питта и Новосильцева, но шедшіе гладко переговоры встрѣтили нѣкоторыя шероховатости въ вопросѣ объ отношеніи обѣихъ державъ къ Турціи. Англія отстаивала пока принципъ неприкосновенности Оттоманской имперіи, Россія же предлагала Англіи заключить особое соглашеніе относительно судьбы Турціи, такъ какъ ея безпорядочное внутреннее состояніе постоянно угрожало спокойствію Европы. Въ этомъ предложеніи Питтъ увидѣлъ скрытое желаніе Россіи расширить свою территорію на счетъ Турціи и рѣшительнымъ образомъ высказался противъ какого бы то ни было спеціальнаго соглашенія. Новосильцевъ уступилъ, и тогда безъ всякихъ затрудненій 30 марта (11 апрѣля) 1805 года былъ подписанъ договоръ Россіи съ Англіей. Обѣ державы обязывались принять «самыя скорыя и дѣйствительныя мѣры для образованія общаго союза европейскихъ державъ и для соединенія съ помянутой цѣлью вооруженныхъ силъ, въ числѣ 500 т. налицо, независимо отъ тѣхъ, которыя будутъ выставлены Англіей и дѣйствовать ими энергически, чтобы побудить французское правительство къ согласію на возстановленіе мира и политическаго равновѣсія въ Европѣ». Для послѣдней цѣли было необходимо очищеніе Ганновера отъ французскихъ войскъ, признаніе независимости голландской и швейцарской республикъ, возстановленіе сардинскаго короля въ Пьемонтѣ, обезпеченія неаполитанскаго короля и полнаго очищенія Италіи со включеніемъ острова Эльбы. Англійское правительство обязывалось выдавать союзнымъ державамъ субсидію по 1.250.000 ф. стерлинговъ въ годъ на каждые 100 т. человѣкъ. Наконецъ въ договорѣ обусловливалась возможность заключенія мира, но не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ союзныхъ державъ. Этотъ договоръ въ общемъ соотвѣтствовалъ планамъ и намѣреніямъ русскаго правительства, хотя и не вполнѣ совпадалъ съ его первоначальными видами и предположеніями.

Оставалось теперь привлечь къ коалиціи Австрію и Пруссію. Первая все время отказывалась подъ разными предло-

гами, пока не выяснилась возможность новыхъ рѣшительныхъ дѣйствій Наполеона въ Италіи, и тогда Австрія особой декларацiей 28 іюля (9 августа) 1805 года присоединилась къ союзному договору Россіи съ Англіей. Зато Пруссія упорно отказывалась отъ участія въ коалиціи. Итальянская политика Наполеона непосредственно не задѣвала интересовъ Пруссіи, предпочитавшей оставаться въ мирѣ съ Франціей, и на прусскаго короля не производили никакого впечатлѣнія письма Александра I, убѣждавшаго короля принять «самое дѣятельное участіе въ славѣ возстановленія политическаго равновѣсія Европы». На прусскаго короля сильно дѣйствовали неопредѣленныя, но заманчивыя обѣщанія Наполеона, настаивавшаго на заключеніи союза съ Франціей, какъ болѣе соотвѣтствующаго прусскимъ интересамъ, и предлагавшаго королю въ видѣ компенсаціи англійскій Ганноверъ. Наполеонъ указывалъ также, что въ случаѣ союза Пруссіи съ Франціей союзники никогда не рѣшатся начать военныхъ дѣйствій, и миръ, такимъ образомъ, не будетъ нарушенъ, а при заключеніи мира будетъ нетрудно добиться уступки Ганновера Пруссіи, но зато, съ своей стороны, Пруссія должна была санкціонировать существующій порядокъ въ Италіи.

Эти многообѣщавшія заявленія Наполеона обезпечили неприсоединеніе къ коалиціи Пруссіи, несмотря на наличность въ ней сильной патріотической партіи во главѣ съ прекрасной королевой Луизой, считавшей молчаливое примиреніе съ захватами Наполеона — униженіемъ для Пруссіи.

Начавшіяся военныя дѣйствія окончились полнымъ пораженіемъ коалиціи. Ульмъ и Аустерлицъ показали, что справиться съ Наполеономъ не такъ легко. Разбитая Австрія поспѣшила заключить унизительный для себя Пресбургскій миръ (26 декабря 1806 года).

Между тѣмъ обстоятельства складывались далеко не въ пользу Пруссіи. Наполеонъ, по заключеніи Пресбургскаго мира, немедленно потребовалъ отъ представителя Пруссіи Гаугвица — заключенія союза съ Франціей. Въ противномъ случаѣ Силезія будетъ занята французскими войсками. Гаугвицъ уступилъ и 3 (16) декабря отъ имени прусскаго короля въ Шенбрунѣ заключилъ оборонительный и союзный договоръ съ Франціей. Прусскій король считалъ этотъ договоръ унизительнымъ для національнаго самолюбія и нѣко-

торое время отказывалъ въ его ратификаціи. Убѣдившись въ готовности Франціи къ войнѣ, король уступилъ и ратифицировалъ договоръ, столь невыгодный для страны.

Сближеніе Пруссіи и Франціи шло въ разрѣзъ съ задачами и цѣлями русской внѣшней политики. Въ Петербургѣ заволновались. Новая политическая комбинація разрушала систему политическаго равновѣсія, которое русское правительство пыталось установить въ Европѣ. Для Россіи выдвигалась нежелательная возможность возстановленія Польши и разнаго рода осложненій на Востокѣ. Наполеонъ не скрывалъ своего намѣренія овладѣть восточными берегами Адріатики, стать сосѣдомъ Турціи, чтобы перехватить у англичанъ восточные торговые порты.

Франко-прусскій союзъ скоро обнаружилъ большія трещины. Наполеону въ Пруссіи уже не вѣрили и стремились на всякій случай возобновить прежнія дружественныя отношенія съ Россіей. Руководителямъ прусской внѣшней политики удалось заключить новый секретный договоръ, возлагавшій на Россію обязанность «употреблять постоянно большую часть своихъ силъ на защиту Европы и всѣ свои силы на поддержаніе независимости и цѣлости государства прусскаго».

Послѣ этого договора никто не сомнѣвался въ близости войны тѣмъ болѣе, что начавшіеся переговоры съ французскимъ правительствомъ пришлось прервать, такъ какъ предложеніе французскихъ дипломатовъ нисколько не улучшало создавшагося положенія, и Александръ отказался ратификовать договоръ, столь несоотвѣтствовавшій планамъ русскаго правительства. Къ этому же времени, выяснилось дѣйствительное отношеніе Наполеона къ Пруссіи. Не сообщая даже прусскому посланнику въ Парижѣ, Наполеонъ предложилъ Пруссіи вернуть Ганноверъ англійскому королю, а вѣдь присоединеніе Ганновера было одной изъ причинъ франко-прусскаго союза. Да и образованіе Рейнскаго союза, въ составъ котораго вошли всѣ западныя нѣмецкія государства, говорилъ о враждебномъ отношеніи Наполеона къ Пруссіи. Правда, Пруссія, въ отвѣтъ на Рейнскій союзъ, придумала организоват Сѣверный союзъ, но и въ Германіи эта идея была встрѣчена несочувственно. Мелкія государства боялись гегемоніи Пруссіи и обратились къ Александру съ просьбой о заступничествѣ, а вольные города съ той же цѣлью обратились непосредственно прямо къ Наполеону. Послѣдній заявилъ,

что онъ не допуститъ насильственнаго включенія въ союзъ того или другого государства. Въ отвѣтъ на это, прусскій король, заручившись поддержкой Александра I, послалъ Наполеону ультиматумъ, въ которомъ потребовалъ немедленнаго удаленія всѣхъ войскъ изъ Германіи и обязательства не препятствовать образованію Сѣвернаго союза изъ всѣхъ государствъ, не вошедшихъ въ Рейнскій союзъ.

Отвѣтомъ Наполеона на ультиматумъ былъ разгромъ Прусской арміи при Іенѣ и Ауэрштеттѣ и занятіе Берлина. Разгромъ Пруссіи былъ полный, но въ то же время онъ обязывалъ Александра I немедленно помочь ей. Этого требовали не только статьи секретнаго трактата 1806 года, но и общее направленіе русской внѣшней политики, такъ какъ ослабленіе Пруссіи и чрезмѣрная близость Наполеона къ Россіи создавала неустойчивое положеніе дѣлъ въ Европѣ и могла повлечь за собою попытку возстановленія Польши, противъ чего русскіе дипломаты всегда протестовали. Эти обстоятельства обусловили возобновленіе военныхъ дѣйствій. Побѣдителемъ изъ борьбы вышелъ Наполеонъ, и послѣ пораженія при Фридландѣ, гдѣ русскій главнокомандующій обнаружилъ поразительное невѣжество въ веденіи военныхъ операцій, когда у Александра не было ни арміи, ни денегъ, обѣ стороны были готовы приступить къ мирнымъ переговорамъ, а въ мирѣ нуждался также и Наполеонъ. Открывая мирные переговоры, Наполеонъ заключеніемъ союза съ Россіей хотѣлъ пріобрѣсти въ лицѣ Александра вѣрнаго союзника, съ помощью котораго ему, можетъ-быть, удастся нанести рѣшительный ударъ Англіи и ея торговому могуществу. Россіи приходилось принимать всѣ условія, лишь бы только обезпечить себѣ невозможность, при данныхъ обстоятельствахъ, возстановленія Польши.

Мирный трактатъ былъ подписанъ 7 іюля (нов. ст.) 1807 г. въ Тильзитѣ, и спустя 2 дня былъ обѣими сторонами ратификованъ. Сущность трактата заключалась въ слѣдующемъ: прежде всего, изъ уваженія къ императору всероссійскому Наполеонъ возвращалъ «прусскому королю, союзнику его величества, императора Всероссійскаго — всѣ завоеванныя страны, города и земли». Впрочемъ, согласно трактату, прусскій король получалъ только часть прежней территоріи. Изъ польскихъ областей, принадлежащихъ Пруссіи, было образовано Варшавское герцогство и отдано саксонскому королю. Къ Россіи при-

Свиданіе на Нѣманѣ Александра и Наполеона.

(Совр. гравюра).

соединялась Бѣлостокская область. Затѣмъ Александръ признавалъ всѣ измѣненія, произведенныя Наполеономъ въ политической картѣ Европы. Договорный трактатъ обязывалъ русское правительство заключить перемиріе съ турками и вывести войска изъ Молдавіи и Валахіи, куда и турки до заключенія мира не могутъ вводить войскъ. Кромѣ того, Александръ долженъ былъ выступить въ качествѣ посредника между Франціей и Англіей. Въ случаѣ, если Англія не признаетъ посредничества, то съ Англіей прерываются дипломатическія сношенія, и русскія гавани должны быть заперты для англійскихъ товаровъ. Между Россіей и Франціей заключался оборонительный и наступательный союзъ.

Тильзитскій миръ былъ большой дипломатической побѣдой Наполеона. Россіи онъ почти ничего не давалъ, но зато возлагалъ немало серьезныхъ обязательствъ, несомнѣнно не соотвѣтствовавшихъ русскимъ интересамъ. Помимо того, что образованіемъ Варшавскаго герцогства начиналось возстановленіе Польши, на что Александру пришлось дать свое согласіе, хотя это и противорѣчило направленію внѣшней политики правительства. Россія разрывала союзъ съ Англіей и вводила у себя континентальную систему, столь губительно отразившуюся на государственномъ хозяйствѣ страны.

Столь невыгодныя условія союзнаго трактата станутъ вполнѣ понятны, если принять во вниманіе то положеніе, въ которомъ находилась Россія послѣ Фридландскаго сраженія. Правда, теперь была открыта дорога въ Швецію, куда направлялъ русское правительство самъ Наполеонъ, ибо, по мнѣнію послѣдняго, «завоеваніе Финляндіи должно было служить вознагражденіемъ за веденіе войны». Александру оставалось, конечно, возпользоваться предложеніемъ Наполеона.

Тильзитскій миръ поставилъ Россію съ глазу на глазъ съ Франціей. Онъ ослабилъ Россію, лишивъ ее прежняго престижа среди Европы и оторвавъ ее отъ ея прежнихъ союзниковъ. Конечно, никто не сомнѣвался въ кратковременности союза съ Франціей, встрѣченнаго въ Россіи съ большой нелюбовью и принесшаго странѣ немало экономическаго и финансоваго разстройства. Однако его условія опредѣлили дальнѣйшее направленіе внѣшней политики Александра I.

Заключеніе мира съ Россіей было столько же необходимо Наполеону, сколько и Александру. Прекращеніе войны позволяло Наполеону вернуться обратно во Францію и на досугѣ

заняться европейскими дѣлами и проведеніемъ въ жизнь континентальной системы, необходимой для ускоренія экономическаго развитія родной страны.

II.

Дружественныя отношенія между союзными правительствами продолжались недолго. Скоро по разнымъ причинамъ стали возникать всякаго рода недоразумѣнія, и дипломатическимъ агентамъ Наполеона предстояла трудная задача — укрѣпить заключенную дружбу, когда она готова была завянуть, не успѣвъ расцвѣсть. Александръ довольно скоро разочаровался въ условіяхъ Тильзитскаго мира. Для него стало очевидно, что Наполеонъ не расположенъ приводить въ исполненіе разнаго рода словесныя обѣщанія, высказанныя съ глазу на глазъ въ Тильзитѣ, а эти-то обѣщанія, касавшіяся дальневосточной политики Россіи, и имѣли для Александра первенствующее значеніе. Отсюда охлажденіе къ Наполеону, впрочемъ, до поры до времени скрытое отъ посторонняго наблюдателя и прикрытое личиной дружбы, въ искренности которой не сомнѣвались даже наблюдательные агенты Наполеона: Савари и Коленкуръ. Заключивъ союзъ съ Наполеономъ, Александръ попалъ въ довольно тяжелое положеніе: съ одной стороны, ему приходилось считаться съ рѣзко-выраженнымъ недовольствомъ столичнаго крупно - помѣстнаго дворянства, которое терпѣло большіе убытки отъ прекращенія торговыхъ сношеній съ Англіей. Съ другой стороны, Александру нужно было разыгрывать роль искренняго друга Наполеона, хотя умъ и сердце говорили другое. Въ столицѣ открыто говорили противъ Наполеона и союза. По этому поводу циркулировали самые разнообразные слухи, о которыхъ услужливо сообщалъ Александру французскій генералъ Савари. Александръ почти не обращалъ никакого вниманія на эти слухи. Даже слухъ о предполагаемомъ цареубійствѣ не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. Александръ не только никого не трогалъ, но даже особенно любезно обходился съ главою оппозиціи — Вильсономъ, англійскимъ посломъ, словно желая чрезмѣрной любезностью смягчить уже послѣдовавшій разрывъ съ Англіей. Впрочемъ, такое заигрываніе скоро прекратилось. Политика улыбокъ и рукопожатій на два фронта не могла быть долго терпима, и государственный канцлеръ Румянцевъ требовалъ

болѣе устойчиваго курса политики. Онъ находилъ, что франко-русскій союзъ можетъ быть выгоденъ для Россіи. Съ его помощью безъ участія Австріи можно рѣшить восточный вопросъ, и съ этой стороны необходимо поддерживать дружбу съ Наполеономъ. Какъ разъ въ это время сообщили Александру, будто Вильсонъ позволялъ себѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзываться объ императорѣ и его политикѣ, да къ тому же онъ распространялъ въ гостиныхъ брошюрку, написанную по поводу Тильзитскаго мира, написанную очень рѣзко и, конечно, порицавшую политику Александра. Къ удовольствію Наполеона, Вильсонъ былъ высланъ, но и самъ государь рѣшилъ выйти изъ пассивнаго состоянія и потребовать отъ Наполеона выполненія обязательствъ, высказанныхъ имъ въ частныхъ бесѣдахъ и сулившихъ Россіи гораздо больше, чѣмъ письменный трактатъ.

Опираясь на нихъ, Александръ формально предложилъ Наполеону, чтобы Молдавія и Валахія, независимо отъ дальнѣйшей судьбы Оттоманской имперіи, были присоединены къ Россіи. Правда, это требованіе шло въ разрѣзъ съ статьями Тильзитскаго договора, но зато опредѣленно указывало, въ какомъ направленіи пойдетъ дальше политика Россіи. И дѣйствительно, вопросъ о княжествахъ отнынѣ сталъ центромъ дипломатическихъ разговоровъ между Россіей и Франціей и источникомъ возникавшихъ недоразумѣній, охлаждавшихъ дружественныя отношенія державъ.

Наполеонъ держался иныхъ взглядовъ на восточный вопросъ. Онъ хотѣлъ держаться точнаго смысла статей Тильзитскаго договора. Поэтому онъ предложилъ свое посредничество, не давшее никакихъ благопріятныхъ результатовъ. Александръ отказался ратифицировать перемиріе и не желалъ выводить войскъ изъ княжествъ. Положеніе Наполеона было довольно затруднительное: идя навстрѣчу Александру, онъ укрѣплялъ молодой союзъ, но такой образъ дѣйствій шелъ въ разрѣзъ съ заявленіями, сдѣланными Турецкому правительству, подрывалъ тамъ вліяніе Франціи и усиливалъ значеніе Англіи. Впрочемъ, мало-по-малу мысль Наполеона теоретически склонилась къ удовлетворенію плановъ Александра, при условіи полученія за это соотвѣтственной компенсаціи. Съ этой цѣлью у Пруссіи отбирается Силезія. Наполеонъ, ставя такъ вопросъ, прекрасно понималъ, что на подобную комбинацію Александръ никогда не дастъ своего согласія. Слиш-

комъ неопредѣленны и далеки были отъ дѣйствительности политическіе взгляды послѣдняго. Предложеніе Наполеона произвело сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Александръ, не скрывая своего раздраженія, опредѣленно высказалъ Коленкуру, «что никогда не было и рѣчи о предназначеніи Пруссіи служить вознагражденіемъ за турецкія дѣла», давая тѣмъ самымъ понять, что таковыхъ статей не имѣлъ написанный трактатъ, что это противорѣчитъ прусскимъ симпатіямъ Александра. Переговоры велись почти безъ всякаго результата. Наполеонъ уклонялся отъ какого бы то ни было положительнаго отвѣта, и въ отвѣтъ на вполнѣ конкретное и пріемлемое предложеніе Россіи выдвигалъ заманчивые, но фантастическіе планы раздѣла Турціи, незамѣтно убаюкивавшіе Александра I своими сладостными результатами. Тѣмъ не менѣе изъ-за княжествъ между союзниками наступило сильное охлажденіе, которое только усиливалось, благодаря односторонней и неудачной дѣятельности посла Толстого, видѣвшаго въ тильзитской системѣ гибель Россіи и отнюдь не желавшаго смягчать напряженность создавшихся отношеній между Россіей и Франціей. Посолъ открыто агитировалъ противъ Наполеона. Предложеніе Наполеона убрать Толстого оставлялось русскимъ правительствомъ безъ вниманія. Союзъ, казалось, трещалъ по швамъ, и истиннымъ его друзьямъ приходилось пускать въ ходъ всѣ пріемы и средства, чтобы оживить довѣріе къ Франціи. Особенно старался въ этомъ отношеніи Коленкуръ. Убѣжденный въ искренности расположенія Александра къ Наполеону, онъ не замѣтилъ фальшиваго тона Александра и его дѣйствительной игры. Очарованный его любезностью и прельщенный его улыбками, Коленкуръ совершенно въ невѣрномъ освѣщеніи представлялъ Наполеону фактическое положеніе дѣлъ. Пока велись восточные переговоры, получился отвѣтъ шведскаго короля о нежеланіи вступить въ союзъ съ Россіей противъ Англіи, и въ отвѣтъ на это русскія войска вступили въ Финляндію. Начавшаяся побѣдоносная война временно отвлекла вниманіе Александра отъ восточнаго вопроса, и переговоры между союзниками пока стояли на одномъ мѣстѣ. А между тѣмъ разрѣшить этотъ вопросъ въ томъ или другомъ направленіи было необходимо, такъ какъ намѣчались опять новыя политическія комбинаціи. Австрія, хотя и признала континентальную систему, однако склонялась въ сторону Россіи, и Наполеонъ во что бы то ни стало хотѣлъ помѣшать этому

сближенію. Съ этой цѣлью Наполеонъ, совершенно неожиданно для Александра, выдвигаетъ на первый планъ восточный вопросъ, хотя онъ и самъ сомнѣвался въ выполнимости своихъ дальневосточныхъ фантазій. Ставя на очередь восточный вопросъ, Наполеонъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: ослабить или совсѣмъ уничтожить вліяніе Англіи на Востокѣ, а также отнять у Англіи ея восточные морскіе пути и въ то же время помѣшать сближенію Россіи съ Австріею, у которыхъ были общіе интересы и общая сфера вліянія на Балканскомъ полуостровѣ.

Конечно, Наполеонъ былъ слишкомъ реальнымъ политикомъ, чтобы не сомнѣваться въ возможности исполненія своихъ дальневосточныхъ фантазій, но зато въ нихъ заключалась положительная сторона: онѣ убаюкивали сладостными грезами подозрительнаго Александра и, отвлекая его вниманіе отъ европейскихъ дѣлъ, оставляли единственнымъ хозяиномъ въ Европѣ Наполеона. Кромѣ того, на почвѣ предположенія рѣшенія восточнаго вопроса въ такомъ видѣ должны были столкнуться Россія и Австрія съ ихъ взаимно перекрещивающимися интересами и, конечно, разойтись въ разныя стороны, а это только и нужно было Наполеону. Расширеніе сферы вліянія Россіи въ Турціи сталкивало Россію съ Англіей, почти монополизировавшей восточные рынки. Александръ отнесся съ живымъ интересомъ къ планамъ своего союзника. Раздѣлъ Турціи, захватъ Константинополя — отнынѣ стали навязчивыми идеями Александра. Онѣ опредѣляли его поступки, онѣ давали тонъ его политикѣ и отношеніямъ къ союзнику: но скоро и въ этомъ вопросѣ Александра должно было постигнуть разочарованіе. Наполеонъ не давалъ никакого опредѣленнаго отвѣта, когда его союзникомъ поднимался разговоръ о раздѣлѣ Турціи, хотя въ то же время теоретически онъ не отказывался «ни отъ какихъ предварительныхъ соглашеній, необходимыхъ для достиженія великой цѣли. Взаимный интересъ нашихъ государствъ долженъ быть обсужденъ и уравновѣшенъ», но, конечно, такого рода дипломатическимъ словамъ нельзя было придавать какого бы то ни было значенія, такъ какъ тѣмъ же Наполеономъ неоднократно высказывалась мысль о нежелательности усиленія Россіи на Востокѣ тѣмъ болѣе, что русское правительство, обсуждая будущій раздѣлъ Турціи, настаивало на присоединеніи къ ней Константинополя.

Къ недоразумѣніямъ изъ-за восточнаго вопроса скоро присоединились разногласія изъ-за Пруссіи и Польши. Александръ

категорически настаивалъ на очищеніи Пруссіи отъ французскихъ войскъ и гарантіяхъ относительно дальнѣйшаго увеличенія территоріи Варшавскаго герцогства. Но представитель Франціи, Коленкуръ, ссылаясь на отсутствіе соотвѣтствующихъ инструкцій, давалъ довольно уклончивый отвѣтъ.

Пока Наполеонъ усыплялъ Александра восточными сказками, въ Европѣ произошли событія первостепенной важности. Была завоевана Португалія, и ей навязана континентальная система. Въ Байонѣ была захвачена королевская испанская фамилія. Въ Испаніи началось движеніе противъ французовъ. Испанскія дѣла сосредоточили на себѣ все вниманіе французовъ, и, конечно, до благополучнаго ихъ разрѣшенія нечего было и думать о исполненіи восточныхъ фантазій. Байонскія событія произвели на Александра удручающее впечатлѣніе, и ему стало ясно, что онъ опять обойденъ Наполеономъ. Недовѣріе снова стало доминировать въ отношеніяхъ къ Наполеону. Это чувствовалъ послѣдній и, чтобы до поры до времени сохранить союзныя отношенія съ Александромъ, снова начинаетъ дипломатическую игру, только предметомъ ея является теперь Пруссія. Наполеонъ давалъ понять русскому послу Толстому, что есть надежда на эвакуацію Пруссіи. Но и къ этому Александръ относился безъ всякаго довѣрія, и Коленкуру предстояла трудная обязанность — поддержать довѣріе къ Наполеону въ вѣчно колеблющемся и сомнѣвающемся Александрѣ.

Такого рода политика, создававшая множество недоразумѣній и неблагопріятно вліявшая на взаимныя отношенія союзныхъ государствъ, требовала личнаго свиданія, и не было никакого другого средства прекратить возникавшія недоразумѣнія. И Наполеонъ принципіально не отказывался отъ свиданія. Ему нужно было завѣрить Европу въ крѣпости союза съ Россіей, такъ какъ на политическомъ горизонтѣ появились темныя грозовыя тучи, и гроза могла разразиться каждую минуту. Въ Испаніи положеніе дѣлъ складывалось въ неблагопріятномъ для Наполеона смыслѣ, Австрія приступала къ вооруженіямъ и хотѣла вознаградить себя за постыдный Пресбургскій миръ 1806 г. Только покончивъ со всякими недоразумѣніями съ Александромъ и обсудивъ дальнѣйшій планъ дѣйствій и территоріальныхъ уступокъ, возможно было приняться за рѣшеніе стоявшихъ на очереди политическихъ задачъ. Такъ было рѣшено Эрфуртское свиданіе. Русское об-

щество, сама императрица Марія Өедоровна, были противъ свиданія, но, конечно, ихъ протестъ не могъ убѣдить Александра отказаться отъ поѣздки на свиданіе съ Наполеономъ, такъ какъ, по его мнѣнію, политическія дѣла въ Европѣ требовали личнаго свиданія.

Свиданіе въ Эрфуртѣ было обставлено чрезвычайной торжественностью. Наполеона окружала большая свита изъ его нѣмецкихъ вассаловъ. Ежедневно смотры войскъ и праздники. Все было разсчитано на эффектъ. Александръ былъ довольно холоденъ, хотя формально чрезвычайно привѣтливъ и любезенъ съ Наполеономъ. Оба монарха часто бесѣдовали наединѣ, какъ этого желалъ самъ Наполеонъ. Онъ старался вернуть довѣріе Александра черезъ обѣщаніе никогда не возстанавливать Польши, и для его успокоенія былъ не прочь вывести оттуда войска. Отказываясь отъ мысли о раздѣлѣ Турціи, Наполеонъ въ то же время соглашался оставить за Россіей придунайскія княжества, что, конечно, болѣе соотвѣтствовало интересамъ Россіи, чѣмъ туманныя и неопредѣленныя обѣщанія относительно вознагражденія Россіи послѣ раздѣла Турціи. Наполеонъ соглашался даже очистить Пруссію, лишь бы только заставить своего союзника воздѣйствовать на Австрію и удержать ее отъ агрессивныхъ замысловъ противъ Франціи, но Александръ категорически отказался отъ принятія мѣръ, которыя клонились бы къ дальнѣйшему ущербу и политическому униженію Австріи. Такое отрицательное отношеніе къ австрійскимъ проектамъ Наполеона едва не разорвало ихъ отношеній, съ такимъ трудомъ наладившихся. Однако обстоятельства заставляли Наполеона до поры до времени скрыть свое раздраженіе и предупредительной вѣжливостью вновь наладить отношенія.

Въ концѣ-концовъ, переговоры кончились благополучно, и 12 октября обѣими сторонами былъ подписанъ новый договоръ. Имъ еще разъ скрѣплялся союзъ, направленный противъ Англіи — «общаго врага и врага континента», хотя не исключалась и возможность заключенія съ ней мира при условіи признанія происшедшихъ перемѣнъ на политической картѣ Европы. Наполеонъ отказывался отъ посредничества между Россіей и Турціей. Границами Россіи признается Дунай. Молдавія, Валахія и Финляндія присоединяются къ Россіи, но зато объявляется неприкосновенность остальныхъ частей Турецкой имперіи. Обѣ стороны обѣщали заодно дѣйствовать

противъ Австріи, если она проявитъ свое враждебное къ нимъ отношеніе, поддерживая Порту противъ Россіи или объявивъ Франціи войну.

Новый трактатъ перевѣшивалъ вѣсы союза въ пользу Александра, и затѣмъ разъ навсегда прекращалъ всякіе разговоры о раздѣлѣ Турціи, но онъ все-таки не укрѣпилъ довѣрія другъ къ другу. Эрфуртскій договоръ опредѣлилъ собою дальнѣйшее направленіе внѣшней политики Александра, а умолчаніе о Польшѣ было одной изъ причинъ возникавшихъ недоразумѣній и недовѣрія Александра къ Наполеону, давшему только словесное обѣщаніе не возстанавливать Польши. Александръ имѣлъ полное основаніе опасаться, какъ бы и эти разговоры не оказались столь мало дѣйствительными, какъ и тильзитскія бесѣды о Турціи. Вотъ почему польскому вопросу суждено было стать источникомъ недоумѣній между союзниками, какъ турецкому вопросу въ эпоху послѣ Тильзита и до Эрфурта.

Между тѣмъ Александръ и не думалъ измѣнять своего дѣйствительнаго отношенія къ Наполеону. Очаровывая французскаго посла своею любезностью, онъ въ то же время не вѣрилъ ни одному слову Наполеона, и боязнь какого-нибудь сюрприза со стороны послѣдняго вѣчно тревожила Александра, мѣшая ему спокойно разобраться въ текущей политической дѣйствительности. Отсюда — нѣкоторая нервозность и нервность Александра въ заявленіи тѣхъ или другихъ своихъ требованій. Больше всего онъ волновался изъ-за Польши. Ему постоянно грезилась возстановленная Польша, чего онъ допустить не могъ. Александръ то и дѣло ведетъ съ Коленкуромъ разговоры о Польшѣ, настаивая на письменныхъ гарантіяхъ относительно Польши. Поступая не всегда корректно по отношенію къ главѣ французскаго правительства и не считаясь съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, Александръ не могъ добиться никакихъ гарантій относительно Польши. И такой образъ дѣйствій Наполеона только усиливалъ прежнее недовѣріе къ нему и являлся причиной растущаго все болѣе и болѣе взаимнаго охлажденія.

Насколько натянуты были отношенія обоихъ союзниковъ, нагляднѣе всего это обнаружилось въ отношеніи Александра къ австро-французскому конфликту 1809 года. Во время веденія военныхъ дѣйствій Александръ не оказалъ никакой поддержки своему союзнику. Австріи не удалось разбить Напо-

леона. Ваграмъ рѣшилъ судьбу кампаніи, и австрійцы приступили къ мирнымъ переговорамъ. Ваграмскій разгромъ австрійской арміи произвелъ на Александра весьма сильное впечатлѣніе. Наполеонъ оказался далеко не такимъ слабымъ, какъ его уже начинали считать. Необходимо было опять повернуться лицомъ къ Наполеону и, принявъ участіе, прямое или косвенное, въ мирныхъ переговорахъ, постараться извлечь изъ нихъ и нѣкоторую пользу для Россіи. Александръ очень боялся, какъ бы польскій вопросъ не былъ снова поставленъ на очередь въ благодарность за услуги, оказанныя Наполеону поляками во время австрійской войны. Отказываясь отъ прямого участія въ мирныхъ переговорахъ, Александръ тѣмъ не менѣе категорически высказался противъ всякой мѣры, которая повела бы къ возстановленію Польши, ибо, говорилъ Александръ, «я не могу пожертвовать своей привязанности къ императору Наполеону интересомъ и безопасностью своей имперіи. Пусть императоръ дастъ мнѣ по этому дѣлу утвердительный отвѣтъ, и онъ можетъ на меня положиться. Онъ говоритъ, что міръ великъ, можно уладиться. Императоръ Наполеонъ ошибается, если дѣло идетъ о возстановленіи Польши: въ этомъ случаѣ міръ не такъ великъ, что оба мы могли уладиться, ибо я ничего не хочу для себя». Во время самыхъ переговоровъ, оба союзника разошлись изъ-за Галиціи, которую Наполеонъ не желалъ возвращать Австріи, а хотѣлъ присоединить къ Варшавскому герцогству, что, по мнѣнію Александра, являлось шагомъ къ возстановленію Польши, но категорическій протестъ Александра не произвелъ на Наполеона надлежащаго впечатлѣнія, и судьба Галиціи была рѣшена согласно желанію Наполеона: вся ея западная часть съ округами Краковъ и Замостье были присоединены къ Варшавскому герцогству.

Послѣ Вѣнскаго мира оба союзника становятся почти врагами и уже предчувствуютъ будущую войну. Эти отношенія еще болѣе обострились послѣ неудачи переговоровъ по вопросу о женитьбѣ Наполеона на великой княжнѣ Аннѣ. Тогда начались переговоры съ австрійскимъ домомъ, оказавшимся болѣе благосклоннымъ къ предложенію Наполеона. Благодаря женитьбѣ, началось сближеніе Австріи и Франціи, и Россія осталась совершенно изолированной.

Оба союзника стали готовиться къ войнѣ. Союзъ съ Россіей для Наполеона сталъ терять свою привлекательность,

разъ русское правительство нарушило условія континентальной системы и издало опять покровительственный таможенный тарифъ, весьма невыгодный для французскаго экспорта.

Уже весь 1811 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ. Каждая изъ нихъ объясняла свои вооруженія ссылкой на другую, и въ то же время расшаркивались другъ передъ другомъ въ мирныхъ заявленіяхъ, которымъ уже, конечно, никто не придавалъ рѣшительно никакой цѣны. По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ становился все болѣе и болѣе готовымъ къ войнѣ, тонъ его словъ, манера обращенія съ русскимъ посломъ становились все болѣе и болѣе вызывающими. Всѣ ожидали начала военныхъ дѣйствій. Обезпечивъ себя союзниками, Наполеонъ въ маѣ 1812 года отправился въ Дрезденъ, гдѣ и давалъ послѣднія военныя распоряженія. Александру же удалось пріобрѣсти союзника только въ лицѣ шведскаго короля, такъ какъ континентальная система приносила неисчислимые убытки Швеціи. Удалось также ко времени начала военныхъ дѣйствій заключить миръ съ Турціей, хотя его условія далеко не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ желаніямъ правительства, и Молдавія и Валахія оставались за Турціей.

Вся Европа въ напряженномъ ожиданіи слѣдила за приготовленіями къ войнѣ. Всѣ оскорбленные и униженные Наполеономъ сплотились вокругъ Александра. Они ненавидѣли и Наполеона, и революцію и мечтали о возстановленіи стараго порядка. Ихъ злобное шипѣніе разжигало въ Александрѣ непріязнь къ Наполеону, ихъ вкрадчивая лесть еще болѣе разжигала самолюбіе монарха, привыкшаго играть всегда и вездѣ первую роль и выступившаго въ эффектной роли защитника «правъ и свободы» угнетенныхъ людей.

Реакціонная клика давала предполагаемой войнѣ совсѣмъ другой тонъ. Борьба шла непротивъ угнетателя народовъ во имя національныхъ интересовъ, затронутыхъ Наполеономъ и не во имя политическаго равновѣсія, нарушеннаго политикой Наполеона. Предстоящая борьба во имя «порядка и законности» принимала характеръ борьбы абсолютическихъ идей съ идеями, выдвинутыми революціей, и столь ненавистными эмигрантамъ. Побѣда Россіи — это не только побѣда одной націи надъ другой—это разгромъ революціонной Франціи, разгромъ демократіи и торжество стараго порядка. 24 іюня Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, и великая война началась.

В. Пичета.

Александръ I и Наполеонъ.

Вѣсть о воцареніи имп. Александра I-го была встрѣчена всеобщимъ ликованіемъ. Вся мыслящая Россія встрепенулась. «Всѣ сердца и умы успокоились», пишетъ современникъ. На улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Христова воскресенья. Природа какъ бы принимала участіе въ общемъ торжествѣ: яркое весеннее солнце разогнало туманъ и непогоду. Казалось, это былъ символъ конца тяжелаго кошмара прошедшаго царствованія и начало новой прекрасной эры. Вѣра, надежда «и сердечное веселіе горѣли во всѣхъ глазахъ». «Это одно изъ тѣхъ воспоминаній,—говоритъ очевидецъ,—которыхъ время никогда истребить не можетъ». «Всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣй, поступь смѣлѣй, дыханіе свободнѣй».—«Послѣ четырехъ лѣтъ воскресаетъ Екатерина изъ гроба въ прекрасномъ юношѣ», пишетъ современникъ въ восторгѣ.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую вѣру, такую радость. Передъ Александромъ развертывалась широкая перспектива сдѣлаться добрымъ геніемъ родной страны. Въ его мечтахъ родились идеи о равенствѣ людей, о человѣческомъ благѣ, о справедливости, о свободныхъ учрежденіяхъ, о всеобщемъ счастьѣ, о гуманныхъ началахъ, которыя онъ долженъ осуществить въ Россіи. Еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ такъ много читалъ подъ руководствомъ своего воспитателя Лагарпа, республиканца по убѣжденіямъ, о римскихъ и греческихъ герояхъ у Демосѳена, Плутарха и Тацита, такъ много почерпнулъ гуманныхъ принциповъ изъ литературы XVIII в. изъ Гиббона, Руссо, Мабли.

Екатерина, желавшая сдѣлать изъ своего внука прежде всего «человѣка», дала ему въ наставники восторженнаго

мечтателя, поклонника французской революціи, Лагарпа, который привилъ своему воспитаннику свои вкусы и взгляды, но... не научилъ его работать. Съ раннихъ лѣтъ проявляется у Александра любовь къ героическому и отвращеніе къ серьезному труду и реальной жизни. «Замѣчается,—жалуется другой его преподаватель, Протасовъ,—въ Александрѣ Павловичѣ много остроумія и способностей, но совершенная лѣнь и нерадѣніе узнавать о вещахъ и не только, чтобы желать вѣдать о внутреннемъ положеніи дѣлъ, кои бы требовали нѣкотораго усилія въ познаніи, но даже удаленіе читать публичныя вѣдомости и знать о происходящемъ въ Европѣ. То-есть дѣйствуетъ въ немъ одно желаніе веселиться и быть въ покоѣ и праздности». Позднѣе, когда 18-лѣтній Александръ сдѣлался женихомъ, тотъ же воспитатель съ грустью отмѣчаетъ, что «пребываніе великаго князя у невѣсты и забавы отвлекли его отъ всякаго прочнаго умствованія», а далѣе, уже съ полной безнадежностью: «о россійскомъ ученіи совсѣмъ забыто». Предусмотрительная бабушка поручила воспитаніе своего внука не только идеалисту Лагарпу, но и ловкому житейскому практику, угодливому царедворцу Салтыкову, твердо знавшему придворную науку. Первый долженъ былъ сдѣлать своего воспитанника «человѣкомъ», а второй — научить обходить подводные камни на жизненномъ тернистомъ пути. Терніи дали себя почувствовать молодому великому князю довольно рано, такъ какъ ему приходилось все время лавировать между двумя враждебными дворами: петербургскимъ и гатчинскимъ, бабушкой и отцомъ. Онъ всегда находился какъ бы «между молотомъ и наковальней», а потому имѣлъ «двѣ парадныя физіономіи, кромѣ ежедневной домашней». Здѣсь наука Салтыкова получила широкое примѣненіе, и «въ умѣ Александра вполнѣ естественнымъ образомъ вкоренялась неизбѣжная двойственность въ дѣлахъ и мысляхъ, которая затѣмъ преслѣдовала его въ теченіе всей его жизни. Обстоятельства постепенно вытѣсняли изъ его дѣтскаго сердца откровенность и искренность, замѣняя ихъ скрытностью и притворствомъ». Алкивіадъ умѣлъ быть изнѣженнымъ аѳиняниномъ въ Аѳинахъ и суровымъ спартанцемъ въ Спартѣ. Это же умѣніе съ юныхъ лѣтъ усвоилъ себѣ и великій князь.

Въ Гатчинѣ Александръ получаетъ вкусъ къ показной сторонѣ военной жизни. Онъ увлекается фронтомъ, солдатской выправкою и военными парадами. На этой почвѣ и

завязалась у Александра тѣснѣйшая дружба съ Аракчеевымъ, который сдѣлался еще въ Гатчинѣ его необходимымъ помощникомъ и совѣтникомъ и муштровалъ «хорошенько» войска, ввѣренныя взыскательнымъ Павломъ своему юному сыну. «Я получилъ бездну дѣлъ, — пишетъ Александръ Аракчееву, — изъ которыхъ тѣ, на которыя я не знаю, какія дѣлать рѣшенія, къ тебѣ посылаю, почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору. — Прости мнѣ, мой другъ, что я тебя безпокою, но я молодъ, и мнѣ нужны весьма еще совѣты; итакъ, я надѣюсь, что ты меня ими не оставишь».

Чѣмъ тяжелѣе давила Александра проза жизни, тѣмъ охотнѣй отдавался онъ мечтамъ. Тяжелое положеніе свое, окружающихъ и родной страны лежало камнемъ на его душѣ. «Да, милый другъ,—пишетъ онъ Кочубею,—я сознаю, что не рожденъ для того сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться. Возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправлять укоренившіяся въ немъ злоупотребленія... мое рѣшеніе... по отрѣшеніи отъ этого непригляднаго поприща поселиться съ женой на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно, частнымъ человѣкомъ, полагая свое счастье въ обществѣ друзей и изученіи природы». Но, приблизительно черезъ годъ, мечты его мѣняются, и онъ пишетъ Лагарпу съ тою же легкостью: «если когда-либо придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто добровольнаго изгнанія себя я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себѣ задачи даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкой въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ. Нужно будетъ постепенно образовать народное представительство, которое составило бы свободную конституцію». Онъ признается своему другу Чарторыйскому, что ненавидитъ деспотизмъ, любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди, что онъ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за французской революціей и, осуждая ея ужасныя крайности, желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Мечты о дарованіи Россіи конституціи не оставляютъ его и на престолѣ. Въ 1815 г. въ разговорѣ съ madame де-Сталь, которая сказала ему: «Вашъ характеръ является конституціей для вашей имперіи, а ваша совѣсть служитъ гарантіей этого», онъ отвѣчаетъ: «если бы это и было такъ, я былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ счастливой случайностью. А послѣ 1818 г. Александръ поручаетъ Ново-

сильцеву составить проектъ конституціи для Россійской имперіи.

Но отвлеченный идеализмъ Александра никогда не воплотился въ реальныя формы. Мечтая о свободныхъ учрежденіяхъ, онъ совсѣмъ не продумалъ вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій, и когда польскій сеймъ въ 1820 г. отвергъ всѣ законы, предложенные правительствомъ, Александръ выразилъ свое неудовольствіе депутаціи, сказавъ, что онъ даровалъ либеральную конституцію и право свободной подачи голосовъ «не для того, чтобы они старались стѣснять его власть». Онъ, поклонникъ свободныхъ представительныхъ учрежденій, разсорившись со Сперанскимъ, обвиняетъ его въ томъ, что послѣдній своими министерствами подкапывался подъ самодержавіе, котораго онъ «не можетъ и не въ правѣ сложить съ себя самовольно ко вреду своихъ наслѣдниковъ». Такъ расходилась дѣйствительность съ мечтами!

Противорѣчіе взглядовъ императора не менѣе ярко отражалось и на внѣшней политикѣ Россіи. Запутанное положеніе Европы скоро втянуло и Россію въ войну съ Наполеономъ, къ которому вначалѣ Александръ относился вполнѣ доброжелательно. Но... «завѣса упала, пишетъ государь по случаю принятія Бонапартомъ императорскаго сана,—нынѣ это знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи». Борьба съ тираномъ во имя справедливости и свободы, попранной въ Европѣ, противъ грубаго насилія и захвата, — вотъ новая блестящая картина, которая носится передъ умственнымъ взоромъ русскаго императора. Борьба противъ тирана — не легкая будничная домашняя работа въ Россіи. Она покроетъ его имя неувядаемой славой, увѣнчаетъ его чело лаврами героя! Но не побѣдный тріумфъ ожидалъ Александра, а рядъ тяжелыхъ пораженій. Катастрофы при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Прейсишъ-Эйлау произвели потрясающее впечатлѣніе на государя. Онъ, который такъ мечталъ о славѣ, при первомъ же появленіи на аренѣ великихъ европейскихъ событій, потерпѣлъ полную неудачу. Онъ, смѣлый и отважный, но совершенно неспособный полководецъ, жертвуя собою на полѣ сраженія, испыталъ небывалое въ лѣтописяхъ русской арміи пораженіе. Слѣды этой катастрофы оставили глубокій отпечатокъ въ душѣ императора.

Александръ легко увлекался и безплотными идеями и людьми, носителями этихъ идей. — Но, обычно, увлеченія

и въ томъ и въ другомъ случаѣ легко смѣнялись разочарованіемъ. Это разочарованіе и охлажденіе испытали на себѣ всѣ близкіе друзья монарха, но особенно тяжело оно отразилось на Сперанскомъ, вознесенномъ Александромъ на небывалую высоту и сброшенномъ оттуда его же властной рукой. Сперанскій былъ обвиненъ въ государственномъ преступленіи, въ измѣнѣ. «Вы думаете, что онъ измѣнникъ? — говорилъ впослѣдствіи государь Новосильцеву, тогда какъ бывшій фаворитъ томился въ сылкѣ, — нисколько! онъ въ сущности виновенъ тѣмъ, что отплатилъ за мое довѣріе и мою дружбу самой черной, самой гнусной неблагодарностью». Даже Лагарпъ, съ которымъ, казалось, императоръ былъ связанъ самыми тѣсными узами нѣжной дружбы, раздѣлилъ, въ концѣ-концовъ, общую участь, и только къ Аракчееву привязанность Александра всегда оставалась неизмѣнной: «Мнѣ всегда грустно безъ тебя,—пишетъ ему царь,—ты мнѣ крайне недостаешь, и я жду съ большимъ нетерпѣніемъ той минуты, когда мы увидимся. Двадцать пять лѣтъ могли тебѣ доказать искреннюю мою привязанность къ тебѣ и что я неперемѣнимъ».

Болѣзненное самолюбіе, будучи задѣтымъ, и крайняя мнительность по отношенію къ окружающимъ, дѣлали Александра, человѣка, въ общемъ, слабохарактернаго, необычайно настойчивымъ въ проведеніи своихъ взглядовъ: «Наполеонъ или я! Я или онъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ... Я не положу оружія, пока хотя одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи!» И императоръ не измѣнилъ своему слову. Съ необычайной энергіей онъ проводилъ свою политику и, достигнувъ своей цѣли, высказалъ затаенную мысль Ермолову: «Ну, что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простачка!»

Послѣ войны 13-го года Александръ сталъ вершителемъ судебъ Европы. Слава его гремѣла повсюду. Но и здѣсь оказались терніи. Александръ, думая, что онъ исполняетъ желаніе французской націи, а не Талейрана, какъ оказалось послѣ, возстановилъ на престолѣ Бурбоновъ. Прошелъ небольшой промежутокъ времени, и нація кинулась въ объятія Наполеону, отъ котораго государь «спасалъ» ее, какъ отъ «тирана». Александръ, не вникая въ глубь этого обстоятельства, покинулъ Францію съ искреннимъ убѣжденіемъ, что на развалинахъ революціи нельзя основать прочнаго порядка. Въ ре-

зультатѣ разочарованій — республиканскія идеи смѣнились идеей Священнаго Союза, цѣлью котораго было подавленіе всякихъ революціонныхъ движеній, стремившихся къ низверженію «алтарей и престоловъ». Такъ онъ отнесся и къ греческой революціи и сталъ защищать магометанскій алтарь и престолъ противъ грековъ, истекавшихъ кровью отъ турецкихъ звѣрствъ и насилій. И Меттернихъ, глубокій реакціонеръ, имѣлъ право сказать объ Александрѣ: «Онъ встрѣтился со мною, какъ со старымъ товарищемъ по оружію. Развѣ въ мірѣ не бываетъ оружія всякаго рода!» — «Вы не понимаете,—говорилъ самъ Александръ Меттерниху,—почему я не тотъ, что прежде. Между 1813 г. и 1820 протекло 7 лѣтъ, и эти 7 лѣтъ мнѣ кажутся вѣкомъ. Въ 1820 г. я ни за что не сдѣлаю того, что совершилъ въ 1813. Не вы измѣнились, а я. Вамъ не въ чемъ раскаиваться; не могу сказать того же про себя».

Перемѣнилось у Александра и отношеніе къ Россіи: мало-по-малу угасло желаніе реформировать «безобразное зданіе администраціи имперіи». «Славы для Россіи довольно,—говорилъ Александръ, возвращаясь изъ Западной Европы.—Но, когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая гиря».—Дома—безпросвѣтныя будни, непочатый уголъ скучной, тяжелой работы. Здѣсь казалось Александру такъ угрюмо, тѣсно, бѣдно и убого послѣ блестящихъ тріумфовъ въ Западной Европѣ. «Александръ всегда скученъ, всегда суровъ, всегда раздражителенъ съ русскими», пишетъ лицо, близкое государю. «Петербургъ былъ подернутъ какимъ-то нравственнымъ туманомъ; мрачные взоры Александра болѣе печальные, чѣмъ суровые, отражались на его жителяхъ», пишетъ другое.

Державинъ поздравилъ Александра съ возвращеніемъ его домой. «Да, Гавріилъ Романовичъ,—замѣтилъ Александръ,—мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія—но, людей нѣтъ!»—«Они есть, ваше величество, но они въ глуши, ихъ искать надобно! Безъ честныхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ».— Но Александръ и не намѣревался искать новыхъ сотрудниковъ для предстоявшей трудной работы. У него уже былъ избранъ суровый дѣлецъ, предназначенный имъ для управленія внутренними дѣлами имперіи. Быстрыми шагами приближалось то время, когда усталый побѣдитель Наполеона долженъ былъ скрыться за мрачной фигурой «Гатчинскаго друга», когда Россія вмѣсто сѣти

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМІИ.

А. П. Тормасовъ.

М. А. Милорадовичъ.

М. Б. Барклай-де-Толли.

Д. С. Дохтуровъ.

А. П. Ермоловъ.

П. Н. Багратіонъ.

свободныхъ учрежденій покрылась сѣтью военныхъ поселеній. Весь запасъ твердой воли Александра оказался потраченнымъ на борьбу его съ Наполеономъ, потребовавшую напряженія всѣхъ его духовныхъ силъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что у государя проявилась крайняя усталость и душевное утомленіе.

Вмѣстѣ съ утомленіемъ жизнью росло и религіозное чувство царя. Какъ его современники, Александръ не былъ религіозенъ въ юности. «Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою втрое, которой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Съ тѣхъ поръ я понимаю волю Бога и его законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе только Ему и распространенію Его славы», сказалъ императоръ прусскому епископу Эйлерту.

Такъ глубокій мистическій туманъ постепенно окутывалъ душу Александра, и тусклая фигура Аракчеева заслонила отъ взоровъ его Россію. Государь пересталъ интересоваться реальной жизнью и передалъ бразды правленія въ жестокія руки временщика.

Образъ императора Александра невольно вызываетъ другой образъ — его геніальнаго противника, съ судьбою котораго такъ причудливо переплелась его судьба.

Наполеонъ Бонапартъ казался полной противоположностью Александру. Этотъ крѣпкій и сильный духомъ человѣкъ былъ точно высѣченъ изъ цѣльнаго камня, гранита. Колебанія, двойственность, неопредѣленность были чужды его твердой волѣ и холодному сердцу. Власть и слава — вотъ цѣль, которой была посвящена вся его жизнь съ ранней юности вплоть до окончанія его дѣятельности. А между тѣмъ его жизненная карьера началась именно въ то время, когда во Франціи еще не потухли идеи равенства, братства, свободы и счастья для всѣхъ. Но эти идеи никогда не имѣли для него обаянія. Равнодушный къ общественному благу, онъ твердо и неуклонно шелъ по намѣченному для себя пути, пользуясь всѣми обстоятельствами для достиженія своей личной цѣли. Онъ не имѣлъ ни политическихъ, ни соціальныхъ симпатій. Съ одинаковымъ презрѣніемъ относился онъ и къ королю, и къ народу, и къ революціонному правительству. 12 вандемьера онъ видитъ приготовленія секціонеровъ, поднятыхъ роялистами противъ конвента. «Если бы секціи поставили меня во главѣ,—говоритъ

онъ своему спутнику,—я бы взялся черезъ два часа ввести ихъ въ Тюльери и выгнать оттуда презрѣнныхъ конвентщиковъ». А черезъ пять часовъ, призванный Баррасомъ, онъ проситъ три минуты на размышленія и, вмѣсто того, чтобы разогнать «конвентщиковъ», разстрѣливаетъ парижанъ, «какъ кондотьеръ, который предлагаетъ свои услуги тому, кто больше платитъ». Когда въ качествѣ генерала директоріи онъ одерживалъ побѣды въ Италіи, передъ его умственнымъ взоромъ раскрывались уже дальнѣйшія перспективы. «Я покину Италію,—говоритъ онъ,—лишь съ тѣмъ, чтобы играть подобную же роль во Франціи, но моментъ еще не наступилъ; груша еще не созрѣла».—У него не было туманныхъ мечтаній: его мысль сейчасъ же обращалась въ дѣйствіе, принимала реальныя формы, облекаясь плотью и кровью.

Зоркимъ взоромъ подмѣтилъ онъ моментъ «созрѣванія груши» и сорвалъ ее дерзкой рукой. И вотъ онъ консулъ! Еще шагъ — и онъ императоръ. Но и на тронѣ всѣ его душевныя силы на службѣ у его колоссальнаго честолюбія. Слава ему досталась недаромъ. Онъ пріобрѣлъ её остріемъ своего меча, необычайной энергіей и напряженіемъ воли. Наполеонъ былъ вѣчно въ работѣ. Онъ не зналъ, что такое лѣнь или праздность. «Я работаю всегда,—говорилъ онъ про себя, — когда обѣдаю— въ театрѣ. Я просыпаюсь ночью, чтобы работать. Прошлой ночью я всталъ въ два часа, сѣлъ на стулъ, чтобы провѣрить донесенія, которыя мнѣ вручилъ вчера военный министръ. Я нашелъ двадцать ошибокъ и утромъ же послалъ свои замѣчанія министру». — «Онъ можетъ 18 часовъ провести за работой,—пишетъ современникъ.—Я никогда не видалъ, чтобы умъ его былъ утомленъ».

Съ поразительной выносливостью въ работѣ у Наполеона соединялось и умѣнье сосредоточиваться на одномъ предметѣ, а также умѣнье разбираться въ матеріалѣ. Различныя дѣла размѣщались у него въ головѣ, какъ въ шкапу. Онъ самъ говоритъ: «Когда я хочу прикончить дѣло, я задвигаю ящикъ и выдвигаю другой. Дѣла никогда не перепутываются и никогда меня не утомляютъ и не стѣсняютъ. Если я хочу заснуть, я задвигаю всѣ ящики и сплю». Часто, проведя день въ пріемахъ и аудіенціяхъ, Наполеонъ поздно вечеромъ собиралъ совѣтъ министровъ и держалъ ихъ до свѣта. Когда же они приходили въ изнеможеніе и почти засыпали, онъ ихъ подбадривалъ словами: «ну, ну, граждане-министры, просы-

пайтесь, всего 2 часа утра; нужно честно заработать тѣ деньги, что платитъ намъ французскій народъ».

При огромной трудоспособности Наполеонъ обладалъ и огромной, чисто профессіональной памятью, которая значительно облегчала его работу. «Я не могу, говоритъ онъ,—удержать въ памяти ни одного александрійскаго стиха, но я не забываю ни одного слога изъ моихъ отчетовъ». Онъ зналъ лучше морского и военнаго министровъ свои позиціи на сушѣ и на морѣ, количество, размѣры и качество кораблей въ портахъ, орудій въ крѣпости, количество, составъ и состояніе экипажей и полковъ. Такъ, просматривая отчетъ о числѣ орудій въ разныхъ корпусахъ, онъ дѣлаетъ помѣтку, что забыли упомянуть двѣ пушки въ Остенде, читая въ докладѣ, что корпусный командиръ требуетъ для одного изъ своихъ полковъ 1.500 паръ сапогъ, онъ вспоминаетъ, что въ этомъ полку всего 1.200 человѣкъ.

При этомъ онъ не гнушался черной работой и входилъ во всѣ мелочи, во всѣ подробности каждаго дѣла. Обмундировывая итальянскую армію, онъ самъ пробовалъ хлѣбъ и мясо, принималъ кожу для сапогъ, сукно для шинелей, вымѣрялъ размѣръ груди и длину рубахъ. «На войнѣ нѣтъ ничего,—говорилъ онъ,—чего я не могъ бы сдѣлать самъ. Если некому приготовить порохъ, я приготовлю его, если некому сдѣлать лафетовъ для пушекъ, я ихъ устрою, если нужно отлить пушки, я сумѣю этимъ руководить».

Благодаря полному и всестороннему знанію каждаго дѣла, за какое бы онъ ни брался, для него никогда ни въ чемъ не бывало сюрпризовъ. Всѣ свои дѣйствія онъ обдумывалъ до мельчайшихъ подробностей. Десятки плановъ роились въ его головѣ. Онъ ихъ сличалъ, сравнивалъ, выбиралъ и только послѣ напряженнаго размышленія принималъ строго опредѣленное рѣшеніе. «Я всегда работаю; я много размышляю», говорилъ онъ о себѣ. «И если кажется, что я всегда ко всему готовъ, то это только потому, что раньше чѣмъ предпринимать что-либо, я долго обдумываю и такимъ образомъ предвижу всѣ послѣдствія этого предпріятія. Не геній открываетъ мнѣ, что я долженъ сдѣлать или сказать при обстоятельствахъ для другихъ неожиданныхъ, а моя умственная работа». Собирая матеріалъ, онъ работалъ какъ чернорабочій, а творилъ изъ него какъ геніальный художникъ. Арміи великихъ европейскихъ державъ не въ силахъ были противостоять его та-

ланту. Онѣ разсыпались одни за другой, и путь Наполеона до войны двѣнадцатаго года былъ похожъ на тріумфальное шествіе. А въ 1813 г., потерявъ всю армію въ Россіи, онъ съ новыми неопытными полками, состоящими въ большинствѣ изъ 17 — 18-лѣтнихъ юношей дорого продавалъ каждую пядь земли объединившейся противъ него Европѣ.

Онъ не только умѣлъ руководить войсками, но еще умѣлъ воодушевить ихъ, заставить вѣрить въ свою звѣзду и обожать своего императора. — Обаяніе его личности не пропало даже тогда, когда и звѣзда его закатилась. Вырвавшись съ острова Эльбы съ горстью людей, онъ смѣло двинулся къ Франціи. Когда французскіе солдаты хотѣли задержать этотъ ничтожный по количеству отрядъ, Наполеонъ остановился: «Солдаты 5-го полка,—сказалъ онъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ,—признайте меня». Затѣмъ, сдѣлавъ еще два-три шага впередъ и разстегивая свой сюртукъ, онъ прибавилъ: «если есть среди васъ солдатъ, желающій убить своего императора, онъ можетъ сдѣлать это. Я становлюсь подъ ваши выстрѣлы». Громкій крикъ «да здравствуетъ императоръ!» вырывается изъ груди всѣхъ. Солдаты бросаются къ Наполеону, окружаютъ его, привѣтствуютъ, становятся передъ нимъ на колѣни. И тѣмъ не менѣе эта геніальная личность была лишена нравственнаго величія. Наполеонъ руководился во всемъ только своей выгодой, у него не было никакихъ идеальныхъ побужденій. «Воспитанный въ палаткѣ, явившійся поздно на сцену революціи, Наполеонъ понялъ только ея матеріальную сторону. Онъ не вѣрилъ ни въ порожденныя ею нравственныя потребности, ни въ вѣрованія, ее волновавшія».

«Неужели вы думаете,—говорилъ онъ, будучи еще простымъ генераломъ,—что я одерживаю побѣды въ Италіи ради величія адвокатовъ директоріи, всѣхъ этихъ Карно и Баррасовъ? Неужели вы думаете, что я это дѣлаю для основанія республики? Что за идея?»

Идеальныя побужденія до такой степени были ему чужды, что онъ не признавалъ ихъ и у другихъ. Къ идейнымъ людямъ революціи онъ относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, называя ихъ «фразерами». «Генералъ Дюма, вы были изъ тѣхъ глупцовъ, что вѣрили въ свободу, сказалъ онъ однажды, рѣзко обращаясь къ генералу. «Да, ваше величество, былъ и остался имъ», отвѣчалъ Дюма. — «Вы просто хорошо не отдали себѣ

отчета въ своихъ мотивахъ. Всегда руководитъ человѣкомъ личный интересъ», отрѣзалъ Наполеонъ.

Таково же его отношеніе и къ людямъ. Онъ никого не любилъ, у него не было никакой потребности въ дружбѣ. «Дружба — это звукъ пустой; я никого не люблю, даже моихъ братьевъ. Пока я то, чѣмъ я теперь, друзей у меня по виду будетъ сколько угодно». А вѣдь онъ умѣлъ быть ласковъ и обходителенъ, умѣлъ очаровывать людей! Но, во-первыхъ, въ большинствѣ случаевъ его привѣтъ и ласка была на службѣ у расчетливаго разсудка, а кромѣ того, съ годами душа его быстро черствѣла и въ ней исполинскими шагами развивались богатые задатки холоднаго эгоизма, который все покрылъ собой, оставивъ на долю людей только презрѣніе. Не стоитъ любить людей, думалъ Наполеонъ, когда ихъ можно привязать къ себѣ и пользоваться ими, поощряя и удовлетворяя ихъ низшія страсти.

Его честолюбіе было такъ велико, такъ вошло ему въ плоть и кровь, что онъ самъ не замѣчалъ его: «Я не имѣю честолюбія,—говорилъ онъ своему собесѣднику, — или если я его и имѣю, то оно до такой степени мнѣ врожденно, что оно для меня то же, что кровь, текущая въ моихъ жилахъ, что воздухъ, которымъ я дышу». Не было предѣловъ его ненасытной жаждѣ славы. На другой день по коронованіи онъ жаловался, что «слишкомъ поздно явился, ничего нельзя сдѣлать великаго». «Конечно,—добавилъ онъ,—моя карьера прекрасна. Но какая же разница съ античнымъ міромъ! Посмотрите на Александра Великаго: покоривъ Азію, онъ объявилъ себя народу сыномъ Юпитера. Весь Востокъ ему повѣрилъ. А если я объявлю себя сегодня сыномъ Предвѣчнаго Отца и захочу возблагодарить Его, какъ таковой, меня освищутъ всѣ торговки на рынкѣ. Народы стали черезчуръ просвѣщенными, въ настоящее время больше нечего дѣлать».

Его чудовищный эгоизмъ ярко обрисовывался въ его отношеніи къ родной сторонѣ: «У меня одна лишь страсть— Франція; она при мнѣ неотлучна и никогда не измѣняла мнѣ; она не щадитъ для меня своей крови и своихъ сокровищъ; если мнѣ понадобится полмилліона людей, она мнѣ ихъ дастъ».

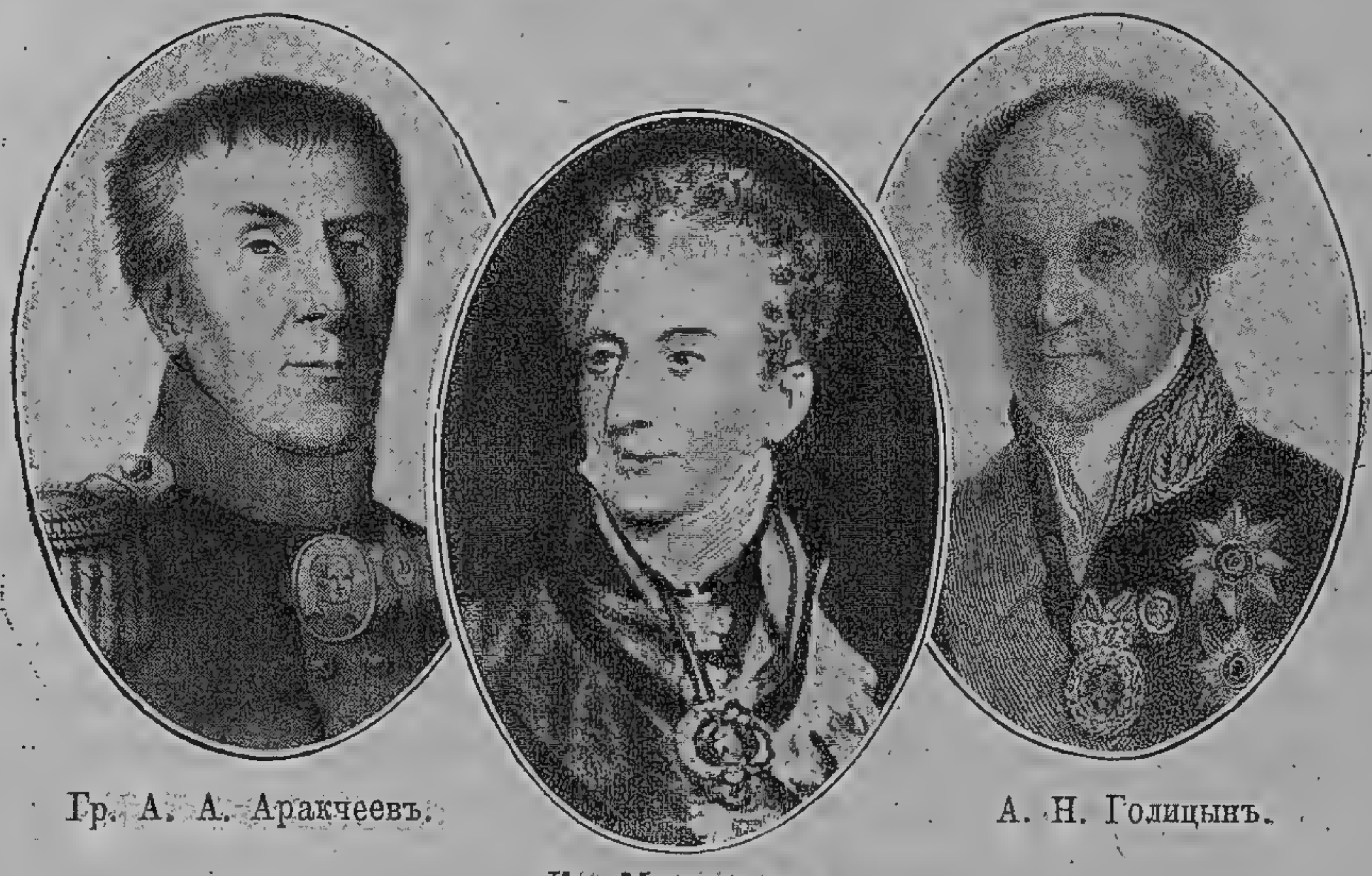
Но и Франція, въ концѣ-концовъ, устала. Населеніе, обманутое въ своихъ надеждахъ на миръ, стонало подъ бременемъ безконечныхъ войнъ, постоянныхъ рекрутскихъ наборовъ, тяжелыхъ налоговъ и деспотизма Наполеона. Безцере-

монное отношеніе къ завоеваннымъ землямъ, полное пренебреженіе къ національнымъ правамъ, тяжелыя контрибуціи вызывали негодованіе у побѣжденныхъ народовъ. Наполеонъ сдѣлался всѣмъ въ тягость, что хорошо понималъ и самъ.

Прошло уже около столѣтія съ момента удаленія Наполеона съ европейской арены. Еще много бурь пронеслось надъ головой французовъ, и новыя поколѣнія, забывъ отрицательныя стороны своего героя, окружили его имя ореоломъ славы. Но безпристрастная наука, признавая геніальность Наполеона, тѣмъ не менѣе не забыла многихъ тысячъ человѣческихъ жизней, загубленныхъ не для блага родной страны, не во имя высокихъ принциповъ, а для достиженія личныхъ цѣлей.

Наполеонъ и Александръ, два соперника, приковывавшіе къ себѣ взоры всего міра и диктовавшіе свою волю Европѣ, тѣмъ не менѣе не осуществили своихъ цѣлей и закончили свой жизненный путь одинаково неудовлетворенными и съ разбитой душой. Одинъ — несокрушимый въ своихъ эгоистическихъ идеалахъ, былъ сокрушенъ національнымъ чувствомъ народовъ, котораго никогда не признавалъ раньше, другой— поколебленный во всѣхъ своихъ принципахъ, полный противорѣчій, «сжегъ все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигалъ».

Е. Ефимова.



Гр. А. А. Аракчеевъ. Кн. Меттернихъ. А. Н. Голицынъ.

Россія передъ войной 1812 года.

I.

Вступленіе на престолъ императора Александра I было встрѣчено русскимъ обществомъ съ большимъ восторгомъ. Слишкомъ мрачно и тягостно было правленіе его предшественника, императора Павла, чтобы можно было не надѣяться, не радоваться; все новое казалось лучше недавняго прошлаго. Къ тому же то, что было извѣстно о новомъ императорѣ, располагало въ его пользу: молодой, красивый, привѣтливый, обходительный въ обращеніи, онъ былъ совершенной противоположностью отцу, и уже этого одного было достаточно для того, чтобы привлечь къ нему общія симпатіи. Манифестъ о вступленіи Александра I на престолъ долженъ былъ только укрѣпить эти симпатіи и усилить надежды; въ немъ говорилось, что новый императоръ будетъ слѣдовать завѣтамъ своей бабки Екатерины II, и ничего не говорилось объ его отцѣ, какъ будто и самъ онъ желалъ поскорѣе забыть эти мрачныя страницы нашей исторіи — царствованіе Павла.

Одной изъ первыхъ мѣръ новаго правительства было возвращеніе на службу съ возстановленіемъ въ прежнихъ правахъ 12 тысячъ чиновниковъ, безъ суда и слѣдствія удаленныхъ при Павлѣ. Черезъ два дня послѣдовалъ новый указъ, возвращавшій изъ ссылки и заточенія лицъ, пострадавшихъ черезъ тайную экспедицію; одновременно разрѣшалось вернуться изъ-за границы всѣмъ бѣглецамъ съ прощеніемъ всѣхъ преступленій, кромѣ смертоубійства. Затѣмъ были возстановлены жалованныя грамоты дворянству и городамъ, отмѣненныя при Павлѣ, а черезъ нѣсколько времени одна изъ льготъ этихъ грамотъ — свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, была распространена на священниковъ и дьяконовъ. Лучшее будущее начиналось какъ будто и для крестьянъ: новый императоръ прекратилъ

раздачу казенныхъ крестьянъ въ качествѣ пожалованій, при чемъ одному вельможѣ въ отвѣтъ на просьбу о пожалованіи земли съ крестьянами, онъ отвѣтилъ: «большая часть крестьянъ въ Россіи—рабы: считаю лишнимъ распространяться объ уничиженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и потому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность». Кромѣ того, въ газетахъ было запрещено печатать объявленія о продажѣ людей безъ земли, а у помѣщиковъ, безчеловѣчно обращающихся съ крѣпостными, велѣно отбирать имѣнія и передавать ихъ въ дворянскую опеку.

Потомъ особымъ указомъ полиціи воспрещалось выходить «изъ границъ своей должности» и причинять кому-либо обиды и притѣсненія, возстановлялись свободный въѣздъ и выѣздъ за границу, ввозъ книгъ, распечатывались частныя типографіи, закрытыя въ 1800 г. Наконецъ уничтожались висѣлицы, поставленныя при Павлѣ въ общественныхъ мѣстахъ — къ нимъ прибивались имена опальныхъ лицъ, и упразднялась ненавистная обществу тайная экспедиція, вѣдавшая политическія преступленія. Манифестъ, который возвѣщалъ объ этомъ, подчеркивалъ тѣ начала законности, которыми намѣрено было руководствоваться новое правительство и которыя оно старалось проводить и въ другихъ указахъ.

Но дѣятельность правительства не ограничилась этими указами и заявленіями; чтобы проводить въ жизнь эти новыя начала государственнаго порядка, рѣшено было обновить составъ высшаго чиновничества, и потому вскорѣ же во главѣ управленія становится кружокъ лицъ, близкихъ къ императору, его идейныхъ единомышленниковъ. Это были прекрасно образованные люди, воспринявшіе идеи тогдашней западно-европейской мудрости и закрѣпившіе ихъ путешествіями и жизнью за границей. Ненависть къ произволу и насилію, стремленіе къ законности и справедливости, къ смягченію нравовъ и распространенію просвѣщенія—все это соединяло ихъ, несмотря на разницу въ политическихъ и соціальныхъ возрѣніяхъ. Наконецъ группа особо довѣренныхъ лицъ: Новосильцовъ, особенно увлекавшійся англійскимъ государственными порядками, гр. Кочубей, гр. Строгоновъ и кн. Чарторыйскій образуютъ такъ называемый «негласный» или «неофиціальный комитетъ» («комитетъ общественнаго блага», по выраженію императора), которому ставится задача выработать проектъ

реформъ съ цѣлью «ограничить произволъ нашего правительства». Въ засѣданіяхъ комитета рѣшено было сначала изучить настоящее положеніе имперіи, затѣмъ «предпринять реформу всѣхъ различныхъ частей администраціи», и, наконецъ, эти отдѣльныя реформы завершить «уложеніемъ», т.-е. конституціей. Результатомъ этихъ совѣщаній было, однако, лишь преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ, которыя должны были замѣнить прежнія коллегіи. Но нельзя сказать, чтобы эти реформы замѣтнымъ образомъ отразились на управленіи. Съ одной стороны, реформа сената на практикѣ свелась къ нулю, такъ какъ предоставленное ему указомъ 8 сентября 1802 г. право дѣлать представленія о тѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, исполненіе которыхъ соединено съ большими неудобствами или которыя были несогласны съ другими законами, было истолковано въ томъ смыслѣ, что оно относится лишь къ тѣмъ законамъ или указамъ, которые вышли до 8 сентября 1802 г. Проектъ же реформы сената, вышедшій изъ среды умѣренно-либеральныхъ вельможъ екатерининскаго царствованія, согласно которому въ сенатъ вводились выборные отъ дворянства члены, а сенатъ получалъ высшую законодательную контролирующую администрацію и судебную власть, — былъ отклоненъ по совѣту «друзей», чтобы не стѣснять верховную власть при осуществленіи будущихъ преобразованій. Съ другой стороны, въ министерства, довольно плохо организованныя при ихъ образованіи, вошли старые чиновники, и въ нихъ господствовалъ тотъ же духъ произвола и лицепріятія, что и въ прежнихъ коллегіяхъ, хотя въ манифестѣ министерства торжественно назывались «спасительнымъ средствомъ» для открытія нуждъ народа, утвержденія порядка и развитія народныхъ силъ; министры были такъ же безотвѣтственны, какъ и президенты коллегій.

Кромѣ вопросовъ управленія, въ «неофиціальномъ комитетѣ» обсуждался и вопросъ крестьянскій, необходимость разрѣшенія котораго диктовалась всѣмъ ходомъ государственной жизни; къ тому же у всѣхъ въ памяти были еще свѣжи воспоминанія о пугачевщинѣ. Но обсужденіе этого вопроса вызвало еще большія разногласія и колебанія, чѣмъ обсужденіе политическихъ вопросовъ; работа подвигалась медленно и дала очень скромные результаты. Съ одной стороны, играло роль вліяніе на императора его воспитателя Лагарпа (онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ августѣ 1801 г.), который говорилъ ему по этому

поводу: «Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ долженъ быть рѣшаемъ постепенно, безъ шума и тревоги, а главное, безъ малѣйшаго посягательства на права собственности». Къ Лагарпу въ этомъ отношеніи примыкалъ адмиралъ Мордвиновъ, привлекавшійся въ комитетъ къ обсужденію нѣкоторыхъ вопросовъ. Съ другой стороны, не хватало необходимой рѣшимости и у самихъ друзей императора. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса ближайшимъ образомъ затрагивало интересы помѣщиковъ - дворянъ, но дворянство было попрежнему господствующимъ классомъ, сила котораго достаточно наглядно была показана въ эпоху дворцовыхъ переворотовъ XVIII в. Хотя Александръ I, возстанавливая дворянскую грамоту, и говорилъ, что дѣлаетъ это «противъ собственной воли, вслѣдствіе исключительности ея правъ, которая *всегда была ему противна*», но въ то же время онъ не могъ не сознавать, что опору своей власти онъ долженъ искать въ дворянствѣ, такъ какъ другого класса общества, на который онъ могъ бы опираться въ противовѣсъ дворянству, тогда не было. Интересы дворянства руководили и совѣтниками императора, которые являлись представителями верхнихъ слоевъ этого класса. Отсюда—всѣ споры и разногласія, отсюда—робость и нежеланіе принять рѣшительныя мѣры. Въ виду этого Александръ I быстро отступилъ съ занятой было имъ позиціи и ограничился полумѣрами. 12 декабря 1801 г. былъ изданъ указъ, предоставлявшій людямъ всѣхъ сословій пріобрѣтать покупкой землю въ собственность. Затѣмъ послѣдовалъ указъ 1803 г. о вольныхъ хлѣбопашцахъ, согласно которому помѣщикамъ предоставлялось право отпускать на волю своихъ крѣпостныхъ семействами или цѣлыми обществами съ надѣленіемъ ихъ землей и на условіяхъ, выработанныхъ по добровольному соглашенію: за полученіе свободы и земли крестьяне или уплачиваютъ деньги (единовременно или въ разсрочку), или исполняютъ извѣстныя повинности въ условленное время, или платятъ оброкъ, натуральный или денежный, и, оставаясь на землѣ помѣщика, превращаются въ его пожизненныхъ или наслѣдственныхъ арендаторовъ.

Обратили вниманіе члены «неофиціальнаго комитета» и на положеніе народнаго образованія, но и тутъ остановились на полудорогѣ. Правда, результатомъ преній въ комитетѣ по этому вопросу было открытіе нѣскольхихъ высшихъ учебныхъ заведеній (университеты въ Казани, въ Харьковѣ и въ

Петербургѣ, лицеи въ Царскомъ Селѣ, въ Ярославлѣ и въ Нѣжинѣ) и преобразованіе прежнихъ, открытіе многихъ среднихъ учебныхъ заведеній, но число начальныхъ училищъ (особенно сельскихъ) осталось почти то же, такъ какъ тутъ реформы были невозможны безъ отмѣны крѣпостного права, а его, какъ было указано, правительство не рѣшалось тронуть. Такимъ образомъ, сдѣлало шагъ впередъ только высшее и среднее образованіе, но плодами этого движенія могли воспользоваться только высшіе классы общества. Затѣмъ было открыто нѣсколько ученыхъ и литературныхъ обществъ, правительство оказывало большое вниманіе литературѣ, издало въ 1804 году цензурный уставъ, поставившій печать въ значительно лучшія условія по сравненію съ царствованіемъ императора Павла, хотя вскорѣ либеральныя статьи этого устава исчезли на практикѣ.

Эти преобразовательные опыты Александра I продолжались до 1804 года; уже въ 1803 году «неофиціальный комитетъ» распадается и ближайшіе друзья императора покидаютъ его. Причина пріостановки преобразовательной дѣятельности заключалась съ одной стороны, въ личности и характерѣ императора, съ другой—въ особенностяхъ тогдашняго общественнаго движенія. Настроенный на реформаторскій тонъ въ 1801 году, императоръ Александръ какъ-то быстро усталъ, охладѣлъ къ реформамъ, когда увидѣлъ, какая разница между политическими мечтами и политической дѣйствительностью. Онъ искренно, повидимому, хотѣлъ ограничить «деспотизмъ нашего правительства» и отнюдь не въ шутку называлъ себя республиканцемъ, но когда зашла рѣчь о томъ, чтобы провести на практикѣ это ограниченіе, онъ ни въ чемъ не хотѣлъ поступиться своей властью. Быстро отступилъ онъ отъ своихъ либеральныхъ намѣреній и въ другихъ вопросахъ. Что касается общественнаго движенія начала царствованія Александра I, то оно оказалось довольно слабымъ, разрозненнымъ и эгоистичнымъ. Движеніе затронуло преимущественно высшее дворянство, которое, какъ оказалось, преслѣдовало исключительно личныя цѣли; поэтому проекты преобразованія сената, вышедшіе изъ среды его представителей, имѣли цѣлью усиленіе политической роли только этого сословія, проекты по крестьянскому вопросу носили тоже узко-сословный характеръ. Дворянство среднее проявляло полное равнодушіе къ политическимъ вопросамъ, въ вопросахъ же сословныхъ хотѣло лишь сохраненія своихъ привилегій. Эта разрозненность, узкость и эгоистичность общественнаго дви-

женія еще болѣе охлаждала императора и давала возможность правительству начать попятное движеніе къ порядкамъ, которые оно само такъ недавно осуждало.

Такъ заканчивался первый, очень краткій, періодъ преобразовательной дѣятельности Александра, не принесшій ни конституціи, ни освобожденія крестьянъ. Двойственность и недоконченность — вотъ наиболѣе характерныя его черты.

II.

Съ 1805 г. до 1807 г. все вниманіе императора было занято войнами съ Франціей (въ 1806 г., кромѣ того, началась война съ Турціей) и лишь послѣ заключенія Тильзитскаго мира онъ возвращается къ своимъ преобразовательнымъ мечтамъ и проектамъ. Это возвращеніе къ вопросамъ внутренней политики было необходимо въ виду того общественнаго недовольства, которое рѣзко проявилось въ 1805 — 7 гг. Вся внѣшняя политика этихъ лѣтъ подвергалась суровой критикѣ, а Тильзитскій миръ толковался прямо, какъ униженіе передъ Франціей. Выразителемъ мнѣній высшей знати по поводу Тильзита былъ гр. С. Р. Воронцовъ, который предлагалъ, чтобы сановники, подписавшіе Тильзитскій договоръ, въѣхали въ столицу на ослахъ. Но недовольны были и другіе слои общества. По словамъ одного современника, «отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата, все, повинуясь, роптало и негодовало». Общественное недовольство нашло свое выраженіе въ тогдашней публицистической литературѣ. Наиболѣе ярко оно сказалось въ сочиненіяхъ гр. Ростопчина (бывшаго въ 1812 г. главнокомандующимъ въ Москвѣ) и С. Н. Глинки издателя «Русскаго Вѣстника». Первый изъ нихъ выпустилъ въ 1807 г. книгу подъ заглавіемъ «Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ», въ которой рѣзко осуждалъ слѣпое пристрастіе русскихъ къ французамъ. «Господи, помилуй!—восклицаетъ герой этого произведенія Сила Андреевичъ Богатыревъ. Да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли намъ опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: згинь ты дьявольское навожденіе! Ступай въ адъ или во свояси, все равно, только не будь на Руси». По мнѣнію Ростопчина, вліяніе французовъ

очень вредно въ нравственномъ отношеніи; особенно опасны французы-учителя. Наполеона онъ называетъ проклятымъ, сравниваетъ его съ угорѣлой «кошкой», съ «мужичишкой», который никуда не годится: «ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударь, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ». Книга Ростопчина быстро разошлась въ 7 тысячъ экз. Что касается Глинки, то онъ тоже ожесточенно нападалъ на Наполеона въ своемъ журналѣ, такъ что правительство даже рѣшило принять противъ этого мѣры, считая неудобными эти нападки послѣ Тильзитскаго договора съ Наполеономъ. Но, надо сказать, что само правительство немало содѣйствовало появленію и росту ненависти къ Наполеону со стороны русскаго народа. Какъ говоритъ одинъ историкъ—«церковныя увѣщанія и проповѣди, предписанныя въ 1806 году Святѣйшимъ Синодомъ, принесли свои печальные плоды: они распространили и укрѣпили среди народа молву, что Наполеонъ—Антихристъ, что тутъ дѣйствуетъ нечистая сила». Теперь съ этимъ Антихристомъ было заключено дружеское соглашеніе; ясно, что оно не могло быть популярнымъ въ народѣ. Недовольство Тильзитскимъ договоромъ проявлялось и на другой почвѣ: континентальная система, которую Россія должна была принять по этому договору, была разорительна, какъ увидимъ дальше, для дворянскаго землевладѣнія. Тильзитъ поссорилъ окончательно Александра и съ его первыми совѣтниками, которыхъ смѣняютъ новые люди. Александръ все болѣе и болѣе начинаетъ сближаться съ Аракчеевымъ, но въ то же время еще разъ дѣлаетъ попытку заняться внутренними реформами. Въ 1807 г. онъ, напримѣръ, говорилъ генералу Савари: «Я хочу вывести народъ изъ того варварскаго состоянія, въ которомъ онъ находится при существованіи торга людьми. Я скажу даже болѣе. Если бы образованность была на болѣе высокой степени, я уничтожилъ бы рабство, если бы даже это стоило мнѣ жизни». А реформы были, дѣйствительно, необходимы. По свидѣтельству одного историка, въ то время «администрація находилась въ самомъ жалкомъ состояніи; сенатъ — хранилище законовъ, потерялъ значеніе и силу. Безпрестанно, въ видѣ опыта, издавались уставы безъ всякаго надзора за ихъ исполненіемъ. Финансы, юстиція, внутреннее благоустройство представляли мрачный образъ безпорядковъ и злоупотребленій».

III.

Среди новыхъ лицъ, окружавшихъ императора Александра, послѣ 1807 г. первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ гр. М. М. Сперанскому. Сближеніе между нимъ и императоромъ произошло еще до Тильзита, но совмѣстное путешествіе въ Тильзитъ, а затѣмъ въ Эрфуртъ окончательно приблизило Сперанскаго къ Александру; Сперанскій въ числѣ немногихъ другихъ сановниковъ поддерживалъ императора въ его сближеніи съ Франціей и этимъ немало расположилъ его въ свою пользу. Въ немъ Александръ какъ бы искалъ опоры противъ общественнаго и придворнаго ропта по поводу Тильзита, и въ немъ же онъ нашелъ вѣрнаго и точнаго истолкователя своихъ реформаторскихъ мечтаній. Сперанскій былъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, отличавшимся большимъ умомъ, широкимъ образованіемъ, обширными знаніями и необыкновенной способностью къ систематизаціи; самыя сложныя, отвлеченныя идеи онъ былъ способенъ быстро обнять своихъ умомъ, воплотивъ ихъ, если необходимо, въ ясныя и точно формулированныя положенія. Никто не умѣлъ такъ ясно и точно формулировать туманныя мечты и либеральные порывы императора, какъ его статсъ-секретарь. Императоръ давалъ матеріалъ, Сперанскій изъ него строилъ. Цѣлые вечера проводили они вмѣстѣ, разбирая прежніе матеріалы, относящіеся къ преобразованію Россіи и читая различныя сочиненія на соотвѣтствующія темы. Изъ всего этого Сперанскому предстояло выработать «планъ государственнаго преобразованія», въ которомъ, по его словамъ, не было ничего новаго, а только были приведены въ систему идеи, занимавшія императора съ 1801 года. Работа шла быстро, и въ 1809 г. «планъ» былъ готовъ и представленъ императору. «Планъ» Сперанскаго затрагивалъ самыя основы государственнаго порядка Россіи; нужно было совершенно порвать со старымъ, и Александръ не рѣшился на это. Сперанскій разсчитывалъ, что при постоянномъ проведеніи реформъ Россія къ 1 сентября 1811 года «воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится». Но ему пришлось отказаться и отъ этой, почти двухгодичной, постепенности; онъ долженъ былъ сразу нарушить цѣльность плана и осуществить наименѣе важныя его части, не затронувшія существа государственныхъ порядковъ.

Что было осуществлено изъ «плана» Сперанскаго? Прежде всего былъ преобразованъ Государственный Совѣтъ, или, лучше сказать, прежній Непремѣнный Совѣтъ изъ 12 лицъ, учрежденный въ 1801 году и не имѣвшій опредѣленныхъ правъ и обязанностей, былъ замѣненъ 1 января 1810 года правильно устроеннымъ Государственнымъ Совѣтомъ, получившимъ права законосовѣщательнаго учрежденія. Но эта реформа имѣла мало практическаго значенія. Государственный Совѣтъ состоялъ исключительно изъ лицъ, назначенныхъ правительствомъ и, значитъ, отъ него зависящихъ, а затѣмъ онъ былъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, а не законодательнымъ; поэтому его мнѣніе было совершенно необязательно для императора: онъ могъ утвердить мнѣніе меньшинства членовъ совѣта, но могъ также издать законъ, который былъ противоположенъ мнѣнію и большинства и меньшинства. Такимъ образомъ, порядокъ законодательства по существу остался прежній, и очень часто, какъ и раньше, отдѣльными Высочайшими указами и повелѣніями отмѣнялись, измѣнялись и издавались законы безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Не лучше была устроена и власть исполнительная послѣ преобразованія министерствъ въ 1810 — 11 гг. Между ними были точнѣе распредѣлены дѣла, въ нихъ созданы новыя учрежденія, что улучшало технически ихъ работу, но *порядки* въ министерствахъ остались прежніе, и министры послѣ 1811 г. были такъ же безотвѣтственны, какъ и до 1811 г. Къ тому же, какъ говоритъ историкъ нашихъ финансовъ Бліохъ, «верховная власть предписывала законы, но каждый изъ губернаторовъ, полицмейстеровъ и т. д. истолковывали ихъ и исполняли ихъ по своему личному усмотрѣнію».

Что же касается власти судебной, то сенатъ, органъ ея, совсѣмъ не былъ реформированъ, такъ какъ проектъ его преобразованія (введеніе въ судебный департаментъ выборныхъ отъ дворянства) принятый въ половинѣ 1811 г. и утвержденный императоромъ, не былъ совсѣмъ осуществленъ въ виду недостатка въ средствахъ, въ виду внѣшнихъ осложненій и т. п.

Въ проектѣ Сперанскаго гораздо значительнѣе было то, что осталось неосуществленнымъ и до самаго послѣдняго времени было тайной. Имъ предположены были реформы государственнаго хозяйства, суда, полиціи, всей системы управленія и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего зданія, созывъ народ-

наго представительства — Государственной Думы, съ законодательными правами. Но всѣ эти предположенія такъ и остались на бумагѣ.

Такимъ образомъ, и второй періодъ реформаторскихъ попытокъ императора Александра не принесъ разрѣшенія ни политическаго, ни соціальнаго вопросовъ. Всѣ реформы свелись лишь къ нѣкоторымъ улучшеніямъ дѣлопроизводства въ центральномъ управленіи.

IV.

Неудача постигла и другую сторону дѣятельности Сперанскаго — его попытки улучшить наши финансы. Что ихъ нужно было улучшить, въ этомъ никто не могъ сомнѣваться, и манифестъ 1 января 1810 года торжественно призналъ, что «положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія». И дѣйствительно, положеніе государственной казны и экономическое состояніе государства требовали къ себѣ самаго серьезнаго вниманія. Россія въ началѣ XIX вѣка была еще въ значительной степени страной натуральнаго хозяйства; каждое помѣщичье хозяйство представляло собой небольшой, тѣсно замкнутый міръ обособленной экономической жизни; внутренняя и внѣшняя торговля была развита слабо (помимо всѣхъ другихъ причинъ, этому мѣшало отсутствіе дорогъ, такъ какъ у насъ стали устраивать шоссе лишь съ 1816 г.); фабрикъ и заводовъ было мало; богатства страны — горы, рѣки, лѣса, были почти не разработаны. А тутъ еще многочисленныя войны истощали и безъ того скудную казну (до 1812 года Россія вела двѣ войны съ Франціей, войну со Швеціей и войны съ Турціей и Персіей). Въ частности, что касается заграничной торговли, то она особенно сократилась послѣ Тильзитскаго мира 1807 г. По этому миру Россія должна была, принявъ континентальную систему, закрыть свои гавани для англійскихъ судовъ и не покупать англійскихъ товаровъ, чѣмъ Наполеонъ думалъ нанести ударъ торговлѣ Англіи; но отъ этого больше проиграла Россія, чѣмъ Англія: своего торговаго флота у насъ не было, и наша заграничная морская торговля шла преимущественно на англійскихъ корабляхъ; вывозъ сырья изъ Россіи шелъ преимущественно въ Англію. Теперь Россія почти не могла вывозить за границу свое сырье, а съ другой стороны, по дорогой цѣнѣ и въ

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМIИ.

Н. Н. Раевскiй.

П. П. Коновницынъ.

М. И. Кутузовъ.

П. Х. Витгенштейнъ.

П. В. Чичаговъ.

Л. Л. Беннигсенъ.

меньшемъ количествѣ должна была ввозить колоніальные и мануфактурные товары, цѣны на которые отъ этого повышались—такъ, напримѣръ, цѣна сахара поднялась въ 1810 г. до 80 — 100 рубл. ассигнаціями, т.-е. до 20 — 25 рублей на серебро за пудъ. Конечно, сокращеніе ввоза изъ-за границы сокращало иностранную конкуренцію и давало толчокъ къ развитію нашей прмышленности, но, во-первыхъ, результаты этого развитія не могли обнаружиться скоро, а во-вторыхъ, выгода отъ всего этого доставалась только промышленникамъ и отчасти купцамъ, которые, не боясь конкуренціи иностранныхъ товаровъ, легко могли повышать цѣны на свои товары, потребители же же несли убытки, платя дороже прежняго и часто за худшіе товары. Къ тому же приводила существовавшая тогда система таможенныхъ пошлинъ: ими усиленно поощрялся вывозъ и чрезвычайно затруднялся ввозъ; поэтому у насъ вывозъ превышалъ ввозъ. Но если мы даже возьмемъ самыя высокія цифры того и другого за періодъ 1803 — 1807 гг., именно относящіяся къ 1805 году, — $72^1/_2$ м. р. и $52^1/_2$ м. р., то нельзя не признать, что эти цифры очень малы для страны съ населеніемъ въ 40 милл. жителей. Сокращеніе оборотовъ внѣшней торговли коснулось, какъ было указано, и вывоза и ввоза; при этомъ характерно, что сокращеніе вывоза сказалось особенно на продуктахъ сельскаго хозяйства — на пшеницѣ, ячменѣ, овсѣ, пенькѣ и льнѣ; такъ, напримѣръ, пшеницы было вывезено въ 1800 г. 345 тысячъ четвертей, въ 1803 г. — $1^1/_2$ милл. четвертей, а въ 1807 г. лишь 465 тысячъ четвертей. Англія же вышла изъ этихъ затрудненій, вызванныхъ сокращеніемъ ввоза въ нее изъ Россіи, тѣмъ, что вмѣсто нашего сырья стала ввозить другое, а кромѣ того, стало многое производить у себя.

Сокращеніе вывоза продуктовъ сельскаго хозяйства понижало цѣну на нихъ, что, естественно, вызывало ропотъ помѣщиковъ—дворянъ. Правительство вняло этому ропоту, и въ 1811 году придумало обходъ условій Тильзитскаго договора: привозъ колоніальныхъ товаровъ былъ разрѣшенъ на американскихъ корабляхъ (а на нихъ какъ разъ тайно привозились англійскіе товары); съ другой стороны, привозъ изъ Франціи предметовъ роскоши былъ обложенъ высокой пошлиной, чтобы сократить его и удержать звонкую монету, которая шла на ихъ покупку, въ Россіи. Наполеонъ отвѣтилъ на это повышеніемъ пошлинъ на многіе товары, привозимые изъ Россіи.

Сокращеніе заграничной торговли было невыгодно и для государственной казны, такъ какъ уменьшало доходы, поступавшіе отъ пошлинъ, и потому государственному казначейству все труднѣе было сводить концы съ концами. Косвенныхъ налоговъ при дурномъ состояніи торговли и промышленности поступало мало, прямые же нельзя было возвышать, потому что они и безъ того были высоки и по нимъ числилось много недоимокъ. Послѣ Тильзита косвенные налоги стали давать еще меньше, недоимки же въ сборѣ прямыхъ еще увеличились. Финансовое хозяйство велось неправильно, государственные долги скрывались и показывались въ отчетахъ за разные годы въ различныхъ цифрахъ; росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ съ трудомъ сводились безъ дефицита, т.-е. безъ превышенія расходовъ надъ доходами; приходилось сильно сокращать расходы на самые необходимые предметы, но и при этомъ условіи не всегда удавалось избѣжать дефицита. Такъ, въ 1805 г. предвидѣлся дефицитъ въ 10 милл. рублей, въ 1806 г. — въ 18 милл. рублей, но потомъ его удалось уменьшить до $5^1/_2$ милл. рублей, въ 1806 г. — въ 26 милл. рубл., но его свели къ $6^1/_2$ милл. рублей. Въ 1807 — 1808 гг. дѣла еще ухудшились, такъ какъ вслѣдствіе Тильзитскаго договора произошелъ разрывъ съ Англіей, а въ 1808 г. началась война со Швеціей, потребовавшая большихъ затратъ; поэтому въ 1808 г. дефицитъ былъ болѣе 120 милл. рублей, а въ 1809 г., когда къ расходамъ по шведской войнѣ присоединились еще усиленные расходы для войны турецкой, дефицитъ превысилъ 140 милл. рублей. Какъ же покрывались эти перерасходы, откуда правительство брало деньги? Для покрытія дефицитовъ прибѣгали къ займамъ, но занять за границей въ первые годы царствованія Александра I было нельзя, такъ какъ тамъ русскому правительству не вѣрили послѣ того, какъ императоръ Павелъ отказался однажды заплатить $^0/_0$ по займамъ, предложивъ получить ихъ отъ Англіи, которая, по его расчетамъ, не заплатила намъ всего того, что должна была уплатить за участіе въ войнѣ съ Франціей. Къ тому же въ Европѣ въ это время было очень неспокойно и капиталисты предпочитали держать деньги при себѣ. Тогда рѣшено было въ 1809 г. заключить внутренній заемъ, въ самой Россіи. Покупателямъ бумагъ по этому займу была обѣщана уплата $7^0/_0$—по тому времени это былъ очень высокій $^0/_0$. Несмотря на это, за 2 года было продано бумагъ всего на 3 милл. рублей съ небольшимъ, такъ какъ публика,

непривыкшая къ такимъ финансовымъ операціямъ, а главное — не располагавшая большими денежными сбереженіями и не имѣвшая большого довѣрія къ правительству, предпочитала по старому помѣщать деньги на сбереженіе въ сохранную и ссудную кассы, въ приказы общественнаго призрѣнія и проч., хотя тамъ платили лишь 5%; кромѣ того, заемъ былъ неудобенъ для публики тѣмъ, что бумаги были стоимостью не менѣе какъ въ 1,000 рублей, а % по нимъ уплачивались только въ Петербургѣ. Но наиболѣе важной причиной неудачи этого внутренняго займа было то, что Россія была въ это время, какъ указано выше, еще страной натуральнаго хозяйства, при слабомъ же развитіи торговли и промышленности денегъ въ оборотѣ было мало, и потому внутренніе займы не могли дать государственному казначейству значительной суммы.

Другимъ средствомъ покрывать дефицитъ былъ выпускъ ассигнацій (бумажныхъ денегъ). Онѣ появились у насъ впервые при Екатеринѣ II, и обезпеченныя милліоннымъ запасомъ металлическихъ денегъ ходили по той же цѣнѣ, что и металлическія. Но когда ассигнацій стали выпускать все больше и больше, то населеніе потеряло увѣренность, что всѣ онѣ въ случаѣ необходимости будутъ обмѣнены казной на серебро. Ихъ стали брать менѣе охотно, и цѣна ихъ стала падать. Поэтому, напримѣръ, въ 1805 году за ассигнаціонный рубль давали только 77 коп. серебромъ, въ 1806 г. — $74^2/_3$ коп. сер., въ 1807 г. — 67 коп., въ 1808 г. — $53^1/_2$ коп., а въ 1809 г. — даже только $44^1/_2$ коп. Всего ассигнацій къ 1804 г. было на $260^1/_2$ м. р., а въ 1810 г. ихъ было уже на 577 милл. р., такъ какъ, лишь только обнаруживалось, что расходы превышаютъ доходы, выпускали новыя ассигнаціи. Казна этимъ нѣсколько поправляла свое положеніе, такъ какъ даже при цѣнѣ 40 коп. за ассигнаціонный рубль она, выпустивъ ассигнацій на 10 милл. р., получала 4 милл. р. серебромъ, печатаніе же этихъ ассигнацій, конечно, стоило дешево; но населеніе всегда оставалось въ убыткѣ: какъ только выпускали ассигнаціи на нѣсколько милліоновъ рублей, цѣна тѣхъ, которыя уже были въ обращеніи, падала, и владѣльцы ихъ становились беднѣе: если у когонибудь въ 1808 г. была 1 тыс. рубл. ассигнаціями, то капиталъ его равнялся 530 р. 50 к. на серебро, а въ 1809 году его капиталъ уменьшался до 440 р. 50 к., и никто не зналъ, кончится ли когда-нибудь это паденіе стоимости ассигнацій; скорѣе, наоборотъ, можно было утверждать обратное. И дѣйстви-

тельно, въ 1811 г. ассигнаціонный рубль стоилъ всего $22^1/_2$ коп. серебромъ. Могли ли при такихъ условіяхъ правильно развиваться торговля и промышленность?

На что же шли государственные доходы, которые добывались съ такимъ трудомъ? Если мы для примѣра возьмемъ смѣту расходовъ на 1801 годъ, то увидимъ, что въ $^0/_0{}^0/_0$ расходы распредѣлялись такъ: на армію и флотъ шло $50^0/_0$ всѣхъ расходовъ, на уплату государственныхъ долговъ (которые были сдѣланы почти исключительно на военныя надобности) — $10^1/_2{}^0/_0$, на Дворъ—$10^0/_0$, на управленіе и судъ — $9^0/_0$, на финансовое хозяйство, т.-е. на добываніе денегъ и сборъ податей, и на государственное хозяйство — около $15^0/_0$, на всѣ прочіе расходы, въ томъ числѣ и на народное просвѣщеніе — около $5^0/_0$. Такую же картину даютъ смѣты расходовъ и въ другіе годы царствованія Александра I, т.-е., какъ и въ 1801 г., на военныя потребности шло около $^3/_5$ всѣхъ расходовъ, на добываніе денегъ—около $^1/_6$, или, другими словами, на войско и финансы шло болѣе $^3/_4$ всѣхъ расходовъ. При такихъ условіяхъ народъ продолжалъ пребывать въ невѣжествѣ, народное хозяйство почти не развивалось, не совершенствовалось; богатства страны лежали втуне, и населеніе (изъ котораго только $4,4^0/_0$ жило въ городахъ) продолжало заниматься почти исключительно земледѣліемъ. А при плохомъ состояніи народнаго хозяйства не могло улучшаться и хозяйство государственное. Нужны были коренныя реформы въ государственномъ хозяйствѣ, и составленіе ихъ плана было поручено въ 1809 г. Сперанскому.

V.

Основную мысль своего плана, который Сперанскій ставилъ въ тѣсную связь съ общими порядками управленія, понимая, что нельзя исправить часть, когда гнило цѣлое, онъ выразилъ такъ: «всякій финансовый планъ, предлагающій способы легкіе и непомогающій ограниченію въ расходахъ, есть явный обманъ, влекущій государство въ погибель». Поэтому Сперанскій считалъ необходимыми «сильныя мѣры и и важныя пожертвованія». Планъ его состоялъ изъ 2 частей: первая касалась тѣхъ мѣръ, которыя можно и необходимо принять немедленно, вторая относилась къ будущему и имѣла цѣлью упорядочить финансовое хозяйство, показавъ, какъ

надо составлять «образцовыя» смѣты и т. п. Вообще же надо сказать, что планъ Сперанскаго касался, главнымъ образомъ, хозяйства государственнаго, а не народнаго, такъ какъ и порученіе, ему данное, заключалось именно въ составленіи финансоваго плана, а не въ выработкѣ проекта экономическихъ реформъ.

На первое время Сперанскій предлагалъ: 1) прекратить выпускъ ассигнацій, 2) сократить расходы, 3) установить лучшій надзоръ за государственными издержками, 4) ввести новые налоги. Что касается послѣдней мѣры, то онъ считалъ необходимымъ условіемъ успѣха то, чтобы общество было убѣждено въ томъ, что «не дѣйствіемъ произвола, но точно необходимостью, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги».

Правительство въ теоріи держалось плана Сперанскаго до 1812 г. Для уменьшенія числа ассигнацій рѣшено было образовать особый «капиталъ погашенія», заключить внутренній заемъ, учредить комиссію погашенія долговъ и проч. Но всѣ эти мѣры не могли улучшить финансы въ 1810 году, и онъ закончился съ дефицитомъ въ 100 милл. р. ассиг., а потому количество ассигнацій не только не сократилось, но даже увеличилось — ихъ выпустили въ этомъ году на 43 милл. р. Внутренній заемъ черезъ годъ далъ всего $6\frac{1}{2}$ милл. р., а отъ продажи государственныхъ имуществъ выручили сумму, которая равнялась всего $\frac{1}{5}$ части той, которую предполагалось получить.

Неудачно закончился и 1811 годъ, съ одной стороны вслѣдствіе внѣшнихъ затрудненій, переживавшихся Россіей, съ другой — по причинѣ многочисленныхъ внутреннихъ бѣдствій: пожаровъ, неурожая, голода и проч. Поэтому налоги, установленные первоначально только на 1810 годъ, были сохранены и въ 1811 г. — кромѣ налога съ помѣщичьихъ земель, оставить который считали опаснымъ. Затѣмъ, вопреки обѣщанію, снова выпустили ассигнаціи. Дефицитъ въ 1811 г. превысилъ 40 милл. рублей. Во всѣхъ неудачахъ, во всѣхъ затрудненіяхъ обвиняли автора финансовой реформы, Сперанскаго. Въ чемъ только его ни подозрѣвали: и въ приверженности къ революціи и въ измѣнѣ! Въ обществѣ въ это время опять чрезвычайно усилилось движеніе противъ французовъ; все французское преслѣдовалось, и всякій сторонникъ Франціи былъ на подозрѣніи.

На Сперанскаго роптал народ, роптало дворянство, роптали чиновники и придворные (которых император называл «дворцовыми полотерами») за указы об экзаменах для полученія чина коллежскаго асессора и статскаго совѣтника и о лишеніи придворных званій тѣх служебных преимуществ, которыя они до тѣх пор давали людям, не несшим никакой службы. Ропот чиновников и придворных был столь силен, говорит один историк, «как будто бы отечеству грозила гибель в родѣ новаго нашествія Батыева». Среди высшаго чиновничества, с которым Сперанскій не умѣл сойтись, на него смотрѣли как на выскочку, так как он был из духовнаго званія. Было у него много и личных врагов; в числѣ их был и министр финансов Гурьев, многим обязанный Сперанскому; он был недоволен той громадной ролью, какая была отведена Сперанскому в финансовых дѣлах. Все это вмѣстѣ взятое повело к охлажденію между императором, которому враги Сперанскаго все твердили, что «Сперанскій хитро подкопался под самодержавіе», и его статс-секретарем. Император даже стал раскаиваться в произведенных преобразованіях Совѣта и министерств. Все усилившійся ропот общественнаго мнѣнія разрѣшил, наконец, колебанія императора, и он, чтобы хоть нѣсколько возстановить довѣріе общества к правительству, пожертвовал Сперанским; сам император Александр говорил потом, что его ссылка была «жертвой общественному мнѣнію». Извѣстіе об отставкѣ Сперанскаго было вездѣ встрѣчено с удовольствіем; «ссылку Сперанскаго,—говорит современник,—торжествовали, как первую побѣду над французами», и довѣріе к правительству стало возстанавливаться.

Наиболѣе ярким выраженіем недовольства Сперанским и всей дѣятельностью правительства за время 1807 — 1811 гг. была записка историка Карамзина «О старой и новой Россіи». В ней он дал программу требованій и картину настроенія средняго дворянства. Карамзин доказывал в противоположность Сперанскому, что благо государства заключается не в учрежденіях, а в людях; если хороши люди, то будет хорош и порядок, дурные же люди непремѣнно испортят хорошіе порядки. Поэтому, говорил Карамзин, нам не нужно конституціи, «дайте нам 50 умных и добродѣтельных губернаторов, и все пойдет хорошо». Всѣ планы Сперанскаго—осуществленные и предполагаемые—он считал

вредной затѣей и «мудрованіями ученическими». Нужны страхъ и строгость—и все придетъ въ порядокъ. «Не должно позволять,—говорилъ Карамзинъ,—чтобы кто-нибудь въ Россіи смѣлъ торжественно представлять лицо недовольнаго». Но въ то же время, по мнѣнію Карамзина, монархъ не долженъ быть деспотомъ, онъ долженъ держаться въ предѣлахъ законной власти, чтобы не возбудить всеобщей ненависти и не лишиться трона. Никакихъ другихъ ограниченій для власти монарха, кромѣ этого страха передъ возстаніемъ подданныхъ, по мнѣнію Карамзина, быть не должно. Записка Карамзина не осталась безъ вліянія на императора и сыграла роль въ паденіи Сперанскаго.

Когда ушелъ Сперанскій, а вскорѣ за нимъ и адмиралъ Мордвиновъ, недовольный тѣмъ, что департаментъ экономіи Государственнаго Совѣта, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ, соединили съ департаментоиъ законовъ для засѣданій по дѣламъ, требующимъ отпуска денегъ, такъ какъ толковалъ, очевидно, это распоряженіе, какъ направленное лично противъ него, то въ правктельствѣ Александра I не осталось людей, способныхъ вывести государство изъ того критическаго положенія, въ которомъ оно было наканунѣ Отечественной войны. Министръ финансовъ Гурьевъ сейчасъ же послѣ удаленія Сперанскаго представилъ новый финансовый планъ, противоположный плану Сперанскаго; въ немъ, между прочимъ, говорилось, что правительство сдѣлало большую ошибку, признавъ въ 1810 г. ассигнаціи государственнымъ долгомъ. Планъ Гурьева былъ принятъ, но, конечно, это не могло поправить финансоваго положенія государства, такъ какъ, если бы даже онъ былъ удачнымъ, то все-таки не могъ бы обнаружить своихъ благодѣтельныхъ послѣдствій за 3 мѣсяца, протекшіе со времени его принятія до начала военныхъ дѣйствій.

Таково было внутреннее положеніе Россіи въ первую половину царствованія Александра I. Какъ мы видѣли, вступленіе на престолъ Александра I было встрѣчено всеобщими надеждами и ожиданіями. Но ни тѣмъ, ни другимъ не суждено было сбыться. Историкъ Шильдеръ справедливо называетъ эти первые годы царствованія Александра I «эпохой колебаній»; ни одна изъ стоявшихъ на очереди реформъ не была осуществлена, и вся дѣятельность правительства ограничилась нѣ-

которыми техническими улучшеніями въ области управленія, да возстановленіемъ тѣхъ сословныхъ правъ и привилегій, которыя были отмѣнены въ предшествующее царствованіе; допущенная въ первые годы нѣкоторая свобода общественной жизни быстро смѣнилась эпохой всякихъ «разъясненій» и «ограниченій». Не улучшилось и экономическое положеніе народа, а также состояніе государственной казны; принятыя въ этомъ направленіи мѣры или были недостаточны и односторонни или запоздалы, чтобы успѣть подготовить государство къ потрясеніямъ 1812 года; наконецъ въ проведеніи ихъ не было необходимой настойчивости, и наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій правительство мѣняло планъ всей финансовой политики. Поэтому нельзя не согласиться съ г. Богдановичемъ, который говоритъ: «Что могли мы противопоставить грозному нашествію? Войска наши далеко уступали непріятелю въ численномъ отношеніи; средства наши были истощены; дефициты нѣсколькихъ лѣтъ покрывались вопреки формальному обѣщанію правительства новыми выпусками ассигнацій и новыми налогами». Россія, дѣйствительно, встрѣтила 1812-й годъ неподготовленной.

К. Сивковъ.

И. М. Сперанскій. Вел. кн. Екатерина Павловна. Н. М. Карамзинъ.

Русская армія и ея вожди передъ войною.

Начались реформы арміи. Особое вниманіе было обращено на артиллерію, матеріальная часть которой была значительно улучшена (конструкція орудій была усовершенствована, лафеты облегчены).

Были приняты мѣры къ улучшенію матеріальнаго положенія нашей арміи: были усилены оклады офицеровъ (на 35 — 50%), повышено было также и жалованье солдатъ (съ 9 р. 50 к. до 12 руб.). Для увеличенія и улучшенія офицерскаго состава открывались военныя училища въ Петербургѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ; сюда поступали молодые люди по окончаніи училищъ обычнаго общеобразовательнаго типа. Здѣсь же проходились спеціально военныя науки: фортификація, стратегія, тактика и проч. Кромѣ того, правительство выказывало заботы объ охраненіи здоровья солдатъ. По новому наставленію для пріема рекрутовъ правительство настаивало обращать вниманіе на здоровье и крѣпкое сложеніе рекрута прежде всего; улучшая медицинскую часть, усовершенствуя ея организацію и увеличивая жалованье медикамъ, правительство заботилось о возможномъ сохраненіи этого крѣпкаго и здороваго рекрута.

Сверхъ того, императоръ Александръ, вѣрный своимъ словамъ, «что нѣтъ другого средства сдержать Наполеона, какъ усилить свое войско», продолжаетъ заботиться объ этомъ и не останавливается даже передъ устройствомъ милиціи, которая, правда, не въ полномъ составѣ (200 тысячъ) и только какъ резервная армія, была задержана на весь 1807 годъ. Но не только количественное усиленіе арміи входило въ планы императора. Онъ заботился и объ обученіи ея — съ этой цѣлью всѣ три вида оружія на маневрахъ сводились вмѣстѣ, чтобы ближе ознакомить ихъ съ выгодами и условіями взаимнаго

боя, стрѣлковое дѣло, доселѣ поставленное въ нашей арміи мало удовлетворительно, нашло также свое дальнѣйшее развитіе. Однимъ словомъ, быстрые успѣхи Наполеона не давали дремать и правительству Александра. И все же, несмотря на всѣ эти предпринятыя реформы, наши новыя столкновенія съ французами были мало успѣшны.

Къ сожалѣнію, даже и арміи за немногими исключеніями, были далеко не на высотѣ положенія. Недаромъ въ началѣ войны 1805 г. императоръ Александръ, не зная кого противопоставить Наполеону, останавливался даже на мысли пригласить изъ Америки знаменитаго Моро.

Не спаенная желѣзной дисциплиной непререкаемаго авторитета единаго вождя, руководимая порою людьми слабохарактерными, болѣзненными (таковъ былъ Беннигсенъ), русская армія дошла до печальнаго состоянія, въ ея средѣ развивалось мародерство, бродяжничество. Во вторую прусскую кампанію особенно сказалось неумѣніе генераловъ сдерживать себя, ихъ зависть, интриги. Всѣ дѣйствія Беннигсена окрашены стремленіемъ къ личной славѣ, къ личной карьерѣ — прославленіе себя и критика другихъ, вотъ основная черта его характера, ярко выразившаяся и въ 1807 г. и позднѣе въ Отечественную войну. «Французская армія кишитъ великими генералами, а у меня и посредственныхъ нѣтъ», желчно высказывалъ онъ, правда, совершенно вѣрную мысль. Эти «посредственные» въ его оцѣнкѣ, зачастую старшіе чиномъ генералы, не повиновались ему: гр. Буксгевденъ, обойденный въ назначеніи, вызываетъ своего счастливаго соперника на дуэль, генералъ Кнорингъ, въ горячемъ спорѣ, хватается за эфесъ шпаги. Изъ примѣровъ такого пониманія военной субординаціи можно уяснить себѣ, что разложеніе дисциплины коснулось и верховъ арміи, ея главныхъ генераловъ. Однако во многомъ былъ виноватъ и самъ императоръ вмѣшавшійся въ распоряженіе главнокомандующимъ. Назначивъ въ 1805 г. главнокомандующимъ Кутузова, онъ мѣшаетъ его дѣйствіямъ, хотя передъ этимъ мѣропріятія Кутузова были разумны и принесли хорошіе результаты, да и назначенія не всегда бывали удачны. Въ 1806 г. императоръ назначаетъ главнокомандующимъ гр. Каменскаго, совершенную развалину, и самымъ лестнымъ образомъ рекомендуетъ его королю прусскому. Когда гр. Каменскій подъ Пултускомъ напуталъ такъ дѣла, что смѣшалъ самого Наполеона, полагавшаго, что во всей этой пу-

таницѣ скрытъ какой-то замысловатый планъ, а потомъ самъ слегъ въ госпиталь, передъ императоромъ Александромъ была опять тяжелая задача. Не зная своихъ генераловъ въ бою, а только, какъ и отецъ, на вахтъ-парадахъ, онъ съ отчаяніемъ пишетъ П. Толстому: «Гдѣ у насъ тотъ человѣкъ, пользующійся общимъ довѣріемъ, который соединялъ бы военныя дарованія съ необходимою строгостью въ дѣлѣ командованія? Что касается до меня, то я его не знаю». Главнокомандующимъ назначается Беннигсенъ, который такъ удачно продолжалъ дѣло Каменскаго, но и здѣсь государь не предоставляетъ ему полной свободы, торопитъ его вступить въ новый бой съ Наполеономъ и, можетъ-быть, косвенно вызываетъ Фридландскій погромъ.

Въ іюлѣ 1807 г. заключенъ былъ Тильзитскій миръ, поставившій обоихъ императоровъ, внѣшне, по крайней мѣрѣ, въ положеніе друзей. Въ 1809 г. началось охлажденіе этой кажущейся дружбы, къ концу года положеніе дѣлъ обостряется, на первый планъ выдвигаются несогласія по польскому вопросу. Съ этого момента обѣ державы упорно подготовляются къ войнѣ: Франція — наступательной, Россія — оборонительной въ теченіе всего 1810 г. Наполеонъ энергично готовится къ войнѣ, организуетъ путемъ усиленныхъ конструкцій новыя войска, постепенно переводитъ ихъ въ предѣлы Пруссіи и далѣе къ польскимъ владѣніямъ, въ восточныя крѣпости Пруссіи, занятыя французскими гарнизонами, онъ перевозитъ артиллерійскіе парки, заботится о продовольствіи, собирая громадные запасы его, измышляя наилучшіе способы его доставки.

Россія также готовилась къ войнѣ. Русское правительство сознавало недостатки своей арміи. Императоръ Александръ въ сравненіи съ арміей французовъ уже въ 1811 г., прощаясь съ французскимъ посломъ Коленкуромъ, отзываемымъ въ Парижъ, самъ опредѣлялъ ихъ: «У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши, я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ...» Вся надежда, значитъ, лежала въ комплектѣ нижнихъ чиновъ, но усиливать этотъ комплектъ съ каждымъ годомъ было все труднѣе и труднѣе: это ослабляло народное хозяйство, усиливало сословную вражду. Постоянныя войны: французскія, турецкія, шведскія, и безъ того заставили правительство форсировать народныя силы — за 10 лѣтъ (1802 — 1811 гг.), населеніе, несущее рекрутскую повинность, равное

приблизительно 16 милліонамъ, вынесло на своихъ плечахъ 9 рекрутскихъ наборовъ, при чемъ нормальнымъ по положенію 1799 г., т.-е. опредѣляющимъ съ 500 ревизскихъ душъ только одного рекрута, былъ всего одинъ наборъ 1804 г., три же набора (1806, 1808 и 1809 гг.) опредѣляли максимальное число рекрутовъ (5) съ того же количества душъ. Всего за эти 10 лѣтъ изъ 500 ревизскихъ душъ было взято 31 рекрутъ, а общимъ числомъ около 740 тысячъ. Но эти голыя цифры только тогда станутъ намъ вполнѣ понятны, если мы отчетливо представимъ себѣ, что влекъ за собою въ русской деревнѣ подобный наборъ, этотъ «періодическій кризисъ народной скорби», по удачному выраженію современника. «Нужно вести приватную жизнь,—говоритъ тотъ же авторитетный голосъ (сенаторъ Тутолминъ),—чтобъ быть очевидцемъ отчаянія семействъ, стенанія народа, тяжести издержекъ и конечнаго, въ продолженіе набора, прерванія хозяйствъ и всякой промышленности». Возьмите записки рекрута того времени, съ ихъ страницъ вѣетъ какимъ-то холодомъ отчаянія: «Насъ хотѣли заковать, но я брата Ивана оставилъ дома, а меня заковали и повели на другую квартиру. Не помню, долго ли я сидѣлъ, а между тѣмъ пришло повелѣніе или понужденіе, чтобы къ 1-му апрѣля непремѣнно съ нашей волости рекрутъ былъ представленъ... Пошло послѣднее цѣлованье, объятья на разлукѣ. Горька была эта минута! Мать и сестры причитаютъ: «вѣдь ты идешь на двадцать пять лѣтъ», а отдатчикъ кричитъ: «садитесь»... На другой день меня, добраго молодца, повели въ пріемъ, раздѣли, ввели въ присутствіе, поставили въ станокъ; унтеръ - офицеръ повытянулъ и закричалъ: «три вершка съ половиною!» Какой - то господинъ сказалъ: «Не годится», а я въ свою очередь сказалъ, что иду Богу и великому государю служить охотно за брата. Меня опять начали осматривать, и докторъ, какъ цыганъ, словамъ моимъ не повѣрилъ, что я здоровъ, что зубы всѣ цѣлы; самъ полѣзъ въ ротъ... Еще что-то поговорили и сказали: «Подрастетъ», еще повертѣли и закричали: «лобъ! лобъ! лобъ!..» Погнали насъ, рекрутовъ, къ присягѣ на вѣрность службы царю. Мы присягнули, и насъ повели къ батальонному командиру... Въ это время офицеръ, въ большихъ эполетахъ, съ балкона закричалъ, что меньшой не годится, и еще нѣкоторыхъ забраковалъ съ балкона, самъ повернулся и пошелъ, а отдатчики забракованныхъ рекрутъ пошли къ нему наверхъ, и ко-

гда воротились отъ него, то мы всѣ оказались годны». Но, несмотря на это напряженіе народныхъ силъ, правительство, какъ разъ въ разгаръ коалиціонныхъ войнъ, рѣшается на созывъ милиціи въ громадномъ числѣ, болѣе 600 тысячъ. Это былъ рискованный шагъ—правительство сразу попадало среди двухъ огней. Такое страшное напряженіе народныхъ силъ могло вызвать вспышку народнаго гнѣва. Пугачевщина еще не вывѣтрилась въ народной памяти. Раздавались голоса, критикующіе эту мѣру; они говорили: «Кто будетъ заложникомъ за внутреннее спокойствіе имперіи, когда безграмотный донской казакъ, не токмо не умѣвшій каковаго-либо выдать обольстительнаго и воспламеняющаго умы манифеста, но ниже малѣйшаго полезнаго для себя сдѣлать распоряженія, собралъ себѣ сообщниковъ, возмутилъ народъ и потрясалъ основаніе государства, такъ что регулярные сначала (впрочемъ, ослабѣвшіе) городовые гарнизоны клали оружіе и отдавались въ плѣнъ уродливой злодѣйской сволочи! Нынѣ же мятежный, предпріимчивый, а можетъ-быть, и болѣе просвѣщенный умъ, не встрѣчаетъ ли 600 тысячъ человѣкъ для себя уже готовыхъ въ такое для него благопріятное время».

Но прибѣгать къ этой мѣрѣ вторично было рискованно; эту мѣру приберегали на крайній случай. Пока войска увеличивали обычнымъ порядкомъ. Въ послѣдней четверти 1810 г. въ арміи и гвардіи числилось: 440 батальоновъ пѣхоты, 399 эскадроновъ кавалеріи, 156 артиллерійскихъ ротъ и 6 батальоновъ инженерныхъ войскъ, всего до 420 тысячъ при 1552 орудіяхъ, за 11-й годъ русскія войска усилились приблизительно на 60 тысячъ и 500 орудій. (154 батальоновъ пѣхоты, 410 эскадроновъ кавалеріи, 159 артиллерійскихъ ротъ и тѣ же 6 батальоновъ инженернаго войска.) Но эти войска, въ моментъ вторженія Наполеона, были разбросаны по всей территоріи государства—въ Молдавіи и на Дунаѣ (87 т.), въ Крыму (19 т.), по кавказской линіи (10 т.), въ Грузіи (24 т.), въ Финляндіи (30 т.).

У границы, гдѣ ждали врага, было сосредоточено съ небольшимъ 200 тыс. Извѣстно, что эти войска не могли остановить энергичныхъ наступленій Наполеона. Резервы въ видѣ запасныхъ батальоновъ и рекрутскихъ депо дѣйствовали достаточно энергично и до образованія Тарутинскаго лагеря, доставили арміи еще 50 тысячъ воиновъ, иначе говоря, пополнили до 20% ея боевой составъ.

Продовольствіе этой арміи подготовлено было не вполнѣ раціонально; главный недостатокъ продовольственнаго дѣла въ кампаніи 1812 г. уже давно подмѣченъ въ наукѣ, — магазины были устроены черезчуръ обширными, а разстояніе между ними было излишне велико.

Подготовляя оборонительную кампанію, правительство озабочено было укрѣпленіемъ ряда крѣпостей — Риги, Бобруйска, Кіева, Динабурга, Себежа, правда, докончить эти работы не удалось.

Вотъ что противуполагала Россія надвигающимся силамъ врага—это было мало въ сравненіи съ 400-тысячной арміей французовъ. Условія момента подсказывали нашимъ вождямъ, какъ единственно возможное, тотъ скиѳскій способъ отступленія, что замѣтно обезсилилъ врага и привелъ его къ разстройству.

Положеніе Россіи было крайне рискованное, на первый взглядъ прямо безвыходное — единственное спасеніе видѣли въ оборонѣ, въ отступленіи, въ утомленіи врага. Самъ императоръ, его главные вожди Барклай и Кутузовъ, многіе военные тактики изъ нѣмцевъ, знаменитый Дюмурье, —всѣ сознавали, что въ этомъ средствѣ спасеніе Россіи.

И дѣйствительно, пораженіе и бѣгство Наполеона прежде всего и объясняется подобной тактикой русской арміи.

Какъ прежде, подъ Аустерлицемъ напримѣръ, русскіе показали, что они умѣютъ драться упорно, самоотверженно; бои подъ Витебскомъ, Краснымъ, Смоленскомъ, наконецъ, Бородино подтвердили это положеніе. Борьба въ хорошо знакомой мѣстности, среди сочувствующаго населенія, защищающаго свой родной край, равно какъ цѣлый рядъ промаховъ со стороны врага: упадокъ дисциплины, недостаточныя мѣры къ полному снабженію арміи всѣмъ нужнымъ — облегчали дѣйствія русскихъ войскъ. Но русская армія не могла, конечно, въ немногіе годы царствованія новаго императора совершенно отказаться отъ своихъ, зачастую какъ бы традиціонныхъ недостатковъ.

Правда, подъ ударами тяжелой школы, борьбы съ французами, русскіе генералы отказались отъ стараго, недостаточно гибкаго прусскаго боевого строя, усвоивъ пріемы своихъ враговъ; мало осталось теперь поклонниковъ показной системы императора Павла, точная маршировка, правда, нравилась и самому императору и цесаревичу Константину, который не безъ досады говорилъ о русской арміи послѣ ея побѣды надъ

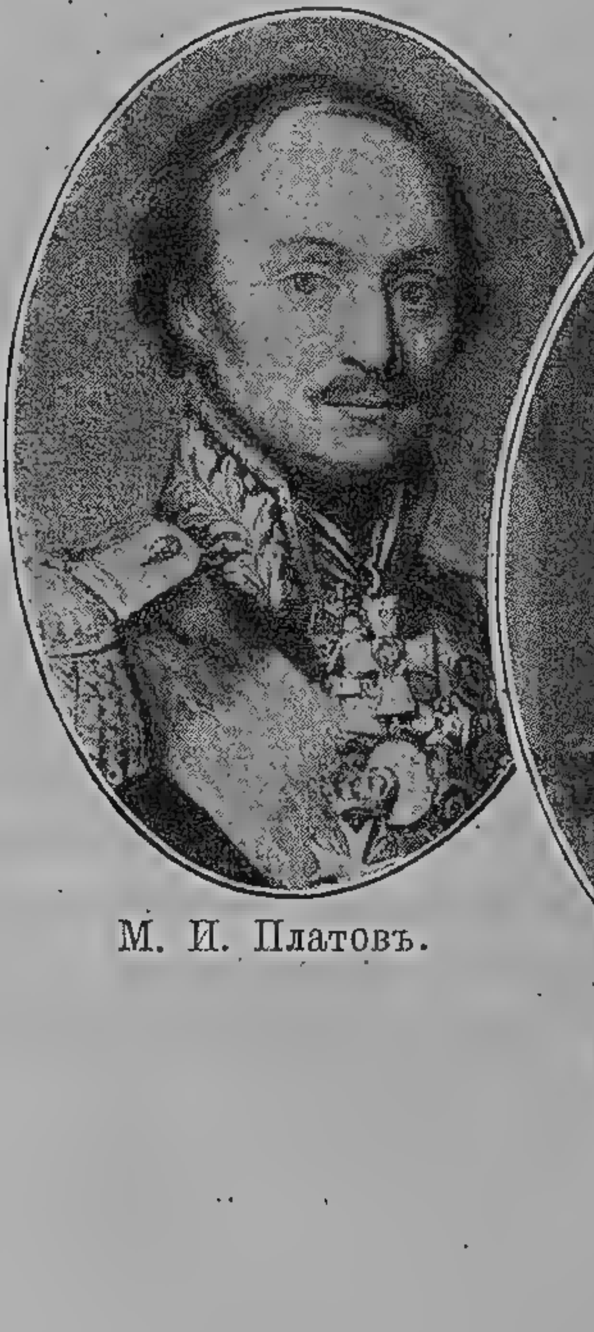
Наполеономъ, что съ нею можно только побѣждать — но эти пережитки прошлаго режима замѣтно стушевались въ грозную годину борьбы.

Русскіе выдвигаютъ даровитыхъ, часто просто удачливыхъ вождей: хладнокровный, предусмотрительный Барклай, искусный въ стратегическихъ движеніяхъ Кутузовъ, счастливый Витгенштейнъ — но старый грѣхъ русской арміи: отсутствіе единой власти и вытекающія отсюда зависть, интриги, національная, личная вражда налицо. Императоръ Александръ не измѣнилъ своей политики недовѣрія; только на время, въ моментъ наибольшей опасности, уступая общественному мнѣнію, онъ передалъ эту власть Кутузову, къ которому относился скорѣе съ недоброжелательствомъ. «Онъ предпочиталъ терпѣть уронъ отъ безпрекословнаго повиновенія, — говоритъ о немъ современникъ, — нежели выгоды отъ рѣшительности». Сначала идетъ вражда между Барклаемъ и Багратіономъ, вражда, гдѣ съ одной стороны примѣшиваютъ мотивы національнаго недовѣрія, гдѣ замѣтно принципіальное несогласіе. Пылкій Багратіонъ, обиженный какъ старшій по службѣ передъ Барклаемъ, нетерпящій отступленій, еще въ іюнѣ 1812 г. пишетъ государю: «Государь!.. прикажите... нанесть ударъ врагамъ. Всякое отступленіе ободряетъ непріятеля... Иновѣрцы не могутъ такъ усердно судить, ибо они ничего не рискуютъ, а мы все». Такъ писалъ Багратіонъ, другіе вели интригу тоньше, возбуждали общественное мнѣніе противъ Барклая и дѣлали его положеніе невыносимымъ: «Слухи неблагопріятнѣйшіе, сочиненія, исполненныя ненависти противъ меня, распространялись, и въ особенности людьми, находящимися въ отдаленіи и не бывшими свидѣтелями сего событія» (взятіе Смоленска), писалъ самъ Барклай. Государь смѣнилъ Барклая, назначилъ Кутузова, начальникомъ главнаго штаба былъ назначенъ Беннигсенъ. Едва ли Александръ не понималъ, какую ошибку онъ совершаетъ этимъ выборомъ? Вѣрнѣе, онъ поступалъ такъ сознательно: въ лицѣ Беннигсена, или, лучше сказать, близкаго къ нему военнаго агента Англіи Роб. Вильсона государь пріобрѣталъ усерднаго, но далеко не добросовѣстнаго корреспондента изъ главной квартиры, который, дѣйствительно, разжигалъ недовѣрчивость императора. Вильсонъ указываетъ императору на «бездѣйствіе фельдмаршала», снисходительно заявляетъ, что «лѣта и физическая дряхлость его могутъ нѣсколько послужить ему въ извиненіе», онъ противополагаетъ

Кутузову Беннигсена, «личный примѣръ котораго рождаетъ во всѣхъ рѣшительность». «Беннигсенъ, — восклицаетъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ,—Аннибалъ въ сравненіи съ Кутузовымъ». Фельдмаршалъ прекрасно понималъ своего врага. Онъ писалъ женѣ; «О Беннигсенѣ писать не хочется; онъ глупый и злой человѣкъ, увѣрили его такіе же простяки, которые при немъ, что онъ можетъ испортить меня у государя и будетъ командовать всѣмъ». Въ этихъ отношеніяхъ очевиденъ элементъ вражды, но если мы познакомимся со взглядами болѣе молодыхъ генераловъ—Толя, Ермолова,—мы увидимъ, какъ рѣзко безъ всякой личной подкладки расходятся они съ фельдмаршаломъ, и на этой почвѣ зачастую происходили далеко не желательные, съ военной точки зрѣнія, факты, напримѣръ, факты непослушанія. «Ручаясь за точность исполненія,—пишетъ Ермоловъ,—я перекрестился, но долженъ признаться, что тогда же рѣшился поступать иначе».

Недостатки русской арміи, точнѣе, верховъ ея, были теперь налицо; но ея боевыя качества, проявленныя въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ кампаніяхъ 1805—7 гг., дали ей побѣду, тѣмъ болѣе, что цезаризмъ Наполеона уже давно подтачивался въ самой Франціи, его могущество держалось однимъ страхомъ, и все способствовало паденію этого «колосса на глиняныхъ ногахъ».

А. Кабановъ.



М. И. Платовъ.

А. С. Фигнеръ.

Ф. Ф. Винцегероде.

Война до Москвы.

Къ началу 1812 г. Наполеонъ закончилъ грандіозныя приготовленія къ величайшему изъ своихъ военныхъ предпріятій — походу на Россію. Онъ учитывалъ и силу противника, и тѣ особыя затрудненія, которыя были связаны съ походомъ въ страну отдаленную и обширную. Поэтому онъ подготовилъ колоссальную по численности армію, каковой уже давно не видала Европа на поляхъ битвы, и тщательно, до мелочей, обдумалъ сложный вопросъ о снаряженіи и продовольствіи арміи и самый планъ кампаніи.

Положеніе, которое Наполеонъ занялъ въ Европѣ въ первое десятилѣтіе XIX в., давало ему въ руки обширныя средства. Кромѣ контингента, выставленнаго собственно Франціей, весьма расширившейся въ своихъ предѣлахъ въ эпоху революціи и имперіи, Наполеонъ могъ располагать вспомогательными силами большинства европейскихъ государствъ, такъ или иначе отъ него зависимыхъ (каковы: Итальянскія королевства, Рейнскій союзъ, Иллирія, герцогство Варшавское), или же — союзныхъ (Австрія, Пруссія, вновь образованныя германскія королевства, Данія, Швейцарія). Правда, численность «большой арміи» (La grande armée), предназначенной для вторженія въ Россію, была нѣсколько менѣе традиціонной, принятой въ историческихъ описаніяхъ, цифры въ 600 тыс. Составъ ея по списку (императорская гвардія, 12 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ корпуса) достигалъ до 534 тыс., въ дѣйствительности же врядъ ли превышалъ 500 тыс. Самъ Наполеонъ старался придать какъ можно больше помпы своему предпріятію. Его агенты старательно раздували численность «большой арміи».

Въ цѣляхъ обезпеченія арміи продовольствіемъ, заблаговременно были заготовлены огромные запасы провіанта, сосредоточенные въ крѣпостяхъ по р. Вислѣ, въ предѣлахъ Пруссіи и герц. Варшавскаго, съ расчетомъ, что запасовъ хватитъ на всю армію на 11 мѣсяцевъ. 20 сборныхъ батальоновъ (600 конныхъ повозокъ и 300 воловьихъ фуръ) везли вслѣдъ за арміей продовольствіе на 2 мѣсяца. Цѣлые батальоны воловъ, слѣдовавшихъ за арміей, должны были обезпечить ее свѣжимъ мясомъ. Запасы вина и водки исчислялись милліонами бутылокъ. При каждомъ полку для перемалыванія зерна въ муку были заготовлены особыя ручныя мельницы. Фуражъ для конницы предполагалось доставать на мѣстѣ, для чего походъ былъ приноровленъ къ лѣтнему времени. Очень тщательно была обдумана и поставлена развѣдочная часть. Тайные французскіе агенты были разсѣяны по дорогамъ къ Петербургу, Москвѣ, а также — къ Бухаресту, откуда могла двинуться армія, дѣйствовавшая противъ Турціи, въ виду предстоящаго заключенія съ ней мира. Тщательно собирались свѣдѣнія о численности военныхъ силъ Россіи, ея продовольственныхъ и перевозочныхъ средствъ и пр. Наполеонъ оказался гораздо освѣдомленнѣе во всемъ этомъ, чѣмъ русское правительство, которое, именно вслѣдствіе полной неосвѣдомленности о силахъ Наполеона, допустило, какъ мы увидимъ ниже, рядъ крупнѣйшихъ ошибокъ въ самомъ началѣ кампаніи.

Однако и «большая армія» Наполеона имѣла слабыя стороны, которыя, вмѣстѣ съ рядомъ неожиданностей, непредусмотрѣнныхъ Наполеономъ, несмотря на всю его геніальность, сыграли рѣшительную роль въ печальномъ исходѣ кампаніи. Качественная сторона арміи далеко не соотвѣтствовала количественной. Прошло уже 20 лѣтъ послѣ того, какъ общественный подъемъ 1792 г. влилъ свѣжія струи во французскую армію, пополнилъ ее рядами восторженно настроенной молодежи, выдвинулъ изъ демократической среды цѣлый рядъ военныхъ талантовъ, когда молодая республика съ блестящимъ успѣхомъ выдержала борьбу съ европейской коалиціей. Послѣ того Франція пережила эпоху реакціи; притокъ волонтеровъ въ армію прекратился; наоборотъ, — приходилось примѣнять принудительныя мѣры и по отношенію къ обязаннымъ службой рекрутамъ. Составъ полковъ уже значительно измѣнился даже сравнительно съ эпохой Аустерлица

и Іены. Только старая императорская гвардія и первые три корпуса «большой арміи» (маршаловъ Даву, Удино и Нея) состояли изъ старыхъ, закаленныхъ въ бояхъ солдатъ, сохранявшихъ традиціи войнъ революціи и первыхъ годовъ имперіи. Солдаты же остальныхъ корпусовъ состояли изъ молодыхъ рекрутовъ, или равнодушныхъ къ войнѣ или даже тяготившихся новой отдаленной и трудной кампаніей. Нечего и говорить про «союзныхъ» солдатъ, болѣе чѣмъ наполовину вошедшихъ въ составъ арміи, принудительно завербованныхъ на французскую службу. Все это, вмѣстѣ съ трудностями своевременнаго снабженія войскъ фуражомъ и провіантомъ, обнаружившимися въ первые же мѣсяцы кампаніи, вслѣдствіе непредусмотрѣнныхъ Наполеономъ капризовъ русскаго климата, — все это было причиной, почему армія Наполеона послѣ перехода черезъ русскую границу съ ужасающей быстротой стала разлагаться и таять. Недаромъ Наполеонъ, собираясь въ русскій походъ, отзывался о немъ, какъ «самомъ трудномъ предпріятіи, за которое онъ когда-либо брался». «Но разъ что начато, надо кончать», прибавилъ онъ. Раздумывать было уже поздно, да это было и не въ характерѣ Наполеона.

11 іюня Наполеонъ прибылъ къ русской границѣ на лѣвомъ берегу Нѣмана, противъ Ковно. Въ сопровожденіи начальника штаба Бертье, Наполеонъ подъѣхалъ къ самому берегу Нѣмана и лично произвелъ рекогносцировку противоположнаго берега, разузнавая, гдѣ на рѣкѣ броды, и гдѣ стоятъ русскія войска. Съ заходомъ солнца Наполеонъ прибылъ къ мѣсту переправы, чтобы руководить ею. Массы пѣхоты, конницы и артиллеріи въ полной тишинѣ и безъ огней стояли почти у самой рѣки. Къ полуночи были наведены три моста, и вскорѣ они заколыхались подъ тяжестью войскъ. Наполеонъ нѣкоторое время наблюдалъ за переправой, а потомъ и самъ переѣхалъ на русскій берегъ. Стоявшій на границѣ у Нѣмана русскій разъѣздъ лейбъ-казачьяго полка гр. Орлова-Денисова, не вступая въ бой, отступилъ и послалъ донесеніе о происшедшемъ. Война, такимъ образомъ, началась; объявленіе войны Наполеонъ счелъ излишнимъ.

Переправа черезъ Нѣманъ продолжалась два дня. Утромъ, 13, авангардъ «большой арміи» занялъ безъ сопротивленія г. Ковно. Подъ вечеръ прибылъ въ Ковно Наполеонъ и имѣлъ здѣсь, на русской почвѣ, первый ночлегъ. На другой же день, 14, Наполеонъ выступилъ изъ Ковно на Вильну, чтобы

быстрымъ движеніемъ помѣшать сосредоточенію русскихъ войскъ.

Въ Вильнѣ была расположена главная квартира первой западной арміи; здѣсь находился самъ императоръ Александръ, который пріѣхалъ сюда въ половинѣ апрѣля, чтобы лично руководить военными дѣйствіями противъ Наполеона. Приготовленія къ борьбѣ у насъ также начались уже давно, — съ 1809 — 1810 гг. Но затрудненія въ финансахъ, продолжительная война съ турками (съ 1806 — 1812 гг.) и внутренній экономическій кризисъ, бывшій слѣдствіемъ разрыва съ Англіей въ угоду Наполеону, для поддержанія континентальной системы, — были причиной, почему наши военныя силы противъ Франціи не превышали 200 тыс. По западной границѣ производились развѣдки, устраивались и ремонтировались крѣпости, свозились сюда запасы продовольствія. Но въ силу обычныхъ русскихъ условій, отрицательное значеніе которыхъ особенно сильно сказывается въ военное время, результаты приготовленій были не блестящи: мы не имѣли яснаго представленія ни о численности непріятельскихъ силъ, ни объ ихъ сосредоточеніи и движеніи; крѣпости, на которыя были затрачены громадныя средства, оказались, по отзывамъ современниковъ, никуда негодными (Динабургъ и Себежъ), запасы продовольствія, сосредоточенные въ Вильнѣ и др. пунктахъ по западной границѣ, пришлось бросить или уничтожить, когда выяснилась необходимость наспѣхъ отступать передъ подавляющими силами Наполеона.

Впрочемъ, все это обнаружилось уже позднѣе. Въ началѣ кампаніи настроеніе нашихъ правящихъ и военныхъ сферъ было приподнятое: всѣ горѣли нетерпѣніемъ встрѣтиться съ непріятелемъ и отразить. Планы военныхъ операцій были задуманы чрезвычайно широко. Главныя военныя силы были разбиты на три арміи: одна, подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли, была раскинута по обѣ стороны отъ Вильны, въ направленіи по теченію р. Нѣмана, на пространствѣ до 200 верстъ, съ цѣлью прикрытія дороги на Петербургъ и на Москву. Армія Барклая состояла изъ 6 пѣхотныхъ, 3 кавалерійскихъ корпусовъ и 7 тыс. казаковъ, въ общей сложности до 120 тыс. Вторая армія, Багратіона (изъ 2 пѣх. корпусовъ, 1 кавалерійск. и 4 тыс. казаковъ), числомъ не болѣе 40 тыс., стояла южнѣе на 90 верстъ. Третья армія, ген. Тормасова, приблизительно такой же численности, какъ и Багратіона

(3 пѣхотн. и 1 кавал. корп.), стояла на Волыни и Подоліи, съ главной квартирой въ Луцкѣ. Такимъ образомъ, русскія войска были раскинуты на громадномъ пространствѣ, болѣе чѣмъ на 500 верстъ по фронту.

Боевые и придворные генералы въ императорской главной квартирѣ, въ Вильнѣ, горячо обсуждали ближайшій планъ военныхъ дѣйствій. Александръ остановился на проектѣ генерала Фуля, бывшаго прусскаго полковника. Теоретикъ въ военномъ дѣлѣ и большой чудакъ, Фуль получилъ большое вліяніе на имп. Александра. Результатомъ теоретическаго изученія Фулемъ военной исторіи была особая система, которую онъ думалъ приложить въ борьбѣ противъ Наполеона. Сущность этой системы заключалась въ слѣдующемъ: оборонительную войну слѣдуетъ вести двумя арміями; одна изъ этихъ армій, опираясь на укрѣпленный лагерь, должна быть направлена противъ непріятеля съ фронта, другая должна производить диверсіи на сообщенія непріятеля въ тылу и его фланговъ. Первую роль Фуль возлагалъ на армію Барклая-де-Толли, предполагая, что она отступитъ отъ Вильны до Зап. Двины и здѣсь остановится въ укрѣпленномъ заранѣе лагерѣ подъ Дриссою. Вторая задача — обрушиться на фланги и тылъ французской арміи возлагалась на армію кн. Багратіона. Все зданіе фулевской стратегіи было построено на пескѣ, такъ какъ въ основѣ его лежали ошибочныя предположенія о численности наполеоновской арміи; впрочемъ, не одинъ Фуль, а и другіе русскіе генералы думали, что численность ея не превышаетъ 200 тыс., т.-е. не больше, чѣмъ въ общей сложности — у русскихъ. На самомъ же дѣлѣ силы Наполеона превышали расчеты въ $2^1/_2$ раза, и потому Наполеонъ могъ свободно, направивъ противъ одного только Барклая, не менѣе 200 тыс., обратить противъ Багратіона особую армію короля Іеронима, превосходящую вдвое силы Багратіона, такъ что послѣднему, вмѣсто предназначенныхъ диверсій, пришлось самому быстро отступать передъ превосходными силами непріятеля.

По разсказамъ многихъ современниковъ, шумная, веселая жизнь кипѣла вокругъ императора въ Вильнѣ. Празднества, балы, смотры войскъ слѣдовали одни за другими. Имп. Александръ все еще не терялъ надежды привлечь къ себѣ польско-литовское общество. Впрочемъ, на такого наблюдателя, какъ старикъ-адмиралъ Шишковъ, находившійся при имп. Александрѣ

въ качествѣ государственнаго секретаря, многое въ виленской жизни производило странное и непріятное впечатлѣніе. «Первое, — говоритъ онъ, — меня удивляло, что государь говоритъ о Барклаѣ, какъ о главномъ распорядителѣ войскъ; а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель его повелѣній. Второе меня удивляло, что мы съ войсками зашли въ Вильну и завезли запасы, предполагая оставить оную безъ сопротивленія непріятелю, отступая до Дриссы, гдѣ поручено было сдѣлать укрѣпленіе, при которомъ надлежало остановиться и дать сраженіе». Въ Вильнѣ высокопоставленныя лица, какъ, напр., вел. князь Константинъ Павловичъ, тратили время и заботы на муштровку солдатъ, на мелочи и пустяки параднаго строя. «Мы жили, — говоритъ Шишковъ, — съ такою безпечностью, что даже не слыхали о непріятелѣ, словно какъ бы онъ былъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ насъ: занимались веселостями, строили галлерею или залу, чтобы дать въ ней великолѣпный балъ, но зала сія, еще недоконченная, повалилась, и строитель ея пропалъ безъ вѣсти». Этотъ случай, впрочемъ, не помѣшалъ празднеству. Все общество собралось на подмосткахъ, уцѣлѣвшихъ отъ галлереи. Дѣло происходило въ загородномъ замкѣ гр. Беннигсена, въ Закретѣ, 12 іюня. Въ самый разгаръ бала курьеръ привезъ извѣстіе о наведеніи непріятелемъ мостовъ черезъ Нѣманъ. Александръ сохранилъ видимое спокойствіе, пробылъ еще часъ на балу и затѣмъ уѣхалъ, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія. Въ 2 часа ночи Шишковъ былъ разбуженъ и получилъ предписаніе составить приказъ къ войскамъ и рескриптъ въ Петербургъ на имя предсѣдателя Госуд. Совѣта гр. Салтыкова о вступленіи непріятеля въ русскіе предѣлы. Рескриптъ заканчивался извѣстными словами: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

Форсированнымъ маршемъ въ два дня Наполеонъ прошелъ разстояніе отъ Ковны до Вильны, и 16 іюня столица Литвы была уже въ его рукахъ. Торжественно въѣхалъ въ Вильну Наполеонъ, встрѣченный магистратомъ съ ключами города, привѣтствуемый восторженными криками поляковъ. Но уже во время этого марша и въ дальнѣйшемъ движеніи отъ Вильны Наполеону пришлось убѣдиться, какую грозную, неожиданную опасность для его арміи можетъ представить климатъ Россіи. Проливные дожди, превратившіе дороги въ сплошной кисель, въ которомъ утопали пѣхота, конница, артиллерія и обозы,

смѣнялись невыносимыми жарами. Дороги, мосты и плотины испортились, низкія мѣста покрылись водой. Люди и лошади переносили ужасныя лишенія и падали въ изнеможеніи, артиллерійскіе парки и обозы отставали и, въ результатѣ, несмотря на громадные запасы продовольствія, солдаты оставались безъ пищи, а лошади безъ фуража. Солдаты, располагаясь на ночлегъ, вынуждены были сами отыскивать себѣ провіантъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого были мародерство и упадокъ дисциплины; множество больныхъ и отсталыхъ тащились въ хвостѣ арміи; на первыхъ же порахъ со всей ужасающей очевидностью обнаружилась страшная убыль въ людяхъ. Наполеонъ, конечно, хорошо понималъ, что подобныя затрудненія будутъ возрастать по мѣрѣ углубленія внутрь непріятельской страны. Поэтому всѣ его расчеты основывались на быстромъ, стремительномъ натискѣ, на томъ, чтобы принудить русскія войска къ принятію боя и — заключенію мира. Ошибки русскихъ стратеговъ, казалось, давали на это надежду. Занявъ Вильну, Наполеонъ разорвалъ связь между арміями Барклая-де-Толли и Багратіона. «Теперь Багратіонъ съ Барклаемъ уже болѣе не увидятся», сказалъ онъ еще при переправѣ черезъ Нѣманъ. Изъ Вильны Наполеонъ быстро двинулся съ главными силами за арміей Барклая, съ цѣлью отбросить ее еще далѣе на сѣверъ и отрѣзать ей путь на Москву. 40-тысячный корпусъ Даву Наполеонъ направилъ черезъ Ольшаны на Минскъ, наперерѣзъ арміи Багратіона, противъ котораго съ фронта наступали 80 тыс. короля Іеронима. Остальные корпуса арміи Наполеона были направлены на фланги (Мокдональдъ, Удино и Ренье), или шли позади «большой арміи», въ качествѣ резерва (марш. Викторъ). Обѣ русскія арміи въ самомъ же началѣ кампаніи попадали въ очень затруднительное, почти критическое положеніе.

Барклаю прежде всего пришлось наспѣхъ сконцентрировать свои разбросанные корпуса въ Свенцянахъ (къ сѣверо-вост. отъ Вильны), отступать далѣе на Дриссу, при чемъ арьергардъ корпуса гр. Витгенштейна, подъ начальствомъ ген. Кульнева, долженъ былъ выдержать въ Вилькомирѣ упорный восьмичасовой бой съ войсками маршала Удино, а отрядъ Дорохова (изъ корп. гр. Шувалова) едва успѣлъ ускользнуть отъ окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ французовъ.

26 іюня первая западная армія заняла дрисскій лагерь, расположенный по лѣвому берегу Зап. Двины. Въ это время

съ одной стороны, для всѣхъ уже ясно обнаружилось громадное численное превосходство французской арміи, а съ другой— вся невыгода и даже опасность излишняго довѣрія кабинетнымъ измышленіямъ ген. Фуля. Позиція подъ Дриссой, вслѣдствіе особаго характера мѣстности, давала непріятелю возможность обойти нашу армію, а отступленіе, въ случаѣ весьма вѣроятной неудачи, по мостамъ на правый берегъ рѣки могло привести къ полному истребленію арміи. Адъютантъ императора гр. Комаровскій разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что укрѣпленія лагеря были показаны ему полковн. Толемъ. «Баронъ Толь, — говоритъ онъ, — математически доказалъ мнѣ, что если мы дождемся Наполеона въ этомъ лагерѣ, то онъ насъ всѣхъ, какъ говорится, живьемъ возьметъ». Сверхъ всего этого представлялась большая опасность, что Наполеонъ, двинувшись прямо на Витебскъ или Смоленскъ, можетъ отрѣзать Барклаю путь на Москву и оборвать связь съ тѣми частями Россіи, откуда доставлялись продовольствіе и резервы арміи. Поэтому имп. Александръ согласился съ мнѣніемъ большинства генераловъ, во главѣ съ Барклаемъ-де-Толли, и далъ свое согласіе на дальнѣйшее отступленіе арміи. 2 іюля армія переправилась на правый берегъ Двины и спѣшно двинулась къ Полоцку, чтобы предупредить Наполеона или въ этомъ пунктѣ, или подъ Витебскомъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, сблизиться съ арміей Багратіона. Теперь соединеніе обѣихъ армій во чтобы то ни стало и сосредоточеніе силъ противъ Наполеона становится ближайшей и главной нашей цѣлью. Теперь только была сознана вся безполезность отдаленныхъ диверсій, которыя были отмѣнены. Затѣмъ Александръ приходитъ къ рѣшительному убѣжденію, что наличныхъ въ арміи силъ недостаточно для борьбы съ превосходными силами Наполеона. Онъ оцѣниваетъ всю силу и значеніе активнаго выступленія всего народа противъ внѣшняго врага, тѣмъ болѣе, что для этой цѣли онъ могъ воспользоваться уже давно создавшимся въ русскомъ обществѣ враждебнымъ отношеніемъ къ Наполеону. Война должна была сдѣлаться общенароднымъ, священнымъ дѣломъ. Въ этомъ смыслѣ Александръ поручилъ Шишкову написать воззваніе къ «первопрестольной столицѣ» и манифестъ ко всей Россіи о народномъ ополченіи (отъ 6 іюля изъ лагеря около Полоцка).

Отправивъ манифесты, Александръ оставилъ армію и въ ту же ночь выѣхалъ въ Москву. Онъ сдѣлалъ это, согласив

Подъ Смоленскомъ.

(Гессе).

шись съ мнѣніемъ приближенныхъ лицъ, Шишкова, гр. Аракчеева и Балашова, что пребываніе его въ столицахъ и вообще внутри имперіи будетъ полезно, чтобы возбудить народъ къ всеобщему вооруженію, что присутствіе императора въ арміи лишаетъ главнокомандующаго надлежащей самостоятельности и слагаетъ съ него должную отвѣтственность. Кромѣ того, всякая неудача при столкновеніи съ непріятелемъ могла произвесть болѣе сильное впечатлѣніе на войско и народъ при личномъ присутствіи государя въ арміи, чѣмъ безъ него.

При выѣздѣ изъ арміи Александру пришлось наблюдать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣ же картины крайняго изнуренія войскъ и упадка дисциплины въ нашей арміи, какъ Наполеону въ своей. «Я обогналъ много бродягъ, — писалъ онъ Барклаю-де-Толли, — отставшихъ отъ войны на цѣлый переходъ, въ самомъ отвратительномъ видѣ». Виною этому были какъ вопіющіе безпорядки въ управленіи нашими арміями, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе современники - очевидцы, такъ и вынужденная необходимость бросить наши запасы продовольствія по западной границѣ, вслѣдствіе чего войскамъ пришлось кормиться на счетъ тѣхъ мѣстностей, по которымъ они проходили. Затѣмъ спѣшное отступленіе въ жару и по плохимъ дорогамъ въ одинаковой степени и у насъ сопровождалось большими потерями и разстройствомъ арміи. Но преимущество для насъ заключалось въ томъ, что русскія войска все же дѣйствовали въ своей странѣ, и что они, по мѣрѣ отступленія, приближались къ источникамъ продовольствія и резервовъ, тогда какъ французы — наоборотъ.

Обращеніе императора къ народу имѣло весьма важныя послѣдствія. Если народныя ополченія, сорганизованныя дворянствомъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ въ количествѣ до 200 тыс. человѣкъ, въ виду ихъ недостаточной выучки и плохого вооруженія не оказали серьезной помощи въ бояхъ нашимъ регулярнымъ войскамъ, то летучіе партизанскіе отряды, самоотверженная рѣшимость населенія сжигать дома, имущество и продовольствіе, которое могло послужить на пользу французамъ, сыграли рѣшительную роль въ дѣлѣ крушенія «большой арміи».

При отступленіи изъ Дриссы Барклай долженъ былъ выдѣлить 25-тысячный корпусъ Витгенштейна для прикрытія дороги на Петербургъ, такъ что въ его распоряженіи, за убылью людей во время отступленія при тяжелыхъ условіяхъ

и вслѣдствіе происходившихъ схватокъ съ непріятелемъ, осталось не болѣе 80 тыс. Между тѣмъ Наполеонъ, узнавъ о быстромъ движеніи 1 арміи къ Полоцку, немедленно направляетъ главныя свои силы до 200 тыс. чел. по кратчайшему разстоянію (черезъ Бѣшенковичи на Зап. Двинѣ) на Витебскъ, чтобы не пустить сюда Барклая. Но послѣдній форсированнымъ маршемъ (111 верстъ въ 3 сутокъ) успѣлъ на сутки предупредить Наполеона и 11 іюля достигъ Витебска. Однако положеніе здѣсь Барклая было въ высшей степени затруднительно. Французы шли по пятамъ, а между тѣмъ Барклай не получилъ никакихъ извѣстій о Багратіонѣ, который долженъ былъ итти на соединеніе съ первой арміей. Оставаться въ Витебскѣ было нельзя, не рискуя вступить въ неравный бой съ противникомъ, но и отступать далѣе на Смоленскъ было тоже нельзя; это значило — покинуть вторую армію на произволъ судьбы: Багратіонъ могъ быть окруженъ французами. Чтобы выиграть время, Барклай-де-Толли выдвигаетъ впередъ отдѣльные отряды своихъ войскъ; 13 и 14 іюля происходятъ жаркіе бои съ французами при довольно крупныхъ потеряхъ съ обѣихъ сторонъ. Русскіе должны были отступить къ Витебску. Съ разсвѣтомъ, 15, Наполеонъ началъ уже развертывать свои силы, угрожая лѣвому флангу нашей арміи. Къ счастью, въ это время прибываетъ адъютантъ Багратіона съ извѣщеніемъ, что Даву предупредилъ его занятіемъ Могилева, и потому онъ взялъ направленіе черезъ Мстиславль на Смоленскъ. Барклай могъ вздохнуть свободнѣе и немедленно отдалъ приказъ объ отступленіи на Порѣчье и Рудню къ Смоленску. Отступленіе Барклая отъ Витебска, по отзывамъ компетентныхъ критиковъ, было совершено мастерски и такъ удачно замаскировано, что Наполеонъ нѣкоторое время былъ въ недоумѣніи, куда пошли русскіе; онъ направилъ сначала главныя свои силы на Петербургъ (на Сурахъ). Потомъ, когда выяснилось недоразумѣніе, Наполеонъ съ гвардіей вернулся въ Витебскъ, гдѣ расположился главной квартирой и остался здѣсь до 1 августа. Это было вызвано необходимостью дать отдыхъ истомленнымъ быстрыми переходами войскамъ и упорядочить продовольствіе, подтянувши отсталые обозы. Но, благодаря этой остановкѣ Наполеона, армія Барклая 20 іюля относительно благополучно достигла Смоленска, а 22-го сюда прибыла и вторая армія. Такъ, послѣ весьма серьезныхъ затрудненій и опасностей, обѣимъ западнымъ арміямъ удалось, наконецъ, соединиться въ Смоленскѣ.

Но теперь съ большой остротой возникалъ вопросъ, что дѣлать далѣе: не слѣдуетъ ли прекратить безпрерывное отступленіе, которое производило удручающее впечатлѣніе на армію и русское общество, не слѣдуетъ ли, наконецъ, дать отпоръ непріятелю? Въ настоящее время врядъ ли кто сомнѣвается, что главная причина гибели наполеоновской арміи и спасенія Россіи заключалась въ постоянномъ отступленіи нашихъ войскъ передъ непріятелемъ, въ завлеченіи его внутрь необъятной страны, въ систематическомъ опустошеніи ея населеніемъ, съ цѣлью лишить врага средствъ продолжать наступленіе; пространство и время—вотъ силы, противъ которыхъ ничего не могъ подѣлать военный геній Наполеона. Сознаніе это было не чуждо и современникамъ войны 12 г., въ томъ числѣ и ея главнымъ руководителямъ. Такъ, имп. Александръ еще въ апрѣлѣ 1812 г. писалъ Чарторыйскому: «Удовольствуюсь напоминаніемъ о громадномъ протяженіи земли, которое имѣютъ за собою русскія войска для того, чтобы отступать, не давая себя разстроить, и о возрастающихъ трудностяхъ, которымъ будетъ подвергаться Наполеонъ, по мѣрѣ удаленія отъ источника своихъ силъ». Въ другихъ случаяхъ, когда нужно было подчеркнуть рѣшимость продолжать борьбу съ Наполеономъ, имп. Александръ говорилъ объ отступленіи до Волги, до Казани, даже до Сибири. Барклай-де-Толли еще за нѣсколько лѣтъ до Отечественной войны говорилъ, что если бы ему пришлось быть главнокомандующимъ въ войнѣ противъ Наполеона, то онъ избѣгалъ бы генеральнаго сраженія и отступалъ до тѣхъ поръ, пока французы нашли бы вмѣсто рѣшительной побѣды другую Полтаву.

Уѣзжая изъ арміи, имп. Александръ не назначилъ главнокомандующаго надъ обѣими арміями. Оба полководца, Барклай и Багратіонъ, командовали арміями самостоятельно. Правда, на первыхъ порахъ, при свиданіи въ Смоленскѣ, оба полководца отнеслись предупредительно одинъ къ другому. Багратіонъ изъявилъ желаніе подчиниться главнокомандующему первой арміи. Но, къ сожалѣнію, согласіе продолжалось недолго. Багратіонъ не могъ забыть своего старшинства по службѣ, возмущался недовѣріемъ со стороны Барклая, желаніемъ послѣдняго, какъ ему казалось, унизить, уколоть его самолюбіе. Барклай, наоборотъ, въ запискѣ государю жаловался на свое крайне непріятное, щекотливое положеніе, на необходимость льстить самолюбію команду-

ющаго второй арміей, уступать ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вопреки своему убѣжденію, упрашивать его тамъ, гдѣ нужно было приказывать. Кромѣ того, Барклай жаловался на духъ партійности, интриги, распространявшейся въ арміи и направленной противъ него. Барклай намекалъ, что много непріятностей причиняютъ ему лица императорской главной квартиры, которыхъ Александръ не взялъ съ собой при отъѣздѣ изъ арміи (вел. кн. Константинъ Павловичъ, генералы Беннигсенъ, Римскій-Корсаковъ, Армфельдтъ и др.). Всѣ они стояли въ оппозиціи Барклаю и сочувствовали Багратіону. Среди штабныхъ генераловъ созрѣваетъ планъ*) воспользоваться растянутымъ положеніемъ арміи Наполеона на пространствѣ (въ 200 в.) между Порѣчьемъ и Могилевымъ, перейти въ наступленіе, ударить на центръ непріятеля по направленію къ Руднѣ и Витебску, а затѣмъ атаковать всѣми силами разрозненные непріятельскіе корпуса и нанести имъ рѣшительное пораженіе. За этотъ планъ съ жаромъ ухватились Багратіонъ, вел. кн. Константинъ Павловичъ, Ермоловъ и др. генералы. Барклай, указывавшій на военномъ совѣтѣ на крайній рискъ такого предпріятія, въ концѣ-концовъ, не выдержалъ характера и далъ согласіе на него, подъ условіемъ не удаляться отъ Смоленска далѣе, чѣмъ на три перехода. Но, опасаясь за свой правый флангъ, которому, по его мнѣнію, могъ угрожать корпусъ вице-короля Евгенія, стоявшій у Порѣчья, Барклай измѣнилъ направленіе наступленія въ сторону Порѣчья и тѣмъ испортилъ планъ Толя. Это вызвало сильнѣйшій взрывъ неудовольствія въ главной квартирѣ, гдѣ громко порицали дѣйствія главнокомандующаго, говорили о его неспособности, даже — измѣнѣ.

Между тѣмъ попытка къ наступленію, въ самомъ дѣлѣ, едва не окончилась катастрофой. Наполеонъ, замѣтивъ наступленіе русскихъ войскъ, и быстро сосредоточивъ свои корпуса— до 190 тыс. человѣкъ, переправилъ ихъ на лѣвый берегъ Днѣпра всего въ 70 верстахъ отъ Смоленска, разсчитывая захватить беззащитный Смоленскъ, стать въ тылу нашихъ армій и отрѣзать имъ Московскую дорогу. Этотъ гибельный для насъ планъ могъ бы удасться Наполеону, если бы онъ не наткнулся въ Красномъ на дивизію ген. Невѣровскаго, въ теченіе полудня геройски выдерживавшую атаку корпусовъ Нея и Мюрата; затѣмъ

---

*) Составленіе котораго принадлежитъ полковнику Толю, генералъ-квартирмейстеру первой арміи.

Невѣровскій въ порядкѣ отступилъ къ Смоленску. Здѣсь онъ былъ поддержанъ корпусомъ Раевскаго, который 4 августа отразилъ атаку соединенныхъ силъ Наполеона на Смоленскъ, пока, наконецъ, въ ночь съ 4 на 5 обѣ наши арміи подошли въ Смоленску съ другой, сѣверной, стороны.

Смоленскъ представлялъ первоклассную крѣпость, но въ 1812 г. не было сдѣлано ничего, чтобы усилить и подновить его укрѣпленія, — доказательство того, что никто не ожидалъ, что отступленіе зайдетъ такъ далеко. Расчеты Барклая были таковы: ни въ какомъ случаѣ нельзя было дать непріятелю обойти насъ и зайти въ тылъ на Московскую дорогу; съ этою цѣлью вторая армія Багратіона была двинута впередъ, за Смоленскъ, къ Дорогобужу, и въ распоряженіи Барклая оставалась одна его армія, насчитывавшая до 75 тыс. человѣкъ, противъ, по крайней мѣрѣ, двойныхъ силъ Наполеона. Поэтому осторожный Барклай и теперь не счелъ моментъ удобнымъ, чтобы рисковать всей арміей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьбой всей Россіи. Поэтому онъ поручилъ защищать Смоленскъ ген. Дохтурову съ 20-тысячнымъ корпусомъ, смѣнившимъ изнуренный тяжелымъ боемъ корпусъ Раевскаго, чтобы выиграть время и подготовить остальныя войсковыя части къ отступленію. 5 августа произошелъ ожесточеннѣйшій бой подъ стѣнами Смоленска. Дохтуровъ въ теченіе дня выдерживалъ штурмъ соединенныхъ силъ Наполеона, но къ ночи получилъ отъ Барклая приказъ очистить городъ. Утромъ Смоленскъ въ видѣ горящихъ развалинъ перешелъ въ руки французовъ.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на дѣло Багратіонъ. Смоленскъ онъ находилъ весьма выгодной и крѣпкой позиціей и считалъ необходимымъ удерживать его во что бы то ни стало. Уже утромъ 6-го Барклай получилъ отъ него письмо, въ которомъ князь требовалъ продолжать защиту Смоленска и, затѣмъ, когда непріятель истощитъ свои силы въ штурмахъ, перейти въ наступленіе и нанести ему рѣшительный ударъ. Такъ же смотрѣло на дѣло все высшее офицерство арміи, которое, во главѣ съ Беннигсеномъ и вел. кн. Константиномъ Павловичемъ, подняло цѣлую бурю, весьма близкую къ бунту, когда узнало о распоряженіи Барклая начать отступленіе.

Барклай на этотъ разъ остался непреклоннымъ. Но послѣ сдачи Смоленска интрига противъ него пошла усиленнымъ темпомъ и въ арміи и въ Петербургѣ. Багратіонъ въ письмѣ отъ 7 августа Аракчееву (письма къ Аракчееву, несомнѣнно,

прочитывались Александромъ) не щадитъ самыхъ сильныхъ выраженій по адресу Барклая. Въ письмѣ къ Ростопчину отъ 14 августа Багратіонъ пишетъ: «Бѣда мнѣ съ министромъ! Ежели бы я одинъ командовалъ обѣими арміями, пусть меня разстрѣляютъ, если я его (Наполеона) въ пухъ не расчешу. Всѣ плѣнные говорятъ, что онъ (Наполеонъ) только и говоритъ: мнѣ побить Багратіона, тогда Барклая руками заберу. Я писалъ государю, чтобы одному быть начальникомъ, отвѣтъ получилъ собственноручный, весьма лестное для меня письмо, но видно угодно ему, чтобы Барклай командовалъ...»

Настроеніе арміи, государя, общественнаго мнѣнія становилось таково, что генеральное сраженіе представлялось неизбѣжнымъ зломъ, хотя ополченія и резервы были еще не готовы. Это понималъ и учитывалъ Барклай, и потому все движеніе по пути отступленія отъ Смоленска было направлено къ тому, чтобы найти удобную позицію для сраженія. Позиціи намѣчались у м. Усвята на р. Ужѣ, подъ Дорогобужемъ, у Вязьмы, наконецъ, при Царевѣ-Займищѣ. Здѣсь арміи остановились, начали строить укрѣпленія и готовиться къ рѣшительному бою. Но 17 августа Барклай-де-Толли долженъ былъ передать высшее командованіе другому лицу: въ Царево-Займище прибылъ новый главнокомандующій всѣми арміями, кн. Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ было одной изъ уступокъ Александра общественному мнѣнію, которое онъ не считалъ возможнымъ игнорировать при томъ народномъ характерѣ, какой получала война. Императору была извѣстна все возраставшая въ арміи и обществѣ непопулярность Барклая, которая могла имѣть весьма нежелательныя послѣдствія. Но кѣмъ было замѣнить его? Въ обѣихъ столицахъ съ нѣкотораго времени все чаще и чаще называли имя Кутузова.

Кутузовъ былъ старый боевой генералъ, стяжавшій себѣ извѣстность еще въ екатерининскую эпоху, какъ сподвижникъ и любимецъ Суворова. Во вторую турецкую войну, при осадѣ Очакова и Измаила, онъ получилъ тяжелыя раны, которыя перенесъ и выздоровѣлъ вопреки всѣмъ ожиданіямъ. Въ 1812 г. ему было уже 68 лѣтъ. Онъ только что возвратился изъ турецкаго похода и жилъ въ Петербургѣ. Петербургское и московское дворянство выбрало популярнаго генерала начальникомъ своихъ ополченій. Кутузовъ усердно исполнялъ

свои новыя обязанности, проводилъ цѣлые дни въ прiемѣ ратниковъ, самъ лично входилъ во всѣ подробности ихъ обученiя, вооруженiя и обмундировки. Къ его отзывамъ о современныхъ военныхъ событiяхъ прислушивались внимательно всѣ. Но, пользуясь общественными симпатiями, Кутузовъ далеко не пользовался расположенiмъ императора. Александръ не могъ забыть разногласiя съ Кутузовымъ въ 1805 г. во время австрiйской кампанiи, когда битва при Аустерлицѣ была принята вопреки совѣту Кутузова и окончилась полнымъ разгромомъ союзниковъ. Во время послѣдней турецкой войны Александръ былъ крайне недоволенъ замедленiемъ Кутузова при заключенiи мира съ турками и, наконецъ, выйдя изъ терпѣнiя, назначилъ на смѣну Кутузову адмирала Чичагова. Но Кутузовъ, заблаговременно узнавъ объ этомъ, заключилъ миръ за 4 дня до прiѣзда новаго главнокомандующаго. Вотъ почему назначенiе Кутузова далеко не соотвѣтствовало личнымъ желанiямъ Александра. «Уступая ихъ мнѣнiю, — писалъ онъ Барклаю-де-Толли о назначенiи Кутузова, — я долженъ былъ заставить молчать мое собственное чувство».

Чрезвычайно характерно поведенiе Кутузова въ первые же моменты по прiѣздѣ въ армiю. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, Кутузовъ промолвилъ какъ бы про себя, но довольно внятно: «Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!» Это замѣчанiе, удачно брошенное вскользь, мимоходомъ, подхватывается на лету, распространяется въ армiи и создаетъ извѣстное благопрiятное настроенiе. Осмотрѣвъ позицiю въ Царевѣ-Займищѣ, Кутузовъ нашелъ ее во всѣхъ отношенiяхъ удобною и крѣпкою и отдалъ приказъ готовиться къ сраженiю. Однакоже на другой день неожиданно войскамъ было приказано сняться съ позицiи и отойти далѣе къ Гжатску. Отступленiе не ограничилось однимъ переходомъ. Войска отступали все далѣе и далѣе. Этимъ самымъ новый главнокомандующiй оправдывалъ образъ дѣйствiй своего предшественника. Кутузовъ, не высказывая вслухъ своего мнѣнiя, внутренно признавалъ всю справедливость того положенiя, что каждый шагъ назадъ увеличиваетъ наши силы, приводитъ все въ большее и большее равновѣсiе ихъ съ силами противника.

22 августа русскiя войска достигли с. Бородина, находящагося на берегу р. Москвы, въ 10 верстахъ отъ г. Можайска и въ 100 вер. отъ Москвы. Здѣсь, наконецъ, Кутузовъ рѣшилъ дать сраженiе. Далѣе отступать было нельзя, такъ какъ между

Можайскомъ и Москвой уже не было сколько-нибудь подходящей позиціи. Какъ и Барклай, Кутузовъ смотрѣлъ на сраженіе какъ на неизбѣжное зло, какъ на необходимую жертву, приносимую въ удовлетвореніе настойчивымъ требованіямъ, раздававшимся со стороны арміи, общества и императора.

Бородинская позиція была не изъ очень сильныхъ. Правый флангъ былъ прикрытъ рѣчкой Колочей, впадающей въ р. Москву, центръ прикрывался Семеновскимъ ручьемъ (впад. въ Колочу); но лѣвый флангъ, примыкающій къ старой Смоленской дорогѣ около дер. Утицы, представлялъ крупный дефектъ своимъ открытымъ положеніемъ; къ тому же онъ остался и безъ искусственныхъ укрѣпленій, которыя были сосредоточены по фронту ближе къ центру и въ самомъ центрѣ (такъ назыв. Семеновскія или Багратіоновы флеши — нѣсколько лѣвѣе и впереди дер. Семеновской, и — батарея Раевскаго), а также — по правому флангу (у дер. Горки и около р. Москвы), болѣе сильному благодаря природнымъ условіямъ. Впереди Семеновскихъ флешей, версты на $1^1/_2$, у деревни Шевардино возвышался холмъ, командующій надъ окружающей мѣстностью. Здѣсь былъ устроенъ такъ назыв. Шевардинскій редутъ на 12 батарейныхъ орудій, составившій передовую позицію; тутъ были поставлены отряды войскъ (подъ начальствомъ кн. Горчакова и Невѣровскаго) изъ второй арміи — Багратіона, занявшей, вообще, лѣвый флангъ Бородинской позиціи; въ центрѣ и на правомъ флангѣ стали корпуса первой арміи — Барклая-де-Толли.

Тактика Барклая, принятая Кутузовымъ, уже при Бородинѣ оправдывалась численнымъ соотношеніемъ силъ противниковъ, которое теперь не представлялось совсѣмъ безнадежнымъ для насъ. Наполеонъ могъ стянуть къ Бородину не болѣе 134 тыс. челов.; наши войска, пополненныя резервами, приведенными ген. Милорадовичемъ, насчитывали до 120 тыс. (въ томъ числѣ 10 тыс. ратниковъ московскаго ополченія, которые, въ виду недостаточнаго обученія и вооруженія были употреблены во время боя для собиранія раненыхъ и др. служебн. цѣлей). Въ артиллеріи мы имѣли даже перевѣсъ: у насъ было 640 орудій противъ 587 французскихъ.

Начало кровопролитнѣйшему въ XIX ст. Бородинскому сраженію было положено 24 августа, когда показались передовые отряды Мюрата, Даву и Понятовскаго. Жаркій бой завязался у Шевардинскаго редута, который нѣсколько разъ пере-

Конецъ Бородинскаго боя.
(*Верещагина*).

ходилъ изъ рукъ въ руки; редутъ остался за нами, но около полуночи было получено приказаніе Кутузова отвести войска Горчакова на главную позицію. Утромъ французы завладѣли Шевардинымъ, сдѣлавшимся центромъ расположенія французскихъ войскъ. 25-е августа, какъ бы по соглашенію противниковъ, прошло въ приготовленіяхъ къ рѣшительному бою. Наполеонъ, осматривая позиціи около полудня, остался вполнѣ доволенъ, замѣтивъ, что русскіе на этотъ разъ не уклоняются отъ боя.

Рано утромъ 26-го Наполеонъ поскакалъ къ Шевардинскому редуту. Заря занималась, туманъ разсѣялся, блеснулъ первый лучъ солнца. «Это солнце Аустерлица!» сказалъ онъ, возбуждая настроеніе своихъ войскъ, которымъ онъ въ приказѣ, прочитанномъ наканунѣ, сулилъ побѣду, удобныя квартиры въ Москвѣ и скорое возвращеніе на родину.

Около 6 часовъ утра надъ Бородинымъ раздался первый пушечный выстрѣлъ со стороны Шевардинскаго редута и замеръ въ тишинѣ. Прошла минута, раздался второй, третій, не смолкли эти, начались другіе, сливаясь и перебивая другъ друга, затрещала ружейная перестрѣлка. Канонада огромныхъ батарей, выставленныхъ съ обѣихъ сторонъ, была такъ сильна и непрерывна, что сливалась въ общій гулъ, потрясавшій окрестности.

Бой загорѣлся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ Понятовскій съ поляками наступалъ противъ корпуса Тучкова, который, послѣ упорнаго боя, отступилъ до холмовъ за дер. Утицей. Одновременно маршалъ Даву, поддержанный страшнымъ огнемъ 100 орудій, двинулъ дивизіи Компана и Дессе въ атаку на Семеновскія флеши, которыя сдѣлались главнымъ, самымъ жаркимъ центромъ боя въ первую половину дня. Лѣвѣе Даву Ней тоже завязалъ упорный бой противъ флешей. Французамъ удалось ворваться на укрѣпленія, несмотря на страшныя потери отъ нашего картечнаго и ружейнаго огня; но кн. Горчаковъ, оборонявшій флеши, произвелъ контръ-атаку дивизіями Воронцова и Невѣровскаго и выбилъ французовъ изъ укрѣпленій. Тогда Ней и Даву были поддержаны маршалами Жюно и кавалеріей Мюрата. Въ это время вице-король Евгеній повелъ наступленіе на центръ нашихъ позицій, занялъ с. Бородино, перешелъ Колочу и бросился въ атаку на большую батарею, защищавшуюся корпусомъ Раевскаго (дивизіи Паскевича и Васильчикова). Войска съ той и другой стороны

бились съ необыкновенной храбростью и упорствомъ. Пять разъ французы врывались на Семеновскія флеши, и пять разъ были выбиты нашими. Наконецъ, около $11^1/_2$ ч. дня, французы повели шестую и послѣднюю атаку. «Весь фронтъ нашего лѣваго крыла двинулся навстрѣчу и вступилъ въ отчаянный рукопашный бой. Перемѣшалось все — пѣхота, кавалерія, и артиллерія; бились штыками, прикладами, тесаками, банниками. Нѣкоторые непріятельскіе всадники, увлеченные запальчивостью, были захвачены въ нашихъ гвардейскихъ полкахъ». Въ пылу боя храбрый Багратіонъ былъ тяжело раненъ и унесенъ съ поля сраженія*). Сначала онъ былъ замѣненъ Коновницынымъ, а затѣмъ Кутузовъ прислалъ Дохтурова, къ которому перешло командованіе второй арміей. Наконецъ въ $11^1/_2$ ч. дня Семеновскія флеши были окончательно уступлены французамъ, а затѣмъ они, послѣ ряда ожесточеннѣйшихъ атакъ, захватили и дер. Семеновскую, стоящую по эту, нашу сторону, Семеновскаго оврага. Войска нашего лѣваго фланга и лѣваго центра были отодвинуты назадъ.

Въ тѣсной связи съ защитой Семеновскихъ укрѣпленій находились всѣ другія операціи Бородинскаго боя. Кутузовъ, окруженный штабомъ, слѣдилъ за ходомъ боя съ кургана у дер. Горки. Когда выяснилась опасность для лѣваго крыла, то, въ разгаръ самаго боя, были предприняты передвиженія отдѣльныхъ войсковыхъ частей для подкрѣпленія лѣваго фланга, — сначала въ предѣлахъ арміи Багратіона; но затѣмъ Кутузовъ выдвинулъ изъ резервовъ гвардейскіе полки: Измайловскій, Литовскій, Финляндскій и три полка кирасиръ, принявшихъ горячее участіе при защитѣ дер. Семеновской; 2-ой корпусъ ген. Багговута былъ переведенъ съ крайняго праваго на лѣвый флангъ нашей позиціи; 4-ый корпусъ Милорадовича и 2 кавалерійскій корпусъ тоже были придвинуты справа ближе къ центру. Далѣе, чтобы нѣсколько отвлечь вниманіе французовъ отъ Семеновскихъ укрѣпленій и центральной батареи Раевскаго, по распоряженію главнокомандующаго, Платовъ съ казаками и Уваровъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ сдѣлали попытку перейти р. Колочу ниже Бородина и зайти во флангъ и въ тылъ лѣваго крыла французской арміи. Эта смѣлая экспедиція встревожила Наполеона и заставила вице-короля пріостановить атаку на батарею Раевскаго.

---

*) Багратіонъ умеръ отъ раны 12 сентября.

Было выиграно часа 2 времени, чтобы подтянуть къ центру войска, бывшія въ резервѣ и на правомъ крылѣ. Но въ 2 часа дня французы возобновили ожесточенную атаку (по счету третью) на батарею Раевскаго; на этотъ разъ батарея, вся покрытая трупами убитыхъ и раненыхъ, была захвачена французами. Такимъ образомъ, къ 3 часамъ дня всѣ наши *позиціи лѣваго крыла и центра были въ рукахъ французовъ*. Наши войска были отодвинуты назадъ на вторыя позиціи, за Семеновскимъ оврагомъ и дер. Горки, но все же здѣсь, несмотря на громадныя потери, стояли въ порядкѣ.

У Наполеона оставался еще свѣжій, нетронутый резервъ, гвардія — въ числѣ до 20 тыс. человѣкъ. Солнце стояло еще высоко, когда король неаполитанскій прислалъ адъютанта къ Наполеону съ просьбой о наступленіи гвардіи. Маршалъ Ней доносилъ императору, что гвардейская кавалерія могла бы довершить разстройство русской арміи. Наполеонъ самъ поскакалъ къ Семеновскимъ высотамъ, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣла. Оно было, дѣйствительно, таково, какъ ему доносили. Моментъ былъ критическій. Однако Наполеонъ объявилъ своимъ маршаламъ:

— Я не хочу истребить мою гвардію; за 800 лье отъ Парижа не жертвуютъ своимъ послѣднимъ резервомъ.

И Наполеонъ былъ правъ. Гвардія, несомнѣнно, могла бы доставить ему полную побѣду при Бородинѣ. Но то была бы Пиррова побѣда. Нужно было еще много энергіи, чтобы сломить русскихъ. Дойдя побѣдоносно до самой Москвы, Наполеонъ могъ остаться безъ арміи въ центрѣ громадной непріятельской страны, тогда какъ Кутузовъ имѣлъ больше возможности подновить свои силы.

Въ 4 часа французы прекратили массовую атаку, продолжая лишь ожесточенную канонаду. Сраженіе начало постепенно замирать; крайнее истощеніе силъ чувствовалось у обоихъ противниковъ. Въ 7-мъ часу замолкла и канонада по всей линіи.

Такимъ образомъ, Бородинское сраженіе окончилось безъ рѣшительнаго перевѣса для французовъ. Наполеонъ не рѣшился даже оставить свои войска на занятыхъ позиціяхъ: наши дозоры, высланные ночью, донесли, что батарея Раевскаго и с. Бородино были очищены непріятелемъ, отступившимъ на свои позиціи.

Послѣ взятія французами батареи Раевскаго, Барклай, дѣйствовавшій все время въ пылу боя, доносилъ главнокомандующему, что войска наши страшно разстроены; но настроеніе Кутузова и нашего штаба было таково, что къ вечеру 26-го отданъ былъ приказъ готовиться къ бою на слѣдующій день. Однако ночью выяснились наши потери: онѣ исчислялись въ 57—58 тыс., т.-е. достигали половины всей арміи. Французы потеряли меньше (около 50 тыс.), несмотря на то, что они вели атаку и имѣли въ распоряженіи меньше артиллеріи. Такой колоссальный уронъ съ нашей стороны объясняется тѣмъ, что масса русскихъ войскъ тѣснилась на небольшомъ пространствѣ, подвергавшемся обстрѣлу вплоть до нашихъ резервовъ, а также — вынужденной необходимостью передвигать крупныя части войскъ во время самаго боя, при страшномъ огнѣ непріятельской артиллеріи. Несоотвѣтствіе въ численности нашихъ войскъ и арміи Наполеона послѣ боя значительно увеличилось.

Вотъ причины, почему Кутузовъ не рѣшился возобновить бой и въ полночь на 27 отдалъ приказъ къ отступленію, предрѣшивъ тѣмъ самымъ вопросъ о сдачѣ французамъ древней русской столицы.

И. Катаевъ.

Н. С. Дороховъ.

Д. В. Давыдовъ.

А. Н. Сеславинъ.

Москва и пожаръ московскій.

1 сентября 1812 года въ деревнѣ Филяхъ, въ знаменитой избѣ, впослѣдствіи получившей названіе «Кутузовской», происходилъ военный совѣтъ по вопросу о судьбѣ Москвы. Генералы Беннигсенъ, Ермоловъ и нѣкоторые другіе высказались за необходимость защищать столицу. Кутузовъ недавно еще писалъ московскому главнокомандующему, что русскія войска сохраняютъ бодрость и силу, что всѣ движенія до сихъ поръ направлены къ одной цѣли — «спасенью первопрестольной столицы». Но, предсѣдательствуя на совѣтѣ, престарѣлый военачальникъ не могъ не учесть всей важности бородинскихъ потерь и не могъ не признать защиту Москвы безполезной и рискованной. «Я чувствую, — сказалъ Кутузовъ, — что мнѣ придется поплатиться за все, но я жертвую собой для блага отечества. Приказываю отступать».

Совѣтъ происходилъ въ 5 часовъ дня, а уже съ самой зари 2-го сентября русская армія потянулась черезъ столицу по Рязанской дорогѣ, по обѣ стороны юго-западнаго изгиба рѣки Москвы, черезъ мосты Дорогомиловскій и Каменный. Колонною, шедшей со стороны Дорогомиловской заставы, командовалъ генералъ-адъютантъ Уваровъ, шедшей черезъ Замоскворѣчье — Дохтуровъ. Кутузовъ былъ при дорогомиловской колоннѣ. Сперва шла артиллерія, потомъ поперемѣнно кавалерія и пѣхота, вплоть до 4 часовъ пополудни. Генералу Милорадовичу досталась трудная обязанность—прикрывать арьергардъ, бывшій въ большомъ безпорядкѣ въ виду скопленія въ немъ отставшихъ. Постоянное отступленіе и безъ того подорвало въ арміи дисциплину, и много нужно было энергіи и такта, чтобы удержать отсталыхъ солдатъ отъ соблазнительной возможности поживиться чѣмъ-нибудь въ опустѣлыхъ домахъ или совершенно бѣжать, пользуясь извилинами пере-

улковъ. Ростопчинъ, покидая Москву, приказалъ запереть кабаки и выгнать цѣловальниковъ, но это не предотвратило безпорядковъ. Въ кабакахъ разбивали двери, около выкаченныхъ на улицу бочекъ происходили драки. Одному изъ современниковъ пришлось защитить съ оружіемъ въ рукахъ купца, котораго принялись грабить солдаты. Генералъ Милорадовичъ замѣшкался въ арьергардѣ, но успѣлъ заключить перемиріе съ французами на 24 часа для вывоза обоза и оставшейся артиллеріи, грозя въ случаѣ отказа сжечь Москву. Отступленіе въ военномъ отношеніи прошло благополучно. Тѣ изъ солдатъ, которые понимали истинное значеніе движенія на Рязанскую дорогу, плакали; другіе считали отступленіе обходнымъ движеніемъ. Сильное впечатлѣніе произвело отступленіе на офицеровъ. Слышались гнѣвные возгласы, на глазахъ сверкали слезы; грозили сбросить мундиръ, покинуть службу. Но большинство примирилось, и не было полнаго упадка духа. Кутузову прощали такой шагъ, который при Барклаѣ вызвалъ бы возмущеніе.

Оставшіеся въ Москвѣ жители съ недоумѣніемъ смотрѣли на проходящія войска. За движеніями арміи вообще зорко слѣдили; были купцы, которые держали при арміи спеціальныхъ военныхъ гонцовъ для полученія скорыхъ извѣстій; но Кутузовъ до послѣдней минуты поддерживалъ и въ московскомъ главнокомандующемъ и въ московскомъ населеніи увѣренность, что за Бородинскимъ сраженіемъ послѣдуетъ новое, подъ стѣнами Москвы. Мы можемъ только догадываться о мотивахъ, которые руководили Кутузовымъ. Сомнительно, чтобы уже послѣ Смоленска не приходило ему въ голову мысли о возможности сдачи столицы; но онъ скрывалъ свои тревоги, не желая, можетъ-быть, подать поводъ къ придворнымъ интригамъ противъ себя, къ народнымъ волненіямъ или, наконецъ, къ какимъ-либо крайнимъ мѣрамъ со стороны московскаго главнокомандующаго, которому не довѣрялъ и не сочувствовалъ. Ростопчинъ, только въ 1810 году изъ опалы попавшій въ милость, пользовался всякимъ случаемъ доказать свою благонамѣренность и патріотизмъ: всюду ему мерещились либералы и мартинисты, онъ былъ готовъ заподозрить въ якобинизмѣ Жуковскаго и кн. Вяземскаго; незадолго до сдачи Москвы онъ отдалъ на растерзаніе толпѣ купеческаго сына Верещагина, виновнаго въ переводѣ на русскій языкъ газетной статьи о Наполеонѣ. Знай Ростопчинъ о колебаніяхъ Кутузова, онъ

могъ бы въ своемъ патріотическомъ рвеніи сжечь Москву такъ, что она бы уже не возродилась. Извѣстіе о сдачѣ застало, такимъ образомъ, москвичей врасплохъ. Нѣкоторые, и тутъ полагаясь на афиши Ростопчина, не хотѣли вѣрить совершившемуся. Другіе съ растерянными, блѣдными лицами разыскивали лошадей, собирали вещи; чего нельзя было взять, то прятали, закапывали подъ полы, въ погребахъ, въ садахъ. Изъ монастырей и церквей увозили утварь, иконы; изъ Успенскаго собора вывезли икону Владимирской Богоматери, изъ Иверской часовни — Иверскую. Уже послѣ Смоленска стали вывозить изъ Москвы, преимущественно по ночамъ, драгоцѣнности ризницъ и Оружейной палаты, сенатъ, архивы; съ 20-го августа потянулись изъ Москвы черезъ Ростовъ московскіе жители; но это, въ общемъ тоже торопливое движеніе, смѣнилось 2-го сентября повальнымъ бѣгствомъ. Бросились къ заставамъ Нижегородской, Рязанской, Владимирской. Образовавшаяся толкотня приводила въ отчаяніе отставшихъ. Для проѣзда ждали очереди — часовъ по пяти. Очевидцы рисуютъ намъ яркими красками этотъ достопамятный моментъ московской жизни. Движутся экипажи всѣхъ сортовъ — кареты, телѣги, дрожки, вотъ заложили тройку лошадей въ большой чанъ и въ немъ ѣдутъ; въ тяжелую карету запряжены двѣ лошади или лошадь и корова, въ легкія дрожки — цѣлая пятерка; въ экипажахъ кучей свалены пожитки; самые разнообразные, подчасъ странные костюмы; мѣщанка въ самомъ своемъ дорогомъ нарядѣ, а рядомъ священникъ, надѣвшій на себя всѣ ризы, съ узломъ церковной утвари въ рукахъ; мужчины въ байковыхъ платьяхъ, женщины въ мужскихъ сюртукахъ; ѣдутъ господа и гонятъ передъ экипажемъ стадо овецъ, коровъ; собаки вокругъ лаютъ и воютъ, вторя людскимъ всхлипываніямъ, причитаніямъ. По выѣздѣ изъ Москвы — новыя препятствія: ѣхать со всѣми, въ двухъ-трехъ рядахъ повозокъ, запруживающихъ дорогу, неудобно и медленно, на переправахъ приходится снова ждать; ѣхать отдѣльно, лѣсомъ или полемъ, опасно — могутъ напасть мародеры. Къ московскимъ переселенцамъ присоединились по пути переселенцы изъ подмосковныхъ, уже занятыхъ непріятелемъ. Люди не знаютъ, куда итти; говорятъ, что нужно итти къ восходу солнца, къ Сибири. Трудное само по себѣ переселеніе изъ Москвы дорого обходилось тѣмъ, у кого не было своихъ лошадей и экипажей. Ямщики сильно повысили прогоны, за

100 верстъ требовали 1000 рублей; за плохую телѣгу брали по 50 р., лошадь, стоящую 100 рублей, продавали за 300. Уѣзжали, конечно, прежде всего имѣвшіе къ тому возможность, люди болѣе или менѣе зажиточные, особенно дворяне; оставшіеся простолюдины, выдаваемые, такъ сказать, головой непріятелю, не могли не протестовать противъ спѣшнаго выѣзда той именно части населенія, которая по своимъ средствамъ и вліянію одна могла сорганизовать защиту. Дворянамъ при выѣздѣ приходилось выслушивать весьма нелестныя прозвища трусовъ, измѣнниковъ, предателей; по каретамъ бросали камнями; даже за Коломной роптал народъ говоря, что дворяне Москву на чаю пропили. Иные, чтобы безопаснѣе ѣхать, подвязывали бороды и переряживались въ женское платье — и все-таки лишались лошадей и оказывались въ печальной необходимости возвратиться въ Москву пѣшкомъ. Только бойкая четверня и расторопный кучеръ помогли одному переряженному дворянину спастись отъ ратниковъ ополченія, которые хотѣли насильно присоединить къ своему отряду мужскую прислугу проѣзжавшаго.

Москва опустѣла. Изъ 250.000 съ лишкомъ жителей въ ней осталось отъ 12 до 15 тысячъ, разбросанныхъ по всему обширному пространству столицы; часть притаилась въ своихъ домахъ за наглухо запертыми воротами и ставнями. На улицахъ было пусто. Изрѣдка попадались бездомные бродяги или раненые солдаты, отставшіе отъ своихъ партій. Ночь окутала землю. Несмотря на тревоги и хлопоты прошедшаго дня, многіе не спали. У Дорогомиловской заставы уже сверкали бивачные огни французской главной квартиры.

Французы шли по пятамъ за русскими и вступили въ Москву всѣми заставами со стороны Смоленска, когда еще не вполнѣ вышла русская армія.

Вступая въ Москву 2 сентября, французы опасались засады. Но никакихъ засадъ не было. Современники разсказываютъ только, что генералъ Себастьяни, въѣзжая со своимъ отрядомъ въ Кремль черезъ Никольскія ворота, встрѣтилъ около 200 вооруженныхъ гражданъ, которымъ и приказалъ положить оружіе; сдѣлавъ два ружейныхъ выстрѣла, на которые французы отвѣтили двумя пушечными, русскіе, дѣйствительно, побросали ружья и разошлись. Кремль заняла гвардія, остальныя войска расположились въ столицѣ и ея предмѣстьяхъ, по монастырямъ, казеннымъ и частнымъ зданіямъ. Въ Подвязкахъ стояла

Пожаръ Москвы.
(Вендрамини).

итальянская гвардія Мюрата. Для Наполеона было крайне важно соблюсти порядокъ. Вступивъ въ городъ, онъ отдалъ приказъ всѣмъ московскимъ жителямъ дать свѣдѣнія генералу Дюронелю объ имѣющемся у каждаго хлѣбѣ, о мѣстонахожденіи частныхъ и казенныхъ мучныхъ складовъ, о томъ, кѣмъ и куда были вывезены казенныя вещи и не укрывается ли у кого русскихъ военныхъ. Оружіе подлежало выдачѣ. Приказъ имѣлъ цѣлью заставить самихъ русскихъ пойти навстрѣчу французамъ, при выполненіи ими обычныхъ требованій войны, и тѣмъ хоть сколько-нибудь предотвратить возможность насилія. По окрестностямъ Москвы были распространены прокламаціи на русскомъ языкѣ съ приглашеніемъ привозить къ французамъ припасы за хорошую плату. Больницы какъ съ французскими, такъ и съ русскими больными и ранеными получали все необходимое, такъ же, какъ и Воспитательный домъ. Для поддержанія въ арміи настроенія былъ даже устроенъ изъ оставшихся въ Москвѣ французскихъ артистовъ театръ, на Никитской, въ домѣ Постникова. Въ Москвѣ дѣйствовало французское управленіе — изъ военнаго губернатора маршала Мортье, коменданта, двухъ плацъ-майоровъ, интенданта и управляющаго Московской губерніей Лессенса и двухъ полицмейстеровъ; къ участію въ управленіи удалось затѣмъ привлечь и самихъ московскихъ жителей. Стараніями интенданта Лессенса, бывшаго французскаго консула въ Петербургѣ, изъ москвичей составленъ былъ «полицейскій департаментъ»; а на ряду съ нимъ и муниципалитетъ. Въ составъ муниципалитета, частью по выбору жителей, частью по назначенію французовъ, вошли 36 лицъ съ русскими и 31 лицо съ иностранными фамиліями: городскимъ головой былъ выбранъ купецъ Находкинъ, согласившійся принять должность подъ условіемъ, что ему не придется дѣлать ничего, противнаго вѣрѣ и государю. Наполеонъ, наконецъ, вовсе не хотѣлъ оправдывать мнѣніе о немъ русскихъ, какъ о гонителѣ православной церкви. Для успокоенія православнаго населенія окрестностей столицы приказано было звонить въ церковные колокола. Духовенство старательно привлекалось къ отправленію богослуженія. Въ церквахъ, лишенныхъ антиминсовъ, отправлялись заутреня и часы, въ иныхъ совершались и всѣ службы, даже съ сохраненіемъ молитвы за русскаго императора. Богослуженіе совершалось въ церкви св. Евпла на Мясницкой, въ монастыряхъ Новодѣвичьемъ, Страстномъ, Срѣтенскомъ, Зачатьевскомъ, Бого-

явленскомъ, Рождественскомъ, также и въ другихъ церквахъ, гдѣ не была разграблена, вывезена или спрятана утварь. Если иные священники совершили своего рода подвигъ, открыто предупреждая французовъ о согласіи совершать богослуженіе только подъ условіемъ молитвы за государя, то находились и такіе, которые не прочь были воспользоваться пребываніемъ Наполеона для своихъ выгодъ. Священникъ при тверскомъ, нынѣ генералъ-губернаторскомъ домѣ, получилъ отъ Наполеона камилавку и архіерейское облаченіе. Впослѣдствіи, по уходѣ французовъ, утвари церковной у него не оказалось, а вмѣсто этого нашлось «много постороннихъ вещей».

Соблюденіе порядка въ Москвѣ значило для Наполеона сохраненіе дисциплины въ арміи. Но о порядкѣ приходилось думать въ такой обстановкѣ, которая заранѣе обрекала на безуспѣшно стьпредпринимаемыя мѣры. Войска были истомлены походомъ и военная добыча представлялась имъ вполнѣ законной наградой за труды; къ тому же оставленіе столицы ея жителями косвенно какъ бы развязывало руки къ присвоенію того, что не было вывезено. Грабежъ по очереди войсковыми частями, направленный собственно къ снабженію арміи съѣстными припасами, обувью и одеждой, прекрасно уживался съ грабежомъ со стороны отдѣльныхъ солдатъ и даже офицеровъ, забиравшихъ всѣ сколько-нибудь цѣнныя вещи и серебро, вплоть до поданныхъ къ столу имъ серебряныхъ ложекъ. Когда Наполеонъ запретилъ грабежъ, то было уже поздно; дисциплина упала, императорскія повелѣнія не исполнялись; не осталась безупречной и гвардія, несмотря на объявленную въ приказѣ угрозу изгнать изъ среды ея всѣхъ негодяевъ, наносящихъ безчестье этому отборному корпусу. Въ покинутыхъ домахъ, въ подвалахъ было много запасовъ, которыхъ хватило бы на нѣсколько мѣсяцевъ, если бы съ самаго начала Наполеонъ могъ осуществить мѣру, которую онъ попытался пустить въ ходъ въ срединѣ сентября, устроивъ провіантскіе магазины. Масса продуктовъ была расхищена отдѣльными лицами, а частью, по небрежности солдатъ, пропала даромъ. Иные платились жизнью за жадность, съ которой набрасывались на находимыя вещи: болѣе 6000 человѣкъ задохлось отъ дыма въ загорѣвшихся послѣ ихъ прихода домахъ. Грабежъ сопровождался насиліями, въ которыхъ, по свидѣтельству современниковъ, особенно отличались не сами французы, а пришедшіе съ ними солдаты другихъ націй.

Настроеніе солдатъ не отвѣчало стараніямъ водворить порядокъ. Но главную роль въ разстройствѣ великой арміи за время ея пребыванія въ Москвѣ сыгралъ, конечно, пожаръ, явившійся для французовъ такой же неожиданностью, какъ и запустѣніе столицы. Пожаръ начался 2-го сентября на Солянкѣ, у Воспитательнаго дома, но былъ потушенъ. Въ то же время загорѣлось на Гостиномъ дворѣ, потомъ на Покровкѣ, на Арбатѣ и по всему пути, ведущему къ Смоленской заставѣ. Съ 3 на 4 сентября поднялся сильный ураганъ, окончательно стихшій только къ 8-му и значительно способствовавшій распространенію огня. Пламя перекинулось въ Пятницкую часть, скоро запылало все Замоскворѣчье; съ новой силой вспыхнулъ пожаръ въ Китай-городѣ, охвативъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рядъ новыхъ улицъ: Пречистенку, Моховую, Срѣтенку, Мѣщанскую, Трубу, Мясницкую, Старую и Новую Басманныя, Нѣмецкую слободу, Воронцово поле. 5 октября московскимъ обывателямъ казалось уже, что горитъ вся Москва. Воздухъ наполнился пепломъ, по ночамъ было такъ свѣтло, что легко можно было считать безъ огня мелкую монету или читать газету. По улицамъ стало опасно ходить—того гляди задохнешься отъ дыму. Особенно страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грандіозное зрѣлище представилъ пожаръ для лицъ, смотрѣвшихъ на него изъ окрестностей столицы. Зарево было видно за 150 верстъ. Картина глубоко запала въ душу современниковъ, которымъ удавалось ее видѣть. Громадное большинство современниковъ пожара обвиняютъ французовъ, въ томъ числѣ и тѣ русскіе, которые оставались въ столицѣ; французы обвиняются и въ офиціальномъ сообщеніи о пожарѣ, написанномъ по повелѣнію государя. Съ другой стороны, съ конца 1812 г., а особенно въ 1813 г. укореняется мнѣніе, что Москву сожгли сами ея жители изъ чувства патріотизма. Сомнительно, однакожъ, чтобы какъ поджоги французовъ, такъ и русскій патріотизмъ явились виновниками московскаго пожара во всемъ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ имѣлъ мѣсто. Пожаръ, по словамъ одного современника-француза, приводилъ армію въ ужасъ. Были отдѣльные поджоги съ патріотическою цѣлью со стороны русскихъ; купцы зажгли свои лавки въ Каретномъ ряду, Ростопчинъ сжегъ свою подмосковную—Вороново; этотъ же Ростопчинъ, какъ московскій главнокомандующій, дѣйствительно, можетъ-быть, лелѣялъ мысль предать Москву пламени, лишь бы она не досталась французамъ, и слухи объ этомъ, передъ сдачей Москвы,

породили много толковъ среди жителей; но, въ концѣ-концовъ, послѣ общаго бѣгства, въ столицѣ осталось очень мало лицъ, имѣвшихъ свои дома, а сжигать чужіе дома въ отсутствіе ихъ хозяевъ оставшіеся патріоты едва ли бы рѣшились; что касается до Ростопчина, то онъ не успѣлъ принять къ сожженію Москвы какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ, такъ какъ былъ застигнутъ врасплохъ извѣстіемъ о сдачѣ. Пожаръ Москвы — не преступленіе французовъ, не подвигъ московскаго населенія и даже не подвигъ Ростопчина: онъ слѣдствіе цѣлаго ряда обстоятельствъ, начиная съ поспѣшнаго и неосторожнаго поджога оставшагося въ Москвѣ казеннаго имущества и кончая поджогами со стороны русскихъ мародеровъ и выпущенныхъ на свободу арестантовъ, которые, принявшись грабить еще до прихода французовъ, на первыхъ порахъ не могли не видѣть въ пожарахъ обычнаго средства схоронить концы; или не надо, наконецъ, забывать и о бурѣ, о которой уже было сказано.

Что дѣлали, какъ жили и что переживали москвичи въ то время, когда въ Кремлѣ, вмѣсто русскаго императора помѣщался французскій, и пожаръ такъ измѣнилъ физіономію улицъ, что ихъ порой трудно было узнать даже старожиламъ?

Французы появились такъ быстро вслѣдъ за русскими, что многіе обыватели приняли ихъ за какихъ-то русскихъ союзниковъ, шведовъ или англичанъ, явившихся къ намъ на помощь, и въ этомъ смыслѣ даже успокаивали послѣднихъ отъѣзжавшихъ. Но обращеніе французовъ съ попавшимися имъ по дорогѣ скоро убѣдило въ печальной истинѣ: въ городѣ водворился непріятель. Начался грабежъ и одновременно — пожары. Жившіе въ разныхъ концахъ города дѣти и родители приходили въ отчаяніе изъ-за судьбы другъ друга; но розыски и скитанья по городу были небезопасны — можно было остаться въ одномъ бѣльѣ. Въ квартирахъ у болѣе зажиточныхъ расположились французскіе генералы, и здѣсь жилось тише; у иныхъ оказывались удобные подвалы, даже съ печами, въ которыхъ можно было жить съ относительнымъ комфортомъ; иные нашли себѣ пріютъ въ свободныхъ монастырскихъ кельяхъ. Но большинство оставшагося населенія, состоявшее преимущественно изъ бѣдныхъ мѣщанъ и простонародья, должно было или терпѣть насилія отъ поставленныхъ у него солдатъ, или бродить безъ права, питаясь чѣмъ Богъ пошлетъ, или устраивать себѣ новыя жилища въ пустыряхъ, садахъ и огородахъ: къ счастью, прекрасная погода благопріятство-

вала этому. Запустѣлая Москва являла печальную картину. Въ огородахъ, прилегающихъ къ Марьинской больницѣ, бродили голодныя лошади, которыя, околѣвая, становились пищей собакамъ. Въ другихъ мѣстахъ тѣ же собаки пожирали человѣческіе трупы. Стукъ экипажей, крики разносчиковъ, веселыя бесѣды прохожихъ,—словно всего этого и не было. Въ обгорѣлыхъ улицахъ воцарилась тишина и безлюдье, а попадающіеся прохожіе нерѣдко тщательно и съ опаской старались обойти другъ друга...

Отношеніе русскихъ къ французамъ складывалось различно — сообразно съ тѣмъ, съ какой именно стороны проявляли себя въ томъ или иномъ мѣстѣ представители французской арміи. Въ большинствѣ случаевъ французовъ только терпятъ, ожидая удобнаго момента, чтобы отъ нихъ отдѣлаться; попадающихся въ одиночку нерѣдко убиваютъ. Но иногда устанавливалось нѣчто въ родѣ тѣснаго знакомства или даже дружбы, особенно съ тѣми русскими, которые могли изъясняться по-французски.

Наполеонъ занялъ Кремлевскій дворецъ, потомъ, когда начался пожаръ, съ опасностью жизни перебрался было въ Петровскій дворецъ, но 6 сентября вернулся въ Кремль. Обстановка слагалась неожиданно тяжелая, затрудненія встрѣчались на каждомъ шагу, и что особенно должно было бѣсить великаго полководца — онъ не находилъ средствъ не только къ ихъ устраненію, но даже къ борьбѣ съ ними. Дисциплина расшатывалась. Приходилось напоминать офицерамъ объ отдачѣ императору чести. Первоначальный излишекъ, при безпорядочномъ уничтоженіи провизіи, превратился скоро въ недостатокъ. Вначалѣ французы брезговали ржанымъ хлѣбомъ, но скоро пришлось ѣсть тотъ же хлѣбъ, но изъ подмокшей, полусгнившей муки. Въ пищу идетъ конина, вороны, галки; вмѣсто соли употребляютъ порохъ. При отсутствіи необходимыхъ медикаментовъ растетъ заболѣваемость. Лошади мрутъ за недостаткомъ фуража, за которымъ снаряжаются экспедиціи въ окрестности Москвы, но рѣдко удачно; вмѣсто соломы, на подстилку лошадямъ идутъ бумаги изъ архивовъ. Прекрасная кавалерія Наполеона значительно теряетъ свою боевую годность. Грабежъ нежелателенъ — но его нельзя остановить, потому что французамъ все равно нечѣмъ платить; пущенныя ими въ ходъ фальшивыя ассигнаціи рѣшительно теряютъ цѣну. Казаки, подстерегающіе французовъ подъ Москвой,

все чаще и чаще проскакиваютъ по московскимъ улицамъ, а 9 сентября пробираются даже за Красныя ворота, къ Китай-городу. Цѣлые дни нервно прохаживается императоръ въ своемъ кремлевскомъ кабинетѣ — и подчиненные не знаютъ, какъ къ нему подойти, чтобы не вызвать припадка гнѣва. Передъ Наполеономъ цѣлая кипа картъ Россіи: онъ вырабатываетъ планъ дальнѣйшаго движенія на сѣверъ, отмѣчая то тотъ, то другой пунктъ разноцвѣтными булавками. Тѣмъ временемъ среди войска пускается слухъ, что Рига взята приступомъ, Макдональдъ вошелъ въ Петербургъ въ самый день взятія Москвы и сжегъ его, что вся дорога отъ Вильны до Смоленска занята обозами со всѣмъ необходимымъ для арміи, а маршалъ Викторъ ведетъ подкрѣпленіе. Но въ глубинѣ души Наполеонъ не можетъ не чувствовать, что во всѣхъ его планахъ, во всѣхъ пускаемыхъ имъ успокоительныхъ слухахъ, въ сущности, мало пользы. Не послушаться ли маршаловъ, не начать ли отступленія, заключивъ миръ. За отступленіе давно стоитъ Бертье. Не попробовать ли возмутить казанскихъ татаръ, нѣкоторые изъ которыхъ выразили желаніе вступить во французскую службу? Планы насчетъ Казани связываются съ планомъ объ организаціи новаго пугачовскаго возстанія: собираются воззванія Пугачова, изыскиваются знатныя фамиліи, которыя можно было бы возвести на престолъ. Наполеонъ все еще надѣется привлечь къ себѣ московское населеніе и этимъ, если не закрѣпитъ за собой Москву, такъ подготовитъ почву къ мирнымъ переговорамъ, необходимость которыхъ начинаетъ все болѣе и болѣе сознавать: онъ вступаетъ въ бесѣду съ смотрителемъ Воспитательнаго дома, Тутолминымъ, съ отставнымъ гвардейскимъ капитаномъ, Яковлевымъ, съ русскимъ доброжелателемъ — бывшимъ французскимъ посломъ въ Россіи, Коленкуромъ, наконецъ, даже съ содержательницей гостиницы и моднаго магазина — г-жей Оберъ-Шальме. Бесѣды не приносятъ желаемыхъ результатовъ. Собесѣдники или отмалчиваются, или своими возраженіями подрываютъ въ императорѣ послѣднюю надежду найти почетный выходъ изъ создавшагося положенія. Скрѣпя сердце, Наполеонъ отправляетъ съ мирными предложеніями сначала упомянутаго Яковлева, потомъ своего уполномоченнаго, Лористона. Яковлевъ не исполнилъ возложеннаго на него порученія, а Лористонъ долженъ былъ уѣхать отъ Кутузова ни съ чѣмъ.

Оставалось одно—отступить. Москва была въ рукахъ Наполеона, но онъ не удержалъ ея. Передать русскимъ Кремль въ томъ видѣ, въ какомъ французы его заняли, значило, въ глазахъ Наполеона, лишній разъ показать свое безсиліе передъ этой національной твердыней. Подготовка къ отступленію выразилась, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ подведеніи минъ подъ важнѣйшія кремлевскія зданія, при чемъ на работы сгонялись сами русскіе. Съ колокольни Ивана Великаго сняли крестъ, съ кремлевскихъ башенъ—орлы—то и другое должно было послужить московскими трофеями. Маршалу Жюно и генералу Бараге-д'Илье послано было предписаніе собрать всѣ повозки, какія только можно отыскать на пространствѣ сорока верстъ отъ Можайска и Вязьмы, и вывезти всѣхъ раненыхъ изъ госпиталей, устроенныхъ вдоль Смоленской дороги.

Французы отступили. Грустную картину представляла столица, перешедшая теперь снова въ руки русскихъ. Въѣзжавшаго со стороны Рогожской заставы поражали трубы обгорѣлыхъ зданій, высившіяся точно громадные обелиски могильныхъ памятниковъ; другіе дома еще дымились; оторванные отъ крышъ желѣзные листы хлопали и словно стонали, раскачиваемые вѣтромъ. Трупы по улицамъ, съ кучей собакъ около нихъ, продолжали составлять обычное зрѣлище, какъ и при французахъ: только для предохраненія отъ заразы, какъ тогда говорили, рядомъ съ трупами зажигались кучи навоза. Изъ 6080 домовъ осталось 2600; церквей сгорѣло 122; маршалъ Мортье взорвалъ Кремль, и хотя взрывъ оказался менѣе разрушительнымъ, чѣмъ предполагалось, все же пострадалъ дворецъ, Грановитая палата, пристройки къ Ивану Великому, стѣны въ пяти мѣстахъ; сгорѣлъ почти весь Китай-городъ съ Охотнымъ рядомъ; на Тверской осталось всего 12 домовъ; сильно пострадали Арбатъ, Пречистенка, Поварская, Кузнецкій мостъ, Мясницкая подлѣ почтамта, Басманная, Покровка, Нѣмецкая слобода. Замоскворѣчья почти не существовало; сгорѣли Петровскій дворецъ, Университетъ, Дворянское собраніе. Уцѣлѣли соборы въ Кремлѣ и иконы на Никольскихъ и Спасскихъ воротахъ, а передъ иконой Спасскихъ воротъ даже стеклянная лампада. Вошедшій въ Москву Шаховской, которому поручено было привести въ порядокъ московскія святыни, приказалъ немедленно возжечь эту лампаду. Ростопчинъ отдалъ на имя московскаго оберъ-полицмейстера Ивашкина приказъ — приложить всѣ старанія, чтобы остав-

шіеся въ цѣлости московскіе дома не были разграблены нашими. Но и русскихъ такъ же порой было трудно удержать отъ грабежа, какъ Наполеону французовъ. Казаки внушали серьезныя опасенія московскимъ жителямъ. Крестьяне захватывали и тащили, что попадалось подъ руки; на Мясницкой, съ верхняго этажа дома Салтыкова выбрасывали мебель прямо на мостовую и увозили поломанные столы и стулья. Изъ Казенной палаты растаскивали мѣдныя деньги. Крестьяне Звенигородскаго и Дмитровскаго уѣздовъ набрали денегъ, серебряныхъ и золотыхъ часовъ, богатыхъ матерій, суконъ, головъ сахару. Спѣша задобрить господъ, они встрѣчали ихъ хлѣбомъ-солью и косвенно дѣлали участниками грабежа, внося впередъ часть оброка. Въ гостиномъ дворѣ и другихъ мѣстахъ открылся рынокъ; провизію скупали нарасхватъ, не успѣвали донести домой и поѣдали дорогой. Купцы, въ свою очередь, наживались, обманывая французскихъ плѣнныхъ, не понимавшихъ счета русской монеты. Появившаяся въ Москвѣ полиція навела нѣкоторый порядокъ: у заставъ поставлена была стража, не позволявшая вывозить награбленнаго. Въ два дня переловлено болѣе 200 грабителей и поджигателей, изъ которыхъ нѣкоторые были пойманы съ оружіемъ въ рукахъ; жителямъ дано строгое приказаніе сохранять свои дома, подъ угрозой привлеченія ихъ самихъ къ отвѣтственности въ случаѣ грабежа или пожара. Крестьянъ, явившихся грабить, Бенкендорфъ заставилъ вывозить изъ города человѣческіе и конскіе трупы. Но и сами власти оказывались порой не безъ грѣха. Ростопчинъ забралъ изъ магазина уѣхавшей француженки Шальме столовый сервизъ, разрѣшивъ своему другу Булгакову взять изъ того же магазина два сервиза, табаку и парфюмерныхъ товаровъ. Общій убытокъ по Москвѣ и Московской губерніи доходилъ до 321 милліона.

Сдача и пожаръ Москвы, отступленіе изъ нея Наполеона,— все это взволновало русское общество, придало новый оттѣнокъ взглядамъ и настроеніямъ, обозначившимся въ началѣ войны. Москва была экономическимъ и культурнымъ центромъ. Въ лавкахъ и магазинахъ погибло много товара, прекратили работу московскія мануфактуры, рабочіе разбрелись по ближайшимъ городамъ и мѣстечкамъ, въ поискахъ новыхъ заработковъ. Иные вельможи потерпѣли убытки на милліоны; въ домѣ Бутурлина сгорѣла библіотека въ 40.000 томовъ. Съ Москвой, съ ея университетомъ и пансіонами, съ ея роскошными

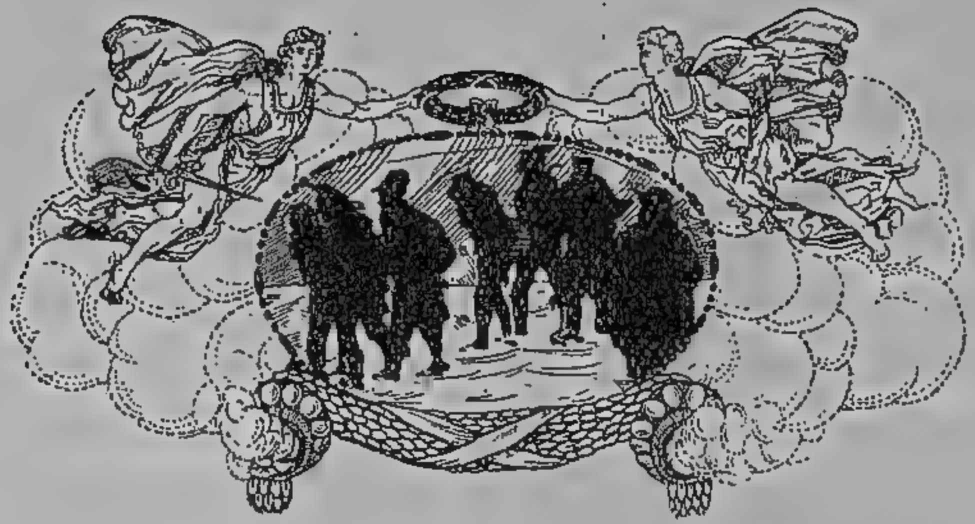
Наполеонъ подъ Москвой.
(*Ре*).

обѣдами и балами, съ учеными и литературными обществами связывались лучшія мечты и надежды наиболѣе сознательныхъ русскихъ людей всѣхъ классовъ и всѣхъ возрастовъ. Вѣсть о потерѣ Москвы повергла нѣкоторыхъ на одръ болѣзни; по Москвѣ плакали въ Одессѣ и въ Сибири. Въ Петербургѣ негодовали на правительство — и 15 сентября, на праздникѣ коронаціи, государь ѣхалъ въ каретѣ, а не верхомъ, опасаясь бунта. Графъ Ростопчинъ и люди, къ нему близкіе, нападали на Кутузова, обзывая его старой бабой, которая думаетъ что-то сдѣлать, ничего не дѣлая. Но на ряду съ этимъ, затруднительное положеніе, въ какое попала Россія, заставило глубже вдуматься въ намѣтившійся ходъ войны, понять, наконецъ, что потеря Москвы—не слава, а гибель для Наполеона. Безъ сдачи Москвы, безъ московскаго пожара война 1812 года никогда не явилась бы въ такой степени «отечественной», въ какой ее по справедливости можетъ теперь назвать историкъ. Нашествіе французовъ съ «двадесятью языкъ» глубоко запечатлѣлось въ народной памяти; и когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, участникъ войны оглядывался на прошлое, это прошлое казалось ему особенно священнымъ и важнымъ при мысли о судьбѣ Москвы.

Д. Жариновъ.

Гр. Ѳ. В. Растопчинъ.

С. Н. Глинка.



Народная война и отступленіе французовъ.

Наполеонъ расположился въ Москвѣ, увѣренный, что онъ побѣдилъ и война окончена. Онъ ждалъ теперь начала мирныхъ переговоровъ, удивлялся молчанію Александра и терялъ терпѣніе. Бездѣліе въ сожженной Москвѣ его тяготило. Дѣла Франціи заставляли спѣшить отъѣздомъ, и онъ, наконецъ, рѣшился пойти навстрѣчу «слишкомъ самолюбивому врагу» и заговорить о мирѣ. Его уполномоченный долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, отвезти письмо Наполеона, но Кутузовъ, отказалъ ему въ пропускѣ, а письмо взялся отправить самъ. «Мнѣ даже запрещено произносить слово миръ», сказалъ Кутузовъ. Въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, между русской арміей и французскимъ авангардомъ состоялось нѣчто въ родѣ перемирія.

Русская армія заняла позицію къ югу отъ Москвы, подлѣ Тарутина, загораживая дорогу на Калугу, гдѣ были собраны провіантъ и боевые припасы. Французскій авангардъ расположился къ сѣверу отъ нея, въ 70 верстахъ, отдѣленный небольшой рѣчкой. По ровному полю, пользуясь наступившимъ теперь перемиріемъ, гарцовали вмѣстѣ польско-русскіе и польско-французскіе уланы, иногда появлялся и начальникъ французскаго авангарда неаполитанскій король Мюратъ, какъ всегда, исполненный сознанія своего достоинства и театрально нарядный. На виду у войска происходили встрѣчи его съ начальникомъ русскаго авангарда Милорадовичемъ. Мюратъ начиналъ жаловаться, что, несмотря на перемиріе, французы подвергаются безпрестаннымъ нападеніямъ со стороны крестьянъ и партизановъ, что это война неслыханная, а перемиріе странное, на что Милорадовичъ не безъ ѣдкости отвѣчалъ, что это война такая же, какъ война Испаніи противъ Франціи, война на-

родная. Уязвленный непріятнымъ намекомъ на Испанію Мюратъ умолкалъ.

А между тѣмъ отъ Смоленска и во всѣхъ русскихъ губерніяхъ, подвергшихся французскому нашествію, подымалось крестьянство темное, враждебное, ненавидящее. Впервые за много лѣтъ непріятель дерзнулъ углубиться такъ далеко въ нѣдра Россіи и столкнулся такъ близко съ крестьянствомъ. Отъ Смоленска потянулись въ Москву длинные транспортные обозы, изъ Москвы везли раненыхъ, отъ Наполеона ѣхали спѣшно курьеры въ Смоленскъ, опустошенная Москва высылала фуражировъ за сѣномъ для лошадей и провіантомъ для солдатъ, и французы въ поискахъ за припасами являлись въ деревни, занимали ихъ, располагаясь въ крестьянскихъ избахъ, жили подолгу и на мельницахъ мололи зерно. А крестьяне уходили, прятались въ лѣсахъ и, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, мстили врагу. На высокихъ пунктахъ они устраивали для выслѣживанія сторожевые посты. Крестьяне нѣсколькихъ близлежащихъ деревень собирались въ отряды, иногда довольно большіе, до 2 тысячъ человѣкъ. Во главѣ ихъ становился какой-нибудь отставной военный, но часто начальникомъ такой дружины былъ простой поселянинъ. Вооруженные чѣмъ попало: кольями, косами, вилами, топорами, ружьями (одинъ изъ отрядовъ имѣлъ даже пушку, отбитую у непріятеля), — эти крестьяне сносились между собой посредствомъ сигналовъ, огней и колокольнаго звона. То хитростью завлекали они французовъ-фуражировъ, угощали ихъ, опаивали виномъ и охмелѣвшихъ избивали или брали въ плѣнъ и связанныхъ везли въ городъ; то вступали въ бой совершенно открыто. Къ тѣмъ изъ своихъ, кто оказывалъ услугу французу или служилъ имъ проводникомъ, они относились съ презрѣніемъ и непріязнью. Въ своей ненависти къ врагу они доходили порой до явныхъ жестокостей. Женщины не отставали отъ мужчинъ въ ихъ борьбѣ съ французами.

Рядомъ съ крестьянами успѣшно дѣйствовали небольшіе легкіе отряды партизановъ, загораживая всѣ дороги, ведущія въ Москву. Подполковникъ Давыдовъ находился подъ Вязьмой, капитанъ Сеславинъ дѣйствовалъ между Москвой и Боровскомъ, артиллерійскій капитанъ Фигнеръ стоялъ въ окрестностяхъ Москвы, полковникъ кн. Кудашевъ — по Серпуховской дорогѣ. Летучіе отряды были посланы по всѣмъ направленіямъ, загораживая Москву съ сѣвера и юга. Партизанскіе отряды

9*

были обыкновенно немногочисленны и состояли изъ сотни-другой солдатъ и казаковъ, ихъ начальники дѣйствовали вначалѣ самостоятельно, сносясь непосредственно съ самимъ Кутузовымъ.

Днемъ партизаны таились въ лѣсахъ, передвигались ночью окольными путями, при чемъ проводникомъ имъ служилъ крестьянинъ, хорошо знающій данную мѣстность. Отъ вниманія партизановъ не могло укрыться ни малѣйшее движеніе непріятеля. Они выслѣживали французскіе отряды и обозы, нападали на нихъ и на фуражировъ, перехватывали на дорогахъ курьеровъ, которые везли спѣшныя важныя депеши. Они безпрерывно рвали сношенія Наполеона съ его войсками, оставшимися въ другихъ городахъ, они препятствовали французской арміи, занявшей Москву, отдохнуть, постоянно не хватало фуража для утомленныхъ голодныхъ лошадей и приходилось въ поискахъ за провіантомъ отправлять все бо̀льшіе и бо̀льшіе отряды.

Всѣ начальники партизанскихъ отрядовъ были предпріимчивы и храбры, но самый смѣлый и вмѣстѣ съ тѣмъ самый безпощадный — Фигнеръ. Ночь... Небрежно двигается черезъ лѣсъ французскій отрядъ, и вдругъ на опушкѣ лѣса верхомъ на конѣ появляется французскій офицеръ, окликаетъ проходящихъ. «Qui vi va?» Они отвѣчаютъ на этотъ обычный окликъ, и вотъ уже онъ подъѣзжаетъ къ нимъ, какъ свой, сопровождаетъ ихъ, разспрашиваетъ и затѣмъ отстаетъ. Если бы они только знали, — вѣдь этотъ человѣкъ, такъ прекрасно говорящій по-французски, переодѣтый Фигнеръ, но они ужъ ушли. А онъ тѣшится опасностью, днемъ въѣзжаетъ въ деревни, занятыя французами, не всегда даже позаботясь получше переодѣть офицеровъ своего отряда, которые не говорятъ по-французски. Онъ беззаботно разспрашиваетъ французовъ, добываетъ у нихъ нужныя свѣдѣнія, а своихъ спутниковъ выдаетъ за поляковъ. Наконецъ въ своей дерзости онъ доходитъ однажды до того, что ночью, переодѣтый французскимъ офицеромъ, проникаетъ въ село, занятое непріятелемъ, чтобы узнать, когда Наполеонъ посѣтитъ свой авангардъ. Часовой окликаетъ его на мосту. Но Фигнеръ не знаетъ пароля и въ отвѣтъ учиняетъ строгій разносъ часовому за окликъ, сдѣланный будто бы не по формѣ. Часовой вытягивается, извиняется. А Фигнеръ проникаетъ уже дальше до самаго штаба. Онъ подъѣзжаетъ ко многимъ кострамъ, называетъ себя офицеромъ какого-то

французскаго полка, кого-то ищетъ, вступаетъ въ длинную бесѣду со штабными офицерами, разспрашиваетъ о какихъ-то особахъ и, наконецъ, уѣзжаетъ, а на мосту говоритъ нѣсколько ласковыхъ словъ часовому, который отдаетъ ему честь. Онъ благополучно проѣзжаетъ одну цѣпь часовыхъ, но на второй звучитъ обычный окрикъ: «Qui» (кто?). Онъ даетъ шпоры лошади, а ему уже вдогонку гремятъ выстрѣлы, но онъ далеко. Онъ добылъ важныя свѣдѣнія, онъ полагаетъ, что весь авангардъ подъ начальствомъ Мюрата можетъ быть взятъ въ плѣнъ русскими. Свое донесеніе онъ вкладываетъ крестьянину въ лапоть и посылаетъ его спѣшно къ Кутузову.

Но этотъ благожелательный офицеръ, нападая на непріятеля, съ которымъ еще такъ недавно мирно бесѣдовалъ, становится опасенъ и страшенъ. Плѣнныхъ онъ не беретъ, всѣ люди, попавшіе въ его руки, обречены на неминуемую гибель, и онъ истребляетъ ихъ безпощадно. Если есть время, то съ французами расправляются его солдаты, если нѣтъ, то крестьяне, и во время этихъ избіеній происходятъ такія ужасныя сцены, что порой даже крѣпкіе нервы казаковъ ихъ не выдерживаютъ.

И такъ вокругъ Москвы кипѣла упорная истребительная народная война. Русская же армія пока бездѣйствовала подъ Тарутинымъ, но отношенія между ею и французскимъ авангардомъ становились все натянутѣе. А Наполеонъ еще пребывалъ въ Москвѣ, стараясь разсѣяться парадами войскъ, чтеніемъ новыхъ французскихъ стиховъ, устройствомъ спектаклей... Отвѣта изъ Петербурга все не было.

Надвигалась осень...

Въ началѣ октября произошло сраженіе подъ Тарутинымъ. Русскіе неожиданно напали на французскій авангардъ, находившійся подъ начальствомъ Мюрата. Они смяли непріятельскую конницу, заставили французовъ отдать нѣсколько орудій и вынудили французовъ отодвинуться къ сѣверу, ближе къ Москвѣ, но въ общемъ это сраженіе не вполнѣ оправдало возложенныя на него надежды. Позиція, занятая французами, была настолько для нихъ неудобна, что давала возможность надѣяться русскимъ истребить весь французскій авангардъ. Но цѣлый рядъ разногласій между генералами, а также несогласованность дѣйствій отдѣльныхъ частей арміи повредили общему дѣлу. Изъ всѣхъ слѣдствій этого сраженія, пожалуй,

самымъ важнымъ было то, что Наполеонъ увидѣлъ, что миръ заключенъ не будетъ и внезапно рванулся изъ Москвы, желая миновать русскую армію, быстро пройти другой дорогой черезъ Малоярославецъ въ Калугу и, быть-можетъ, обезпечить здѣсь свои войска зимними квартирами, провіантомъ и боевыми припасами, собранными въ этомъ городѣ. Первой выступила изъ Москвы итальянская армія, находившаяся подъ начальствомъ пасынка Наполеона, итальянскаго вице-короля, Евгенія Богарне. Въ прекрасномъ состояніи, отдохнувшая и бодрая, она весело покидала Москву съ полковой музыкой и пѣснями. За ней двинулся корпусъ маршала Даву, императорская гвардія и арьергардъ маршала Нея. Наполеонъ тоже покинулъ Москву, въ которой остался маршалъ Мортье съ небольшимъ отрядомъ войскъ. Ему было поручено взорвать городъ и затѣмъ соединиться съ арміей.

При выходѣ изъ Москвы у Наполеона было 100 тысячъ солдатъ и 500 орудій. Пѣхота была въ лучшемъ состояніи, чѣмъ кавалерія: артиллерійскія лошади, голодавшія вслѣдствіе недостатка фуража, черезъ силу тащили орудія. А за арміей тянулся длинный обозъ въ три или четыре ряда; здѣсь были и кареты, и фуры, и всевозможныя повозки. Везли одежды, съѣстные припасы, а на ряду съ ними совершенно ненужные предметы роскоши. Везли и трофеи, взятые въ Москвѣ: крестъ съ Филаретовской колокольни, русскія, персидскія и турецкія знамена. Плѣнные крестьяне тащили за арміей захваченную ими у русскихъ добычу, тутъ же устало шли больные, раненые. Многіе французскіе граждане, проживавшіе до этихъ поръ въ Москвѣ, опасаясь мести русскихъ, захвативъ съ собой самое необходимое, послѣдовали за арміей. Здѣсь были цѣлыя многочисленныя семьи, женщины, дѣти, старики и, наконецъ, вся труппа французскаго театра.

Уже въ самомъ началѣ дороги этотъ длинный обозъ, въ которомъ было такъ много лишней клади, замедлилъ движеніе арміи, но Наполеонъ не считалъ себя въ правѣ лишить своихъ солдатъ добычи, которая досталась имъ съ такимъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что она была скрыта подъ съѣстными припасами.

Полилъ дождь и испортилъ дороги. Все труднѣе было тащиться по топкой грязи, лошади и орудія вязли. На переходъ, который требовалъ всего 4 дня пути, пришлось употребить шесть. Тѣмъ временемъ движеніе Наполеона было одновременно открыто партизанами Фигнеромъ и Сеславинымъ. Генералъ

Дохтуровъ спѣшно двинулся на защиту Малоярославца, а Кутузовъ, узнавшій отъ партизановъ объ оставленіи Наполеономъ Москвы, покинулъ свою позицію, чтобы со всей арміей загородить Наполеону дорогу.

Гулъ битвы, раздававшійся со стороны Малоярославца, непріятно поразилъ Наполеона, и онъ сталъ торопить своихъ маршаловъ.

Французскій авангардъ — итальянская армія заняла Малоярославецъ, русскій авангардъ его отнималъ, выбивая непріятеля. Битва была упорная, кровопролитная, потери были огромны. Городъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Легло и съ той и съ другой стороны до 4 тысячъ человѣкъ. Генералъ, командовавшій итальянцами, былъ убитъ наповалъ.

Наконецъ уже подъ вечеръ къ Малоярославцу подошла русская армія главная. Кутузовъ приблизился къ городу и съ неудовольствіемъ прислушивался къ грохоту орудій. «Это передовое дѣло!» Началъ было свои объясненія сопровождавшій Кутузова полковникъ. Но Кутузовъ, конечно, отлично понималъ, что здѣсь идетъ серьезная битва и прервалъ его на полусловѣ недовольнымъ голосомъ: «Кажется, эти господа собираются завязать генеральное сраженіе!»

Ночью итальянцы окончательно завладѣли городомъ. Онъ весь пылалъ.

Русскіе отодвинулись, стали подъ городомъ на прекрасной позиціи. Несмотря на побѣду, одержанную итальянцами, путь на Калугу былъ загражденъ.

Генералы настаивали на томъ, чтобы теперь Кутузовъ далъ здѣсь рѣшительное сраженіе, особенно хлопоталъ объ этомъ британскій уполномоченный сэръ Робертъ Вильсонъ, сопровождавшій русскую армію. Кутузовъ согласился. Но затѣмъ онъ вдругъ внезапно передумалъ, поздно ночью онъ послалъ за генералъ-квартирмейстеромъ Толемъ и велѣлъ ему писать диспозицію отступленія. Толь былъ пораженъ. Генералы, созванные на экстренный совѣтъ, напрасно силились поколебать его рѣшеніе. Пораженный этимъ рѣшеніемъ сэръ Робертъ Вильсонъ энергично настаивалъ на необходимости битвы, но на всѣ его доводы Кутузовъ отвѣчалъ отказомъ:

— Я лучше желаю построить золотой мостъ (pontd'or), какъ вы называете, моему противнику, нежели поставить себя въ такое положеніе, чтобы получить coup de collier...

Кутузовъ не скрывалъ, что сверженіе Наполеона не входитъ въ его намѣренія: плодами такой побѣды воспользовалась бы, по его мнѣнію, не Россія, а Англія. Единственная цѣль Кутузова—избавить Россію отъ вторгшихся въ нее французовъ, и онъ долженъ дѣйствовать осмотрительно и осторожно и не можетъ поступать «какъ заносчивый гусаръ». Непріятельскіе разъѣзды уже появились на окольныхъ дорогахъ, не обошли бы французы русскихъ съ тылу. Не скрывается ли за всѣмъ этимъ какая-то хитрость? Вѣдь здѣсь передъ нимъ самъ Наполеонъ.

А въ это время въ маленькой деревушкѣ подъ Малоярославцемъ Наполеонъ, обхвативъ голову руками, въ глубокомъ раздумьѣ изучалъ карту Россіи. Давать ли русскимъ генеральное сраженіе, пробиваться ли дальше? Изъ донесенія, сдѣланнаго ему наканунѣ, онъ зналъ, что русскіе заняли такую позицію, на которой, по словамъ маршала Бессьера, «300 гренадеровъ опрокинутъ цѣлую армію», и что въ случаѣ побѣды французскія войска будутъ совершенно обезсилены. Наполеонъ самъ объѣзжалъ утромъ позиціи, онъ ѣхалъ вдоль линіи своихъ войскъ, поздравлялъ съ побѣдой, одержанной наканунѣ, благодарилъ, но лицо его было сумрачно. И вотъ теперь, поздно ночью, Наполеонъ созвалъ на совѣтъ Евгенія, Бертье, Даву и Бессьера.

Пламенный Мюратъ заговорилъ первый. Онъ настаивалъ на необходимости атаки. «Что намъ за дѣло до грознаго положенія русскихъ и ихъ непроходимыхъ лѣсовъ? Я презираю все это! Дайте мнѣ только остатки кавалеріи и гвардіи, и я углублюсь въ ихъ лѣса, брошусь на ихъ батальоны, разрушу все и вновь открою арміи путь къ Калугѣ».

Наполеонъ холодно замѣтилъ, что надо также подумать о спасеніи арміи.

Бессьеръ прибавилъ, что солдаты врядъ ли охотно пойдутъ за Мюратомъ, — нѣтъ возможности спасать раненыхъ, а поэтому каждая рана предаетъ солдатъ русскимъ, что равносильно смерти. И онъ первый заговорилъ о необходимости отступленія.

Наполеонъ молчалъ, и маршалы стали совѣщаться, какой дорогой итти къ Смоленску. Даву предлагалъ итти на Медынь, на этой дорогѣ, неразореной, можно было найти провіантъ. Мюратъ настаивалъ на томъ, чтобы итти знакомой дорогой — на Можайскъ, по которой французы пришли въ Москву. Она короче и безопаснѣе.

Наполеонъ при отступленіи.
(*Бакаловича*).

Споръ перешелъ на личную почву, и Наполеонъ, находившійся все время какъ бы въ забытіи, прервалъ его словами: «Хорошо, господа, я рѣшу самъ»!

Онъ отпустилъ ихъ. Еще долго мучительно боролся. Наконецъ, онъ рѣшилъ отступить и упалъ безъ чувствъ.

Утромъ французы двинулись къ сѣверу, а русскіе двинулись къ югу, одновременно обѣ арміи повернулись другъ къ другу спиной. Въ этотъ моментъ рѣшилась судьба Наполеона и Европы.

Отступленіе послѣ того, какъ Малоярославецъ взятъ у русскихъ. Солдаты недоумѣвали, почему бы не пробиваться дальше. Но согласно приказу они повернули, — и здѣсь впервые, по увѣренію французскихъ писателей, дрогнула дисциплина, и это повело къ разложенію великой арміи. Настроеніе пало, и все этому какъ бы содѣйствовало. Прошли Бородинское поле, это поле смерти, усѣянное обломками оружія, фуръ и неубранными трупами. Вотъ Колоцкій монастырь, въ которомъ лежали раненые Бородинской битвы, ихъ давно, согласно приказу Наполеона, должны были отправить въ Смоленскъ. И что же? Неожиданно ихъ оказалось тамъ до тысячи человѣкъ, несчастные, искалѣченные они выползли на дорогу и со слезами молили, чтобы ихъ взяли съ собой. Ихъ взяли. Наполеонъ предоставилъ имъ всѣ экипажи и повозки, но вскорѣ при общемъ взрывѣ негодованія было узнано, что кучера, боясь обременить истощенныхъ лошадей, при первомъ удобномъ случаѣ сбросили этихъ несчастныхъ на дорогу.

Маршалъ Мортье, покинувъ Москву, присоединился къ арміи. Онъ взорвалъ городъ, но взрывъ Москвы не удался, благодаря отсырѣвшему пороху большинство соборовъ и зданій, кромѣ Грановитой Палаты, уцѣлѣло. Но зато вся великая армія шла теперь губительнымъ потокомъ, уничтожая и сжигая все на пути, чтобы затруднить преслѣдованіе. Уже съ первыхъ дней ея отступленія ей грозилъ голодъ. Раздача пайковъ при выступленіи изъ Москвы была произведена неравномѣрно и поздно. Нѣкоторые солдаты были уже настолько обременены багажомъ, что побросали свои пайки. Въ повозкахъ и экипажахъ обоза былъ правда провіантъ и багажъ, принадлежавшій арміи и частнымъ лицамъ, слѣдовавшимъ за ней, но уже въ началѣ дороги голодныя лошади падали отъ истощенія и приходилось бросать ихъ вмѣстѣ съ ихъ кладью на произволъ

судьбы. При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ волей-неволей сосредоточилъ свое вниманіе на артиллеріи, жертвуя частнымъ имуществомъ. Благодаря истощенію лошадей пришлось кое-гдѣ бросить пушки и взорвать зарядные ящики, и поэтому онъ приказывалъ выпрягать лошадей изъ экипажей и давать ихъ артиллеріи для усиленія. Благодаря всему этому масса лицъ оказалась лишенной своего багажа и съѣстныхъ припасовъ... Стояли еще солнечные дни, но ночи были холодны, дороги къ утру подмерзали, а вода затягивалась тонкимъ льдомъ. Въ легкихъ одеждахъ, за неимѣніемъ теплаго платья, люди зябко кутались во что попало, грѣясь ночью на бивакахъ у разведенныхъ костровъ. Къ кострамъ только приближались женщины и дѣти, слѣдовавшія за арміей, лишившіяся въ дорогѣ своего имущества, молили, чтобы имъ позволили обогрѣться, умоляли дать имъ поѣсть. Но уже почти вся армія принуждена была питаться мясомъ павшихъ лошадей. Количество больныхъ увеличивалось съ неимовѣрной быстротой. Многіе солдаты такъ ослабѣли отъ физическихъ лишеній, что они уже не въ силахъ тащить своего дорожнаго мѣшка, они бросаютъ его, затѣмъ и оружіе, кое-какъ все-таки еще бредутъ въ безпорядкѣ, силясь не потерять изъ вида арьергардъ, и, наконецъ, падаютъ на дорогѣ въ изнеможеніи.

Выпалъ первый снѣгъ... Но нельзя долго останавливаться на привалѣ. Справа отъ дороги темной тучей вьются отряды казаковъ, слѣва двигается вся русская армія, а во всѣхъ деревняхъ стерегутъ французовъ вооруженные крестьяне, и горе тому, кто въ поискахъ за провіантомъ рѣшится покинуть своихъ и уйдетъ въ сторону.

Но Наполеонъ не падаетъ духомъ. Твердой рукой направляетъ онъ свои войска прямо къ Смоленску. Уже прошли Вязьму, гдѣ произошла нерѣшительная битва съ русскими. Наполеону кажется, что въ Смоленскѣ онъ сможетъ остановиться на продолжительное время. Съ сѣверо-западной стороны охраняютъ его движенія Макдональдъ, расположившійся съ французскими войсками въ Курляндіи, Іоркъ съ прусскими вспомогательными войсками, стоящій недалеко отъ него, Сенъ-Сиръ, утвердившійся на Западной Двинѣ и вблизи отъ него Удино. Съ юга русскимъ прегражденъ путь австрійскими вспомогательными войсками подъ начальствомъ Шварценберга. Въ городахъ Борисовѣ, Смоленскѣ и Витебскѣ, согласно его приказу устроены огромные магазины, въ которыхъ собраны обиль-

ные припасы, нужные для арміи. Особенно должны быть велики и богаты магазины Смоленска. Въ этомъ городѣ находится также маршалъ Викторъ, а съ нимъ 25 тыс. свѣжаго войска. Соединившись съ нимъ, подкрѣпивъ свои войска свѣжими силами, онъ, быть-можетъ, останется зимовать въ Смоленскѣ, Борисовѣ или Витебскѣ или же внезапно прорвется на Двину и окружнымъ путемъ пройдетъ въ Петербургъ.

Количество больныхъ, отсталыхъ и безоружныхъ все увеличивается. Нестройной толпой тянутся они за арміей, дисциплина падаетъ, и маршалъ Ней, который шелъ въ арьергардѣ, поторопился прислать къ Наполеону своего адъютанта, чтобы сообщить ему объ ухудшающемся положеніи арміи. Но Наполеонъ оборвалъ въ самомъ началѣ докладъ.

— Полковникъ, я не требую подробностей!

Вотъ и Смоленскъ! Но какое разочарованіе... Твердость вспомогательныхъ войскъ, съ сѣвера и юга охранявшихъ движеніе великой арміи, поколебалась. Австрійцы дрогнули подъ натискомъ русско-дунайской арміи, которая послѣ заключенія мира съ Турціей устремилась на нихъ съ юга подъ начальствомъ адмирала Чичагова. Не лучше обстоятъ дѣла на сѣверѣ. Войска С.-Сира принуждены были отдать занятые ими города на Двинѣ и отступили передъ русскими войсками, которыми командуетъ генералъ Витгенштейнъ. Эти обѣ русскія арміи сѣвера и юга одновременно прорываются сквозь французскія войска, чтобы согласно плану, выработанному въ Петербургѣ, встрѣтиться, соединиться и, загородивъ движеніе великой французской арміи, отрѣзать путь Наполеону. А тогда съ тыла его застигнетъ Кутузовъ съ своими войсками. Какъ роковое кольцо сомкнется вокругъ французовъ русская армія...

Маршала Виктора съ его 25-тысячнымъ войскомъ уже двѣ недѣли, какъ нѣтъ въ Смоленскѣ. Онъ спѣшно двинулся на Двину, чтобы помочь стѣсненному С.-Сиру и смѣнить его, такъ какъ онъ раненъ. Теперь тамъ маршалы Наполеона— С.-Сиръ, Викторъ и Удино. Вмѣсто того, чтобы въ такую критическую минуту дѣйствовать дружно, они ссорятся, соперничаютъ другъ съ другомъ и вредятъ общему дѣлу.

Негостепріимно встрѣчаетъ Наполеона Смоленскъ. Городъ еще не оправился послѣ разгрома, которому онъ подвергся при слѣдованіи французовъ въ Москву. Нѣтъ и большихъ запасовъ провіанта и амуниціи. Съѣстныхъ припасовъ

еле можетъ хватить на двѣ недѣли, а между тѣмъ арміи предстоитъ еще 40 переходовъ. Наполеонъ мечется, онъ внѣ себя. Въ гнѣвѣ онъ присуждаетъ интенданта къ смертной казни за то, что онъ не сумѣлъ позаботиться о благѣ арміи. Но тотъ на колѣняхъ вымаливаетъ себѣ помилованіе. Вѣдь ему приходилось ежедневно выдавать не менѣе 60 тысячъ пайковъ, — содержать маршала Виктора, его войско, 15 тысячъ раненыхъ, посылать провіантъ въ Москву, Калугу, Можайскъ и Ельню. Къ тому же партія быковъ перехвачена на дорогѣ казаками, остальныя партіи оказались больными, и ихъ пришлось убить. Итакъ, оставаться въ Смоленскѣ нельзя, надо торопиться, иначе русскіе загородятъ дорогу. Дальше, въ Борисовъ. Тамъ собраны большіе запасы всего, что нужно для арміи, а кромѣ того, прекрасная переправа черезъ притокъ Днѣпра, Березину, и въ случаѣ крайности армія могла бы перейти черезъ мостъ Борисова въ дружественную Литву. Нельзя терять времени, надо торопиться, и Наполеонъ проявляетъ лихорадочную дѣятельность, чтобы привести въ порядокъ свои войска.

Отданъ приказъ не давать припасовъ отсталымъ и безоружнымъ — этимъ приказомъ солдаты принуждаются вернуться въ ряды войскъ. Изъ кавалеристовъ составляется новый корпусъ, солдаты получаютъ ружья, патроны, ручныя мельницы, болѣе 3 тысячъ раненыхъ отправляются въ Оршу. Императорская гвардія получаетъ провіантъ на 2 недѣли, другіе корпуса—на 6 дней.

Тревога Наполеона растетъ. Полоцкъ и Витебскъ взяты русскими, а между тѣмъ онъ изъ Вязьмы послалъ въ Витебскъ итальянскую армію, такъ храбро сражавшуюся подъ Малоярославцемъ, и отъ нея все нѣтъ вѣстей. Ждать больше нельзя. Надо итти. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда онъ уже готовъ покинуть Смоленскъ, подходитъ къ Смоленску Евгеній Богарне и итальянская армія... Новый ударъ! Итальянцевъ постигла неслыханная катастрофа. Имъ неожиданно преградила дорогу на Витебскъ рѣка Вань. Эта маленькая рѣчка переполнилась водой, быстро неслись ея прибывшія воды по тинистому руслу и разметали наведенный мостъ. Преслѣдуемые казаками, окутанные густой снѣжной метелью, войска ринулись въ бродъ черезъ рѣку, по которой уже плыли льдины. Одни увязли въ тинѣ, другіе замерзли въ водѣ, многихъ потянула на дно промокшая одежда. Немногіе добрались до противоположнаго берега. Женщины, больные, раненые, отсталые не рѣшились

перейти рѣку и сдѣлались добычей казаковъ. Брошена, потеряна большая часть артиллеріи, такъ какъ не было возможности свезти орудія по крутымъ обледенѣлымъ берегамъ. Наполеонъ, выслушавъ этотъ печальный докладъ, покинулъ Смоленскъ. Жалкіе остатки итальянской арміи вошли въ городъ. Негдѣ найти пріюта и отдыха послѣ перенесенныхъ тяжелыхъ лишеній. Городъ въ развалинахъ. На улицахъ валяются обглоданныя кости лошадей, — здѣсь уже давно питаются кониной. Улицы загромождены повозками, въ которыхъ лежатъ раненые, брошенные на произволъ судьбы, — больницы всѣ переполнены. Передъ магазинами приходится очень долго ждать своей очереди, подвергаясь тщательному опросу, все это утомляетъ и раздражаетъ голодныхъ солдатъ, одежды которыхъ превратились въ лохмотья. Наконецъ, каждый получилъ по нѣскольку горстей муки, овощей и немного водки. Но этого мало. Недовольные, они рыщутъ по улицамъ, нападаютъ на своихъ товарищей, которые несутъ провіантъ для своихъ полковъ. Голодные офицеры бредутъ вмѣстѣ съ солдатами по улицамъ въ поискахъ за добычей. Ночь... Раздается страшный шумъ, это прибыли въ Смоленскъ новыя войска, они охраняли высоты Смоленска и теперь, смѣненныя арьергардомъ Нея, спустились въ городъ. У многихъ изъ нихъ отморожены лица, руки и ноги. Они страшно голодны и громятъ магазины: одинъ тащитъ мѣшокъ съ мукой, другой ящикъ съ сухарями. А высоты Смоленска охраняетъ Ней. Онъ все время задерживалъ натискъ русскихъ, чтобы дать Наполеону отдохнуть въ Смоленскѣ и подкрѣпить армію. Отъ Вязьмы и до Смоленска онъ сражался безпрерывно, съ ружьемъ въ рукѣ, какъ простой солдатъ, выступалъ онъ противъ непріятеля, воодушевлялъ своимъ примѣромъ свое войско. Послѣднимъ вошелъ Ней въ опустошенный Смоленскъ. Его голодные солдаты въ лохмотьяхъ, съ воспаленными отъ бивачнаго дыма глазами: рыщутъ въ поискахъ за добычей, за пищей, одеждой, обувью. Но уже почти ничего не осталось. Съ жадностью глотаютъ они сырую муку...

Согласно приказу Наполеона, армія выступила изъ Смоленска отдѣльными отрядами во избѣжаніе слишкомъ большого скопленія войскъ на пути и загроможденія дороги, но, благодаря этому, были раздроблены и безъ того ослабѣвшія силы французовъ. Авангардъ Наполеона достигъ Краснаго,

отодвинувъ казаковъ, вздумавшихъ загородить имъ путь. Русскія войска двигались вдоль главной дороги по различнымъ направленіямъ, обгоняя французовъ, но Кутузовъ не торопился. Его войска тоже устали, было много больныхъ среди русскихъ солдатъ, и онъ сомнѣвался въ необходимости генеральнаго сраженія. Въ это время казаки стали на пути Наполеона. Тогда его старая гвардія сомкнулась вокругъ него... Въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, въ синихъ сюртукахъ, въ бѣлыхъ ремняхъ и съ красными султанами и эполетами, они, по словамъ партизана Давыдова, «казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля». Это была подвижная крѣпость, сдѣланная какъ-будто изъ гранита, невозможно было оторвать ни одного ряда отъ сомкнутыхъ колоннъ. «Гвардія съ Наполеономъ, — говоритъ Давыдовъ, — прошла посреди казаковъ, какъ стопушечный корабль между рыбачьихъ лодокъ». Въ минуту самой большой опасности дружно грянула пѣсня. «Гдѣ же намъ лучше, какъ не въ семьѣ родной?» Но Наполеонъ, впечатлительный и суевѣрный, остановилъ гвардію восклицаніемъ. «Пойте лучше другую: «Постоимъ за спасеніе имперіи»...

Такъ онъ достигъ Краснаго, и тогда выдвинулся авангардъ Милорадовича и сталъ на дорогѣ отъ Смоленска къ Красному, отрѣзавъ этимъ движеніемъ Наполеона отъ Евгенія Богарне, Даву и Нея, которые должны были итти изъ Смоленска по этой дорогѣ.

Евгеній насилу двинулъ свои войска изъ Смоленска, обѣщая имъ продовольствіе въ Литвѣ. Итти было тяжело и трудно. Вся дорога была усѣяна умиравшими лошадьми и замерзшими солдатами. Впереди войска уныло брели покинувшіе ряды солдаты, какъ вдругъ на дорогѣ появился русскій парламентеръ. Онъ говорилъ, что Наполеонъ разбитъ, что 20 тысячъ русскаго авангарда загораживаетъ итальянцамъ дорогу и предлагалъ сдаться на почетныхъ условіяхъ. Итальянцы встрепенулись. «Пойдите и скажите пославшему васъ, что если васъ 20 тысячъ, то насъ 80 тысячъ!..»

Парламентеръ удивленно взглянулъ на эти жалкіе остатки нѣкогда большого итальянскаго войска, въ которыхъ тѣмъ не менѣе вспыхнуло столько энергіи.

Между тѣмъ Евгеній приготовился къ битвѣ, видя, что Милорадовичъ загородилъ дорогу. Бой былъ упорный и длился до вечера, но русскіе не докончили сраженія, увѣренные, что итальянцамъ уже все равно не уйти и что они утромъ

возьмутъ въ плѣнъ Евгенія. Евгеній велѣлъ зажечь костры и сдѣлалъ видъ, что расположился на ночлегъ, а самъ, пользуясь прикрытіемъ ночной темноты, двинулъ уцѣлѣвшіе жалкіе остатки своего войска въ Красное. Впереди войска шелъ полякъ-полковникъ, хорошо говорившій по-русски. Незамѣченные миновали они рядъ русскихъ постовъ, какъ вдругъ выглянула луна, и русскій часовой ихъ громко окликнулъ. Они остановились, уже считая себя погибшими. Но полковникъ-полякъ заговорилъ по-русски и самымъ строгимъ рѣшительнымъ шопотомъ приказалъ часовому сейчасъ замолчать.

«Развѣ ты не видишь, что мы изъ полка генерала Уварова и посланы по секретному порученію».

Часовой мгновенно умолкъ, принявъ ихъ за русскихъ. Евгеній двинулся дальше и достигъ Краснаго. Онъ спасся, но за нимъ слѣдовалъ Даву и Ней. Уйти изъ Краснаго—это значило обречь ихъ на гибель, и Наполеонъ рѣшилъ остаться, и, чтобы отвлечь вниманіе русскихъ и заставить ихъ сдвинуться съ дороги, онъ приказалъ своимъ войскамъ атаковать ихъ. Онъ самъ вмѣстѣ съ своими гренадерами принялъ участіе въ битвѣ, одѣтый въ польскую шубу съ березовой палкой въ рукахъ. Онъ говорилъ: «Довольно мнѣ разыгрывать императора, пора стать опять генераломъ!» Его маневръ удался и далъ возможность Даву благополучно достигнуть Краснаго. Но дольше оставаться въ Красномъ оказывалось невозможнымъ, уже за Краснымъ появились русскіе и готовились отрѣзать дорогу. Наполеонъ двинулся дальше. При видѣ жалкихъ остатковъ своей великой арміи онъ уже не въ силахъ былъ скрывать своего горя. Изъ 35 тысячъ гвардіи осталось всего 6 тысячъ. Отъ 42-тысячнаго итальянскаго войска еле уцѣлѣло 1.800 человѣкъ, у Даву, у котораго было 70 тысячъ солдатъ, осталось всего 4 тысячи. Наполеонъ говорилъ, что «бѣдственное положеніе его солдатъ разрываетъ его сердце». Съ его устъ ежеминутно срывалось имя Нея, котораго онъ такъ любилъ и покинулъ, обрекая на вѣрную гибель. За этого человѣка онъ готовъ былъ отдать милліонъ франковъ, хранившіеся у него въ Тюйлери. Въ дорогѣ его ждалъ новый ударъ. Борисовъ, куда онъ теперь направлялся, отнятъ у французовъ русско-дунайской арміей, и въ неистовствѣ, потрясенный этимъ извѣстіемъ, Наполеонъ грубо кричалъ на офицера, доложившаго ему объ этомъ, обвиняя его въ томъ, что онъ лжетъ, нагло лжетъ....

А Ней, взорвавъ стѣны Смоленска, досадуя на Даву, который не захотѣлъ его подождать, приблизился къ Красному. Милорадовичъ черезъ парламентера предложилъ Нею сдаться, указывая, что нѣтъ надежды на спасеніе. Ней на предложеніе о сдачѣ отвѣтилъ коротко и просто: «Маршалы не сдаются!» и рѣшилъ пробиться сквозь ряды русскихъ войскъ, но при первой попыткѣ большинство его солдатъ пало убитыми и ранеными. Пришлось отодвинуться. Загремѣли пушки, осыпая французовъ смертоноснымъ градомъ. А Ней былъ безмолвенъ, сосредоточенъ, неподвиженъ.

Надвигался мракъ. Тогда онъ далъ внезапно приказъ повернуть обратно въ Смоленскъ. Солдаты были ошеломлены, адъютантъ растерялся, но онъ увѣренно подтвердилъ свое приказаніе, и они повернули обратно въ глубь Россіи, удрученные тѣмъ, что они никогда не увидятъ больше своей родины. Они уже миновали поле битвы, гдѣ незадолго до нихъ сражались съ русскими итальянцы, пробиваясь въ Красное. Наконецъ Ней остановился передъ глубокимъ оврагомъ, занесеннымъ снѣгомъ. Онъ догадался, что на днѣ оврага течетъ вода. Онъ велѣлъ расчистить снѣгъ, разбить ледъ, и тогда, дѣйствительно, обнаружилась рѣчка. Ней полагалъ, что, судя по ея направленію, она притокъ Днѣпра. «Вотъ нашъ проводникъ»! сказалъ Ней и повелъ по ея берегу свое войско. Между тѣмъ въ одной изъ деревень былъ найденъ какой-то хромой крестьянинъ, который согласился стать проводникомъ французовъ, онъ подтвердилъ, что Днѣпръ близко, и повелъ ихъ къ Днѣпру, указывая, что переправиться черезъ него трудно, такъ какъ онъ не замерзъ. «Онъ замерзнетъ!» увѣренно воскликнулъ маршалъ. Рѣка еще свободно текла и только въ одномъ мѣстѣ начинала затягиваться хрупкимъ льдомъ. Между тѣмъ Ней, увѣренный, что ночью ледъ станетъ тверже, рѣшилъ подождать. Онъ далъ возможность соединиться всей своей колоннѣ, а самъ, показывая, что совсѣмъ не волнуется, закутался въ плащъ, легъ на берегу и уснулъ.

Въ полночь началась переправа черезъ хрупкій, еще подвижный ледъ. Немногіе перешли на другой берегъ. Ледъ ломался, крутые берега обледенѣли. Сколько страданій! Отчаяніе брошенныхъ раненыхъ, и ослабѣвшихъ людей, не рѣшавшихся подвергнуться опасности этой трудной переправы, плачъ женщинъ... За эти сутки погибло и заблудилось до 7 тыс. людей. Пришлось бросить артиллерію и обозъ. Ней двинулся

Бой подъ Краснымъ.

(*Гессе*).

дальше, все время на дорогѣ сражаясь съ налетавшими на него казаками, притворяясь, что всѣ эти встрѣчи имъ предусмотрѣны, неопасны, и, наконецъ, ему удалось догнать великую армію. Его встрѣтили единодушнымъ восторгомъ. Евгеній крѣпко обнялъ Нея и плакалъ слезами радости. Вокругъ тѣснились растроганные солдаты, и одинъ только Ней какъ-будто недоумѣвалъ, былъ смущенъ, скроменъ и нѣсколько растерянъ.

Маршалъ Удино по приказу Наполеона отнялъ Борисовъ у русскихъ, и Наполеонъ занялъ городъ, но переправиться здѣсь черезъ Березину не было никакой возможности; русскіе, отступая, успѣли сжечь мостъ. Тогда было рѣшено переправиться сѣвернѣе Борисова, у деревни Студянки и, чтобы отвлечь вниманіе Чичагова, командовавшаго русско-дунайской арміей, были распущены слухи, что французы хотятъ переправляться южнѣе Борисова и въ этомъ мѣстѣ стали даже строить мостъ. Чичаговъ, которому и Кутузовъ совѣтовалъ наблюдать за этимъ пунктомъ, сосредоточилъ на немъ все свое вниманіе и отодвинулъ отъ Студянки даже тѣ небольшіе отряды, которые возлѣ нея находились. Положеніе Чичагова было трудное, ему одному приходилось загораживать путь французамъ. Витгенштейнъ не успѣлъ еще съ нимъ соединиться, объясняя потомъ свою медлительность боязнью завязнуть въ болотахъ. О положеніи французской арміи Чичаговъ имѣлъ довольно смутное понятіе, вначалѣ она казалась ему жалкой толпой обезсилѣвшихъ людей, среди которыхъ бредетъ униженный Наполеонъ, и ему хотѣлось взять Наполеона въ плѣнъ. Приказомъ по арміи онъ сообщалъ его примѣты: «Онъ роста малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящшей же надежности ловить и приводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ». Но когда подъ Борисовымъ ему пришлось встрѣтиться со свѣжими, бодрыми и прекрасно обмундированными войсками Удино, онъ измѣнилъ свое мнѣніе о наполеоновской арміи. И теперь подъ Березиной онъ находилъ нужнымъ дѣйствовать съ большой осторожностью, тѣмъ болѣе что подъ Борисовымъ къ Наполеону присоединился маршалъ Викторъ со свѣжими силами.

Подавленные самыми тяжелыми предчувствіями подвигались французы къ Студянкѣ. Французскіе понтонеры, по поясъ въ ледяной водѣ, изъ бревенъ разобранныхъ хижинъ стали

наводить черезъ Березину два моста — одинъ для пѣхоты, другой — для артиллеріи. А рѣка Березина быстро катила свои мутныя поднявшіяся воды, по которымъ уже неслись огромныя льдины; тянувшіяся за ней болота были уже скрѣплены морозомъ. На другомъ берегу рѣки виднѣлись потухшіе костры и удаляющаяся русская артиллерія. Убѣдившись, что путь свободенъ, Наполеонъ просіялъ, а маршалы стали поздравлять его съ неслыханнымъ счастьемъ.

Стоялъ конецъ ноября. Былъ ясный морозный день, когда окончили первый мостъ. Оберегая его, подлѣ него выстроились жандармы верхомъ на истощенныхъ лошадяхъ, одѣтые въ блестящую вычищенную форму. Поодаль виднѣлись стройныя колонны пѣхоты. Но вотъ изъ избы вышелъ, наконецъ, Наполеонъ. Его сѣрая шуба небрежно распахнулась, на головѣ обычная маленькая шляпа, его лицо холодно и безстрастно.

Почтительно снявъ шляпу, передъ нимъ склонился какой-то французскій генералъ, къ которому Наполеонъ обратился съ вопросомъ... Здѣсь всѣ его маршалы. Вотъ Мюратъ, въ короткой шубѣ и въ сѣрой мѣховой шапкѣ съ султаномъ, Бертье и Евгеній, вотъ и Мортье, который выдѣляется своимъ колоссальнымъ ростомъ, вотъ и характерная коренастая фигура Нея. Онъ въ темно-зеленой шинели, лицо его красно и обвѣтрено, его рыжая борода отросла.

Озабоченно снуютъ адъютанты, передавая приказанія.

Наконецъ Наполеонъ подаетъ знакъ Удино, который долженъ перейти мостъ. Стройно и величаво двигается корпусъ Удино, состоящій изъ 6 тысячъ пѣхоты и 1400 всадниковъ, мужественна и воинственна осанка людей, бодро звучатъ обычные возгласы, привѣтствіе Наполеону: «Да здравстуетъ императоръ!»

Черезъ нѣсколько часовъ готовъ и второй мостъ, а между тѣмъ Удино уже успѣлъ занять дорогу и обезпечить дальнѣйшее движеніе арміи черезъ деревянныя гати, переброшенныя черезъ болота. Теперь двигается артиллерія, потомъ черезъ мостъ переходитъ Ней и молодая гвардія. Въ полдень на другой день переходитъ на другой берегъ Березины Наполеонъ со старой гвардіей, Евгеній, Даву и другіе.

Между тѣмъ за войскомъ идетъ масса отсталыхъ, больныхъ, безоружныхъ. Въ страшной апатіи легли они на берегу Березины, мосты были уже свободны, но эти усталые люди, казалось, ничего не замѣчали: одни продолжали грѣться у ко-

стровъ, другіе уныло бродили въ поискахъ за хлѣбомъ. Только съ разсвѣтомъ загремѣли на правомъ берегу Березины пушки. Чичаговъ старался оттѣснить Удино, — туда же къ Удино направился Наполеонъ, въ это время и на лѣвомъ берегу раздался грохотъ орудій, — подоспѣвшій Витгенштейнъ вступилъ въ бой съ маршаломъ Викторомъ, который былъ оставленъ въ арьергардѣ, чтобы загородить переправу безоружнымъ.

Теперь только безоружные спохватились и устремились къ мостамъ, хлынули безпорядочнымъ потокомъ, и вскорѣ мостъ, построенный для артиллеріи, не выдержалъ и сломался. Не видя этого люди все напирали другъ на друга, и передніе ряды обрушивались въ рѣку. Тогда оставшіеся, наконецъ, направились къ мосту, построенному для пѣхоты, и вскорѣ онъ былъ загроможденъ людьми, повозками, экипажами. Въ этой огромной сутолокѣ только самые сильные могли прорваться впередъ, безжалостно топча своихъ упавшихъ товарищей, больныхъ и слабыхъ, женщинъ и дѣтей. Вопли отчаянія и ужаса смѣшивались съ грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ, и иногда ядро, попавши въ эту массу сплотившихся на мосту людей, разметавъ ихъ, расчищало среди нихъ путь другимъ.

Маршалъ Викторъ, въ виду натиска русскихъ, почувствовалъ, что уже больше не можетъ прикрывать отступленія безоружныхъ. Теперь произошло самое ужасное. Солдатамъ было приказано проложить оружіемъ себѣ путь среди своихъ же и затѣмъ поджечь мостъ. Но еще много тысячъ людей оставалось на берегу. Одни въ отчаяніи, не помня себя, все еще рвались впередъ черезъ огонь и горѣли, другіе бросались въ рѣку, чтобы вплавь достигнуть другого берега, и тонули. Рѣка была уже запружена трупами...

Чичагову не удалось остановить движенія французской арміи, которая уходила, радуясь тому, что русскіе не успѣли поджечь мостовъ, переброшенныхъ черезъ болота.

Холодъ становился сильнѣе, невыносимѣе, морозъ достигъ 27°. Уныло, черезъ силу брели люди, еле прикрытые жалкими лохмотьями. Всѣ смѣшались въ одну толпу несчастныхъ — солдаты, офицеры, раненые. Многіе генералы и знатные лишились своихъ экипажей и одиноко брели, какъ бродяги. Голодные, они умоляли солдатъ подѣлиться съ ними кускомъ хлѣба и кониной. Устремившіеся впередъ обозы давили пѣшихъ. Не слышно было команды. Гвардія шла въ безпорядкѣ. Наполеонъ ѣхалъ въ каретѣ, адъютанты и маршалы шли пѣш-

комъ и вели подъ уздцы своихъ лошадей. Мрачное отчаяніе овладѣло людьми, и, какъ похоронная процессія, тянулось это шествіе среди еловыхъ лѣсовъ.

Наполеонъ не выдержалъ, рѣшилъ покинуть армію и вернуться въ Парижъ. Своимъ замѣстителемъ онъ назначилъ Мюрата, приказалъ ему зимовать въ Вильнѣ, обѣщая скоро вернуться съ новыми войсками. Онъ оповѣстилъ, наконецъ, Францію о разгромѣ своихъ войскъ, съ небольшой свитой, инкогнито, быстро проѣхалъ Вильну, Варшаву и Дрезденъ и 7-го декабря прибылъ въ Парижъ. Отъѣздъ Наполеона произвелъ удручающее впечатлѣніе на солдатъ. Для нихъ онъ былъ все еще солнцемъ, хотя уже осеннимъ и мало грѣющимъ. Его присутствіе озаряло ихъ трудный путь надеждой на спасенье, и съ его отъѣздомъ ихъ окутывала темная ночь. Мюратъ, бѣшено храбрый въ бою, но недалекій и быстро теряющійся, не могъ имъ служить опорой.

Чувствуя себя одинокими и покинутыми, уныло брели солдаты по странѣ богатой припасами, но теперь ихъ добивалъ холодъ. Они шли, какъ пьяные, многіе, качаясь на ходу, падали и замерзали. Свѣжія и бодрыя войска Удино и Виктора растворились въ этой массѣ несчастныхъ людей, заразились ихъ отчаяніемъ и отсутствіемъ дисциплины.

Надо итти дальше. Неотступно слѣдуетъ за уходящими французами армія Кутузова, вытѣсняя ихъ изъ русскихъ владѣній. Впереди арміи несутся казаки, тревожатъ тылъ непріятеля, отрываютъ отсталыхъ. Русскимъ войскамъ тоже тяжело приходится отъ морозовъ, несмотря на то, что Кутузовымъ разрѣшено солдатамъ одѣваться потеплѣе.

Французы достигаютъ Вильны, но ужъ не въ силахъ здѣсь удержаться, помощи ждать неоткуда. Вспомогательныя австрійскія войска оттѣснены русскими къ Варшавѣ. Макдональдъ, стоящій въ Курляндіи, только теперь извѣщенный о несчастіяхъ великой арміи, сдвинулся и направился со своими солдатами въ Пруссію, генералъ Іоркъ, командовавшій прусскимъ корпусомъ, заключилъ съ русскими генералами договоръ, согласно которому его корпусъ долженъ былъ оставаться нейтральнымъ, т.-е. въ теченіе 2 мѣсяцевъ не имѣлъ права сражаться противъ русскихъ.

Французы покинули Вильну, шедшій въ арьергардѣ Ней не могъ уже сдерживать натиска русскихъ и здѣсь, за Вильной, на обледенѣвшемъ подъемѣ произошла послѣдняя катастрофа,

упали лошади и были брошены послѣдніе экипажи, артиллерія и императорская казна.

Остатки французскихъ войскъ въ полномъ разстройствѣ достигли Ковно. Ней снова попытался отодвинуть надвигавшіяся на него русскія войска. Ему удалось оттѣснить казаковъ, ворвавшихся въ Ковно, а затѣмъ онъ покинулъ городъ и перешелъ Нѣманъ. Но казаки и здѣсь гнались за ними, и французы спаслись только благодаря находчивости Нея, который провелъ ихъ окольнымъ путемъ въ Кенигсбергъ.

Съ плохо скрываемымъ злорадствомъ встрѣтила Пруссія эти жалкіе остатки отъ нѣкогда великой арміи. Они несли вмѣстѣ съ ужасомъ пережитаго еще рядъ тяжелыхъ эпидемическихъ болѣзней.

Отступленіе свершилось: отъ Москвы и до границъ Пруссіи разметало оно свои кошмарныя сцены, завалило трупами всѣ дороги, переправы и рѣки, стонами раненыхъ и умирающихъ спугнуло величавую тишину лѣсовъ, укутанныхъ снѣгомъ, яркими, алыми зорями пожаровъ освѣтило свой страшный путь. Самое тяжелое, что можетъ пережить человѣкъ, было пережито. Голодъ, холодъ и безуміе. Голодные въ изступленіи грызли трупы своихъ товарищей, замерзающіе, чтобъ обогрѣться, бросались въ костры. Обезумѣвшія матери, не помня себя, съ ненавистью покидали своихъ дѣтей, сошедшіе съ ума французскіе солдаты не отличали уже своихъ отъ чужихъ и маршировали въ рядахъ русскихъ войскъ... Здѣсь же во время отступленія вспыхнула первая искра измѣны. Мюратъ, боявшійся больше всего потери своего королевскаго трона, не выдержалъ и въ Ковно сталъ громко передъ маршалами осуждать Наполеона. Онъ говорилъ, что больше служить Наполеону нельзя, что онъ безумецъ. Мюратъ жалѣлъ, что отклонилъ предложенія англичанъ. Если бы онъ этого не сдѣлалъ, то онъ, Мюратъ, «былъ бы великимъ королемъ на ряду съ королями австрійскимъ и прусскимъ».

Его рѣчь не встрѣтила сочувствія. Даву грубо оборвалъ его. «Вы король только по милости Наполеона и созданы пролитой французской кровью. Васъ ослѣпляетъ черная неблагодарность».

Мюратъ сконфуженно умолкъ.

Французы ушли изъ Россіи... Русскія войска двигались теперь во Францію.

Противъ Наполеона подымалась Европа.

Е. Богрова.

Война, общество и правительство.

Отношенія русскаго правительства и общества къ моменту войны 1812 года сложились не совсѣмъ нормально.

Внѣшняя политика Александра привела къ полному разладу русскаго правительства съ обществомъ.

Само правительство это чувствовало лучше, чѣмъ кто-либо, и, открывая военныя дѣйствія, весьма было озабочено тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ поддержку общества въ войнѣ.

Война, какъ всякое народное бѣдствіе, имѣетъ свойство сплачивать правительство и общество, по крайней мѣрѣ, на этотъ моментъ. И правительство наше несомнѣнно разсчитывало на это. Но, не слишкомъ полагаясь на стихійное свойство всякой войны, оно рѣшило сознательно использовать войну 12 года въ такихъ цѣляхъ, сдѣлать ее *народной* — не только въ смыслѣ участія въ ней всего народа, но и популярной, т.-е. такой, въ которой народъ сильно заинтересованъ. Вотъ собственныя слова Александра I на этотъ счетъ.

«Теперь нужно было, — говорилъ онъ, — убѣдить народъ, что правительство не ищетъ войны, что оно вооружилось только на защиту государства, надобно было сильно заинтересовать народъ въ войнѣ, показавъ ее русскимъ, по прошествіи ста съ лишкомъ лѣтъ, впервые вблизи у нихъ на родинѣ; это было единственнымъ средствомъ сдѣлать ее народною и сплотить общество вокругъ правительства, для общей защиты, по его собственному убѣжденію и по собственной его волѣ»...

Для практическаго осуществленія мысли императора къ населенію былъ обращенъ спеціальный манифестъ отъ 6 іюля, съ призывомъ жертвовать на войну и становиться въ ряды воиновъ. Подобное же воззваніе сдѣлалъ съ своей стороны Синодъ, а главнокомандующій распространилъ прокламаціи, призывавшія народъ къ вооруженному возстанію противъ французовъ.

Для составленія манифестовъ и другихъ правительственныхъ обращеній на понятномъ и близкомъ народу языкѣ былъ приглашенъ императоромъ извѣстный патріотъ Шишковъ. А не менѣе извѣстному патріоту С. Н. Глинкѣ выдали правительственную субсидію въ размѣрѣ 300 тысячъ «для поддержанія и большаго возбужденія патріотическаго духа въ народѣ».

И надо сказать — правительство достигло своего всѣми названными средствами. Оно вызвало широкое и всестороннее участіе общества въ войнѣ, сдѣлало ее дѣйствительно не только народной, но даже, по крайней мѣрѣ на первое время, популярной. Народъ откликнулся на призывъ правительства и пришелъ ему на помощь.

Здѣсь были своего рода изъяны, была своя обратная сторона, и на нее мы ради безпристрастія обязаны указать. Не всѣ русскіе граждане обнаружили одинаковое усердіе въ помощи родинѣ въ этотъ моментъ. Нѣкоторыя губерніи не поставили ополченій и не внесли никакихъ пожертвованій на войну. Духовенство, особенно если принять въ расчетъ такія богатые монастыри, какъ Троице-Сергіевская или Кіевская лавры, принесло на алтарь отечества меньше, чѣмъ могло бы. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ пожертвованія подписанныя остались въ недоимкахъ. Бывали случаи пожертвованій негодныхъ вещей. Выгода нерѣдко перевѣшивала патріотическія чувства, и вмѣсто личнаго участія въ ополченіе нанимались охотники, какъ это дѣлалось нѣкоторыми крестьянами, или сдавались въ ополченцы старые и неспособные къ труду люди, какъ это сдѣлали помѣщики нѣкоторыхъ губерній (Лифляндіи). Извѣстны и случаи казнокрадства и другихъ злоупотребленій.

Эти изъяны составляютъ замѣтное явленіе въ русской общественной жизни 12 года.

Первопрестольная столица особенно откликнулась на призывъ правительства. Пріѣхавшему сюда 11 іюля императору была оказана такая встрѣча, «какихъ не бывало». На другой день рано утромъ весь Кремль и прилегающія къ нему улицы были заполнены народомъ, который тѣсно обступилъ царя, спускавшагося Краснымъ крыльцомъ въ Успенскій соборъ. «На каждой ступени Краснаго крыльца со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами». Такъ передавалъ очевидецъ этихъ дней въ Москвѣ. Самъ Александръ I считалъ этотъ день лучшимъ

въ своей жизни. Въ тотъ же день состоялся пріемъ царемъ московскаго дворянства и купечества, на которомъ первое выразило готовность выставить ополченіе, а второе пожертвовать деньги и продукты. Дворянство другихъ губерній тоже откликнулось на призывъ царя соотвѣтствующимъ образомъ. Въ пылу перваго порыва дворяне хотѣли «лить свою кровь» за отечество и «пожертвовать всѣмъ достояніемъ», какъ доносили Александру губернаторы и предводители дворянства. Купечество и духовенство не осталось, въ свою очередь, глухо къ обращенію правительства и внесло свою лепту. Однимъ словомъ, всюду населеніе послѣ прочтенія съ церковнаго амвона манифеста 6 іюля спѣшило прійти на помощь правительству и либо становилось въ ряды ополченцевъ, либо несло свои сбереженія, свои вещи. Когда послѣ былъ сдѣланъ подсчетъ жертвамъ населенія на войну 12 года, то оказалось, что всего русскимъ населеніемъ выставлено до 320.000 ополченцевъ и внесено пожертвованій не менѣе 100 милліоновъ рублей.

Нѣкоторые помѣщики, кромѣ того, поставляли лошадей для перевозки фуража, раненыхъ, плѣнныхъ и т. п., устраивали на свой счетъ лазареты, содержали проходившія и ночевавшія въ ихъ имѣніяхъ войска. Крестьяне внесли самый цѣнный вкладъ въ сокровищницу военныхъ пожертвованій — свою жизнь. Они становились въ ряды ополченцевъ и вмѣстѣ съ регулярными войсками бились съ непріятелемъ, они же, оставаясь на мѣстахъ, охраняли и отстаивали отъ французовъ цѣлые округи, наконецъ, изъ крестьянъ составлялись отряды партизановъ, и партизанская война легла всей своей тяжестью на крестьянскія плечи.

Таковъ былъ результатъ обращенія правительства къ общественному содѣйствію послѣ вступленія французовъ на территорію Россіи. Общество откликнулось на призывъ правительства и пошло за нимъ на защиту родины. Казалось, старая вражда забыта, и отнынѣ между правительствомъ и обществомъ установятся тѣсныя и дружественныя отношенія.

Однако этого не случилось. Брешь, существовавшая до сихъ поръ въ отношеніяхъ правительства и общества, съ началомъ военныхъ дѣйствій не исчезла.

То недовѣріе, съ которымъ правительство относилось къ обществу до войны, осталось въ силѣ и во время войны.

Александръ I въ разговорѣ съ посломъ Наполеона, Коленкуромъ, открыто заявлялъ, что «у меня добрый, у меня предан-

Смерть Верещагина

(*Лебедева*).

ный народъ». Въ этомъ онъ видѣлъ свое преимущество передъ французскимъ императоромъ.

Но недовѣріе къ людямъ было основной чертой характера Александра I. И увѣренія посла Наполеона въ преданности русскаго народа не помѣшали на дѣлѣ оказывать недовѣріе этому же народу.

Правительство во время войны было, что называется, настороже. Оно думало, что война вызоветъ внутреннія волненія. Опасалось, что распространяемыя Наполеономъ прокламаціи поднимутъ народъ противъ правительства. И, призывая народъ къ участію въ войнѣ, правительство не вѣрило въ его преданность и принимало соотвѣтствующія мѣры предосторожности. Прежде всего правительство сомнѣвалось въ населеніи западныхъ губерній, недавно присоединенныхъ и близкихъ къ недоброжелательной Польшѣ,—Подольской, Волынской. Здѣсь былъ учрежденъ, хотя и основанный на «чрезвычайной скромности», но строгій надзоръ. А людей очень состоятельныхъ, какъ могущихъ своимъ имуществомъ оказать помощь непріятелю, и «всѣхъ наиболѣе способныхъ дѣйствовать оружіемъ и, слѣдовательно, наиболѣе опасныхъ въ случаѣ возрожденія какихъ-либо безпорядковъ» велѣно было прямо высылать во внутреннія губерніи». Но подъ подозрѣніе были взяты и внутреннія губерніи. Не изъятымъ отсюда оказалось даже сердце Россіи — Москва. Генералъ-губернатору столицы, гр. Ростопчину, московскій народъ, «чернь», какъ онъ выражался, представлялся готовымъ къ мятежу. По его мнѣнію въ народѣ обнаруживается «дерзость». «При первомъ движеніи съ толпой людей явятся и предводители, готовые на дѣло своимъ собственнымъ движеніемъ, а можетъ быть и обѣщаніе другихъ. Начало будетъ грабежъ и убійство иностранныхъ, а послѣ бунтъ людей барскихъ, смерть господъ и разореніе». И Ростопчинъ все время рыщетъ по Москвѣ, организуетъ шпіонство, ловитъ подозрительныхъ людей, изо всѣхъ силъ старается открывать заговоры, находитъ измѣнниковъ, которыхъ онъ готовъ былъ видѣть въ каждомъ просвѣщенномъ человѣкѣ. Ростовскому уѣздному предводителю, вслѣдствіе недовѣрія къ населенію, было даже предписано «внутреннихъ вооруженій поселянъ... совершенно избѣгать». Правительство особенно опасалось кривотолковъ по поводу военныхъ извѣстій и потому, во-первыхъ, разузнавало, что говорятъ въ народѣ о войнѣ, во-вторыхъ, пресѣкало всякіе толки. Ростопчинъ со спеціальною цѣлью развѣдыванія народныхъ тол-

ковъ разсылалъ шпіоновъ и сыщиковъ по московскимъ трактирамъ и кофейнямъ, а для успокоенія умовъ или скрывалъ военныя извѣстія, или фальсифицировалъ ихъ — старался, какъ онъ самъ выражался, «возбуждать сомнѣніе въ справедливости» «непріятныхъ извѣстій». Въ Ростовскомъ уѣздѣ черезъ упомянутаго предводителя было предписано полиціи наблюдать за тѣмъ, «чтобы народъ занимался свойственнымъ ему упражненіемъ, отнюдь не разсуждая о военныхъ обстоятельствахъ».

Однимъ словомъ, даже въ моментъ войны правительство не освободилось отъ недовѣрія къ народу. Изъ-за народнаго отклика на призывъ къ оружію, изъ-за народныхъ жертвъ оно видитъ призракъ возстанія, безпорядковъ, ожидаетъ измѣны.

Война на ряду съ тѣмъ патріотизмомъ и отзывчивостью, выше вызвала также и другія чувства, на которыя правительство не разсчитывало и которыя были далеки отъ первыхъ чувствъ.

Первымъ движеніемъ общества при извѣстіи о переходѣ Наполеономъ границы былъ страхъ и отчаяніе. Первымъ импульсомъ, давшимъ себя знать, — оказался инстинктъ самосохраненія и бѣгство съ цѣлью спасенія себя и своего имущества. Вѣсти объ отчаяніи населенія идутъ со всѣхъ сторонъ.

«Живо помню сцены у церкви Спаса Обыденнаго», — разсказываетъ одинъ современникъ памятныхъ событій 12 года про Вологодскую губернію.

«Помню хорошо, что всегда не только самая церковь, но и площадь передъ нею бывали биткомъ набиты народомъ. Помню, какъ нерѣдко самъ губернаторъ или кто-либо изъ старшихъ мѣстныхъ начальниковъ выходилъ къ народу на крыльцо и читалъ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и какъ при совершеніи постояннаго молебствія вся площадь оглашалась рыданіями колѣнопреклоненнаго народа».

Населеніе Ростовскаго уѣзда тоже было охвачено страхомъ и отчаяніемъ. «Помѣщики (здѣсь) оставляютъ свои деревни и, забирая имущество, уѣзжаютъ въ дальніе уѣзды и губерніи, народъ же, оставивъ свойственныя имъ домашнія и полевыя занятія, весь ушелъ въ военныя событія, на которыя всѣ смотрятъ «глазами испуга и отчаянія». Жители Московской губерніи, «отъ страха быть ограбленными... болѣе нежели на 50 верстъ въ окрестностяхъ Москвы, оставивъ свои селенія, разбѣжались». По всѣмъ прилегающимъ къ Москвѣ дорогамъ можно было видѣть безконечные обозы спасающихся отъ фран-

цузовъ, и столица быстро опустѣла послѣ Бородинскаго боя. Помѣщики искали спасенія въ отдаленныхъ вотчинахъ, крестьяне даже въ лѣсахъ. Объ отечествѣ, о его спасеніи въ эти минуты врядъ ли кто думалъ. Мысль о себѣ господствовала надъ всѣмъ и, какъ это ни печально, война, притомъ такая ужасная, какъ 12 года, когда вторглись въ предѣлы страны 600.000 войскъ, предводимыхъ геніальнымъ полководцемъ, вмѣсто подавленія частныхъ, эгоистическихъ интересовъ и сплоченія всѣхъ въ виду общаго несчастія, вызвала, наоборотъ, обостреніе классовыхъ отношеній и пробудила даже низменныя чувства корысти.

Разбѣгавшіеся со своими пожитками помѣщики возбуждали озлобленіе въ крестьянахъ, которымъ часто некуда было спасаться и приходилось поневолѣ встрѣчать врага лицомъ къ лицу.

Одинъ современникъ разсказываетъ, какъ его отецъ-помѣщикъ со всей семьей перебирался, спасаясь отъ французовъ, изъ деревни въ городъ. По его словамъ «сначала на насъ косились, одинъ молодой парень навеселѣ, взглянувъ сурово на нашъ поѣздъ, назвалъ насъ бѣглецами, къ нему пристали прочіе, и мы имѣли непріятность проѣхать это длинное пространство почти подъ угрозами бранившихъ насъ измѣнниками и предателями». Иногда дѣло кончалось болѣе серьезно. «Многіе изъ удалившихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ лошадяхъ возвращались опять въ Москву пѣшками, лишившись на дорогѣ и лошадей своихъ съ экипажами и имуществомъ».

Крестьянскія волненія вспыхнули въ нѣсколькихъ мѣстахъ — въ литовскихъ губерніяхъ, въ Вологодской, Новгородской, Пермской, Смоленской, Тамбовской и приняли широкіе размѣры. При этомъ «помѣщичьи крестьяне дѣлили между собою господское имѣніе, даже дома разрывали и жгли, убивали помѣщиковъ и управляющихъ». Въ Пермской губерніи, кромѣ того, волновались заводскіе крестьяне, которые «оказали неповиновеніе какъ содержателямъ заводовъ, такъ и власти земскаго начальства». Здѣсь волненія распространились на 500 верстъ въ окружности.

Но самой отталкивающей формой общественной розни и озлобленія были грабежи и разбои. По словамъ современника, въ Москвѣ «грабители ходили тысячами». Тамбовская губернія кишѣла грабителями, которые пускались на разныя хитрости, чтобы провести жителей, назывались солдатами, плѣнниками, и тамбовскій губернаторъ, безсильный бороться съ ними обыч-

ными средствами, приглашалъ жителей самихъ помочь ему. «Ловите ихъ, куйте въ желѣзо, присылайте ко мнѣ, а въ случаѣ сопротивленія, поступайте съ ними, какъ съ непріятелями», т.-е. убивайте. Бѣглые солдаты и казаки занимали очень видное мѣсто въ рядахъ грабителей.

Въ этомъ состояла обратная сторона отношенія русскаго общества къ войнѣ 1812 года. Если одни жертвовали имуществомъ и собой въ виду войны, то другіе, наоборотъ, всячески старались избыть тягостей войны и даже попользоваться отъ нея.

Самыя военныя дѣйствія съ перваго же момента приковали къ себѣ общественное вниманіе, ходомъ войны интересовались одинаково живо и въ столицахъ и въ провинціяхъ. «Въ обществѣ и народѣ съ жадностью ловили каждое извѣстіе». Курьеры, пріѣзжавшіе изъ арміи въ Москву, бувально осаждались народомъ и полученныя отъ нихъ вѣсти тотчасъ же разносились по городу съ быстротою молніи и обсуждались. Въ деревняхъ тоже народъ былъ весь поглощенъ войной — настолько сильно, что, какъ мы знаемъ, правительство рѣшило даже принять мѣры противъ такого чрезмѣрнаго увлеченія крестьянъ «политикой». Бородинская битва нашла себѣ особенно живой откликъ въ обществѣ. Взволнованный народъ въ Москвѣ толпами ринулся къ Иверской часовнѣ служить благодарственный молебенъ, Петербургское общество при всей своей сдержанности, тоже прорвалось при извѣстіи о Бородинѣ. «Ты не можешь себѣ представить, — писалъ нѣмецкій государственный дѣятель, Штейнъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, женѣ,— трогательную, всеобщую радость, радость,—которую вызвала здѣсь эта побѣда».

Одни удовлетворяли въ данномъ случаѣ естественное чувство любопытства. Другіе изъ военныхъ событій извлекали урокъ, который тутъ же и преподносили правительству. Подъемъ духа, энтузіазмъ здѣсь смѣнялся упадкомъ духа и негодованіемъ противъ виновниковъ народнаго бѣдствія.

Въ первое время войны у русскаго общества не было серьезныхъ поводовъ къ недовольству. Разрывъ съ Наполеономъ и открытіе военныхъ дѣйствій отвѣчало желаніямъ общества. Равнымъ образомъ и планъ войны находился въ соотвѣтствіи съ общественными вожделѣніями — поскорѣй отомстить Бонапарту за континентальную систему, разбить его, но скоро отношенія измѣнились.

Въ Петербургѣ напряженно слѣдили за военными дѣйствіями и, видя постоянное отступленіе русскихъ войскъ и не разбираясь въ обстоятельствахъ, начинали выражать нетерпѣніе, а потомъ и негодованіе. Здѣсь разсчитывали, что война скоро окончится, что непріятель будетъ разбитъ у самыхъ границъ, между тѣмъ онъ продвигался впередъ, входилъ въ предѣлы Россіи, и неизвѣстно было, когда и гдѣ остановится поступательное движеніе французовъ. Являлось опасеніе за Петербургъ.

Недовольство общественныхъ круговъ Петербурга обнаружилось съ самаго начала войны и, когда Александръ вернулся сюда изъ своей поѣздки въ Москву, то сразу почувствовалъ это настроеніе и разницу между первой и второй столицей. Тамъ энтузіазмъ, восторгъ, здѣсь — холодный, молчаливый пріемъ. Такимъ образомъ, общественное недовольство коснулось и самого императора. Общество было недовольно дѣйствіями главнокомандующаго, тактикой отступленія, усвоенной Барклаемъ, и потому всѣ желанія его сводились къ необходимости смѣны главнокомандующаго. Такого рода требованіе раздавалось не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ. Въ концѣ-концовъ, оно было всеобщимъ. «Москва, Петербургъ и армія въ одинъ голосъ требовали смѣны главнокомандующаго».

Александръ не раздѣлялъ ни недовольства Барклаемъ, ни сомнѣнія въ его преданности. Онъ считалъ его, кромѣ того, лучшимъ изъ полководцевъ и вѣрилъ ему. Но положеніе вещей теперь было таково, что оставлять Барклая во главѣ арміи не представлялось никакой возможности.

Безначаліе и деморализація въ арміи достигли въ этотъ моментъ крайней степени. Въ угоду Фулю, утверждавшему что дѣйствія противъ непріятеля должны, согласно требованіямъ стратегіи, производиться двумя отдѣльными арміями, русскія войска были разбиты на двѣ арміи. Одной командовалъ Барклай, другой — Багратіонъ.

Барклай былъ назначенъ главнокомандующимъ обѣихъ армій, но Багратіонъ, старшій его по чину, всячески уклонялся отъ приказаній Барклая и интриговалъ противъ него. При соединеніи обѣихъ армій въ одну произошло примиреніе Барклая съ Багратіономъ, но чисто внѣшнее. Вражда и двоеначаліе продолжались.

На руководительство войной претендовала и главная квартира въ лицѣ генерала Ермолова, великаго князя Констан-

тина Павловича и другихъ. Каждая изъ конкурирующихъ сторонъ при этомъ старалась искать опоры въ своихъ дѣйствіяхъ и санкціи отъ императора, который въ свою очередь хотѣлъ тоже руководить военными движеніями и даже одно время находился въ арміи. Эти внѣшнія вліянія съ ходомъ войны все болѣе расширялись и захватывали въ свой кругъ все большее количество людей. Въ числѣ ихъ послѣ называли нѣмца Штейна и даже французскую писательницу г-жу Сталь. Само собою положеніе главнокомандующаго при такой сѣти перекрещивающихся вліяній и вмѣшательствъ было совершенно невозможнымъ. «Никогда еще ни одинъ полководецъ ни одной арміи не находился въ такомъ крайне непріятномъ положеніи,—писалъ самъ Барклай императору,—какъ я. Каждая изъ обѣихъ соединенныхъ армій имѣла своего особаго главнокомандующаго, которые зависѣли единственно отъ Вашего Императорскаго Величества и облечены были полномочіями, вполнѣ соотвѣтствующими такому положенію. Каждый изъ нихъ имѣлъ право доносить лично Вашему Величеству и распоряжаться по собственному усмотрѣнію ввѣренною ему арміей. Правда, я имѣлъ въ качествѣ военнаго министра право отдавать приказы отъ Высочайшаго имени Вашего Величества, но я не рѣшался воспользоваться этимъ правомъ безъ особаго полномочія Вашего Величества въ такихъ важныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ зависѣла судьба всей Россіи».

«Духъ интриги и партійности, распространившійся въ арміи, — говоритъ далѣе Барклай, — разнорѣчивыя мнѣнія и взгляды, невыгодные слухи, съ намѣреніемъ распространяемые въ Петербургѣ,—все это получило свое начало со времени соединенія обѣихъ армій».

Впослѣдствіи въ подобномъ же положеніи оказался и Кутузовъ, смѣнившій Барклая.

Итакъ, въ русской арміи господствовало многоначаліе и хаосъ въ противоположность французскимъ войскамъ, которыя были объединены желѣзной рукой геніальнаго полководца въ лицѣ Наполеона. Такой порядокъ невыгодно, конечно, отражался на военныхъ дѣйствіяхъ. Барклай въ немъ былъ неповиненъ. Но онъ былъ главнокомандующій, его должны были всѣ слушаться. Между тѣмъ имъ были всѣ недовольны, его открыто всѣ порицали, и дисциплина падала. Наконецъ ко всему прочему присоединилась гнусная клевета объ измѣнѣ

Барклая. Какъ же можно было оставлять во главѣ арміи «измѣнника»?

Націонализмъ — сила, съ которой очень трудно бороться, особенно въ такіе моменты, какъ 12 годъ, война за цѣлость родины, когда каждый иностранецъ только потому, что онъ иностранецъ, подозрѣвается въ измѣнѣ и легко объявляется измѣнникомъ. Александръ I чувствовалъ эту силу, требовавшую смѣны главнокомандующаго, и на мѣсто Барклая, котораго цѣнилъ и уважалъ, назначилъ Кутузова, котораго не любилъ только потому, что на него указало общественное мнѣніе. Кутузовъ, не болѣе заслуженный генералъ, чѣмъ Барклай, былъ *русскій*. И этого было совершенно достаточно для того, чтобы обществу сойтись на немъ и указать на него, какъ на замѣстителя иностранца Барклая.

Національное чувство получило удовлетвореніе.

«Благодаримъ всемогущаго Бога, что внушилъ государю императору нашему поручить всѣ воинскія силы въ полную власть свѣтлѣйшему князю Голенищеву-Кутузову». Такъ говорили въ націоналистически настроенныхъ кругахъ общества. Благодарность приносилась и самому новому главнокомандующему. «Благодаримъ князя, что принялъ трудъ сей за отечество». «Воистину во всей Россійской имперіи всѣ классы людей какъ бы воскрешены отъ убійства, и исчезла унылость духа народнаго». Въ успѣхѣ Кутузова не сомнѣвались и напутствовали его ободряющими призывами. «Надежда на Бога и на свѣтлѣйшаго князя — утѣшали себя въ названныхъ кругахъ общества. Гласъ народа — идите князь съ воинствомъ противу врага смѣло. Путь истины доселѣ вамъ крѣпкія силы и могущество — покорите и истребите враговъ».

На Кутузовѣ правительство и общество, такъ сказать, помирились.

Однако миръ оказался не особенно прочнымъ. Событія показали, что перемѣна главнокомандующаго не означала перемѣны тактики. Кутузовъ, собиравшійся, по народному выраженію, «бить французовъ», оказался на дѣлѣ полнымъ замѣстителемъ и преемникомъ Барклая вплоть до его тактики. И очень скоро съ той позиціи (Царево-Займище), которая была предназначена Барклаемъ для битвы, Кутузовъ приказалъ *отступить*. Потомъ онъ вскорѣ пріостановилъ отступленіе и далъ французамъ генеральное сраженіе на Бородинскомъ полѣ. Но послѣ Бородина снова отступилъ, и позади русскихъ войскъ остался

уже не такой городъ, какъ Смоленскъ, который немалое время въ своемъ прошломъ находился въ рукахъ иностранцевъ (поляковъ), а сама первопрестольная столица.

Отдачи Москвы французамъ общество никакъ не ожидало. Еще менѣе оно могло примириться съ этимъ обиднымъ, позорнымъ для національнаго самолюбія и чреватымъ серьезными послѣдствіями фактомъ. И новый взрывъ общественнаго недовольства былъ отвѣтомъ на рѣшеніе въ Филяхъ. Если даже въ народѣ саркастически говорили о томъ, что «проспали Москву», проспятъ скоро и всю Россію, то значитъ широко и глубоко разлилось это недовольство. Гнѣвъ общественный и на этотъ разъ не пощадилъ самыхъ верховъ правительства. И снова Александръ получилъ предостереженіе—теперь, впрочемъ, отъ своихъ друзей, отъ близкой и сердечно привязанной къ нему сестры, Екатерины Павловны.

«Взятіе Москвы, — писала великая княгиня брату, — довело до крайности отчаяніе умовъ; недовольство достигло высшей точки, и ваша личность далека отъ пощады». «Васъ громко обвиняютъ въ несчастіи вашей имперіи, въ разрушеніи общемъ и частномъ, наконецъ, въ потери чести страны...»

«...И не одинъ классъ, но всѣ соединились въ обличеніи васъ». Екатерина Павловна не вѣритъ сама въ возможность переворота, какъ вѣрила мать Александра. «Не бойтесь катастрофы въ духѣ революціи,—писала она вслѣдъ за предыдущими строками, — нѣтъ». Но въ серьезности положенія она не сомнѣвалась. И прежде всего она указывала Александру на недовѣріе общества къ правительству. «Въ готовности возстановить честь нѣтъ недостатка (въ обществѣ), но при желаніи всѣмъ жертвовать ради своего отечества говорятъ — къ чему это поведетъ, когда все разбито и уничтожено легкомысліемъ вождей».

Въ обществѣ прорвалась замолкнувшая было подъ громъ пушекъ вражда къ правительству, и за недовѣріе къ себѣ оно какъ бы спѣшило отплатить ему той же монетой.

Великая княгиня убѣждаетъ императора сдѣлать все, чтобы «склонить къ вамъ опять умы».

Александръ I чувствовалъ горечь общественнаго недовольства. Онъ понималъ негодованіе за оставленіе Москвы, которое явилось и для него неожиданностью и ударомъ. Но вѣдь онъ назначилъ такого главнокомандующаго, «за котораго были всѣ». И во всякомъ случаѣ, «мое сердце, всѣ мои намѣренія

и мое рвеніе, какъ онъ отвѣчалъ сестрѣ, будутъ клониться къ тому, что, по моему убѣжденію, можетъ служить на благо и на пользу отечеству».

Отдача Москвы была не послѣдней жертвой, потребовавшейся отъ русскаго народа въ эту тяжелую годину. Отступленіе продолжалось въ глубь страны и пріостановилось только послѣ Тарутина, когда французская армія рѣшила отступать и вслѣдствіе обращенія врага къ русскимъ спиной, русскія войска силою вещей обратились въ наступающую сторону. Но и послѣ этого Кутузовъ не отваживался на генеральный бой съ французами и уступалъ имъ дорогу.

Война, очевидно для всѣхъ, затягивалась на неопредѣленное время, средства, силы уходили, а миръ, отдыхъ отсрочивался, откладывался самъ собой въ самый долгій ящикъ. И въ обществѣ начинаетъ чувствоваться и проявляться вполнѣ естественное въ такихъ случаяхъ утомленіе войной. Напряженіе физическихъ и моральныхъ силъ, достигши высшей точки, падаетъ — еще до окончанія военныхъ дѣйствій. Въ обществѣ раздаются жалобы на обремененіе поборами на войну. Приказчики отписываютъ своимъ господамъ, что мѣстныя власти одолѣли ихъ своими требованіями — то подводъ, то фуража, то провіанта и т. п. Въ народѣ тоже ропотъ на тяжести, сопряженныя съ войной. Наконецъ общество начинаетъ тяготить самое военное положеніе, обязывающее его отказаться отъ обычнаго образа жизни, наложить на себя невольный трауръ и воздержаніе отъ всякихъ удовольствій, развлеченій. Жить исключительно военными интересами, страдать страданіями родины, грустить и не играть, не плясать — становилось выше силъ для русскаго общества. И достаточно было получиться первымъ болѣе или менѣе отраднымъ извѣстіямъ съ театра войны, какъ трауръ сбрасывается и веселье выливается въ самыя шумныя, еще не оправдываемыя успѣхами русскаго оружія формы.

Въ Пензѣ губернаторъ, которому «давно уже хотѣлось поплясать», послѣ извѣстій о дѣлахъ подъ Вязьмой и Краснымъ отпраздновалъ день именинъ своей супруги, 24 ноября, великолѣпнымъ баломъ, на которомъ было, по словамъ участниковъ, необыкновенно весело и забавно. Губернаторскій балъ послужилъ сигналомъ къ другимъ баламъ и вечерамъ, и картина пензенской жизни быстро измѣнилась. По словамъ современника, «во всю зиму еженедѣльно разъ у губернатора, разъ у

А, и два раза у Х. плясала вся Пенза». И чѣмъ шире и шумнѣй развертывалось это веселье, тѣмъ быстрѣе заснулъ «при свѣтѣ лампъ и люстръ» «огонь патріотическаго энтузіазма нашего». Между тѣмъ время для этого еще не приспѣло. Французы еще находились въ предѣлахъ Россіи, и еще лилась русская кровь.

Ту же картину можно было наблюдать и въ другихъ провинціальныхъ городахъ. Въ Казани, напримѣръ, зима 1812 года прошла тоже необыкновенно шумно и весело, «балы и концерты всякую недѣлю» — и плясать начали еще до изгнанія французовъ.

Въ войскахъ тоже чувствовалось утомленіе —прежде всего физическое. За нѣсколько мѣсяцевъ войны имъ пришлось испытать много лишеній и невзгодъ. Миръ и отдыхъ являлись ихъ горячимъ желаніемъ, тѣмъ болѣе, что съ изгнаніемъ французовъ изъ Россіи, кончалась цѣль войны, опредѣленно указанная съ самаго начала ея самимъ царемъ. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Кутузовъ. Прибывъ въ Вильну, онъ расположился здѣсь на отдыхъ и послѣ перехода послѣдними отрядами «великой арміи» русской границы высказался за заключеніе мира.

Однимъ словомъ, военный пылъ русскаго общества, поднимавшійся въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ это показала народная война, до температуры каленія, къ концу войны началъ остывать, не исключая и арміи. И правительству, которое рѣшило вопреки настроенію общества, перенести войну за предѣлы Россіи, пришлось обратиться къ искусственнымъ, спеціальнымъ мѣрамъ, чтобы остановить преждевременное охлажденіе общественнаго настроенія и удержать его на прежнемъ уровнѣ. Карикатуры на Наполеона и политическія статьи въ прессѣ явились въ рукахъ правительства такими средствами возбужденія въ русскомъ обществѣ интереса къ продолженію войны. Въ картинахъ то изображался Наполеонъ, пляшущій вприсядку подъ русскую дудку, то французскіе солдаты за похлебкой изъ воронъ. Въ статьяхъ же трактовался императоръ французовъ, какъ деспотъ-поработитель, отъ котораго надо избавить Европу во имя свободы и права.

Такое исключительное событіе, какъ война 1812 года, вызвавшая страшное напряженіе общественныхъ силъ и потребовавшая огромныхъ жертвъ отъ общества, не могла не оставить въ немъ сильнаго и глубокаго впечатлѣнія. И дѣйствительно, Отечественная война сильно поразила умы русскаго

общества и заставила его учесть вліяніе ея на дальнѣйшія судьбы Россіи. Всѣ невольно хотѣли извлечь изъ пережитаго извѣстнаго рода урокъ для себя и правительства для будущаго, и каждый по-своему оцѣнивалъ съ этой точки зрѣнія 12 годъ.

Два теченія общественной мысли при этомъ обнаружились совершенно ясно. Назовемъ ихъ, по современной терминологіи— охранительно-реакціоннымъ и прогрессивнымъ.

Плодами Отечественной войны является то, что мы, русскіе, «утвердились въ народномъ духѣ и привязанности къ отечеству; научились распознавать истинныхъ сыновъ отечества отъ тѣхъ, кои покорствовали силѣ, ожидая удобнаго случая отторгнуть себя отъ онаго; познали, въ чемъ состоитъ обязанность каждаго другъ къ другу и родинѣ своей; удостовѣрились, что народное просвѣщеніе къ благу человѣческаго рода, филантропами проповѣдуемое, есть призракъ, обольщающій токмо, не удовлетворяющій разсудку, ибо непріятель нашъ, мечтающій воспламенить народъ громкими словами — вольность, свобода, грубо ошибся въ ожиданіи своемъ. И убѣдиться теперь долженъ, что не нашелъ того варварства и порабощенія, которымъ насъ несправедливо всегда упрекаютъ и на которое такъ сильно надѣялся, шедши въ сердце Россіи». Отсюда «слѣдуетъ и остается желать, дабы и просвѣщеніе оставалось въ той же силѣ, ибо знающій свои обязанности, почитающій вѣру и любящій отечество, просвѣщенъ достаточно».

Однимъ словомъ, минувшая война, въ которой французы потерпѣли пораженіе, обнаружила превосходство «непросвѣщенной» и «варварской» Россіи надъ просвѣщенной Франціей и дала возможность проявиться лучшимъ качествамъ русской натуры, какъ патріотизмъ и религіозность. Поэтому существующій порядокъ, какъ лучшій, долженъ остаться безъ всякихъ измѣненій.

Такъ разсуждали въ консервативно-реакціонныхъ кругахъ русскаго общества послѣ войны 12 года и такихъ именно результатовъ ожидали отъ нея.

Иначе думали и иныя надежды связывали съ Отечественной войной въ прогрессивныхъ кругахъ. Здѣсь «все миновало, славило освобожденіе народовъ, совершонное Россіей, все ожидало наступленія новой эры: все было преисполнено самыхъ радужныхъ надеждъ въ будущемъ...»

Изъ этихъ двухъ прогнозовъ будущаго, какъ показали событія второй половины царствованія Александра I, болѣе

правильнымъ оказался первый. Сбылись надежды и желанія консерваторовъ-реакціонеровъ, а не прогрессистовъ.

Война 12 года, въ которую русскій народъ, въ особенности многомилліонное крестьянство, внесъ такой крупный, неоцѣненный вкладъ, не принесла ему не только политической свободы, но даже элементарныхъ гражданскихъ правъ. Ополченцы-крестьяне съ поля брани вернулись въ лоно крѣпостной зависимости, въ которой и пребывали еще цѣлое полустолѣтіе, и реформы, начатыя передъ войной, уже не продолжались. Началось попятное движеніе. Скромная, корректная фигура Сперанскаго, сосланнаго передъ тѣмъ въ Пермь, уступила мѣсто грубому и наглому солдату Аракчееву. Произошло то, что «не считалось тогда и возможнымъ», по убѣжденію прогрессивной части общества.

В. Алексѣевъ.

«Наполеоновы зимнія квартиры».
(Карикатура Венеціанова).

Изъ литературныхъ отраженій Отечественной войны.

Вторженіе многотысячной арміи въ предѣлы Россіи, опустошеніе многихъ областей, занятіе врагомъ первопрестольной, пожаръ Москвы, бѣгство Наполеона, — всѣ эти грандіозныя событія, естественно, не могли не взволновать русскаго общества, должны были приподнимать общественное настроеніе, выбивали изъ обычной колеи обыденныхъ впечатлѣній жизни.

Эта приподнятость переживаній и сказывалась въ самыхъ различныхъ формахъ — въ видѣ ли подавленности духа однихъ, пламенныхъ надеждъ на побѣду надъ врагами у другихъ, горькаго раздумья надъ вопросомъ, чѣмъ вызваны такіе ужасы и за что постигло родину такое наказаніе, иль могучей вѣры въ побѣдоносныя силы своего народа, запечатлѣнной въ формулѣ: «языки вѣдайте — великъ россійскій Богъ!..» И тамъ, гдѣ люди собирались вмѣстѣ, въ толпѣ, въ массѣ эта повышенность настроеній сказывалась особенно рельефно. Надо было видѣть въ іюнѣ театральную публику на представленіи, вышедшей еще въ 1807 году трагедіи Озерова «Дмитрій Донской»: въ стихахъ этой пьесы искали и находили совпаденія съ современными настроеніями и бурей аплодисментовъ принимали такія мѣста, какъ:

> «Ахъ лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!

Или:

> «Иди къ пославшему и возвести ему,
> Что Богу русскій князь покоренъ одному».

По словамъ кн. Волконскаго, театръ при представленіи трагедіи Озерова, какъ бы она часто ни ставилась, «трещалъ отъ рукоплесканій, подобныхъ грому»... Отдѣльныя выраже-

нія, напр., изъ трагедіи «Фингалъ»: «могила храбраго отечеству священна!», аріи въ драмахъ и балетахъ, куплеты въ честь героевъ войны встрѣчались такимъ энтузіазмомъ, какого, вѣроятно, московскіе и петербургскіе театры впослѣдствіи не видали въ своихъ стѣнахъ. Достаточно сказать, что когда 30 іюля послѣ сраженія при Клястицахъ артистка Сандунова, игравшая въ оперѣ «Старинныя святки», запѣла пѣсню «Слава Богу на небѣ, слава» и, вдругъ остановившись, подошла къ рампѣ и съ пламеннымъ чувствомъ запѣла:

«Слава храброму графу Витгенштейну,
Поразившему силы вражески! Слава!»
«Слава храброму генералу Тормасову,
Поборовшему супостата нашего! Слава!»

весь театръ загремѣлъ криками ура!.. А когда пѣвица, повторивши, по требованію зрителей, эту «славу», вновь подошла къ рампѣ и медленно запѣла тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

«Слава храброму генералу Кульневу,
Положившему животъ свой за отечество! Слава!»

всѣ залились слезами вмѣстѣ съ артисткой.

Подъемъ настроеній былъ сильный: «во всѣхъ слояхъ общества, — по свидѣтельству современника, — одинъ разговоръ, въ золоченыхъ ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся ли простотой казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой ли бесѣдѣ дружной, въ разгульномъ ли обѣдѣ или вечеринкѣ, — одно, одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежда на успѣхъ, на возрожденіе отечественнаго достоинства и славы имени русскаго!» Еще болѣе повысился тонъ, когда непріятельская армія вынуждена была отступать и очевидность побѣды надъ Наполеономъ бросалась въ глаза. Вотъ въ это-то время, съ конца 1812, въ теченіе 1813 — 14 годовъ, и выступили съ стихами, сборниками, баснями, поэмами наши поэты, спѣшившіе за событіями, взволнованно откликавшіеся на каждое крупное явленіе текущей жизни, иногда подготовлявшіе общественное настроеніе къ тому, что должно случиться, предвидѣвшіе ходъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Кого-кого не было на этомъ воинствующемъ парнассѣ: маститый Державинъ и лицеистъ Пушкинъ, ученый исторіографъ Карамзинъ и неизвѣстная «чувствительная россіянка», Крыловъ, Батюшковъ, меланхоличный Жуковскій, неожиданно забряцавшій въ качествѣ «пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», партизанъ Давыдовъ и священникъ Аврамовъ, болѣе или менѣе извѣстные

графъ Хвостовъ, Капнистъ, кн. Шаликовъ, А. Измайловъ и длинная вереница невѣдомыхъ Урываевыхъ, Прожиныхъ, Кулаковыхъ, Окуловыхъ, Овдулиныхъ, Щуленниковыхъ и т. д. Нельзя не согласиться съ историкомъ, что тогда, кажется, не было ни одного «пишущаго», кто бы не тиснулъ стихами и не «воспѣлъ». Перечитывая теперь ихъ «поэтическіе» отклики, нерѣдко испытываешь томительную скуку: до того шаблонно, трафаретно, часто бездарно написанное ими; за чрезвычайно рѣдкими исключеніями вся эта литература скорѣе представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ риѳмованныхъ восклицаній, стихотворныхъ выкриковъ, размѣренныхъ согласно господствующей ложно-классической теоріи строкъ, чѣмъ то подлинное искусство, которое волнуетъ, восхищаетъ, независимо отъ времени, историческаго момента, важности затронутаго вопроса. Изъ груды напечатаннаго тогда съ трудомъ извлечешь яркій образъ, образную картинку. Въ перезвонѣ цвѣтистыхъ фразъ, въ шумномъ бряцаньѣ безчисленныхъ бардовъ того времени рядомъ съ картинками, описывающими свершавшіяся событія, встрѣчаются любопытныя разсужденія по поводу событій и, если на первыхъ нѣтъ смысла подробно останавливаться, такъ какъ описанія сраженій слишкомъ стереотипны, полны «общихъ мѣстъ», а передача другихъ фактовъ рѣдко идетъ отъ лично наблюдавшаго ихъ, то анализъ размышленій, чувствъ и настроеній, вылившихся въ интересующей насъ литературѣ, приводитъ къ нѣкоторымъ характернымъ выводамъ, полагающимъ глубже понять минувшую, нынѣ реставрируемую эпоху.

Призывные клики поэтовъ, шедшіе въ унисонъ съ взволнованнымъ настроеніемъ русскаго общества, горячая увѣренность въ побѣдѣ надъ «соломеннымъ народомъ», «разныхъ націй съ хилымъ сбродомъ» скоро смѣнилась тревогой, уныніемъ: врагъ все глубже проникалъ въ страну, намѣреваясь ранить ее въ самое сердце... «Златыя струны» на лирахъ поэтовъ перестали настраиваться:

«Въ насъ силы духа упадали,
Скорбѣлъ встревоженный Парнассъ;
Ужъ звуки лирные молчали,
Печалей раздавался гласъ!»

Хотя и раздавались голоса: «мало насъ всегда пугало, кто бъ себя какъ не вознесъ; мы Мамая поразили, палъ предъ нами бурный шведъ»; хоть и пѣлась пѣсня:

«Для россійскаго солдата
Пули, бомбы — ничего:
Съ ними онъ за панибрата,
Все бездѣлка для него»,

но нельзя было не видѣть, что «русскіе народы труды съ урономъ понесли», что:

«Повсюду было здѣсь смятенье,
Во всѣхъ россійскихъ городахъ
Былъ зримъ одинъ всеобщій страхъ»...

Ужасъ настал̀ъ, когда «сама Россіи мать — царица, краса всѣхъ русскихъ городовъ, Москва, древнѣйшая столица, поколебалась отъ враговъ». Пожаръ Москвы, разрушенія и опустошенія, произведенныя въ ней, всѣ тѣ несчастья, которыя обрушились на нее, особенно запечатлѣлись въ сознаніи современниковъ, и нѣтъ большаго количества стихотворныхъ откликовъ, какъ именно на взятіе непріятелями Москвы и ея пожаръ. Это—центръ вниманія тогдашней поэзіи, фокусъ, въ которомъ сходились и разсѣивались національныя симпатіи, историческія вѣрованія.

«Вдовицы въ образѣ — безъ крова, жизни, свѣта,
Подъ пепломъ на главѣ и въ рубище одѣта,
Въ оковахъ тягостныхъ, нося въ утробѣ гладъ,
Снѣдаема тоской, лишенна всѣхъ отрадъ,
Москва слезъ горестныхъ въ потокахъ утопаетъ,
И съ стономъ, съ воплями, съ рыданьемъ такъ вѣщаетъ»:
...«Все—вижу вкругъ себя покрыто пепломъ, прахомъ.
Гдѣ тронъ величія? Гдѣ виды красоты?
Все въ пламенныхъ волнахъ исчезло, какъ мечты.
Гдѣ зданья древности? Гдѣ тѣ чертоги трона,
Откуда слышали народы гласъ закона?
Гдѣ домы промысла? Гдѣ бѣдности покровъ?
Благословенныхъ гдѣ пристанище трудовъ?
Смиренныхъ поселянъ гдѣ хижины простыя?
Гдѣ непорочности убѣжища святыя?
Гдѣ просвѣщенія безцѣнные плоды,
Произведенія талантовъ и свободы?
Вѣками собраны гдѣ рѣдкости природы?
Гдѣ храмы мудрости? — Такъ! жертва нищеты,
Мать бѣдныхъ сирыхъ чадъ! Куда прибѣгнешь ты?
Къ кому прострешь твои дрожащи, старость, руки?
Торговля, промыслы, художества, науки!
Гдѣ обрѣтете вы пристанище себѣ?
Невинность! Ахъ! И ты найдешь защиту гдѣ?
Руины страшныя и пепла черны горы
Чьи видя — ужасомъ не поразятся взоры?»

спрашиваетъ авторъ одной изъ многочисленныхъ поэмъ того времени: «Москва, оплакивающая бѣдствія свои» (Москва, 1813 г.), присоединяясь въ изображеніи вандализма иноплеменниковъ

Переходъ черезъ Березину.
([illegible])

къ громкому хору стенаній другихъ поэтовъ, пораженныхъ тѣмъ же ужасомъ при видѣ, какъ «злобные враги все то, что свято, оскверняютъ, забывъ и совѣсть и Творца, саму природу оскорбляютъ»,

«Здѣсь домы, храмы расхищаютъ,
Тамъ звѣрство кровью насыщаютъ,
Не внемля воплю ничьему» и т. д.

Москва представляется «долиной гробовой»; «въ дыму, въ огнѣ, въ крови» она «являла страшный видъ — съ страдальческимъ вѣнцомъ!» Печалью наполнилась душа; съ грустью, съ глубокимъ волненіемъ обращался къ московскимъ развалинамъ русскій человѣкъ:

Гдѣ ты, матушка, бѣлокаменна
Москва красная, златоглавая,
Царства русскаго дщерь любимая,
Милой родины коренной удѣлъ,
Царя бѣлаго самопервый градъ,
Трудолюбія мать заботлива,
Древней старости слава вѣчная?
Гдѣ краса твоя? гдѣ величіе?

Современникъ-поэтъ въ «столицѣ мира и отрадъ» видѣлъ только «ряды могилъ, развалинъ обгорѣлыхъ», въ прежнемъ «краѣ любви и красоты» — «край слезъ и нищеты». Если національное чувство ущемлено было мрачнымъ зрѣлищемъ «родного пепелища», то — необходимо отмѣтить — религіозное чувство подверглось не меньшему испытанію. Часто поэты рисуютъ «нечестивыя неистовства» врага, восклицаютъ въ ужасѣ:

Гдѣ пѣснословія отъ искреннихъ сердецъ
Гремѣли предъ тобой, о всеблагій Отецъ,
И славили тебя, какъ ангельскіе лики:
Безумныхъ слышатся піянственные крики,
И необузданныхъ тамъ ржаніе коней..
О ужасъ! — Гдѣ престолъ былъ святости твоей,
И жертвенникъ даровъ Божественныхъ, небесныхъ:
Тамъ мѣсто непотребствъ иль ясли безсловесныхъ.
Такъ, Богъ мой! ты себѣ гдѣ храмы освятилъ:
Тамъ врагъ твой нечистотъ всѣ роды помѣстилъ.
И мало ли уже безчинствъ, сихъ дерзновенныхъ?
Но, о страшнѣйшихъ сценъ! — Мой царь!—Мой Богъ!—
Въ священныхъ
Изображеніяхъ мужей Твоихъ святыхъ,
И сына Твоего и въ собственныхъ Твоихъ,
Ты Самъ сталъ обнаженъ и терпишь оплеванья,
Ударовъ тьмы и язвъ, хулы и поруганья»...

«Море зла», — вотъ яркій образъ одного изъ лучшихъ стихотвореній того времени, вскрывающій сущность впечатлѣній современниковъ, бродившихъ «въ Москвѣ опустошенной

среди развалинъ и могилъ», гдѣ были лишь «угли, прахъ и камней горы, лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки». Взоры Батюшкова всюду встрѣчали «нищихъ» блѣдные полки, сонмы богачей, бѣгущихъ въ рубищахъ издраныхъ, «бѣдныхъ матерей», прижимающихъ къ персямъ чадъ грудныхъ и въ отчаяньѣ рыдающихъ... Невольно поэтъ въ Москвѣ «трикраты прахъ ея священный слезами скорби омочилъ»...

Но зато сколько радостныхъ криковъ понеслось изъ многоустой музы 12 года, когда наполеоновская армія стала отступать и надежды на побѣды увеличились, когда страхъ разсѣялся и всѣмъ стало ясно, что опасность миновала. Солдаты стали распѣвать:

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда! —
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на-смерть пустилъ туда...
Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги;
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги».

На всѣ лады поэты стали подсвистывать бѣгущему непріятелю, и никогда, кажется, наша литература не была наполнена такимъ человѣконенавистничествомъ, злобой и проклятіями, жестокими призывами, какъ въ концѣ 12 года и въ послѣдующіе мѣсяцы. Это было настоящее стихотворное улюлюканье, риѳмованная травля, разжигавшая въ читателѣ самыя низкія страсти. Что можно другое сказать про такія, напримѣръ, строки:

...«пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія;
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ;
Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
А лютой боецъ до пятнадцати» и т. д.

Вся злоба, долго таившаяся, вдругъ прорвалась — и наши лироэпическіе писатели въ своихъ гимнахъ, одахъ на прогнаніе французовъ отдали дань этому чувству, и какихъ эпитетовъ по адресу Наполеона, французовъ не набросали они въ своихъ стихахъ: Наполеонъ — это «сынъ адской тьмы», «новый Геростратъ», «свирѣпый болѣе, чѣмъ Аттилла», «звѣрства образецъ», «честолюбецъ кровожадный», «врагъ человѣчества, врагъ дерзкій Божества», «лютый крокодилъ», «вспоенный кровью вепрь», «бичъ невинности», «исчадіе вражды, крамолы»; французы — «галлы просвѣщенны въ буйствѣ, злобѣ превзошли

татаръ, сарматъ и Пугачевыхъ» и вмѣстѣ съ своимъ императоромъ носители «соблазновъ и разврата», представляются антихристовымъ воинствомъ. Походъ Наполеона — это походъ таинственнаго апокалиптическаго звѣря, семиглаваго Люцифера, «о десяти рогахъ вѣнчаннаго» на благовѣрную, держащуюся вѣры Христовой страну. Эта мистическая точка зрѣнія, вѣра, что Богъ спасъ Россію, была сильно распространена въ обществѣ; она ярко обнаруживается во многихъ произведеніяхъ той эпохи. Многіе задавались вопросомъ, почему спаслась страна, и отвѣчали: «гдѣ вѣра чтима, народомъ добрый царь любимъ, гдѣ родина благотворима, тотъ край вовѣкъ неодолимъ!» «Россія, Богомъ ограждена», «низверженъ врагъ Его рукой»,

«Не Богъ ли стеръ кичливый рогъ!
Не Онъ ли россовъ утѣшаетъ?..
Восторгъ и радость несказанна!
Россіи самъ помощникъ Богъ!»

Вотъ характерный мотивъ, громко звучащій въ лирикѣ 1812 — 14 гг. Наполеонъ — этотъ «союзникъ адскихъ силъ» — былъ только временнымъ испытаніемъ, ниспосланнымъ Богомъ на Россію для того, чтобы она, оправившись, ярче засіяла тѣми добродѣтелями, которыя и раньше ее отличали отъ другихъ народовъ. Скорбь и страданія, испытанныя страной въ годину вражескаго нашествія, увеличили ея право на міровое первенство, и народъ русскій сталъ избраннымъ любимцемъ Бога «за то, что правдой, вѣрой твердъ», сталъ образцомъ для всѣхъ, вызывающимъ «благоговѣніе всего свѣта», «единственнымъ, великимъ, сильнымъ, славой звучнымъ». Вольность и свобода, обѣщанная Наполеономъ Россіи, не нужны той землѣ, «гдѣ царь любимъ своимъ народомъ и гдѣ народъ любимъ царемъ»: русскіе «буйной вольности не завидуютъ», «чада вѣчной славы», «оплоты твердые царей», они не нуждаются въ свободѣ: «любезенъ намъ отцовъ и прадѣдовъ законъ». — Такъ пережитыя потрясенія вызывали въ жизни мессіанастическія настроенія, утверждали тѣ основы, на которыхъ покоилась страна, укрѣпляли тотъ общественный-политическій фундаментъ, который самъ Александръ въ началѣ своего царствованія пытался видоизмѣнить по европейскимъ кодексамъ, въ духѣ французскихъ «вольностей».

Если изученные нами поэты служили выразителями господствовавшаго взгляда, что война съ Наполеономъ была времен-

нымъ испытаніемъ и что Россія, изгнавшая врага при помощи «русскаго» Бога, ставшаго жертвой «галловъ лютыхъ», вмѣстѣ съ простыми смертными достойна быть оплотомъ мірового порядка, то надо отмѣтить и другіе голоса, хоть и робко, но все же звучавшіе и несомнѣнно являющіеся отраженіемъ взглядовъ извѣстной части общества. У нѣкоторыхъ поэтовъ година бѣдствій, обрушившихся на родину, вызвала сложное броженіе мыслей и настроеній. Имъ казалось, что Россія, истерзанная, кровавая, поруганная, не даромъ пострадала такъ жестоко, что была вина, какіе-то грѣхи, за которые Богъ и наказалъ ее. Одинъ изъ такихъ поэтовъ указываетъ на отсутствіе любви между русскими людьми, на забвеніе религіи, какъ на одно изъ тѣхъ золъ, которыя вызвали «праведный гнѣвъ» Божій. Онъ видитъ въ сердцахъ людей порокъ, добродѣтели лишь въ устахъ и спрашиваетъ:

И можетъ ли тамъ быть жилище ихъ святое,
Гдѣ самолюбіе жестокое, слѣпое?..
Тамъ, гдѣ сильна корысть, тамъ правда изгнана,
Невинность страждетъ тамъ, честь, совѣсть попрана.
Тамъ водворяется невѣжество, прозорство,
Лесть медоточная и хитрое притворство: —
Вина общественныхъ, неисцѣлимыхъ ранъ.
Тамъ наглость, варварство — ложь, клеветы, обманъ,
Обманъ между родныхъ, обманъ между друзьями,
Между супругами, между сыновъ съ отцами,
Обманъ на торжищахъ, въ судахъ и вкругъ царей,
Обманъ въ святилищахъ, обманъ у алтарей».

Поэтъ призываетъ своихъ современниковъ «омыть грѣхи» и «съ чистотою, а не съ лукавствомъ душъ» жить по слову Божію, выполняя завѣтъ христовой религіи и сознавая, что долгъ каждаго человѣка

«... судъ правый соблюсти,
Невинныхъ оправдать, обидимыхъ спасти»,

принимать сираго, вдовицу защищать, любить истину и всѣмъ добро творить... Это требованіе нравственнаго перерожденія, моральнаго улучшенія общества глухо звучитъ въ лирикѣ того времени, покрываемое воинственнымъ бряцаньемъ дѣтей Сіона, предводительствуемыхъ своимъ карающимъ Богомъ, но оно не можетъ быть обойдено историкомъ, такъ какъ служитъ показателемъ и противоположныхъ настроеній, тѣхъ, которыя заставили юнаго Пушкина пожелать, чтобъ «шлемъ стальной и грозный мечъ войны» былъ оставленъ, чтобъ пришли «времена спокойствія златыя», когда

«Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрылены,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ»...

Характеризуя тогдашнюю лирику, можно было бы многое сказать о герояхъ, вождяхъ Отечественной войны, объ отношеніи поэтовъ къ Александру, но достаточно отмѣтить общій диѳирамбическій тонъ стихотвореній, гимны всѣмъ имъ, хвалы, составленныя по шаблону высокопарныхъ одъ XVIII вѣка. Стоитъ, пожалуй, остановиться на гробовомъ молчаніи всѣхъ поэтовъ при имени Барклая. Жуковскій, напр., воспѣвшій множество военныхъ героевъ, пропустилъ Барклая въ своей поэмѣ «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ». И только Пушкинъ значительно позднѣе, наперекоръ общему сужденію, призналъ высокія заслуги за предшественникомъ Кутузова, «несчастливымъ вождемъ» («Полководецъ»). Всего больше стихотвореній посвящено Кутузову: его кончина вызвала богатую литературу пѣснопѣній. Особенно типична одна военная пѣсня:

«О Кутузовъ! истребитель
Человѣчества враговъ!
Ты отечества спаситель.
Богатырь ты всѣхъ вѣковъ!» и т. д.

Вполнѣ понятно, почему лирика дала намъ прежде всего возможность раскрыть сумму настроеній, волновавшихъ русское общество 1812—15 гг.: пѣсня была мгновеннымъ откликомъ на данное событіе, могла скорѣй всего поспѣвать за ходомъ дѣйствій. Она легко могла превратиться въ риѳмованную публицистику, въ бѣглый огонь «поэтическихъ» выстрѣловъ по непріятелю, въ могучій хоръ «славы», гимновъ и надгробныхъ рыданій. Драма и повѣсть не могли такъ быстро отвѣчать запросамъ публики, и въ театрѣ — первое время военныхъ дѣйствій — пришлось ограничиться постановкой старыхъ пьесъ, болѣе или менѣе подходившихъ по тону и содержанію къ новымъ событіямъ, а беллетристика ограничивалась анекдотомъ, маленькимъ разсказомъ, закрѣплявшимъ какой-нибудь случай, иногда, дѣйствительно, бывшій, чаще выдуманный во славу героя, на-смѣхъ и поруганіе врага! Но запросъ на зрѣлище былъ большой, желаніе увидѣть на сценѣ картины «быстротекущей жизни» было слишкомъ нетерпѣливое, — и вотъ уже 30 августа 1812 года петербургскій театръ сотрясался отъ грома

рукоплесканій: въ этотъ день давали «Всеобщее ополченіе», драму въ 3-хъ д. Висковатова, и балетъ, соч. Валберха и Огюста, «Любовь къ отечеству». Въ слѣдующемъ году появились «Храбрые кирилловцы при нашествіи враговъ» (драма въ 3-хъ д. Врончeнко), «Освобожденіе Смоленска» Свѣчинскаго, балеты: «Русскіе въ Германіи» и «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій», въ 1814 году—«Казакъ-стихотворецъ» кн. Шаховского (водевиль), балетъ «Возвращеніе героевъ», опера кн. Шаховского, «Крестьяне или встрѣча незваныхъ» и т. д. Почти всѣ перечисленныя пьесы шли съ 1814 года и на московской сценѣ, вызывая въ обѣихъ столицахъ шумный энтузіазмъ зрителей, наэлектризованныхъ патріотическими монологами до того, что нѣкоторые, видя, какъ на сценѣ, во время исполненія драмы «Всеобщее ополченіе», всѣ приносятъ въ даръ отечеству свое имущество, сами бросали на сцену свои бумажники, крича: «возьмите и мои послѣдніе 75 рублей»... Уже самыя заглавія вышеуказанныхъ пьесъ, какъ и другихъ тогда ставившихся драмъ, балетовъ, оперъ, водевилей («Казакъ и чорта не боится», «Казакъ въ Лондонѣ», «Торжество Россіи или русскіе въ Парижѣ», «Возвращеніе ополченія», «Крестьянинъ-офицеръ» и т. п.) наглядно намѣчаютъ содержаніе ихъ, которое въ общемъ сводится къ тѣмъ же темамъ, что выдвигались и въ лирикѣ.

Но если изъ стихотворныхъ произведеній нѣсколько выдѣлилось искренностью тона, яркимъ образомъ, драма того времени не вышла за предѣлы заурядныхъ литературныхъ опытовъ и быстро потеряла интересъ, значеніе: все рѣже и рѣже ставились пьесы, такъ недавно еще восхищавшія всѣхъ, и, когда жизнь вошла въ русло, развѣ съ спеціальной цѣлью возобновлялись нѣкоторыя изъ нихъ: такъ, 26 ноября 1818 года въ пользу инвалидовъ шла въ Петербургѣ драма Свѣчинскаго «Освобожденіе Смоленска».

Тщетно будемъ искать беллетристическихъ произведеній въ годы, близко слѣдующіе за войнами 1812—14 гг. Не говоримъ объ отсутствіи ихъ въ самую эпоху Отечественной войны: ясно, что для эпическаго писателя нужна нѣкоторая отдаленность отъ событія; возможность же спокойно, объективно отнестись къ нимъ мыслима только тогда, когда факты способны улечься въ исторической перспективѣ, а не въ тотъ моментъ, когда они совершаются передъ глазами, волнуя и затрагивая

писателя-очевидца, писателя-участника событія. Наскоро сдѣланные разсказики, скорѣе анекдоты, однако, появлялись въ печати уже съ 12 года, культивируемые особенно двумя журналами: «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Сыномъ Отечества». Подобнаго же типа сочиненія находились въ видѣ подписей къ лубочнымъ картинкамъ. Сцены храбрости, ловкости, великодушія въ средѣ русскаго воинства, крестьянства чередовались со сценами жестокости, трусости врага. Солдатъ одного полка, участвовавшаго въ жаркомъ сраженіи, равнодушно вышелъ изъ строя, когда у него гранатой оторвало одну руку; онъ чуть ахнулъ во время ампутаціи и на упрекъ лѣкаря отвѣтилъ, не думаетъ ли тотъ, что онъ охаетъ о рукѣ или отъ боли: «отрѣжьте другую, я не поморщусь, я жалѣю, что не могу больше служить моему Государю». Въ другомъ анекдотѣ разсказывается, какъ русскіе солдаты, увидя тощихъ, блѣдныхъ французскихъ плѣнныхъ, отказались отъ только что изготовленныхъ горячихъ щей съ говядиной, сказавъ: «Ребята, что намъ стоитъ день не поѣсть?! уступимъ свою порцію бѣднымъ плѣннымъ, — они, вѣдь тоже люди!» Въ томъ же идеализованномъ, героическомъ стихѣ составлено множество анекдотовъ, напечатанныхъ, между прочимъ, въ двухъ книгахъ въ 1813 — 14 гг.

Прошло много лѣтъ, когда наши писатели попытались нарисовать болѣе или менѣе широкую картину Отечественной войны. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ и въ началѣ тридцатыхъ, въ тѣ годы, когда интересъ къ историческимъ романамъ достигъ въ нашемъ обществѣ необычайныхъ размѣровъ, появилось нѣсколько произведеній, имѣвшихъ цѣлью поэтическое возсозданіе знаменитой эпохи. Пройдемъ мимо Зотова («Леонидъ или черты изъ жизни Наполеона». «Два брата или Москва въ 1812 году» и т. д.), Коншина («Графъ Обоянскій») и другихъ малосодержательныхъ романистовъ и остановимся на тѣхъ романахъ, которые выдѣляются широтой захвата русской жизни, которыхъ вообще можно отнести къ историческимъ. Нѣсколько словъ необходимо сказать о романѣ Булгарина «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» (1831), гдѣ эпизодически схвачены событія Отечественной войны, выведено нѣсколько историческихъ лицъ. Авторъ не рѣшился изобразить самихъ русскихъ героевъ 1812 года въ виду близости времени ихъ дѣятельности и только упоминалъ объ нихъ въ разсказахъ другихъ вымышленныхъ лицъ, но, напримѣръ, Наполеонъ и его приближенные выступаютъ передъ читателемъ неоднократно. Въ

романѣ много мѣста удѣлено настроеніямъ русскаго общества, народа передъ войной и въ наиболѣе важные моменты ея: сцены ополченія, Бородинскаго боя, бѣгство жителей Москвы, Москва во время пребыванія въ ней французовъ, — все это очерчено довольно полно и временами живо. Такъ какъ авторъ пользовался разсказами современныхъ очевидцевъ (да и самъ, впрочемъ, многое лично пережилъ, какъ солдатъ, потомъ офицеръ французской арміи), затѣмъ печатными матеріалами (напр., мемуарами Сегюра, Фена́, Шамбре, сочиненіями Ѳ. Глинки, Бутурлина и др.), то повѣствованіе его близко подходило къ правдѣ описываемыхъ событій и иногда, дѣйствительно, отличалось историчностью. Тѣ мѣста романа, гдѣ Булгаринъ выступаетъ въ качествѣ разсказчика достовѣрнаго метаріала, читаются съ извѣстнымъ интересомъ и могутъ быть отнесены къ тому разряду произведеній, которыя съ извѣстной оговоркой можно назвать поэтическими мемуарами. Любопытно, что авторъ относится къ Наполеону съ симпатіей, и многія «мерзости», свершонныя его арміей, относитъ не къ французамъ, а къ баварцамъ и полякамъ (т. 2, стр. 112). Что касается русскаго общества, по его адресу бросаются упреки въ крайней приверженности ко всему иноземному, забвеніе своего родного, національнаго, а кое-гдѣ разсѣяны указанія, что война 12 года захватила не все дворянство, что любовь къ отечеству не могла существовать среди тѣхъ русскихъ вельможъ, которые чуждались своего языка, что ихъ образъ жизни куда гибельнѣе дѣйствуетъ на страну въ мирное время, нежели нашествіе иноплеменниковъ. Нелишне отмѣтить въ романѣ высокую оцѣнку Барклая, какъ великаго полководца, непонимаемаго современниками, планъ веденія войны котораго вызоветъ въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ восхищеніе и преклоненіе.

Въ томъ же 1831 году вышелъ романъ Загоскина «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году» (4 части), съ нетерпѣніемъ ожидавшійся всѣми, вполнѣ понятнымъ, если припомнить недавніе восторги читателей передъ авторомъ, такъ прославившимся своимъ «Юріемъ Милославскимъ». Еще романъ не былъ законченъ, а его автору уже предлагали за первое изданіе въ 4800 экземпляровъ сорокъ тысячъ рублей ассигнаціями. По выходѣ въ свѣтъ оно быстро разошлось въ количествѣ почти двухъ съ половиной тысячъ, но публика была нѣсколько разочарована. Хотя Жуковскій прочиталъ романъ «въ одинъ почти присѣстъ», какъ онъ самъ писалъ Загоскину, но и онъ находилъ

кое-что невѣрнымъ. Другіе же предубѣждены были противъ романа за самый выборъ темы, говоря, что трудно, невозможно писать романисту о томъ, что всѣмъ извѣстно, что слишкомъ еще близки впечатлѣнія отъ пережитой эпохи и что, наконецъ, самое происшествіе, около котораго вращается содержаніе романа, будучи всѣмъ извѣстнымъ, не могло произвести полнаго впечатлѣнія. С. Т. Аксаковъ говорилъ, что написать картину 12 года — мысль необдуманно смѣлая, и, передавая свои впечатлѣнія по поводу новаго произведенія Загоскина, объяснялъ отрицательное отношеніе къ нему тѣмъ, что авторъ, заставивъ участвовать въ романѣ еще живыхъ участниковъ войны, какъ бы заставилъ ихъ смотрѣть на кукольную комедію. Но романъ заслуживаетъ безусловно вниманія, какъ первая попытка дать широкую панораму русской жизни въ эпоху Отечественной войны; передъ читателемъ проходятъ сцены не только военныя, но и мирныя, такъ сказать. Помѣщичья жизнь съ ея шумными обѣдами, разными развлеченіями, охотой — и тутъ же народное возбужденіе, военныя событія, свѣтская жизнь, похожденія гвардейской молодежи и различныя настроенія въ средѣ дворянской интеллигенціи, Россія при французахъ и заграничные походы, — все это связывалось въ весьма стройную цѣпь событій, объединенныхъ рѣзко выраженной націоналистической идеей и весьма искусно скованныхъ любовной фабулой о судьбѣ героя, душевная жизнь котораго была разбита дѣвушкой, полюбившей врага своей родины. Многіе типы очерчены прекрасно, нѣкоторыя сцены, напримѣръ, пожаръ Москвы, прямо драматичны, множество людей разнаго званія, взглядовъ, схвачено очень живо — и шумная эпоха въ столицахъ и въ деревнѣ, на бивакѣ и въ барскомъ имѣньѣ встаетъ въ романѣ Загоскина, сохраняя историческое правдоподобіе. Но портитъ все крайне односторонняя точка зрѣнія автора, слишкомъ прямолинейно разрубившаго затянувшійся узелъ свершавшихся тогда событій: у него какъ-то наивно дѣлятся враждующіе станы на добродѣтельныхъ и богомерзкихъ, героевъ дѣйствительныхъ и надутыхъ. Тенденціозное освѣщеніе эпохи ярко сказывается во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ романа, гдѣ появляются русскіе и французы: на однихъ сразу чувствуется авторское благословеніе, по адресу другихъ несутся проклятія и нескрываемая радость, что партизанъ Фигнеръ (мрачный артиллерійскій офицеръ) настрѣлялъ цѣлую груду непріятелей.

Если сдѣлать усиліе и отбросить навязываемую авторомъ «мораль», отъ романа останутся многія страницы, отъ которыхъ вѣетъ эпохой, «мѣстнымъ колоритомъ». Но какъ онѣ блѣднѣютъ, какъ весь загоскинскій романъ разсыпается только на отдѣльныя блестки, когда обращаешься къ неоконченной повѣсти Пушкина, начатой въ 1831 году и называвшейся также «Рославлевъ». Что за чудесныя картины, полныя подлинной правды жизни, чуждыя какой бы то ни было фальшивой идеологіи! Вотъ настоящее искусство, геніальный взмахъ мастера-художника!.. Пушкинъ, повидимому, намѣревался сдѣлать то же, что Загоскинъ: сохранять фабулу — любовь русской дѣвушки къ французу, захватить какъ «войну», такъ и «миръ» той эпохи. Но какое различіе въ трактованіи темы, какое свободное, дѣйствительно «пушкинское» отношеніе къ замыслу. Мы не говоримъ о манерѣ письма, составленіи характеристикъ и тому подобномъ эстетическомъ инвентарѣ: Пушкинъ и Загоскинъ здѣсь, конечно, несоизмѣримы...

Взрывъ патріотизма, всеобщая потрясенность и рѣзко выраженное чувство гражданственности — весь этотъ шаблонъ, установившійся въ нашей литературѣ по отношенію къ 12 году и вскрытый нами въ отмѣченныхъ выше произведеніяхъ, подъ перомъ Пушкина разсѣивается и значительно блекнетъ: иконописная живопись его предшественниковъ замѣнилась въ его повѣсти красочностью реальной жизни, и розовый флеръ, когда-то накинутый на событія, вдругъ прорвался, показывая тѣни жизни не только доблестныхъ рыцарей, но и просто людей съ обычными слабостями, страстями, не покидавшими ихъ и въ сильные моменты, трагическія минуты для общества, для родины. Въ центрѣ пушкинской повѣсти — Полина, дѣвушка съ сильно выраженной индивидуальностью, самостоятельная, не терпящая фальши, громко заявляющая о своихъ правахъ, какъ женщины, могущей играть не меньшую общественную роль, чѣмъ мужчины, и возмущающаяся той средой, гдѣ она вынуждена вращаться. 12 годъ захватываетъ ее, она не можетъ равнодушно слушать свою подругу, когда та выразила желаніе успокоить взволнованный патріотическій пылъ Полины и не нашла ничего лучше сказать, что не дѣло женщинъ кричать о политикѣ, о Бонапартѣ.

Полина негодующей рѣчью возразила ей: «Глаза ея засверкали. «Стыдись,—сказала она,—развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужьевъ?

развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экозесахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ. Нѣтъ, я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное или даже на сердце хоть одного человѣка. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на m-me de Staël. Наполеонъ боролся съ ней, какъ съ непріятельской силою. А Шарлотъ Кордэ? А наша Марѳа Посадница? А княгиня Дашкова?» Полину возмущаетъ свѣтское общество, его пустота, безыдейность. Она сгорала отъ стыда на обѣдѣ въ честь мадамъ Сталь, когда русскіе «умники» ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были болѣе довольны ухою хозяина, чѣмъ бесѣдой французской знаменитости. «Я въ отчаяніи! — восклицала она: — какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность и только»... Событія 12 года поверхностно взволновали высшій дворянскій кругъ: до вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи «тогдашніе умники превозносили его съ фанатическимъ подобострастіемъ и шутили надъ нашими неудачами, говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ и, шутя, предсказывали Россіи участь Рейнской конфедераціи», а когда нашествіе французовъ стало фактомъ, когда «народъ ожесточился», свѣтскіе балагуры присмирѣли, дамы вструхнули; — «гостиныя вдругъ наполнились патріотами. Кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ заклялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія губерніи». Подобная перемѣна и трусость дворянства выводили Полину изъ терпѣнія. Вынужденная вмѣстѣ съ другими москвичами выѣхать изъ города, къ которому приближался непріятель, Полина тосковала въ деревнѣ, она интересовалась только политикой, ничего не читала, кромѣ газетъ, Ростопчинскихъ афишъ, «шутовской слогъ» которыхъ, между прочимъ, казался ей «верхомъ неприличія». «Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россіи, разсчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ», и, наконецъ, отчаявшись въ спасеніи Россіи,

рѣшилась на смѣлый до необычайнаго шагъ: она намѣревалась «уйти изъ деревни, явиться во французскій лагерь, добраться до Наполеона и тамъ убить его изъ своихъ рукъ». Хотя подруга и убѣдила Полину въ безумствѣ такого предпріятія, но «мысль о Шарлотѣ Кордэ долго не оставляла ее».

Такова эта необыкновенная дѣвушка, выигрывающая въ своемъ героизмѣ, красотѣ и цѣльности своей личности отъ сосѣдства съ прочими персонажами пушкинской повѣсти. Въ то время, какъ Полина «томилась, впала въ глубокое уныніе», читая извѣстія о грозныхъ событіяхъ, ея отецъ, заслуженный, но легкомысленный человѣкъ, «только и думалъ, чтобы жить въ деревнѣ, какъ можно болѣе по-московскому, давалъ обѣды, завелъ theatre de societe, гдѣ разыгрывались французскія proverbes, и всячески старался разнообразить удовольствія»; другіе сосѣди не отставали отъ него, то «труся», то «глупо хвастаясь»... Мы не знаемъ дальнѣйшаго плана повѣсти Пушкина, но достаточно ознакомиться съ тѣмъ отрывкомъ, который дошелъ до насъ, чтобы видѣть, какъ широко хотѣлъ авторъ захватить русскую жизнь и какъ далекъ онъ былъ отъ пріукрашенія дѣйствительности, отъ квасного патріотизма всѣхъ своихъ предшественниковъ. Былъ, впрочемъ, одинъ писатель, подошедшій къ той же темѣ оригинально, необычно, проникнутый такимъ своеобразнымъ сравнительно съ большинствомъ нашихъ авторовъ гражданскимъ настроеніемъ, что его замыселъ смѣло можно поставить въ одну линію съ повѣстью Пушкина. Мы имѣемъ въ виду относящійся къ 1822 году планъ драмы Грибоѣдова «1812 годъ», гдѣ должны были находиться картины начала войны, взятія Смоленска; Бородино, обозъ раненыхъ; Наполеонъ въ Кремлѣ, размышляющій «о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ; улицы Москвы, пылающіе дома, сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ; село подъ Москвой, преслѣдованія непріятелей и т. д.» Героемъ драмы былъ нѣкто М*, крестьянинъ-герой. На фонѣ «отличій, искательствъ», «всеобщаго ополченія безъ дворянъ», «трусости служителей правительства» рисуются его «подвиги». Но вотъ война окончена: «М* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается восвояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію». Эпилогъ драмы оканчивается трагически: жизнь, начинавшая входить въ колею, въ основахъ своихъ не измѣнилась, опять стала полна «прежнихъ мерзостей»,

«М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе... самоубійство». Замыселъ Грибоѣдова давно оцѣненъ историками литературы, какъ цѣнный документъ современника, вскрывающій эпоху Отечественной войны съ народно-общественной стороны, съ той точки зрѣнія, которая большинству, вѣроятно, была частью недоступна, частью вовсе не представлялась.

Итакъ, чѣмъ же величавый 12 годъ отмѣченъ былъ въ современной литературѣ, въ литературномъ сознаніи его очевидцевъ? Пыпинъ когда-то отвѣтилъ на этотъ вопросъ, сказавъ, что «двѣнадцатый годъ оставилъ въ современной литературѣ замѣчательно малый слѣдъ, не отвѣчающій его историческому значенію». Дѣйствительно, крикливая лирика, за исключеніемъ стихотвореній Батюшкова, не блеснувшая не однимъ художественнымъ образомъ, вся въ тонахъ минувшаго XVIII вѣка, риторически «воспѣвшая» жизнь, односторонне выразившая общественныя настроенія; томы анекдотовъ, возродившихъ въ миніатюрѣ старинную «умильную и украшенную повѣсть», гимны и диѳирамбы, скрывавшіе подлинную дѣйствительность и не замѣчавшіе оборотной стороны событій, — вотъ, кажется, все, что создала современная словесность. Незавершенная повѣсть, планъ, набросокъ, нѣсколько стихотвореній,— итоги позднѣйшаго творчества современныхъ Отечественной войнѣ писателей. Если первыхъ великое множество, въ рядахъ настоящихъ художниковъ только двое — Пушкинъ, Грибоѣдовъ. Но ихъ проницательный умъ, ихъ чувство правды, свободное отношеніе къ «священнымъ тѣнямъ» знаменитой эпохи покрываются гуломъ «лироэпическихъ» писателей, воспѣвшихъ славу всему и всѣмъ и вынесшимъ изъ пережитого потрясенія только «пламенную вѣру въ богоизбранность русскаго народа», не замѣчая, какъ крѣпостная Россія мало соотвѣтствовала данной идеологіи и какъ «прежнія мерзости» водворялись на «русскомъ Сіонѣ»....

Н. Бродскій.

Конецъ Наполеона.

I. Борьба за гегемонію въ Европѣ.

Недѣлю спустя послѣ перехода чрезъ Березину Наполеонъ покинулъ свою армію: онъ спѣшилъ въ Парижъ, организовать новую армію на смѣну погибшей въ снѣгахъ россійскихъ.

Однако даже теперь, —теперь, послѣ великой катастрофы, прусское правительство и король Фридрихъ-Вильгельмъ II сразу не могли прійти къ опредѣленному рѣшенію. Австрія заняла выжидательное положеніе — вспомогательный корпусъ Шварценберга отступилъ предъ русскими войсками и даже отдалъ Варшаву. Суровый прусскій генералъ «старый волкъ» фонъ-Іоркъ, командовавшій прусскимъ вспомогательнымъ корпусомъ сразу очутился между двухъ огней: съ одной стороны, въ немъ заискивали французы, съ другой— перезывали на свою сторону русскіе. Не получая инструкцій изъ Берлина, Іоркъ рѣшился дѣйствовать самостоятельно и заключилъ близъ Таурогена договоръ съ генераломъ Дибичемъ, уполномоченнымъ русскаго императора. По этой конвенціи онъ обязывался сохранять нейтралитетъ до королевскаго распоряженія, а въ случаѣ если король все же велитъ присоединиться къ французской арміи, — въ теченіе 2 мѣсяцевъ не принимать участія въ войнѣ. Межъ тѣмъ озлобленіе противъ французовъ охватило уже широкіе слои прусскаго населенія: офицеры, возвращавшіеся изъ Россіи, читали недоброжелательство на лицахъ своихъ возницъ, трактирщиковъ и случайныхъ прохожихъ. Въ Кенигсбергѣ собрался сеймъ Восточно-прусской провинціи, который рѣшилъ немедленно же мобилизовать ландверъ и ландштурмъ. Въ началѣ февраля и король, уступая общему воинственному одушевленію, издалъ указъ, призывая образовать вольные отряды егерей и объявляя всеобщую мобилизацію. Патріотическое напряженіе достигло крайней степени: по-

пулярнѣйшіе профессора, любимѣйшіе поэты становились въ ряды волонтеровъ. Университеты, гимназіи опустѣли: гимназисты старшихъ классовъ, студенты, чиновники, — всѣ спѣшили зачислиться въ армію. Калишскій договоръ 28 февр. 1813 г. полагалъ начало тѣсному оборонительному и наступательному союзу между Пруссіей и Россіей для войны съ Наполеономъ. Прусскіе патріоты со Штейномъ во главѣ разсчитывали поднять всю Германію — сдѣлать борьбу съ Наполеономъ народнымъ дѣломъ.

Наполеонъ межъ тѣмъ лихорадочно готовился къ войнѣ. Скоро болѣе полумилліона французовъ стояло подъ ружьемъ, правда, въ ихъ числѣ было немного старыхъ солдатъ, и до 80.000 національныхъ гвардейцевъ. Но вассалы остались вѣрны своему сюзерену, несмотря на Березину. Итальянцы, мечтавшіе о «единой Италіи», вюртембержцы, баденцы, рейнцы, баварцы, саксонцы держались подъ орлами стараго владыки, хоть и пошатнулись сперва иные изъ нихъ при горькихъ вѣстяхъ о тяжкихъ пораженіяхъ.

Наполеонъ не сомнѣвался въ побѣдѣ и оставилъ сильные гарнизоны въ крѣпостяхъ по Вислѣ, Одеру и Эльбѣ. Онъ думалъ пробить себѣ дорогу къ Данцигу, гдѣ крѣпко держался Раппъ съ 30.000 чел., и повторить побѣдоносную кампанію 1807 г. Уже 25 апрѣля онъ находился въ Наумбургѣ въ Саксоніи во главѣ 170.000 арміи; но лишь треть ея состояла изъ французовъ, остальные были войска нѣмецкихъ союзниковъ. Бой при Люценѣ показалъ все превосходство военнаго генія Наполеона и доказалъ, что новыя войска одушевлены тѣмъ же жаромъ и доблестью, какъ и «великая армія», но побѣда надъ «мужиками нѣмецкими и русскими» была дорогой цѣной куплена: ни пушекъ, ни плѣнныхъ не досталось побѣдителю. Впрочемъ, у него почти не было кавалеріи, чтобъ преслѣдовать отступающаго врага. «Эти животныя кое-чему научились», воскликнулъ императоръ, видя яростное сопротивленіе союзниковъ. Прошло три недѣли, и снова, по настоянію императора Александра I, у Бауцена встрѣтились враги. Съ трудомъ, лишь благодаря удачному отступленію Блюхера, ушли союзники изъ желѣзныхъ тисковъ маршала Нея — и то же цѣпкое упорство отмѣтило отступленіе: «Какъ, ни трофеевъ, ни плѣнныхъ? послѣ такой бойни?» гнѣвно говорилъ императоръ. Новаго сраженія Наполеонъ не добивался — послѣднюю карту свою осторожно кладутъ на столъ.

Думая разъединить союзниковъ, Наполеонъ согласился на перемиріе; но надежды его обманули — и Австрія стала въ ряды его враговъ: Наполеонъ не согласился уступить своему тестю часть завоеванныхъ у него провинцій въ войны 1805 — 9 гг. Словно вокругъ хищнаго звѣря собрались охотники: въ центрѣ богемская или главная армія: 254.000 австрійцевъ, русскихъ и пруссаковъ подъ командой Шварценберга, съ сѣвера — сѣверная армія: 126.000 пруссаковъ и шведовъ подъ командой Бернадотта, бывшаго наполеоновскаго маршала, теперь наслѣднаго принца шведскаго, наконецъ силезская армія подъ командой Блюхера изъ 105.000 русскихъ и пруссаковъ. Наполеонъ двинулся противъ «старой лисицы» Блюхера — но въ это время австрійская армія стала грозить ему зайти въ тылъ и принудила его повернуть назадъ. Оставленный противъ Блюхера Макдональдъ не могъ справиться съ силезской арміей и потерпѣлъ жестокое пораженіе 26 августа — при Кацбахѣ. «Наполеонъ въ чернильницѣ», писалъ Блюхеръ женѣ.... Еще раньше Макдональда Удино былъ разбитъ при Гросбееренѣ Бюловымъ и Тотенциномъ. При Дрезденѣ послѣдній разъ яркимъ свѣтомъ блеснула закатывавшаяся звѣзда наполеоновскаго счастья. Принудивъ Блюхера отступить за Кацбахъ, онъ обратился противъ Шварценберга и отбросилъ его за Богемскія горы съ огромными потерями; но тѣмъ временемъ корпусъ Вандама былъ разбитъ и уничтоженъ въ Чехіи при Кульмѣ, а затѣмъ и Ней при Денневицѣ. Наконецъ Іоркъ при Вартенбургѣ прорвался чрезъ Эльбу, служившую барьеромъ для императора.

Наполеонъ долженъ былъ или отступать къ Рейну или сражаться тамъ, гдѣ захотятъ союзники. Но отступленіе было гибельно для рейнскаго союза и нѣмецкихъ вассаловъ императора. На поляхъ Лейпцига произошла послѣдняя борьба. 3 дня шелъ ожесточенный бой, и, наконецъ, союзники оттѣснили императора къ Лейпцигу. Отступленіе стало неизбѣжнымъ, тѣмъ болѣе, что послѣ этой битвы «народовъ» армія императора сразу уменьшилась на 40.000 человѣкъ, да и артиллерійскихъ снарядовъ осталось всего не болѣе 16.000. Въ самый разгаръ отступленія мостъ чрезъ Эльстеръ взлетѣлъ на воздухъ — войска Макдональда, Лористона, Рейнье и Понятовскаго, болѣе двухсотъ пушекъ оказались отрѣзанными отъ остальной арміи. Разстроенная армія густымъ потокомъ двинулась къ Рейну, теряя массу людей по дорогѣ отъ тифа и

Отъѣздъ Наполеона изъ Россіи.

(*Шельминскаго*).

дизентеріи. Нѣмецкіе князья оставили Наполеона: еще на поляхъ Лейпцига перешли саксонцы на сторону союзниковъ. Попытался баварскій генералъ Вреде загородить дорогу побѣжденной арміи, но былъ съ силой отброшенъ Наполеономъ при Ганау... Путь во Францію былъ открытъ...

II. Борьба за родину.

Пораженіями смѣнились побѣдные тріумфы. Бѣдность и разореніе тащились во Францію по пятамъ арміи, которая ежедневно таяла, приближаясь къ границамъ родины. Осенью 1813 года декреты императора призывали 796.000 чел. подъ ружье. А поля запускали подъ паръ, фабрики закрывались, чиновникамъ выплачивали лишь $^3/_4$ жалованья, новые налоги ложились бременемъ на населеніе. Рента падала. Звонкая монета была такъ рѣдка, что принуждены были отмѣнить старый законъ о ростовщичествѣ. Всѣ несли въ ломбардъ свое добро; всюду говорили о крахахъ; векселей на Германію было много, но кто въ нихъ порука? Полиція тщательно обыскивала лѣса въ погонѣ за дезертирами, гарнизонные солдаты становились постоемъ у матери бѣглаго солдата... На полѣ нерѣдко за плугомъ встрѣчалась женщина или ребенокъ — мужчины ушли на войну... И одна мысль жила въ груди горожанина и мужика — одна тихая мольба неслась къ подножью трона — «мира!»

Старое дворянство и часть буржуазіи уже громко роптали. Въ Сенъ-Жерменскомъ кварталѣ, населенномъ старыми роялистами, радостно пили «за *послѣднюю*» побѣду императора. Либералы палатъ и канцелярій громко говорили о деспотизмѣ императора и несбыточности его грезъ. Гнѣвные слова императора депутатамъ (1 января 1814 г.) лишь усилили недовольство крупной буржуазіи. Напрасно Наполеонъ торопилъ мобилизаціей, спѣшилъ изготовкой амуниціи, заготовкой провіанта. Не было ни денегъ, ни времени. Нашествіе застигло Францію врасплохъ. Многіе города сдались кучкѣ союзныхъ солдатъ безъ выстрѣла: Шомонъ былъ взятъ однимъ вюртембергскимъ кавалеристомъ. Желая избѣгнуть насилій, крестьяне спѣшили удовлетворить требованія завоевателей. «Нѣтъ болѣе энергіи во Франціи», пишетъ Коленкуръ. Префекты и ихъ подчиненные сознательно или неумышленно бездѣйствовали. Роялисты тамъ и сямъ прибивали афишки, взывая къ фран-

цузамъ, вѣрнымъ своему королю Людовику XVIII. Карикатуры сыпались дождемъ: вотъ казакъ вручалъ Наполеону визитную карточку императора Россіи... Оскорбительныя надписи появились на памятникахъ. Напрасно гремѣла марсельеза на улицахъ, — національная гвардія, дѣтище буржуазіи, разбѣгалась. Но народные слои еще поддавались очарованію императора. Молодые рекруты — часто совсѣмъ не умѣвшіе держать ружье, сразу были брошены въ огонь сраженій. Эти наивные «Маріи-Луизы» скоро становились на глазахъ своего императора стойкими солдатами. Парижскіе рабочіе предлагали свои руки императору во время его прогулокъ по Парижу. Остатокъ прежней арміи былъ ему вѣренъ.

Между тѣмъ населеніе, въ свою очередь, тоже поднималось противъ союзниковъ, раздраженное насиліями, грабежами и контрибуціями. Въ Шомонѣ велик. князь Константинъ Павловичъ взялся было помочь несчастному, домъ котораго грабили, но, увидя австрійскіе мундиры, сказалъ со смѣхомъ: «Ахъ! это солдаты тестюшки! мнѣ здѣсь нечего дѣлать». Пожары и насилія озлобили французскихъ мужиковъ: они взялись за вилы, старыя дробовики и устраивали настоящую охоту на враговъ. Женщины не отставали отъ мужчинъ. Горе отсталымъ, раненымъ и конвоирамъ, патрулямъ! Скоро это поняли и союзники.

Они сначала безъ труда гнали предъ собой маленькую французскую армію въ 46.000 чел., которая разъ въ 6 была слабѣе ихъ численностью. Битва при Труа, побѣда надъ самимъ Наполеономъ наполнила сердца союзниковъ гордой радостью. Александръ I сказалъ, отпуская генерала Рейнье послѣ размѣна плѣнныхъ: «Мы будемъ въ Парижѣ раньше васъ». Но императоръ успѣлъ загородить Парижъ. Союзники не посмѣли съ 150.000 дать сраженіе 70.000: они отступили и просили перемирія. И къ началу марта всюду — во Франціи, Испаніи, Италіи, Бельгіи—Франція бодро отбивалась отъ тѣснаго, но нерѣшительнаго напора всей Европы. Еще въ началѣ февраля открылись переговоры въ Шатильонѣ; если раньше Наполеонъ готовъ былъ на большія жертвы — отдать Бельгію и даже лѣвый берегъ Рейна, Италію и даже колоніи, — то теперь онъ съ негодованіемъ услышалъ требованіе союзниковъ — вернуться къ границамъ 1789 года и уступить, кромѣ того, крѣпости Бельфоръ и Безансонъ. На это не могъ согласиться Наполеонъ: «Я считаю себя обезче-

щеннымъ...—писалъ онъ Коленкуру.—Я желаю самъ поставить свой ультиматумъ»... Военныя дѣйствія возобновились.

Удино было разбитъ при Арсисъ-сюръ-Объ, и Блюхеръ двинулся на Парижъ, но скоро самъ принужденъ былъ уходить отъ Наполеона. Начались безконечные марши и контрмарши. Кровопролитный бой при Краоннѣ, пораженіе Блюхера истощили армію императора. Лишь раздоры среди союзниковъ, болѣзнь Блюхера и нерѣшительность Шварценберга и Бернадотта (въ Бельгіи) спасали маленькую армію.

Мирные переговоры въ Шатильонѣ безконечно тянулись, не приводя ни къ какому результату... императоръ попрежнему упрямо и гнѣвно отклонялъ всѣ совѣты заключить миръ и боролся съ напряженіемъ всѣхъ силъ за ускользающую власть. Союзники взяли Реймсъ, но быстрымъ движеніемъ императоръ вернулъ его, разбивъ наголову корпусъ Сенъ-При. Союзники были испуганы. «Это страшилище Наполеона, — говоритъ Ланжеронъ, — видѣли всюду. Онъ побивалъ насъ всѣхъ, одного за другимъ. Мы всегда боялись его смѣлыхъ предпріятій, быстроты его маршей, его ученыхъ комбинацій». Смѣлое движеніе Наполеона къ Объ еще болѣе испугало союзниковъ. Офицеры союзной арміи тревожно говорили о возстаніи крестьянъ въ Вогезахъ, о союзѣ швейцарцевъ съ Наполеономъ. На большомъ военномъ совѣтѣ богемской арміи рѣшено было отступать. Но едва Шварценбергъ успокоился, онъ рѣшился раздавить 30.000 Наполеона своей массой 100.000 человѣкъ. Послѣ двухдневнаго боя Наполеонъ успѣлъ прорваться сквозь непріятельскую армію. Тѣмъ временемъ Блюхеръ сталъ дѣйствовать. «Почему, о почему, — писалъ Бельяръ, — императору нельзя быть вездѣсущимъ?» Мортье и Мармонъ отступали тѣснимые пруссаками и русскими, угрожаемые австрійцами. Ожеро окончательно потерялъ голову и очистилъ Ліонъ. Двумя параллельными колоннами, каждая силой почти въ 10.000, двигались союзники на Парижъ. Наполеонъ рѣшилъ снова напасть на ихъ коммуникаціонную линію и увлечь ихъ за собой отъ Парижа. Тѣмъ временемъ по дорогѣ союзники сокрушили маленькіе корпуса Мортье и Мармона, загородившіе имъ было дорогу при Ферѣ-Шампенуазѣ. Переговоры въ Шатильонѣ были прерваны, и безпокойство водворилось въ императорской квартирѣ: «Куда идемъ?» «Что будетъ съ нами?» Еще разъ раздавилъ Наполеонъ корпусъ Винцингероде при Сенъ-Дизіе, какъ вдругъ 27 марта

онъ увѣряется въ страшной новости: союзники рѣшительно идутъ на Парижъ и опередили его уже на три дня. Еще и теперь предлагали ему вѣрные поднять народную войну въ восточныхъ провинціяхъ — вооружить крестьянъ, озлобленныхъ противъ иноземцевъ, еще можно было стянуть вѣрныхъ солдатъ. Но опасенія потерять Парижъ, опору новой династіи, превозмогло: бросивъ войско, въ почтовой каретѣ помчался онъ къ Парижу, думая опередить враговъ. Два часа пути отдѣляли его отъ столицы, когда пришло извѣстіе о сдачѣ Парижа.

Въ Парижѣ управляла императрица при содѣйствіи Іосифа, намѣстника императора, совѣта, канцлера и министровъ. Но на самомъ дѣлѣ и здѣсь императоръ изъ своего далека руководилъ всѣмъ безконтрольно и полновластно. Самодѣятельность этой бюрократіи давно была сломана императоромъ. Уже тогда, когда императоръ былъ на Обѣ, Парижъ сталъ центромъ роялистскихъ интригъ. Глава недовольныхъ, Талейранъ, мечталъ сдѣлаться регентомъ малолѣтняго короля римскаго. Для этого нужна была смерть императора. Талейранъ поговаривалъ, что для спасенія всѣхъ существуетъ единое средство—убить императора. Роялисты сговорились съ ловкимъ интриганомъ. Роялистскіе памфлеты и афиши умножаются и обѣщаютъ великія милости за измѣну Наполеону. Между тѣмъ населеніе теряло голову, не зная чему вѣрить — хвастливымъ ли бюллетенямъ императора или не менѣе хвастливымъ реляціямъ англійскихъ газетъ, запугивавшихъ къ тому же французовъ разрушеніемъ Парижа. Все, что было годнаго для войны, было отослано въ армію. Лишь маленькая кучка старыхъ солдатъ да 11.500 національныхъ гвардейцевъ, съ плохимъ, никуда не годнымъ вооруженіемъ составляли защиту столицы. Арсеналы были пусты — рабочіе хотѣли сражаться, но ружей не было; пушки были, но не было артиллеристовъ. 29 марта императрица съ сыномъ покинули Парижъ. Паника овладѣла населеніемъ. 30 марта забили рано утромъ барабаны тревогу. Несмотря на храбрую защиту Мармона, Монсея и Мортье, Парижъ принужденъ былъ капитулировать. Радость роялистовъ была неописуема. Они немедленно организовали манифестаціи въ честь Бурбоновъ. Но населеніе встрѣтило ихъ враждебно и въ иныхъ мѣстахъ даже избивало наиболѣе рьяныхъ крикуновъ. 31 марта союзные монархи при громкихъ ликованіяхъ роялистовъ и эмигрантовъ совершили свой въѣздъ въ Парижъ. Наполеонъ со своими войсками остановился въ Фон-

тенебло и началъ переговоры съ императоромъ Александромъ чрезъ Коленкура. Но императоръ русскій, который былъ уже подготовленъ Талейраномъ, усердно сплетавшимъ вокругъ него хитрую дипломатическую сѣть, требовалъ отреченія отъ престола. Въ Парижѣ было организовано временное правительство, во главѣ котораго сталъ Талейранъ. Сенатъ послушно утвердилъ самочинныхъ правителей. Они немедленно избрали себѣ министровъ изъ своихъ друзей. Эмигранты, раздѣлявшіе планы Талейрана, захватили въ свои руки газеты, чтобы рядомъ памфлетовъ и статей добить императора, котораго теперь звали презрительно уже «Николай» «толстякъ Николай, генералъ Николай». Собравшіеся депутаты законодательнаго корпуса санкціонировали низложеніе Наполеона. Дѣло павшаго императора, казалось, еще не было потеряно: солдаты и старая гвардія и сейчасъ готовы были умереть за него, — союзники не рѣшались напасть на тѣ 60.000 штыковъ, которые были въ распоряженіи Наполеона. На помощь имъ пришла измѣна Мармона. Онъ перешелъ на сторону союзниковъ со своимъ корпусомъ. Другіе маршалы, рѣзко требовали отъ императора отреченія. Уже въ 1813 г. нѣкоторые изъ генераловъ откровенно заявляли: «Ваши генералы желаютъ покоя, чтобы наслаждаться благодѣяніями вашего величества. До сей поры у нихъ не было для этого времени»... Послѣ короткаго пререканія Наполеонъ уступилъ. Но измѣна Мармона заставила императора Александра отказаться отъ первоначальнаго намѣренія возвести на престолъ сына Наполеона. Онъ перешелъ на сторону Талейрана, дѣятельно хлопотавшаго въ пользу Людовика, графа Прованскаго. Наполеонъ долженъ былъ отречься отъ престола за себя и своихъ наслѣдниковъ и получалъ въ управленіе островъ Эльбу съ титуломъ императора. Теперь генералы наперерывъ стремились выразить свою привязанность къ новому владыкѣ, королю Бурбону.

Почти всѣ оставили бывшаго императора — даже его мамелюкъ Рустанъ. Наполеонъ простился со своей старой гвардіей и, сопровождаемый комиссарами союзныхъ державъ, поѣхалъ на предназначенный ему островокъ. Чѣмъ дальше двигался онъ къ югу, тѣмъ злобнѣе становились манифестаціи роялистовъ, которые теперь тѣшились своей побѣдой и вымещали свои старыя обиды на врагахъ. Чтобъ укрыться отъ слѣпой ярости толпы, онъ долженъ былъ надѣть австрійскій мундиръ и прицѣпить бѣлую кокарду — кокарду ненавист-

ныхъ Бурбоновъ. 4 мая на англійскомъ кораблѣ достигъ онъ берега своего маленькаго царства — Эльбы. «Это будетъ островъ покоя», говорилъ онъ, уѣзжая изъ Франціи. И здѣсь онъ, казалось, хотѣлъ забыться въ безустанной работѣ: быстро сорганизовалъ маленькое правительство и миніатюрную армію въ 1.600 человѣкъ слишкомъ, преобразовалъ налоговую систему, таможенные сборы, устроилъ лазаретъ, построилъ театръ, исправилъ украшенія, ремонтировалъ казармы, насадилъ виноградники, завелъ шелковичныхъ червей, выкопалъ оросительныя канавы, насаживалъ аллеи тутовыхъ деревьевъ, проводилъ дороги. Словомъ, стремился создать подобіе маленькаго государства съ послами иностранныхъ державъ при дворѣ. Лишь одно горе было у императора — Марія-Луиза упорно не ѣхала къ нему, да и сына ея не пускали къ отцу. Денегъ, которыя ему обѣщали платить изъ французской казны, не выдавали. Державные государи начинали опять бояться Наполеона — даже въ изгнаніи. Талейранъ, дрожавшій за свою судьбу, давно подавалъ мысль упрятать опаснаго человѣка подальше, куда-нибудь на пятьсотъ миль отъ материка въ глубь Атлантическаго океана... Скоро и изъ Франціи стали приходить странныя вѣсти; Италія ждала сигнала, чтобы снова подняться противъ австрійцевъ. И часто Наполеонъ говаривалъ просившимъ объ отставкѣ: «Потерпите зиму... Придумаемъ какъ провести весну попріятнѣе»... Зоркіе шпіоны давно уже учуяли, что задумывается недоброе — и дѣйствительно, горячій сторонникъ Наполеона Флери де-Шабулонъ тайкомъ пріѣхалъ къ императору донести о томъ, что дѣлается во Франціи.

III. Сто дней.

При громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ въѣхалъ Людовикъ XVIII, какъ онъ себя сталъ теперь называть, въ Парижъ. «Самое важное сдѣлано», говорилъ онъ своимъ придворнымъ... На дѣлѣ было иное: армія въ полной анархіи — въ 2 мѣсяца 180.000 дезертировало — остальные грозили возстаніемъ. Горожане и въ особенности крестьяне устраивали шумныя манифестаціи въ честь павшаго императора. Бѣлая кокарда, бѣлое знамя съ золотыми лиліями приводили въ ярость населеніе: крестьяне боялись возстановленія десятины и феодальныхъ повинностей; три-четыре милліона владѣльцевъ національныхъ имуществъ встревожились за участь своего добра. Ван-

дейцы, озлобленные строгимъ собиранiемъ налоговъ, готовы были разстрѣлять сборщиковъ — «мы сражались за короля», твердили они: «налоги всѣ упразднены». Правда, буржуазiя, высшее офицерство, политики, финансисты, адвокаты были за короля, но масса была настроена враждебно и подозрительно.

Миръ не успокоилъ недовольныхъ: вѣдь онъ въ сущности установился уже два мѣсяца. Конституцiя, дарованная королёмъ тоже мало повлiяла на успокоенiе народной массы и лишь вызвала ропотъ бонапартистовъ и либераловъ. Декретъ о строгомъ соблюденiи праздниковъ и воскресенья раздражалъ мелкую буржуазiю.

Но всего болѣе недовольныхъ создали финансовыя мѣры. Денегъ въ государственной казнѣ не было: пришлось продавать общинныя земли, лѣса, да еще платить $^0/_0$ за большой долгъ въ 500 — 600 миллiоновъ. Правительство короля, сокращая расходы, рѣшило сократить составъ армiи и флота: 10 — 12 тысячъ офицеровъ были уволены въ отставку или переведены въ запасъ на половинное жалованье, т.-е. почти обречены на пищу св. Антонiя. Въ то же время создали особый отрядъ королевской лейбъ-гвардiи (изъ 6.000 офицеровъ — большей частью изъ прежнихъ роялистовъ и эмигрантовъ), на который шло 20,390.000 франковъ. Все, что таилось теперь во время имперiи бездарнаго, выступило съ заявленiями своего горячаго роялизма и требовало награды за истинномонархическiя мысли или пожеланiя. Обѣднѣвшiе эмигранты стали серьезно добиваться возвращенiя имуществъ, распроданныхъ во время революцiи: «Пусть его величество даетъ мнѣ двѣ роты гвардейцевъ, — похвалялся одинъ, — я пройду всю Францiю и заставлю покупщиковъ вернуть намъ то, что они забрали». Въ самой семьѣ короля его братъ герцогъ д'Артуа и сестра, его сынъ подстрекали къ рѣшительнымъ мѣрамъ въ пользу эмигрантовъ и духовенства и своимъ поведенiемъ, рѣчами еще болѣе озлобляли населенiе. Министры разногласили: «есть министры и нѣтъ министерства», писалъ Веллингтонъ. Фавориты подкапывались подъ министровъ и интриговали. Словомъ, наверху также царила анархiя. Мало-по-малу стали проявляться зловѣщiе признаки возмущенiя: солдаты пѣли и говорили о «Бритомъ» — «Отцѣ фiалкѣ». Часто раздавалось громовое «Vive l'empereur», на счетъ короля отпускали грубыя шуточки при учебной стрѣльбѣ: «шестнадцатый... семнадцатый... восемнадцатый... какъ свинья!» Играя въ карты солдаты

говорили «трефовая свинья», «бубновая свинья»... Вернулись старые плѣнные солдаты — изъ одной Англіи 69.554 чел. Они были слѣпо преданы бывшему императору: «Мы посылаемъ вамъ отвратительныхъ плѣнниковъ, — писалъ русскій генералъ Ланжеронъ: — это сущая чума». Пришельцы тотчасъ всерьезъ стали отстаивать Наполеона кулаками и грубо оскорбляли королевскихъ пѣхотинцевъ: «Эхъ вы! продали свое знамя за стаканъ водки!..» Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ смутьяновъ симпатіи къ императору разрастались въ деревнѣ — имя его окутывалось сіяющимъ ореоломъ. Продаютъ бойко бонапартистскія пѣсенки — трубы военныхъ оркестровъ сами собой играютъ: «Il reviendae». Имя императора дѣлается символомъ, фетишемъ скрытаго фанатическаго обожанія. На бульварахъ пьютъ за «его здоровье». Масса бездѣлушекъ съ потайнымъ изящнымъ портретомъ императора выпускается на рынокъ. Насмѣшки, грубыя остроты сыплются дождемъ на эмигрантовъ, духовенство, министровъ. Сатирическія карикатуры на короля продавались открыто, но нельзя было достать карикатуръ на императора. Между тѣмъ и въ палатѣ депутатовъ либеральная оппозиція, недовольная полууступчивостью правительства, образовала солидное меньшинство. Палата депутатовъ, подчеркивая свое уваженіе къ хартіи, выказывала ненависть къ произволу устами этой сплоченной оппозиціи. Новый военный министръ Сультъ своей угодливостью придворной камарильѣ скоро вызвалъ сильное раздраженіе въ военныхъ кругахъ. Маршалы, наперерывъ спѣшившіе заявить о своей преданности королю, теперь неоднократно оскорблялись надменнымъ обращеніемъ придворныхъ съ ихъ женами. «Эти люди не понимаютъ ничего!» кричалъ Ней въ раздраженіи. Угрозы и оскорбленія дворянъ и провинціальныхъ кюре еще болѣе раздражало населеніе. Тамъ и сямъ поговаривали уже о возвращеніи Бонапарта, и прозорливый интриганъ, бывшій якобинецъ и членъ конвента Фуше, уже задумывалъ переворотъ въ пользу Людовика-Филиппа Орлеанскаго. Общая ненависть объединяла людей самыхъ противоположныхъ убѣжденій. Старый гвардейскій генералъ Шуаръ рѣзко выразилъ это общее чувство по-солдатски: «Для меня все равно, лишь бы убралась эта толстая свинья»...

Дворянство было раздражено противъ умѣренной политики короля, буржуазія боялась и не довѣряла, народъ былъ встревоженъ и озлобленъ, казармы полны мятежнаго духа,

Въѣздъ союзныхъ войскъ въ Парижъ.
(Совр. гравюра).

либералы въ палатѣ готовы къ упорной борьбѣ, бонапартисты и старые якобинцы готовы къ заговору,—вотъ какое настроеніе Франціи открылось предъ Наполеономъ изъ донесеній его добровольныхъ и недобровольныхъ агентовъ. Онъ рѣшился и покинулъ островъ Эльбу съ 1.100 человѣкъ и 4 пушками на бригѣ «Непостоянный» и четырехъ маленькихъ суденышкахъ.

1 марта 1815 года высадились въ заливѣ Жуанъ. Подъ командой Камбронна маленькій корпусъ медленно двинулся въ путь къ Каннамъ и Грассъ. Императоръ самъ шелъ пѣшкомъ, опираясь на трость.

Въ Тюльери извѣстіе о высадкѣ Бонапарта не вызвало никакой тревоги. Были приняты мѣры сразу задавить превосходными силами кучку смѣльчаковъ и покончить «съ безумнымъ авантюристомъ». «Все кончится чрезъ недѣлю», писали другъ другу роялисты. «Попался Бонапартъ въ мышеловку», смѣялся старый Массена. Одинъ капитанъ писалъ пріятелю: «Упустили мы чудовище; да полковникъ пообѣщалъ 50 луидоровъ тому солдату, который его убьетъ».

Въ узкомъ проходѣ Лаффре встрѣтилъ отрядъ Наполеона высланный навстрѣчу линейный батальонъ и роту саперовъ. «Пли», напрасно командовалъ капитанъ. Солдаты словно оцѣпенѣли и, услыша слова Наполеона, который шелъ къ нимъ, полуоткрывая свой сѣрый сюртукъ: «Если есть среди васъ солдатъ, способный убить своего императора, вотъ я!» — громовымъ «Vive l'empereur» огласили воздухъ. Капитанъ не рѣшился самъ стрѣлять и ускакалъ. Послѣ этого походъ превратился въ тріумфальное шествіе. Съ громкими кликами радости привелъ полковникъ Лабедуайеръ свой полкъ къ императору. Гренобль открываетъ ворота императору. Его несутъ въ безумной радости на рукахъ солдаты. «До Гренобля,—говаривалъ Наполеонъ на о-вѣ св. Елены,—я былъ авантюристомъ; съ Гренобля — государемъ». Всѣ расчеты роялистовъ рушились, какъ карточный домикъ. Маршаламъ, взявшимъ на себя порученіе изловить Наполеона, пришлось спасаться бѣгствомъ отъ своихъ же солдатъ.

Правда, буржуазія рѣзко перемѣнила настроеніе — и національная гвардія шумно привѣтствовала короля. Маршалы были возмущены и рѣзко высказывали свое негодованіе противъ «авантюриста, кровопійцы, безумнаго разбойника», но крестьянство и рабочіе стояли за императора, видя въ немъ

залогъ того, что феодальныя повинности стараго режима не вернутся никогда.

Провинція явно бунтовала. Арміи, у всѣхъ на глазахъ, открыто переходили на сторону императора. Бурный Ней въ первомъ порывѣ предложилъ королю Людовику XVIII привезти Бонапарта въ желѣзной клѣткѣ, но вскорѣ самъ поддался общему энтузіазму и присоединился къ императору. И король рѣшился бѣжать, несмотря на моральную поддержку палаты депутатовъ, въ Бельгію со своимъ семействомъ и министрами.

Оставалось только создать седьмую коалицію противъ Франціи, на что Талейранъ, бывшій полномочнымъ посломъ Франціи на «танцующемъ» конгрессѣ, и направилъ всѣ силы своего изворотливаго ума.

Противники Наполеона готовились къ войнѣ.

Наполеонъ вернулся въ Тюльери. Для него было ясно, что предстоитъ послѣдняя рѣшительная борьба. Онъ долженъ былъ обезпечить себѣ тылъ, укрѣпить за собой Францію. Онъ вступилъ на французскую почву какъ солдатъ революціи, «чтобы освободить французовъ отъ ига священниковъ и дворянства». Вновь стали воскресать въ жизни старые клубы и раздались революціонные возгласы. «Старая деревянная лошадь 92 года не сгорѣла», говорилъ генералъ Гюго. Но императоръ властнымъ зовомъ, поднявшій на ноги это страшное существо, самъ испугался его мрачнаго и суроваго облика, и заговорилъ о необходимости законной имперіи. Теперь онъ открещивался отъ революціи и боялся заградить себѣ дорогу къ миру съ коалиціей, союзомъ, съ революціоннымъ терроромъ. Но тысячи голосовъ заставляли его отказаться отъ прежняго абсолютизма. Онъ рѣшилъ дать новую конституцію, чтобъ примирить съ собой либеральную буржуазію. Добавочныя статьи, опубликованныя 1-го мая, представляли послѣднюю попытку Наполеона сочетать старыя учрежденія имперіи съ идеями либерализма, представителемъ котораго былъ въ то время Бенежаменъ Констанъ. Новая конституція не удовлетворила ни ярыхъ бонапартистовъ, ни тѣмъ болѣе роялистовъ, ни, наконецъ, либераловъ. Масса смутно ждавшая демократической конституціи была разочарована. Думая угодить всѣмъ, императоръ не угодилъ никому. Старые якобинцы отъ него отвернулись, либералы въ палатѣ депутатовъ тотчасъ же показали, что не желаютъ быть его орудіемъ, и стремятся къ самостоятельной власти. Плеби-

сцитъ обнаружилъ, что цѣлая половина Франціи воздерживается высказать свое мнѣніе, боясь дальнѣйшихъ событій и возвращенія Бурбоновъ. Правда, попытка снова поднять Вандею кончилась неудачей, но та всемогущая бюрократія, которая была до сихъ поръ вѣрной охраной императора, теперь явилась рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ для вернувшагося господина. Старые префекты и мэры жаждали покоя и тянули дѣла, не желая энергіей своей навлечь гнѣвъ Бурбоновъ въ случаѣ ихъ возвращенія. За время своего управленія они составили себѣ обширную кучку кліэнтовъ и кумовьевъ, которые горячо стояли за нихъ и при новыхъ выборахъ. О дворянахъ и духовенствѣ говорить нечего — они ненавидѣли Наполеона, и снова подняли голову, когда слухи о войнѣ осуществились. Надежда на миръ исчезла и уступила мѣсто тревогѣ и опасеніямъ. Тамъ и сямъ вспыхиваютъ заговоры и манифестаціи роялистовъ. Биржа чутко отзывается пониженіемъ ренты. Фуше, котораго Наполеонъ, боясь его связей, призвалъ въ ряды правительства, начинаетъ снова сложную замысловатую интригу съ императоромъ и королемъ, выгадывая, на чью сторону перекинуться, кому выгоднѣе продаться. Осталась одна надежда—преданное войско. Но роялистскія манифестаціи, оборона восточныхъ департаментовъ и охрана крѣпостей позволили императору располагать лишь 128.000 человѣкъ, не болѣе. Лихорадочно заготовляли снаряды, амуницію, исправляли укрѣпленія. Денегъ не было, пришлось прибѣгнуть къ принудительному національному займу въ 150.000.000 фр. Новому военному министру Даву пришлось много труда положить на реорганизацію арміи: солдаты, считавшіе себя главными виновниками переворота, презрительно относились къ офицерству и генераламъ. Императоръ рѣшилъ побить поодиночкѣ англичанъ и пруссаковъ и затѣмъ, стянувши резервы, отбить австро-русскую армію. Послѣ первыхъ счастливыхъ стычекъ императоръ напалъ на Блюхера и прусскую армію при Линьи и блестяще разбилъ ихъ. «Что за солдаты?» восклицалъ эмигрантъ-роялистъ, видѣвшій бой.—«Смотря по тому, какъ смотрѣть, это—легіонъ героевъ или демоновъ». Вернувшись изъ русскихъ степей, съ понтоновъ англійскихъ, вспоминая старыя побѣды, они превзошли себя самихъ. Тщетно бросается Блюхеръ въ штыки во главѣ своихъ солдатъ—атаки разбиваются объ яростное сопротивленіе гвардіи. Самъ Блюхеръ къ концу сраженія опрокинутъ съ конемъ

и едва не взятъ въ плѣнъ. Центръ раздавленъ и смятъ, и пѣхота прусская бѣжитъ въ безпорядкѣ.

Ней, который былъ отряженъ противъ Веллингтона и бился у Катръ-Бра не могъ сломить противника, несмотря на безумно смѣлую кавалерійскую атаку Келлермана. Тогда Наполеонъ, отрядивъ Груши преслѣдовать разбитыхъ пруссаковъ— двинулся на помощь къ Нею противъ Веллингтона. Груши увлекся своей задачей и упустилъ изъ вида необходимость прикрыть флангъ арміи, несмотря на то, что зналъ о раздѣленіи пруссаковъ на двѣ колонны и объ ихъ стремленіи соединиться съ Веллингтономъ. Между тѣмъ Веллингтонъ отступалъ, преслѣдуемый Неемъ. Наполеонъ самъ взялся руководить преслѣдованіемъ: онъ гнѣвно кричалъ артиллеристамъ: «Стрѣляйте! — это англичане». Проливной дождь остановилъ обѣ арміи. И утромъ 18 іюня начался знаменитый бой между великимъ стратегомъ и достойнымъ его противникомъ. Веллингтонъ направлялъ всѣ усилія, чтобы удержаться до прихода Блюхера, который успѣлъ уже прислать корпусъ Бюлова. Въ то же время императоръ послалъ Груши приказаніе спѣшить съ подкрѣпленіемъ, въ виду соединенія Блюхера съ Веллингтономъ. Бѣшеныя атаки французской кавалеріи уже заставляютъ невозмутимаго Веллингтона подумать объ отступленіи: съ устъ его срывается — «Скорѣй бы ужъ ночь или пруссаки» — все жъ онъ холодно отвѣчаетъ адъютантамъ: «другого приказа нѣтъ, какъ держаться до послѣдняго человѣка». И въ тотъ моментъ, когда императоръ хотѣлъ уже дать сигналъ къ послѣднему удару, свѣжія войска Блюхера подходятъ на помощь Веллингтону. И вотъ вступаетъ въ дѣло несокрушимая средняя гвардія — пять батальоновъ одни противъ англійской арміи. Страшная канонада разрѣжаетъ ряды гренадеровъ, а отчаянный натискъ англичанъ заставляетъ ихъ податься назадъ. «Гвардія отступаетъ!» «Спасайся кто можетъ!» Начинается общее бѣгство, среди котораго безпощадно рубитъ англійская кавалерія, крича: «Нѣтъ пощады»... Наполеонъ видѣлъ пораженіе и рѣшилъ пустить въ дѣло послѣднюю опору— старую гвардію. Три батальона старой гвардіи, ощетинившись штыками, отбиваютъ всѣ атаки англійскихъ кавалерій, и отступаютъ, тая подъ тяжестью ударовъ но спасая бѣгущихъ. Яростными ругательствами отвѣчаютъ послѣдніе бойцы на предложеніе сдаться. Молодая гвардія дерется одинъ противъ пяти. Послѣдніе два батальона старой

гвардіи прикрываютъ отступленіе: самъ Наполеонъ въ карре 1-го батальона. Ничто не можетъ сломить ихъ желѣзной стойкости и, наконецъ, слѣдуя приказанію императора, и они медленно отступаютъ. 26.000 французовъ, 21.000 англичанъ, голландцевъ, бельгійцевъ, нѣмцевъ, пруссаковъ осталось на полѣ кровавой бойни. Императоръ ожидалъ бѣглецовъ у Катръ-Бра. Онъ стоялъ, скрестивши руки на груди, неподвижно глядя по направленію къ Ватерлоо. О Груши попрежнему не было никакого извѣстія. Одинъ изъ офицеровъ узналъ императора и умолялъ его уѣхать. Наполеонъ молча поднялъ къ нему блѣдное, какъ воскъ, лицо, по которому беззвучно катились крупныя слезы...

Теперь все было потеряно: Наполеонъ попытался было получить диктатуру, вернувшись въ Парижъ. Но палата депутатовъ, увлекаемая Лафайэтомъ, объявила свои засѣданія непрерывными и поставила подъ свой контроль дѣйствія важнѣйшихъ министровъ. Теперь императоръ былъ безсиленъ противъ либеральной буржуазіи. 22 іюня онъ подписалъ отреченіе въ пользу своего сына. Временное правительство, главой котораго сумѣлъ сдѣлаться Фуше, торопило его отъѣздомъ. Еще разъ изъ Мальмезона предложилъ императоръ свои услуги правительству для того, чтобы отразить врага, обѣщая отправиться послѣ того въ Америку. Фуше отклонилъ предложеніе: нужно было готовиться къ встрѣчѣ новаго владыки, возвращавшагося Людовика XVIII. И медленно поѣхалъ императоръ къ морю.

Третьяго іюля прибылъ Наполеонъ въ Рошфоръ съ цѣлью переправиться въ Соед. Штаты. Но англійскіе крейсеры зорко стерегли море. И онъ рѣшилъ поступить въ стилѣ своихъ любимыхъ героевъ древности: — онъ самъ явился на бортъ англійскаго фрегата «Беллерофонъ» и отдался подъ покровительство британскаго народа. Британское министерство осталось холодно къ поступку новаго Верцингеторикса. Оно объявило его военноплѣннымъ, не обращая вниманія на горячій протестъ невольнаго узника, и назначило ему мѣстомъ заключенія маленькій островъ св. Елены, затерянный среди волнъ Атлантическаго океана.

А. Васютинскій.

Вѣнскій конгрессъ.

31 марта 1814 года союзныя войска послѣ ряда побѣдъ надъ Наполеономъ вступили въ Парижъ. Въ тотъ же день въ 3 часа пополудни была обнародована декларація, подписанная русскимъ императоромъ Александромъ, въ которой заявлялось, что государи, побѣдившіе Наполеона, не будутъ болѣе договариваться ни съ Бонапартомъ, «ни съ единымъ членомъ его семьи» и «приглашаютъ сенатъ тотчасъ же избрать временное правительство... и подготовить государственное устройство, угодное французскому народу». Это было формальнымъ предрѣшеніемъ низложенія Наполеона; вмѣстѣ съ тѣмъ союзные государи этимъ подчеркивали, что они сражались только противъ Наполеона, но не противъ Франціи и, изгнавши Наполеона, предоставляютъ ей полную свободу въ установленіи новаго государственнаго строя. Но всѣ понимали, что эта корректность по отношенію къ побѣжденному народу была только условнымъ языкомъ дипломатіи, и что на самомъ дѣлѣ союзнымъ государямъ не было никакого дѣла до желаній Франціи. Военныя побѣды 1813 и весеннихъ мѣсяцевъ 1814 г. отдали Францію въ руки побѣдителей, а господами ея оказались теперь четыре государя — императоръ Россіи, императоръ Австріи, король Пруссіи и король Англіи.

Еще ранней весной 1814 г. 4 союзныхъ государя, которыхъ Наполеонъ такъ долго билъ порознь и вмѣстѣ, заключили между собой въ г. Шамони договоръ, не складывать оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ упрочено спокойствіе Европы, иначе говоря, пока не будетъ низложенъ Наполеонъ. Теперь раздавленная Франція лежала у ногъ коронованныхъ побѣдителей, и если они и отдавали, повидимому, судьбы этой страны въ руки ея законной власти—сената, то дѣлали это только потому, что знали, съ кѣмъ имѣли дѣло. Сенатъ самимъ Наполеономъ въ

годы его всемогущества былъ сведенъ на роль послушнаго исполнителя чужихъ приказаній: со времени 18 брюмера онъ одобрялъ все, что приказывалъ императоръ; теперь плоды этой политики обратились противъ самого Наполеона, и когда новые господа потребовали отъ сената низложенія его бывшаго повелителя, — онъ 10 марта безпрекословно исполнилъ ихъ волю: уже черезъ 2 дня послѣ вступленія союзныхъ войскъ сенатъ освободилъ французскую армію и народъ отъ присяги на вѣрность Наполеону, а еще черезъ 4 дня призвалъ на тронъ «Людовика-Станислава-Ксаверія французскаго» брата послѣдняго короля изъ династіи Бурбоновъ, подъ именемъ Людовика XVIII, обязавъ его присягнуть конституціи. Призывъ на престолъ династіи Бурбоновъ былъ такъ же согласенъ съ желаніями союзниковъ, какъ и низложеніе Наполеона: со старой лигитимной династіей связывалось представленіе и о старыхъ границахъ Франціи, изъ которыхъ она вышла въ эпоху революціи и Наполеона, и въ которыя союзные государи хотѣли ее снова вернуть. Имъ нуженъ былъ такой государь для Франціи, съ которымъ можно бы было заключить миръ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, а такимъ именно и былъ Людовикъ XVIII, для котораго весь періодъ національной славы и міровего могущества Франціи былъ временемъ горькихъ фамильныхъ воспоминаній и личнаго униженія, и который изъ вѣрности традиціямъ лигитимной монархіи долженъ былъ отказаться отъ революціонныхъ и наполеоновскихъ завоеваній.

Прежде всего предстоялъ трудный вопросъ, какъ обойтись съ Франціей. Четыре державы, въ рукахъ которыхъ находилась тогда судьба Европы — Россія, Австрія, Пруссія и Англія — не могли смотрѣть на нее, какъ на завоеванную страну, не могли исключить ее изъ концерта европейскихъ державъ. Франція Бурбоновъ, Франція, отрекшаяся отъ Наполеона, была для нихъ не врагомъ, а другомъ. Съ самаго начала они заявили, что ихъ главная цѣль — возстановить *законный* порядокъ въ Европѣ, вернуть на прежніе престолы старыя лигитимныя династіи, а трудно было придумать что-нибудь лигитимнѣе Бурбоновъ, самой древней и консервативной изъ всѣхъ королевскихъ фамилій Европы. Но, съ другой стороны, державы-побѣдительницы были не прочь использовать и фактическое безсиліе Франціи. Рѣшено было черезъ нѣсколько мѣсяцевъ созвать конгрессъ всѣхъ европейскихъ

державъ въ Вѣнѣ, но французскіе уполномоченные должны были на немъ участвовать лишь для вида, для удовлетворенія тщеславія Франціи; ихъ роль должна была заключаться лишь въ подписи условій мирныхъ трактатовъ, заранѣе заготовленныхъ 4 союзниками. Французскій король не могъ согласиться съ такою пассивною и въ сущности подчиненной ролью. Онъ былъ проникнутъ необычайно высокимъ представленіемъ о достоинствѣ французскаго королевскаго дома и считалъ себя первымъ среди государей Европы. Когда онъ пріѣхалъ въ Парижъ, у него не было ни денегъ, ни арміи, ни даже собственной мебели, но, принимая русскаго императора, въ которомъ всѣ видѣли тогда господина положенія и спасителя Европы отъ Наполеона, онъ обнаружилъ, по выраженію русскаго письма, «вполнѣ неумѣстное величіе», обошелся съ нимъ съ холодной гордостью и, занявъ кресло, предложилъ императору только стулъ. Александръ вышелъ оскорбленный отъ этого «спесиваго эмигранта»; ему стало ясно, что оттѣснить Францію отъ рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ на Вѣнскомъ конгрессѣ будетъ не легко. Пока Людовикъ XVIII временно былъ удовлетворенъ тѣмъ, что ему (по договору 30 мая 1814 г.) было обѣщано не только сохраненіе за Франціей тѣхъ границъ, которыя она имѣла въ 1792 г., но и прибавку къ нимъ въ размѣрѣ полумильона новыхъ подданныхъ. Но Франція попрежнему оставалась державой, находящейся подъ присмотромъ другихъ государствъ, и примириться съ такимъ положеніемъ Людовикъ не хотѣлъ. У него оказался незамѣнимый министръ иностранныхъ дѣлъ, не знавшій соперниковъ въ дипломатическомъ искусствѣ — Талейранъ. Раньше этотъ человѣкъ прошелъ очень странную карьеру. Въ началѣ революціи онъ былъ епископомъ, но скоро сложилъ съ себя духовное званіе и перешелъ на дипломатическую службу. Онъ обладалъ способностью приспосабливаться къ самымъ различнымъ режимамъ. Въ кабинетѣ Дантона онъ былъ рьянымъ якобинцемъ, во времена Директоріи—умѣреннымъ республиканцемъ, при Наполеонѣ—ревностнымъ слугой великаго императора; теперь онъ предложилъ свои услуги Людовику XVIII, и въ качествѣ его министра иностранныхъ дѣлъ долженъ былъ явиться предъ лицомъ европейскихъ державъ строгимъ защитникомъ принциповъ лигитимизма. Талейрану никто не вѣрилъ, и всѣ знали, что на каждую измѣну прежнимъ господамъ онъ смотрѣлъ лишь какъ на новый этапъ въ своей служебной карьерѣ; но всѣ

Возвращенiе Наполеона съ острова Эльбы.

(*Беланже*).

принимали его услуги, цѣня его способности и зная, что онъ не измѣнитъ, пока въ силѣ тѣ, кому онъ служитъ.

Теперь, перейдя на службу къ Людовику XVIII, Талейранъ сразу понялъ положеніе вещей и опредѣлилъ ту единственную политику, которой Францiя въ то время только и могла держаться, не теряя своего достоинства. Францiя была унижена, и сила вещей принуждала ее вернуться къ границамъ 1792 г. Изъ этой необходимости, вытекавшей изъ безсилія Франціи, Талейранъ сдѣлалъ добродѣтель; онъ старался доказать, что Францiя, изъ уваженія къ международному праву, «намѣрена сохранить только то, что ей принадлежитъ, что она чистосердечно отказалась отъ завоеванныхъ ею земель», и что «въ умѣренности она видитъ свою славу».

Задачу Талейрана упрощали и разногласія среди самихъ союзниковъ. Защищая лигитимизмъ и неотъемлемыя права законныхъ правительствъ, они не прочъ были воспользоваться и своимъ правомъ завоеванія. Уже одно то, что они не хотѣли возстановленія на престолъ всѣхъ мелкихъ нѣмецкихъ князьковъ, которыхъ согналъ съ ихъ маленькихъ троновъ Наполеонъ, — дѣлало изъ нихъ плохихъ защитниковъ лигитимизма. Александръ I однажды въ разговорѣ съ Талейраномъ бросилъ ему такія слова: «Вы все говорите о принципахъ. Но ваше публичное право для меня пустой звукъ. Я не знаю, что это за право такое. Вы думаете, для меня что-нибудь значатъ ваши трактаты и старый бумажный хламъ». Онъ, какъ и другіе, не прочь былъ захватить въ свою пользу земли тѣхъ государей, которые непрочно сидѣли на своихъ тронахъ. Къ такимъ относился король саксонскій, который былъ одновременно и герцогомъ варшавскимъ; несмотря на вполнѣ лигитимный характеръ своей власти, онъ, по мнѣнію русскаго императора и прусскаго короля, долженъ былъ лишиться престола за свою приверженность къ Наполеону, котораго онъ не захотѣлъ покинуть по примѣру другихъ германскихъ государей. Пруссія имѣла въ виду захватить его саксонскія владѣнія, благодаря чему должна была упрочиться ея гегемонія въ Германіи; но противъ этого возставала Австрія, которая добивалась первой роли въ Германіи для себя. Россія хотѣла получить его польскія владѣнія, но этого не могла допустить Пруссія, которая хотѣла создать для себя оплотъ на Востокѣ изъ части польскихъ провинцій противъ славянъ и требовала для себя земель по Вислѣ и Варшаву. Съ другой стороны, Австрія хотѣла

смѣстить «нелигитимнаго» короля неаполитанскаго Мюрата, захватить въ свои руки сѣверную часть Италіи, посадить на всѣ италійскіе престолы австрійскихъ принцевъ и принцессъ и образовать изъ всѣхъ государствъ Италіи федеративный союзъ (въ родѣ Рейнскаго), подъ верховнымъ протекторатомъ императора австрійскаго. Но ни Пруссія ни Россія не хотѣли согласиться на такое усиленіе Австріи. Англія въ это время была занята своей войной съ Соединенными Штатами за преобладаніе на морѣ и поэтому пока мало вмѣшивалась въ международныя отношенія Европы; но соперничая съ Россіей изъ-за вліянія на Востокѣ, она не хотѣла образованія польскаго королевства подъ главенствомъ русскаго царя, и рѣшительно этому противилась. Такимъ образомъ, въ поводахъ къ разногласіямъ и горячимъ спорамъ недостатка не было, и Талейранъ пользовался этимъ очень искусно. Онъ протестовалъ противъ всѣхъ крупныхъ захватовъ со стороны великихъ державъ; онъ всѣми мѣрами не хотѣлъ допускать пріобрѣтенія Австріей господства въ Италіи, а Пруссіей въ Германіи, настаивая на необходимости сохраненія лигитимнаго короля саксонскаго на его престолѣ и на возстановленіи въ Неаполѣ старой Бурбонской, тоже лигитимной, династіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказывалъ, какъ опасно для всей Европы допускать усиленіе Россіи на счетъ герцогства Варшавскаго. Въ сущности Талейранъ, соглашаясь свести Францію къ границамъ 1792 г., въ то же время рѣшительно противился всякому крупному территоріальному расширенію другихъ великихъ державъ, и уже въ силу одного того (помимо выдвигаемыхъ имъ соображеній о международной справедливости) ставилъ Францію въ положеніе естественной защитницы второстепенныхъ государствъ, такъ какъ земельные захваты союзныхъ государей должны были коснуться прежде всего этихъ государствъ. Изъ всѣхъ великихъ державъ Талейранъ дружественнѣе всѣхъ относился къ Англіи, такъ какъ она не стремилась ни къ какимъ территоріальнымъ захватамъ въ Европѣ; этого дружественнаго отношенія не могло разбить и то, что Англія откровенно пренебрегала принципами лигитимизма и въ политическихъ вопросахъ свою выгоду открыто ставила выше всякихъ принциповъ. Вѣдь и Талейрану въ сущности не было никакого дѣла до принциповъ лигитимизма, и онъ такъ упорно выдвигалъ ихъ на первый планъ только потому, что они были выгодны для Франціи и Людовика XVIII.

Благодаря своимъ необычайнымъ дипломатическимъ способностямъ, Талейранъ скоро добился того, что съ его мнѣніемъ стали считаться. 4 союзныхъ державы, которыя рѣшили, что всѣ главныя дѣла будутъ рѣшены между ними и лишь потомъ уже готовыя рѣшенія будутъ предъявлены другимъ государствамъ для того, чтобы онѣ высказали «свои мнѣнія и желанія» — встрѣтили со стороны французскаго представителя такую рѣшительную оппозицію, на какую они не разсчитывали. Державамъ пришлось очено скоро, еще до открытія Вѣнскаго конгресса, отказаться отъ своей мысли объ изолированіи Франціи и отъ взгляда на нее, какъ на безсильное завоеванное государство. Талейранъ былъ допущенъ къ участію во всѣхъ предварительныхъ совѣщаніяхъ, добился поддержки англійскаго уполномоченнаго Кестльери и австрійскаго князя Меттерниха. Поддержка Меттерниха имѣла особенное значеніе, потому что этотъ дипломатъ игралъ на конгрессѣ первостепенную роль. Въ пренебреженіи ко всякаго рода принципамъ онъ не уступалъ Талейрану, но, подобно ему, умѣлъ представить свою выгоду и выгоду тѣхъ, кому онъ служилъ, въ свѣтѣ высокой принципіальности. Его политическія идеи были бѣдны содержаніемъ и сводились всѣ къ одному слову: лигитимизмъ, т.-е. поддержаніе старыхъ, по возможности, дореволюціонныхъ порядковъ въ Европѣ; но онъ имѣлъ необычайное вліяніе на окружающихъ благодаря своей необычайной самоувѣренности, доходившей до колѣнопреклоненія предъ самимъ собой. «Никогда заблужденіе не касалось моего разума», говорилъ онъ тогда, когда его политическая карьера была уже окончена. Этотъ самоувѣренный австріецъ и раньше былъ недоволенъ стремленіемъ Россіи захватить герцогство Варшавское и Пруссіей королевство Саксонское; не надѣясь отговорить обоихъ государей отъ осуществленія ихъ желаній, Меттернихъ рѣшилъ поссорить Пруссію съ Россіей и предложилъ прусскому королю оккупировать Саксонію, но съ тѣмъ, чтобы онъ помѣшалъ русскимъ замысламъ на Польшу. Когда объ этомъ узналъ Александръ, его негодованію противъ Меттерниха не было конца. Ихъ отношенія совершенно разстроились, и одно время даже русскій императоръ хотѣлъ вызвать австрійскаго министра на дуэль, и только вмѣшательство императора Австріи помѣшало поединку между самодержавнымъ монархомъ и министромъ другой страны. Александръ удовольствовался тѣмъ, что во все время занятій конгресса не замѣчалъ Меттерниха и не отвѣчалъ на его поклоны.

Открытіе конгресса въ Вѣнѣ не улучшило отношеній между союзниками. Прусскій король не пошелъ на измѣну Россіи, и на конгрессѣ ясно обнаружились двѣ враждебныя партіи. На одной сторонѣ стояли Пруссія и Россія, на другой — Австрія, Англія и Франція. Рѣчь заходила даже о войнѣ, и обѣ стороны насчитывали свои силы. Мало этого, русскій императоръ, недовольный упорствомъ Бурбоновъ, грозилъ снова вызвать Наполеона противъ старой французской династіи. Но въ сущности войны никто не желалъ, и воинственныя рѣчи были только средствомъ запугать противниковъ. Европа была слишкомъ утомлена продолжительными войнами, и европейскіе государи, собравшіеся со своими представителями въ Вѣнѣ, уже своимъ внѣшнимъ поведеніемъ показали, какъ мало они думали о войнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ представители державъ съ конца сентября собрались въ Вѣнѣ и совершился торжественный въѣздъ въ нее почти всѣхъ монарховъ Европы, столица Австріи превратилась въ мѣсто нескончаемыхъ празднествъ. Никогда еще Вѣна не видала въ своихъ стѣнахъ болѣе блестящаго общества. Короли, министры и генералы, которые въ теченіе цѣлой четверти вѣка играли крупнѣйшую роль въ жизни Европы, теперь собрались въ австрійскую столицу не только затѣмъ, чтобы разобраться въ томъ запутанномъ международномъ положеніи, которое создалось послѣ паденія Наполеона, но и затѣмъ, чтобы отпраздновать на гробницѣ его могущества побѣдную тризну, вознаградить себя за годы долгаго униженія передъ «человѣкомъ великихъ катастрофъ» рядомъ праздничныхъ манифестацій и возвѣстить всѣмъ народамъ Европы, что прошло время военныхъ бурь и настало торжество всеобщаго мира и веселья. Вѣнскій конгрессъ по внѣшней обстановкѣ, окружавшей его засѣданія, казался скорѣе празднествомъ въ честь европейскаго замиренія, чѣмъ серьезнымъ дипломатическимъ собраніемъ. Блестящіе банкеты, оперные и драматическіе спектакли, веселыя охоты, торжественные обѣды и ужины, съ участіемъ королевскихъ особъ и ихъ министровъ, слѣдовали непрерывной вереницей другъ за другомъ, поглощая легендарныя денежныя суммы и создавая торжественно-праздничное настроеніе.

Александръ скоро убѣдился, что цѣликомъ герцогства Варшавскаго ему не дадутъ, и согласился уступить Галицію, входившую въ составъ этого герцогства, но безъ Кракова, который долженъ былъ стать нейтральнымъ вольнымъ горо-

домъ Австріи, а Познань — Пруссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ согласился сохранить на престолѣ короля саксонскаго въ его коренномъ владѣніи — Саксоніи, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ половину своихъ владѣній Пруссіи; конечно, при этомъ считалось само собой разумѣющимся, что Пруссія получитъ обратно всѣ свои нѣмецкія земли, которыя у нея были отняты по Тильзитскому миру, заключенному послѣ полнаго разгрома ея Наполеономъ въ 1806—7 гг. (т.-е. земли королевства Вестфальскаго, выкроеннаго въ 1807 г. для брата Наполеона Іеронима изъ части Прусскаго государства). Пруссію покинулъ теперь ея послѣдній союзникъ въ ея притязаніяхъ на Саксонію, и она должна была согласиться съ проектомъ русскаго императора, выговоривъ себѣ (кромѣ Познани, части Саксоніи и королевства Вестфальскаго) еще и значительную область по Рейну и Шведскую Померанію. На рѣшеніе другихъ вопросовъ и прежде всего о Мюратѣ и всей Италіи огромное вліяніе оказало неожиданное событіе, прервавшее засѣданіе Вѣнскаго конгресса, — бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и внезапное появленіе его во Франціи, снова признававшей своего изгнаннаго императора. На дипломатовъ Вѣнскаго конгресса внезапное появленіе Наполеона во Франціи произвело впечатлѣніе упавшей среди нихъ бомбы. Вопросъ о Наполеонѣ оттѣснилъ теперь всѣ другіе вопросы; всѣ дипломатическія карты теперь перепутались. Съ бѣжавшимъ изъ Парижа королемъ Людовикомъ заговорили въ унизительномъ для него тонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ облегчился вопросъ о Мюратѣ. Раньше онъ измѣнилъ Наполеону, чтобы спасти свой тронъ,—теперь, не надѣясь на европейскихъ государей и боясь мщенія Наполеона, онъ перешелъ на его сторону. Онъ надѣялся объединить подъ своею властью всю Италію, стать первымъ государемъ этой объединенной страны и призвалъ итальянскій народъ къ борьбѣ противъ мелкихъ государей Аппенинскаго полуострова. Но нація не поднялась на его призывъ. Европейскіе государи объявили его низложеннымъ съ престола, и Австрія призвала на неаполитанскій тронъ «лигитимнаго» короля — Фердинанда IV Бурбона. Вслѣдъ за тѣмъ былъ разрѣшенъ вопросъ и объ остальной Италіи. Австрію, которая приняла дѣйствительное участіе въ низложеніи Мюрата, вознаградили передачей ей сѣверныхъ областей Италіи — Ломбардіи и Венеціи; кромѣ того, она получила пограничныя съ сѣверной Италіей Тироль и Зальцбургъ, а на Балканскомъ полуостровѣ Иллирійскую

провинцію. Часть другихъ итальянскихъ провинцій передавалась австрійскимъ принцамъ и принцессамъ (Тоскана, Модена, Парма); по своимъ фамильнымъ связямъ Австрія пріобрѣтала теперь господствующее значеніе въ Италіи. Изъ крупныхъ областей Италій внѣ зависимости отъ Австріи находилась (кромѣ южнаго Неаполитанскаго королевства) лишь возстановленная Папская область, да королевство Сардинское, къ которому отнесена была теперь сѣверо-западная область Италіи — бывшая республика Генуя. Притязанія Австріи на гегемонію въ Италіи теперь получили частичное осуществленіе, но эта гегемонія была достигнута путемъ крайняго дробленія Италіи, столь неблагопріятнаго для ея политическаго, экономическаго и культурнаго развитія. Всѣ государства Италіи оставались самодержавными, подъ произвольнымъ управленіемъ въ общемъ консервативныхъ австрійскихъ и бурбонскихъ династовъ; ея экономическому развитію мѣшали таможенныя преграды, лежавшія между отдѣльными государствами, а крупнымъ культурнымъ движеніямъ не было мѣста въ узкихъ географическихъ рамкахъ итальянскихъ государствъ, не допускавшихъ возникновенія большихъ вопросовъ и серьезныхъ общественныхъ движеній.

Въ то же время были рѣшены вопросы, касавшіеся и другихъ государствъ. Бельгія и Голландія были соединены вмѣстѣ въ королевство Нидерландское (при чемъ королю нидерландскому было передано и великое государство Люксембургское въ Германіи). Въ Испаніи и Португаліи возстановлялись ихъ старыя династіи. Англія получила опорные пункты въ Средиземномъ и Іоническомъ морѣ, столь важныя для ея морской торговли. Еще ранѣе у датскаго короля отняли Норвегію и передали ее королю шведскому. Европа была въ общихъ чертахъ теперь устроена, но въ этомъ устройствѣ государи Вѣнскаго конгресса обнаружили величайшее пренебреженіе къ интересамъ населенія и къ достоинству отдѣльныхъ націй. Карта Европы была перекроена на Вѣнскомъ конгрессѣ безъ какого-либо вниманія къ интересамъ народовъ, а лишь сообразно съ дипломатическими расчетами государей, руководствовавшимися при этомъ не только стремленіемъ возстановить на прежнихъ тронахъ старыя законныя династіи Европы (въ Неаполитанскомъ королевствѣ, Португаліи, Испаніи), но и желаніемъ наказать сторонниковъ Наполеона (короли саксонскій и датскій) и вознаградить тѣхъ, кто болѣе всего содѣйствовалъ

его паденію (Россія, Англія, Пруссія и Австрія). Всѣ эти дипломатическія соображенія осложнялись еще боязнью, какъ бы какое-нибудь государство не усилилось чрезмѣрно и не стало опаснымъ вслѣдствіе этого для другихъ державъ; эта забота о томъ, чтобы *политическое равновѣсіе* въ Европѣ не нарушалось, поселило много враждебности въ отношенія великихъ державъ, заставило ихъ относиться другъ къ другу отчасти съ подозрительностью, а отчасти и съ завистью.

Девятаго іюня 1815 г. восемь крупнѣйшихъ европейскихъ державъ подписали «Окончательный актъ Вѣнскаго конгресса», въ которомъ были собраны въ одинъ общій сводъ всѣ главнѣйшія постановленія конгресса. Въ то же время Наполеонъ дѣлалъ послѣднія отчаянныя усилія снова вернуть себѣ власть и снова возвести Францію въ рангъ первой изъ военныхъ державъ Европы. Но время міроваго могущества Франціи теперь уже прошло безвозвратно. Французы утратили вѣру въ себя, а союзные государи, наоборотъ, обнаружили ту настойчивость и энергію, которой прежде у нихъ не хватало. 18 іюня на поляхъ Ватерлоо разыгрался послѣдній актъ великой драмы, сюжетами которой были политическія судьбы Европы за послѣднія 25 лѣтъ, а главнымъ актеромъ — Наполеонъ. Военное счастье измѣнило великому полководцу; энергія покинула его и черезъ 4 дня послѣ Ватерлоо онъ подписалъ свое второе отреченіе отъ престола. Державамъ предстояла новая задача— ликвидировать то положеніе вещей, которое создалось послѣ новой авантюры «человѣка великихъ катастрофъ».

Людовикъ XVIII въѣхалъ снова въ Парижъ 9 іюля 1815 г. Но дѣйствительными господами Франціи на первыхъ порахъ оказался не онъ, а союзныя державы, войска которыхъ оккупировали страну. Изъ представителей державъ въ Парижѣ была образована такъ называемая *конференція*, въ сущности представлявшая изъ себя временное правительство Франціи и совершенно не считавшаяся съ Людовикомъ. Послѣдній только по имени считался тогда королемъ Франціи; на дѣлѣ страной управляла конференція. Для Франціи настала пора величайшаго униженія. Началось съ того, что у Франціи были отняты великія памятники искусства, отобранные, въ свою очередь, французами у голландцевъ и итальянцевъ во времена республики и имперіи и привезенные въ Парижъ. На глазахъ французскихъ властей голландскіе и итальянскіе комиссары ходили по французскимъ музеямъ и отмѣчали тѣ памят-

ники, которые подлежали возврату. Французское правительство не осмѣливалось протестовать. Затѣмъ былъ поставленъ вопросъ о сокращеніи границъ Франціи. Но обезсиливанія Франціи не хотѣли допускать ни Александръ, ни Англія. Александръ надѣялся найти въ ней союзника въ своихъ восточныхъ планахъ, направленныхъ къ тому, чтобы установить протекторатъ Россіи надъ православными народами Балканскаго полуострова. Англія хотѣла пріобрѣсти во Франціи помощницу на Востокѣ противъ Россіи и сохранить съ ея помощью цѣлость Турціи. Поэтому обѣ эти державы рѣшили быть великодушными по отношенію къ Франціи. Сохранить Францію въ ея прежнихъ границахъ было невозможно, несмотря на всю благожелательность Александра и несмотря на все дипломатическое искусство Талейрана. Но, благодаря Александру и Англіи, территоріальныя сокращенія Франціи были доведены до minimum'a. По мирному договору, подписанному 20 ноября 1815 г., Франція отказывалась отъ Савойи, а также отъ ряда незначительныхъ крѣпостей на восточной и сѣверо-восточной границѣ. Кромѣ того, на Францію налагалась контрибуція въ 700 милліоновъ франковъ, и она подвергалась оккупаціи иностранной арміи въ 150.000 человѣкъ на пятилѣтній срокъ, съ обязанностью содержать ту армію на сѣверныхъ и восточныхъ границахъ. Эти условія были выгоднѣе тѣхъ, на которыхъ настаивали пруссаки и другія нѣмецкія государства, но все-таки они были унизительны и разорительны для Франціи: отъ Франціи отторгались земли, ничтожныя по размѣрамъ, но составлявшія ея старыя части, пріобрѣтенныя еще Людовикомъ XIV; на ея истощенныя 23-лѣтними непрерывными войнами средства падала новая огромная финансовая тяжесть; она, даже и послѣ отреченія отъ Наполеона, все-таки оставалась подъ полицейскимъ надзоромъ иностранныхъ войскъ, подъ властью международной конференціи. Всѣ старанія Талейрана поднять международный престижъ Франціи, принесшія такіе обильные плоды въ зимній сезонъ 1814—1815 гг., снова были сведены къ нулю въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы 1815 г., и старому перебѣжчику ничего другого не оставалось, какъ подать въ отставку. Нужны были годы, чтобы державы Европы снова увѣровали въ лойяльность Франціи, въ то, что она перестала угрожать европейскому міру, и снова допустили французскихъ представителей къ участію въ международныхъ совѣщаніяхъ.

В. Перцевъ.

Ватерлоо.

Александръ I и Европа.

Двадцатипятилѣтній періодъ непрерывныхъ войнъ, пережитый европейскимъ обществомъ на рубежѣ XVIII—XIX ст., истощилъ его силы и вызвалъ повсюду потребность въ мирѣ и порядкѣ. Европа нуждалась въ отдыхѣ и покоѣ, и она пошла за тѣми, кто обѣщалъ ей окончательное забвеніе революціонныхъ тревогъ и бѣдствій. Предметомъ особенныхъ заботъ со стороны государей, министровъ и дипломатовъ сдѣлалось теперь стремленіе къ охранѣ общеевропейскаго мира и предупрежденіе всего того, что могло нарушить этотъ миръ. Лозунгомъ эпохи было подавленіе безпокойныхъ элементовъ. Эта борьба, съ пережитками бурныхъ годовъ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ, принимала съ самаго начала ярко выраженный реакціонный колоритъ, такъ какъ реставрація легитимныхъ династій и государствъ, упраздненныхъ Наполеономъ, естественно приводила къ реставраціи тѣхъ порядковъ, которые господствовали въ Европѣ до великой французской революціи.

Революція и наполеоновскія войны потрясли не одни только внѣшніе порядки прежнихъ политическихъ и соціальныхъ отношеній; онѣ оставили глубокій слѣдъ и въ душахъ людей той эпохи, вывели ихъ изъ прежняго равновѣсія, наполнили ихъ новыми чувствами. Пренебрежительное отношеніе къ вопросамъ вѣры и атеизмъ, провозглашенный чуть ли не

главнымъ принципомъ въ періодъ торжества революціонной идеологіи, приводятъ теперь къ глубокому стремленію постичь первоосновы христіанской морали и къ широкой теологической проповѣди.

Это душевное настроеніе, переживаемое императоромъ Александромъ, привело, въ концѣ-концовъ, къ созданію того акта, содержаніемъ котораго на долгіе годы опредѣлился характеръ международныхъ отношеній въ Европѣ первой половины XIX в. Передъ отбытіемъ изъ Парижа, по иниціативѣ русскаго императора, между Россіей, Австріей и Пруссіей былъ заключенъ «Священный союзъ». Мысль объ этомъ союзѣ уже давно занимала Александра.

Текстъ акта Священнаго союза былъ составленъ самимъ Александромъ и затѣмъ переписанъ его личнымъ секретаремъ Стурдза. Каково же было содержаніе того знаменитаго акта, который Меттернихъ называетъ: «филантропической фантазіей, облеченной въ религіозную форму», и который, по мнѣнію историка Дебидура, былъ не чѣмъ инымъ, какъ «мистической декларацiей».

Договоръ Священнаго союза былъ подписанъ тремя монархами 26 сентября н. с. или 14 сентября с. с. 1815 г. Въ самомъ началѣ акта три договаривающіяся стороны заявляютъ, что онѣ, «восчувствовавъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, сколь необходимо предлежащій державамъ образъ взаимныхъ отношеній подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ закономъ Бога Спасителя, объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть предъ лицомъ вселенныя ихъ непоколебимую рѣшимость, какъ въ управленіи ввѣренными имъ государствами, такъ и въ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніемъ ихъ къ частной жизни, долженствуютъ, напротивъ того, непосредственно управлять волею царей и водительствовать всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающія ихъ несовершенства». Исходя изъ словъ Священнаго писанія, «повелѣвающихъ всѣмъ людямъ быть братьями», всѣ три монарха соглашались на томъ, чтобы «пребывать соединенными узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства и, почитая себя какъ бы единоземцами, во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ

подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь; въ отношеніи же къ подданнымъ и войскамъ своимъ управлять, подобно отцамъ семействъ, въ томъ же духѣ братства», которымъ договаривающіяся стороны «одушевлены, для охраненія вѣры, мира и правды». Называя Бога «Самодержцемъ народа христіанскаго», актъ Священнаго союза торжественно заявлялъ, что «преобладающее правило да будетъ, какъ между упомянутыми властями, такъ и подданными ихъ: приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы членами единаго народа христіанскаго, поелику три союзные государя почитаютъ себя аки поставленными отъ Провидѣнія для управленія тремя единаго семейства отраслями». Подданные всѣхъ трехъ монарховъ убѣждались «утверждаться со дня на день въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, аки единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ». Всѣ остальныя державы, какъ видно изъ заключительной статьи акта, могли быть приняты въ Священный союзъ, какъ скоро они торжественно признаютъ «изложенныя въ семъ актѣ священныя правила».

Тѣ побужденія, которыми руководствовался Александръ, образуя Священный союзъ, довольно ярко обнаруживаются въ манифестѣ отъ 25 декабря 1815 г. Въ немъ русскій императоръ доводилъ до свѣдѣнія своихъ подданныхъ, что между нимъ, австрійскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ заключенъ союзъ, «въ которомъ они взаимно обязались, какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ подданнымъ, принять единственнымъ средствомъ для водворенія всеобщаго мира правила, почерпнутыя изъ словесъ и ученія Спасителя нашего Іисуса Христа, благовѣствующаго людямъ жить, «аки братіямъ, не во враждѣ и злобѣ, но въ мирѣ и любви».

Пруссія въ лицѣ короля Фридриха-Вильгельма III, отличавшагося большой религіозностью и называвшаго совѣсть «глашатаемъ, представителемъ Бога въ сердцѣ человѣка», первая пошла навстрѣчу приглашенію русскаго императора. Но Австрія, канцлеръ которой кн. Меттернихъ сначала недовѣрчиво отнесся къ заявленію Александра, подозрѣвая въ составленномъ имъ актѣ скрытое стремленіе покровительствовать европейскому либерализму, не сразу послѣдовала ея примѣру. Только послѣ того, какъ Меттернихъ уяснилъ себѣ,

что Священный союзъ является не чѣмъ инымъ, какъ «моральной манифестаціей» со стороны русскаго государя, императоръ Францъ, этотъ оплотъ клерикальной и легитимной реакціи, далъ свою подпись подъ актомъ Священнаго союза. Всѣ остальные европейскіе государи, за исключеніемъ Турціи, Англіи и папы, спѣшили присоединиться къ тремъ монархамъ, заключившимъ союзъ «братства и любви». Турецкій султанъ не могъ быть принятъ въ союзъ, какъ магометанинъ; принцъ—регентъ англійскій, который на основаніи конституціи не могъ подписать такого чисто личнаго акта, ограничился заявленіемъ, что онъ совершенно одобряетъ условія этого договора; папа же не далъ своей подписи подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нечего присоединяться къ принципамъ, которые онъ всегда признавалъ. Прочіе европейскіе государи, особенно владѣтели второстепенныхъ германскихъ княжествъ, подписывали актъ союза, «не понимая,—по словамъ одной современницы,—его смысла и не давая себѣ труда уяснить его значеніе». Страхъ передъ революціей былъ главнымъ стимуломъ, побуждавшимъ ихъ искать тѣснаго единенія съ представителями великихъ европейскихъ державъ. По этому поводу фрейлина императрицы Елизаветы Алексѣевны, граф. Эдлингъ говоритъ, въ своихъ мемуарахъ: «Я видѣла, какъ нѣкоторые нѣмецкіе князья, пропитанные теоріями XVIII в., подписывали этотъ христіанскій актъ съ негодованіемъ, которое они вынуждены были, вслѣдствіе своей слабости, скрывать въ присутствіи императора».

Среди современниковъ Священный союзъ вызвалъ рядъ довольно противоположныхъ сужденій. Въ охранительныхъ кругахъ его считали слишкомъ либеральнымъ и мистически-отвлеченнымъ, чтобы служить оплотомъ реакціи; среди же представителей либеральнаго лагеря въ немъ, наоборотъ, съ самаго начала усматривали контръ-революціонную и агрессивную тенденцію. Многимъ казалось, что новый союзъ не можетъ быть долговѣченъ, и эти взгляды довольно рельефно отразились въ одной брошюрѣ, появившейся въ началѣ 20-хъ годовъ. «Прусское королевство и Австрійская имперія, — читаемъ мы въ ней, — вовсе не образуютъ чего-то цѣльнаго и однороднаго. Первая же серьезная война можетъ привести къ распаденію этого недавняго и насильственнаго союза разнородныхъ элементовъ. Оба эти правительства особенно заинтересованы въ поддержаніи всеобщаго мира. Поэтому единство взглядовъ и интересовъ между Россіей, Пруссіей и Австріей

не можетъ просуществовать долго». Особенно среди турецкихъ дипломатовъ Священный союзъ возбуждалъ сильное безпокойство. Они видѣли въ немъ какъ бы новую попытку воскресить эпоху крестовыхъ походовъ и явное желанiе торжественно подчеркнуть лишнiй разъ исконную вражду между христiанствомъ и магометанствомъ. Чтобы разсѣять это тревожное настроенiе турецкаго правительства, русское Министерство Иностранныхъ дѣлъ въ циркулярной нотѣ отъ 25 марта 1816 г. торжественно заявляло, что «только коварство и вражда къ Россiи и ея союзникамъ могли усматривать въ актѣ Священнаго союза какiе-либо честолюбивые и завоевательные помыслы». Указавъ, что международныя отношенiя союзныхъ государствъ покоятся «на началахъ мира, согласiя и любви, вытекающихъ изъ христiанской религiи и морали», русская нота выясняетъ, что «единственная и исключительная цѣль союза можетъ состоять только въ поддержанiи мира и въ соглашенiи всѣхъ нравственныхъ интересовъ народовъ, поставленныхъ волею Божескаго Провидѣнiя подъ сѣнью креста». «Если искать въ актѣ Священнаго союза только то, что онъ содержитъ, — говорится въ заключенiи этого любопытнаго документа, — а именно простое выраженiе чувствъ, которыми воодушевлены имп. Александръ и его союзники, то приписываемые союзу завоевательные помыслы окажутся просто химерами. Союзъ никому не угрожаетъ и никто не вынужденъ приступить къ нему. На немъ только должны покоиться незыблемыя основы европейскаго мира и общаго благополучiя».

Таковы были намѣренiя императора Александра въ ту эпоху, когда завершалась ликвидацiя порядковъ, установленныхъ великой революцiей, когда возникъ тотъ Священный союзъ, подъ сѣнью котораго въ ближайшiе послѣ вѣнскаго конгресса годы зародилась и окрѣпла европейская реакцiя.

Въ основѣ Священнаго союза лежалъ принципъ легитимизма, выражавшiйся въ защитѣ мира и порядка и въ борьбѣ со всѣмъ тѣмъ, что грозило ихъ нарушенiю. Еще Талейранъ, провозглашая это положенiе основой международныхъ отношенiй, созданныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ, совѣтовалъ «освятить принципъ законности правительствъ, ибо, по его словамъ, лишь легитимныя правительства могутъ быть прочными, незаконныя же, имѣя поддержку только въ силѣ, падаютъ сами собой, какъ только исчезаетъ эта поддержка, предоставляя нацiи на жертву революцiямъ». Подъ влiянiемъ Австрiи, въ которой наиболѣе

сильны были начала легитимизма и стараго порядка, Священный союзъ, какъ органъ международной политики, направилъ всѣ свои усилія на подавленіе стремленій отдѣльныхъ народностей къ національной самобытности и отдѣльныхъ государствъ къ политической свободѣ. «Упорное противодѣйствіе законнымъ народнымъ стремленіямъ,—говоритъ Шильдеръ, — къ достиженію гражданскаго преуспѣянія обратилось въ систему только благодаря содѣйствію благопріятныхъ для реакціонныхъ теченій обстоятельствъ». Монархіи Габсбурговъ, которая представляла изъ себя какъ бы конгломератъ различныхъ національностей и небольшихъ государствъ, грозили наибольшей опасностью стремленія къ національной и политической независимости. Поэтому во всѣхъ лицахъ, которыя или отстаивали эти принципы или покровительствовали имъ, австрійское правительство видѣло якобинцевъ. Такими выразителями якобинскаго начала въ глазахъ вѣнскаго кабинета былъ и бар. Штейнъ и самъ императоръ Александръ.

Дѣйствительно благодаря настоянію Александра, Людовикъ XVIII даровалъ Франціи конституціонную хартію; въ Царствѣ Польскомъ созданы были представительныя учрежденія, и Александръ лично тронной рѣчью открылъ въ 1818 г. первый варшавскій сеймъ; въ лицѣ русскаго императора мелкіе нѣмецкіе государи, отстаивавшіе свою независимость отъ австрійскихъ притязаній, находили себѣ могущественнаго покровителя. Подъ вліяніемъ Александра, по словамъ Меттерниха, вводились конституціонныя учрежденія въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ государствъ, монархи которыхъ были связаны родственными узами съ Россіей. Агенты библейскаго общества, устроеннаго въ Россіи по иниціативѣ Александра, дѣятельно распространяли по всей центральной Европѣ Евангелія на мѣстныхъ языкахъ, ободряли обездоленныхъ, бѣдныхъ и угнетенныхъ, и были въ глазахъ Меттерниха «сѣятелями не просвѣщенія, а мятежа». Русскими агентами наводненъ былъ, по мнѣнію вѣнскаго кабинета, и Апеннинскій полуостровъ, на которомъ съ каждымъ годомъ усиливалось движеніе въ пользу національнаго объединенія. Когда подавлена была испанская революція и на Пиринейскомъ полуостровѣ началась самая мрачная реакція, то Александръ, отправивъ въ Мадридъ Поццо-ди-Борго, совѣтовалъ Фердинанду VII болѣе умѣренный образъ дѣйствій, и слѣдствіемъ этого вмѣшательства было образованіе болѣе прогрессивнаго министерства. Графъ Каподистріа,

руководившій долгое время русской внѣшней политикой, былъ въ глазахъ европейскихъ реакціонеровъ «архиреволюціонеромъ», оказывавшимъ покровительство народнымъ движеніямъ, гдѣ бы они не проявлялись.

Но, отстаивая во многихъ случаяхъ народныя права, Александръ былъ далеко не увѣренъ, что конституціонная форма правленія можетъ быть примѣнима во всѣхъ государствахъ. «Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ любить ихъ,—сказалъ онъ французскому послу ла-Ферроннэ на Лайбахскомъ конгрессѣ,—но можно ли вводить ихъ безразлично у всѣхъ народовъ? Не всѣ народы готовы въ равной степени къ ихъ принятію». Однако, стоя на конституціонной точкѣ зрѣнія, русскій императоръ былъ открытымъ врагомъ революціи, наносившей смертельный ударъ системѣ «стабилизма», которая принята была за основаніе европейской политики на Вѣнскомъ конгрессѣ. Когда въ 1820 г., послѣ торжества революціи въ Испаніи, король Фердинандъ извѣстилъ Александра о своемъ согласіи на принятіе конституціи, то русскій императоръ отвѣчалъ ему, что «конституціи, дарованныя монархами, охраняютъ спокойствіе державъ, и напротивъ тѣ, кои были послѣдствіемъ возмущеній, ведутъ къ неустройству». Тогда же въ циркулярѣ петербургскаго кабинета было сказано, что «Испанія должна предъ лицомъ свѣта загладить безславіе своей революціи, и что мѣры, къ тому принятыя испанскимъ правительствомъ, рѣшатъ характеръ сношеній съ ними россійскаго монарха». Такими противорѣчіями отличались взгляды Александра въ тѣ годы, «когда онъ, — по словамъ Генца, — смотрѣлъ на себя, какъ на основателя европейской федераціи, и хотѣлъ бы, чтобъ на него смотрѣли, какъ на ея вождя».

Съ 1815 г., вплоть до смерти Александра, т.-е. цѣлыхъ 10 лѣтъ, европейскія дѣла обсуждались на конгрессахъ монарховъ и ихъ министровъ, вслѣдствіе чего этотъ періодъ называютъ эпохой конгрессовъ. Первый конгрессъ былъ созванъ въ Ахенѣ въ 1818 г., и главнымъ поводомъ для него послужило необходимостью обсудить положеніе Франціи, которою все еще продолжали занимать иноземныя войска.

Онъ собрался въ сентябрѣ 1818 г. Главными вопро. сами, на которыхъ было сосредоточено вниманіе державъ, были: 1) выступленіе оккупаціонной арміи изъ Франціи; (2 положеніе союзныхъ державъ по отношенію къ французскому

королевству. Французскій уполномоченный герцогъ Ришелье, поддержанный Россіей, настаивалъ на включеніи Франціи въ качествѣ полноправнаго члена въ составъ великаго европейскаго союза, но другія державы стояли за сохраненіе четверного союза, который являлся въ ихъ глазахъ средствомъ для того, чтобы помѣшать Франціи злоупотреблять ея свободой. Англія и Австрія употребляли всѣ усилія, чтобы изолировать Францію и воспрепятствовать сближенію ея съ Россіей. Но, благодаря вліянію Александра вопросъ объ эвакуаціи изъ Франціи союзныхъ войскъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и союзъ четырехъ державъ былъ превращенъ въ европейскую «пентархію». Однако порывать прежнія отношенія со старыми союзниками вовсе не входило въ намѣреніе Александра. 1 ноября 1818 г. четверной союзъ былъ возобновленъ, и новая конвенція, воспроизводя старые договоры, обязывала всѣхъ членовъ союза въ случаѣ надобности соединять свои войска для поддержанія установленнаго ими во Франціи порядка вещей въ тѣхъ случаяхъ, «когда въ этой странѣ произойдетъ какое-либо волненіе, могущее оказаться опаснымъ для спокойствія или безопасности ея сосѣдей». Эта конвенція не была опубликована, но была сообщена Людовику XVIII, послѣ чего Франція была принята полноправнымъ членомъ союза съ обязательствомъ защищать тотъ порядокъ, который установился въ Европѣ съ 1815 г. Въ офиціальномъ протоколѣ отъ 15 ноября значилось, что державы никогда не станутъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, если на то не будетъ формальнаго приглашенія со стороны заинтересованнаго государства. Въ особой деклараціи великія державы, кромѣ того, заявляли во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ усилія соединенныхъ между собою монарховъ будутъ клониться лишь къ тому, чтобы содѣйствовать миру и внутреннему благосостоянію государствъ и «пробужденію религіозныхъ и моральныхъ чувствъ, власть коихъ была значительно ослаблена бѣдствіями послѣднихъ временъ». Хотя импер. Александръ настаивалъ на періодичности конгрессовъ, однако главнымъ образомъ благодаря противодѣйствію Англіи, не желавшей вовлекаться въ постоянное обсужденіе дѣлъ континентальной Европы, эта мысль была отвергнута и положено было собирать конгрессы по требованію обстоятельствъ.

Еще съ эпохи освободительныхъ войнъ три начала опредѣляли стремленіе либеральныхъ элементовъ въ германскихъ

государствахъ—національная независимость, національное объединеніе и конституціонная форма правленія, въ увеличеніи ея свободы. Подъ вліяніемъ новыхъ идей въ цѣломъ рядѣ второстепенныхъ германскихъ государствъ введена была представительная форма правленія; при чемъ на ряду со старыми сословно-земскими учрежденіями создавались и конституціонныя палаты на французскій образецъ. Наиболѣе либеральныя конституціи были дарованы въ юго-западной Германіи, напр., въ Баваріи, Вюртембергѣ, въ Баденѣ и др., т.-е. въ государствахъ ближе всего лежащихъ къ Франціи. Даже въ Пруссіи, подъ вліяніемъ Гарденберга, королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ дано было въ 1810 г. довольно опредѣленное обѣщаніе ввести въ странѣ провинціальное и національное представительство. Въ 1815 г. новымъ декретомъ прусскій король торжественно подтверждалъ высказанное раньше обѣщаніе.

Въ народной массѣ съ эпохи освободительныхъ войнъ либерально-національное движеніе пустило еще гораздо болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ правительственныхъ сферахъ. Охранительная политика Австріи и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ государствъ находила себѣ сильный отпоръ среди учащейся молодежи, жадно воспринимавшей новыя идеи. Еще въ 1811 г. въ Берлинѣ нѣкто Янъ открылъ для молодежи гимнастическое общество, исходя изъ той идеи, что «здоровый духъ можетъ быть лишь въ здоровомъ тѣлѣ, и что, только развивъ въ себѣ духъ и тѣло, нѣмецкая нація въ состояніи будетъ сбросить съ себя иноземное иго». Въ 1815 г. іенскими студентами было образовано «Burschenschaft», въ цѣляхъ объединенія всѣхъ германскихъ студентовъ на почвѣ серьезныхъ научныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ интересовъ. Но если въ гимнастическомъ обществѣ Яна раздавались иногда ультро-националистическія рѣчи, то среди объединеннаго студенчества доходили нерѣдко до утвержденія, что цѣль оправдываетъ средства, что всѣ оружія хороши противъ измѣнниковъ и тирановъ и что не только возстаніе, но и убійство отдѣльныхъ лицъ можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ похвальнымъ дѣломъ. Однако стремленія нѣмецкихъ «буршей» бороться съ германскимъ партикуляризмомъ и ихъ громовыя рѣчи противъ тираніи далеко не могли нравиться большинству нѣмецкихъ государей. Поводомъ для репрессивныхъ мѣропріятій противъ гимнастическихъ обществъ и студенческихъ организацій послужило извѣстное празднованіе 300-лѣтняго юбилея реформа-

ціи и годовщины Лейпцигской битвы, устроенное по почину студентовъ Іенскаго университета 18 октября 1817 г. въ Эйзенахѣ близъ Вартбурга. Въ назначенный день съѣхалось около 500 делегатовъ изъ различныхъ германскихъ университетовъ и послѣ мирныхъ полурелигіозныхъ, полународническихъ манифестацій, по предложенію одного берлинскаго студента, преданы были огню книги, враждебныя духу германскаго народа въ родѣ наполеоновскаго кодекса, исторіи Германіи Коцебу, разсужденія Ансильона о верховныхъ правахъ монарховъ и государственныхъ учрежденій и сочиненій Шмальца, направленныхъ противъ Тугенбунда. Въ заключеніе въ качествѣ символовъ реакціи были сожжены; австрійская капральская палка, гессенская косичка и прусская гвардейская куртка. Рядъ державъ съ Австріей и Пруссіей во главѣ поспѣшили выразить свой протестъ великому герцогу веймарскому, во владѣніяхъ котораго происходила манифестація, вынужденному отмѣнить свободу печати, нарядить слѣдствіе надъ нѣсколькими профессорами и начать борьбу съ проявленіями свободолюбія. Въ Пруссіи закрыто было нѣсколько журналовъ, рядъ профессоровъ уволенъ былъ отъ должностей, многіе популярные писатели были арестованы, а университеты и ученыя ассоціаціи были подчинены драконовскимъ законамъ.

Александръ, конечно, не могъ безучастно относиться къ тому, что происходило въ Германіи, тѣмъ болѣе, что прежде въ очень многихъ изъ нѣмецкихъ государствъ онъ явно покровительствовалъ введенію либеральныхъ учрежденій. Но къ 1818 г. въ немъ все сильнѣе сталъ проявляться консервативный образъ мыслей. Вполнѣ понятно поэтому, что онъ одобрительно отнесся къ подданной ему въ Ахенѣ его бывшимъ секретаремъ Стурдза «Запискѣ о нынѣшнемъ состояніи Германіи». Въ ней авторъ объяснялъ тогдашнее броженіе умовъ въ нѣмецкихъ государствахъ слѣдующими причинами: 1) измѣненіемъ въ положеніи лицъ и сословій, отъ чего происходило стремленіе высшихъ образованныхъ общественныхъ элементовъ къ политическому единству Германіи и неудовольствіе низшихъ сословій; 2) превратностью религіозныхъ понятій, служащихъ къ утѣшенію страждущаго человѣчества и сдѣлавшихся орудіемъ страстей и заблужденій и 3) недостатками общественнаго воспитанія, возросшими до того, что самая совершенная система законодательства и администраціи была не въ силахъ противодѣйствовать ихъ гибель-

ному вліянію. Германскіе университеты представляли, по его мнѣнію, «разбойничьи притоны, устроенные адомъ на развратъ и пагубу юнаго поколѣнія». Авторъ угрожалъ Германіи надвигающейся революціей, говоря, что причинами ея будутъ: «слабость германскаго сейма, представительный образъ правленія, упадокъ религіи, необузданность періодической прессы, и прежде всего, варварскіе средневѣковые университеты». Эта записка безъ вѣдома Александра была напечатана, и когда по всей Германіи было возбуждено ею громадное недовольство, Стурдза тайно скрылся, объявивъ предварительно въ газетахъ, что его брошюра составлена и издана по приказанію русскаго государя. Писатель Коцебу, бывшій одновременно и тайнымъ агентомъ русскаго правительства и давно инсинуирующій противъ учащейся молодежи, взялъ открыто подъ свою защиту брошюру Стурдза. 23 марта 1820 г. онъ палъ въ Мангеймѣ, сраженный кинжаломъ студента Занда. По этому поводу въ либеральномъ журналѣ «Меркурій» его издатель Герресъ писалъ: «вся Германія порицаетъ убійство, но одобряетъ его мотивы». Вслѣдъ затѣмъ молодой лаборантъ Лепингъ покушался на жизнь нассаускаго президента фонъ-Ибеля.

Въ іюлѣ 1819 г. состоялось въ Теплицѣ свиданіе Меттерниха съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, при чемъ выработаны были мѣры для обузданія печати и университетовъ. Прусскій король поклялся не только отречься отъ своего проекта представительныхъ учрежденій, но и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, отмѣнѣ парламентаризма во всѣхъ германскихъ государствахъ. На предварительномъ совѣщаніи съ прусскими министрами, въ августѣ 1819 г., Меттерниху удалось настоять на принятіи ряда репрессивныхъ мѣръ: университеты ставились подъ надзоръ кураторовъ; цензурныя строгости усиливались; для искорененія демагоговъ учреждалась особая слѣдственная комиссія для всей Германіи съ самыми широкими полномочіями. Въ сентябрѣ 1819 г. эти предложенія были приняты на конференціи всѣхъ нѣмецкихъ министровъ въ Карлсбадѣ, при чемъ Меттернихъ настаивалъ еще на томъ, чтобы свободныя учрежденія германскихъ государствъ были ограничены отдѣльными собраніями земскихъ чиновъ, а въ 1820 г. они были проведены черезъ союзный сеймъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Такимъ образомъ рѣшенія карлсбадской конференціи должны были предупреждать насильственныя революціи, но для Меттерниха важно было устранить возмож-

ность и мирныхъ переворотовъ, для чего онъ въ 1820 г. созвалъ новую конференцію въ Вѣнѣ. На ней обсуждался вопросъ о формахъ правленія въ государствахъ нѣмецкаго союза, и Меттерниху удалось провести идею, что хотя представительныя учрежденія ограничиваютъ верховную власть въ пользованіи извѣстными правами, однакоже сословные чины не могутъ стѣснять германскихъ государей въ исполненіи ихъ обязанностей, относящихся къ общему союзу. Но второстепеннымъ державамъ, не скрывавшимъ своего недовѣрія въ Австріи, удалось оградить вполнѣ независимость союзныхъ государей отъ посторонняго вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, и въ этомъ отношеніи они нашли могущественную поддержку въ лицѣ русскаго императора.

Надъ Германіей нависла свинцовая туча реакціи. Въ Майнцѣ начала функціонировать слѣдственная комиссія, которая безжалостно карала за принадлежность къ студенческимъ кружкамъ и къ «тугенбунду», отожествляя ихъ съ революціонными организаціями. Печать задавлена была цензурнымъ гнетомъ. Національно-либеральная партія, особенно въ Пруссіи, была сокрушена. Даже надъ законодательными палатами южно-германскихъ государствъ былъ учрежденъ надзоръ, а изъ засѣданій франкфуртскаго сейма изгнана была публичность и гласность. Повсемѣстно были закрыты гимнастическія общества, какъ вносившія безпокойство въ тогдашній общественный строй, а ихъ учредитель Янъ былъ подвергнутъ шестилѣтнему тюремному заключенію. На высшія школы обращено было особое вниманіе правительственныхъ сферъ, и въ этомъ отношеніи весьма характерной является рѣчь императора Франца, съ которой онъ обратился въ 1821 г. къ лайбахскимъ профессорамъ. «Теперь пущены въ ходъ новыя идеи,— сказалъ онъ,—я не могу одобрить и никогда не одобрю ихъ. Держитесь стараго, ибо оно хорошо; наши предки держались его и чувствовали себя хорошо. Почему же намъ не держаться его также? Мнѣ нужны добрые граждане, а не ученые. Воспитывать таковыхъ — вашъ долгъ. Кто служитъ мнѣ, обязанъ учить такъ, какъ я желаю. Кто не можетъ, кто является съ новыми идеями, можетъ уйти, иначе я удалю его самъ».

Реакція давала себя сильно чувствовать и на южныхъ полуостровахъ Европы. Въ эпоху французскаго владычества и въ Испаніи и въ Италіи созданы были представительныя учрежденія. Чтобы судить о томъ, какими широкими

полномочіями пользовались народные представители, довольно напомнить, что по испанской конституціи 1812 г., которая являлась какъ бы сколкомъ съ французской конституціи 1791 г., вводилась однопалатная система со всеобщей подачей голосовъ. Кортесы по этой конституціи пользовались громаднымъ вліяніемъ въ законодательствѣ и въ финансовомъ управленіи; въ ихъ рукахъ сосредоточенъ былъ самый широкій контроль надъ дѣятельностью министровъ; они принимали участіе даже въ ратификаціи договоровъ съ иностранными государствами. Послѣ реставраціи на обоихъ полуостровахъ начинаетъ широко расправлять свои крылья самая необузданная реакція. Она находила себѣ поддержку въ низшихъ слояхъ народа, всецѣло находившихся подъ вліяніемъ клерикальной партіи. До чего доходилъ пылъ сторонниковъ стараго порядка, можно судить по мѣропріятіямъ правительства сардинскаго короля Виктора-Эммануила послѣ реставраціи его въ Пьемонтѣ въ 1814 г. Дѣло доходило до того, что «отмѣнялись рѣшенія судовъ, постановленныя во время отсутствія короля, и объявлялись незаконными браки, заключенные по кодексу Наполеона». Кромѣ того, предписывалось, напр., носить платье прежняго покроя; рѣшено было не исправлять дорогъ, проложенныхъ французами; хотѣли было разрушить мостъ черезъ По, построенный по повелѣнію Наполеона; ботаническій садъ, заведенный французами въ Туринѣ, былъ прямо уничтоженъ; преподаватели учебныхъ заведеній, назначенные французскимъ правительствомъ, увольнялись». Абсолютизмъ могъ праздновать свою побѣду и въ Испаніи и въ раздробленной на рядъ мелкихъ государствъ Италіи, гдѣ къ тому же давало себя сильно чувствовать австрійское господство. Русскій посланникъ при испанскомъ дворѣ смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ неистовства клерикально-аристократической реакціи, и подъ его вліяніемъ Фердинандъ VII обратился въ 1817 г. къ членамъ Священнаго союза за помощью въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія въ его заатлантическихъ колоніяхъ. Въ январѣ 1818 г. импер. Александръ обратился даже съ меморандумомъ къ державамъ, съ цѣлью побудить ихъ къ коллективнымъ дѣйствіямъ противъ американскихъ инсургентовъ. Но Англія, которая явно и тайно содѣйствовала отпаденію отъ метрополіи южно-американскихъ колоній, выступила противъ этого пред-

ложенія, желая парализовать вліяніе Россіи на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Въ реакціонной правительственной атмосферѣ стали зарождаться и крѣпнуть тайныя общества и союзы. Въ Испаніи они назывались «хунтами», а въ государствахъ Апеннинскаго полуострова носили названіе «юнтъ». Въ Италіи самой сильной организаціей было общество карбонаріевъ, но на ряду съ нимъ дѣйствовало много другихъ союзовъ, преслѣдовавшихъ довольно разнообразныя цѣли, но объединенныхъ однимъ желаніемъ: видѣть Италію независимой. Если въ Германіи, гдѣ была сильно развита научная мысль, очагомъ революціоннаго броженія явились университеты, то въ Испаніи и въ Италіи, въ которыхъ цѣлый рядъ вѣковъ вырабатывалъ и закалялъ воинственный пылъ, главнымъ факторомъ народнаго движенія явилось войско. Среди военныхъ тайныя общества преимущественно вербовали своихъ членовъ; на армію возлагали всѣ свои надежды вожди революціонныхъ организацій. Въ теченіе какого-нибудь года съ небольшимъ всѣ государства обоихъ полуострововъ были охвачены революціоннымъ броженіемъ. Въ январѣ 1820 г. вспыхнула революція въ Испаніи; въ іюлѣ того же года — въ Неаполѣ, а также въ Сициліи; въ августѣ — въ Португаліи; наконецъ въ мартѣ слѣдующаго года — въ Пьемонтѣ. Съ этимъ новымъ напоромъ народнаго движенія великія державы должны были бороться дружными коллективными мѣропріятіями. Какъ только обнаружились успѣхи испанскихъ революціонеровъ, глава французскаго правительства герц. Ришелье сказалъ: «Теперь начинается открытая борьба между добрыми и злыми принципами, только крѣпчайшій союзъ всѣхъ правительствъ можетъ спасти міръ отъ величайшаго несчастія». Въ мартѣ 1820 г. русское правительство выступило съ предложеніемъ, чтобы пять державъ, объединенныхъ Священномъ союзомъ, приняли какое-либо рѣшеніе для возстановленія порядка въ Испаніи, хотя бы для этого пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Но ни Англія, ни Австрія не дали своего согласія на вмѣшательство, боясь усиленія вліянія Россіи и Франціи на Пиренейскомъ полуостровѣ. Однако Меттерниху скоро пришлось измѣнить свою точку зрѣнія, какъ только заревомъ возстановленія были охвачены сосѣднія съ Австріей итальянскія государства.

Въ 1820 г. стали стягиваться австрійскія войска въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, но для формальнаго согла-

сія на вмѣшательство въ неаполитанскія дѣла былъ созванъ конгрессъ въ Троппау. Онъ открылъ свои засѣданія 23 октября 1820 г. подъ предсѣдательствомъ Меттерниха, при чемъ Англія и Франція на немъ не были официально представлены. Предъявленный Меттернихомъ австрійскій мемуаръ развивалъ ту мысль, что каждое правительство имѣетъ право вмѣшиваться, по поводу политическихъ измѣненій, происшедшихъ въ чужомъ государствѣ, если эти измѣненія грозятъ его интересамъ и основамъ его существованія. Въ качествѣ главнаго довода своего права на вооруженное вмѣшательство, вѣнскій кабинетъ ссылался на договоръ 1815 г., въ которомъ неаполитанскій король обязывался не допускать въ своемъ государствѣ никакой перемѣны, которая была бы противна древнимъ монархическимъ принципамъ, принятымъ Австріею во внутреннемъ управленіи своими итальянскими провинціями. Что касается русскаго уполномоченнаго гр. Каподистріа, то онъ вмѣстѣ съ французскимъ посломъ Ла-Ферронэ, стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что прежде, чѣмъ прибѣгнуть въ силѣ, надобно предложить неаполитанскому правительству отречься отъ принципа возстанія и снова покориться королю. Самъ имп. Александръ высказывался не за возстановленіе въ Неаполѣ во всей полнотѣ прежняго строя, но за установленіе новаго порядка на законныхъ основаніяхъ «по взаимному соглашенію между королемъ и народомъ».

Конституціонныя державы Франція и Англія на Троппаускомъ конгрессѣ довольно рѣзко отмежевались отъ остальныхъ членовъ Священнаго союза, такъ что для того, чтобы не обнаруживать происшедшаго раскола, окончательный протоколъ, подписанный только Россіей, Австріей и Пруссіей, не былъ опубликованъ. Въ этомъ протоколѣ были выработаны общія положенія, которыя затѣмъ предполагали примѣнить къ разрѣшенію неаполитанскаго вопроса. Они гласили, что «государства европейскаго союза, подвергаясь вслѣдствіе мятежа измѣненію своихъ правительственныхъ формъ, угрожающему опасными послѣдствіями для другихъ государствъ, перестаютъ чрезъ то самое быть членами союза и остаются исключенными изъ него, пока ихъ внутреннее состояніе не представитъ ручательствъ за ихъ порядокъ и прочность». Союзныя державы обязывались «не допускать перемѣнъ, совершонныхъ незаконнымъ путемъ». Въ случаѣ, если эти перемѣны станутъ угрожать явной опасностью сосѣднимъ государствамъ, союз-

ныя державы «употребляютъ сначала дружескія увѣщанія, а потомъ и принудительныя мѣры, если окажется необходимо прибѣгнуть къ вооруженной силѣ». Для посредническихъ переговоровъ неаполитанскаго короля рѣшено было пригласить на конгрессъ, который для удобства переносился въ Лайбахъ. Если же Фердинандъ не пріѣдетъ, «значитъ онъ не свободенъ, и державы освободятъ его». Такимъ образомъ во время конгресса въ Троппау въ русской внѣшней политикѣ обнаружился рѣзкій поворотъ отъ сочувствія законно-свободнымъ учрежденіямъ къ безусловному поддержанію правъ верховной власти. По словамъ Н. К. Шильдера «въ Троппау Священный союзъ выступилъ изъ сферы туманнаго мистицизма на практическую почву и получилъ ту окраску, которую сумѣлъ придать ему Меттернихъ, при чемъ творецъ этого союза, имп. Александръ, утратилъ всякую свободу дѣйствій и самостоятельность взглядовъ».

Въ связи съ мѣропріятіями Лайбахскаго конгресса, обнаружилось тѣсное единеніе петербургскаго и вѣнскаго кабинетовъ. Самъ имп. Александръ вполнѣ освоился съ убѣжденіемъ, что «австрійская и русская арміи являлись какъ бы большими дивизіями великой арміи порядка, которымъ суждено совмѣстно побѣждать общихъ враговъ».

Но не успѣлъ Священный союзъ силою австрійскаго оружія внести успокоеніе на Апеннинскомъ полуостровѣ, какъ европейскій политическій горизонтъ былъ подернутъ снова грозовыми тучами. Въ 1821 г., еще въ то время, когда засѣдалъ Лайбахскій конгрессъ, началось греческое возстаніе. Системѣ стабилизма наносился новый рѣшительный ударъ. Почва для идеи всеобщаго возстанія была подготовлена въ Греціи усиленіемъ съ конца XVIII в. торговыхъ сношеній и широкимъ распространеніемъ образованія въ народныхъ массахъ. Основной ячейкой движенія явились тайныя общества или «гетеріи», основанныя въ Одессѣ Николаемъ Скуфасомъ. При посредствѣ своихъ журналовъ, книгъ и брошюръ гетеристы почти открыто подготовляли борьбу за національную независимость грековъ. И Морея и Цикладскіе острова были наводнены русскими агентами, а греческіе патріоты ѣздили въ Россію за наставленіями и за поддержкой своихъ плановъ. Полагаясь на великодушіе Александра, члены гетеріи были увѣрены, что онъ поддержитъ усилія греческаго народа отстоять свою національную независимость.

Священный союзъ.

(Совр. гравюра).

Хотя еще во время Вѣнскаго конгресса Александръ довольно благосклонно принялъ записку Стурдза о положенiи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, однако уже въ 1815 г. онъ жаловался гр. Каподистрiа, что «революцiонеры ничего лучшаго не желаютъ, какъ вовлечь его въ борьбу съ Турцiей». Когда въ Лайбахѣ Александръ получилъ отъ кн. Ипсиланти, генералъ-майора русской службы, письмо съ извѣщенiемъ о началѣ возстанiя и вмѣстѣ съ тѣмъ съ просьбой оказать поддержку дѣлу грековъ, онъ очутился въ большомъ затрудненiи. Съ одной стороны, онъ не хотѣлъ порывать съ традицiонной политикой Россiи на Востокѣ, съ другой стороны, державы въ только что сдѣланномъ постановленiи, къ которому присоединился и русскiй императоръ, согласились считать непозволительнымъ возстанiя подданныхъ противъ законныхъ правительствъ. Но Александръ остался вѣренъ принципамъ Священнаго союза. Его отвѣтъ былъ полонъ осужденiя и дѣйствiй самого Ипсиланти и поступковъ заговорщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскiй посолъ при турецкомъ дворѣ бар. Строгановъ долженъ былъ довести до свѣдѣнiя Порты, что «политика россiйскаго монарха всегда будетъ чужда покушенiямъ, нарушающимъ спокойствiе какой-либо страны, и что государь, въ своихъ сношенiяхъ съ Портою, ничего не желаетъ, кромѣ постояннаго и точнаго соблюденiя трактатовъ, существующихъ между обѣими державами».

Но турецкое правительство не могло быть успокоено этимъ заявленiемъ, оно уже давно подозрѣвало, что Священный союзъ, главой котораго былъ русскiй императоръ, имѣлъ своею скрытой цѣлью уничтоженiе магометанства путемъ объединенiя дѣйствiй всей христiанской Европы. Поэтому турецкiй султанъ, какъ только началось возстанiе, призвалъ путемъ воззванiя, надѣлавшаго много шума, всѣхъ своихъ мусульманскихъ подданныхъ въ «священной войнѣ во имя пророка и Корана». Послѣдовали массовыя избiенiя христiанъ. Жертвой разъяреннаго фанатизма палъ константинопольскiй патрiархъ; замучены были до смерти еще нѣсколько высшихъ iерарховъ православной Церкви. Русское правительство не могло, конечно, оставаться безмолвнымъ передъ лицомъ этихъ ужасовъ, творившихся на Балканскомъ полуостровѣ. Александръ рѣшилъ обратиться къ Портѣ съ открытымъ вызывомъ. 28 iюня русское правительство предъявило Портѣ рядъ условiй, которыя носили характеръ ультиматума. «Блистательная

Порта, — говорилось въ немъ,—ставитъ христіанскія государства въ необходимость задать себѣ вопросъ, могутъ ли они спокойно смотрѣть на уничтоженіе цѣлаго православнаго народа, могутъ ли они терпѣть подобныя оскорбленія религіи и допускать существованіе государства, угрожающаго нарушить миръ, купленный Европою цѣною столькихъ жертвъ». Въ теченіе 8 дней турецкое правительство должно было формально дать отвѣтъ на слѣдующія требованія: 1) возстановить церкви, разрушенныя или попорченныя мусульманскими фанатиками; 2) обезпечить христіанскому культу серьезныя гарантіи и полную защиту и тѣмъ успокоить Европу, взволнованную казнью патріарха; 3) отличать въ числѣ подданныхъ провинцій, взволнованныхъ войной, виновныхъ отъ невиновныхъ и щадить тѣхъ, которые остались покорными или которые покорятся въ назначенный срокъ и 4) немедленно назначить въ дунайскія княжества господарей и вывести изъ нихъ войска. Въ заключеніе было сказано, что въ случаѣ отказа на эти требованія, Порта поставляетъ себя во враждебное положеніе къ христіанскому миру; что она оправдываетъ сопротивленіе грековъ, поставленныхъ ею въ необходимость сражаться для избѣжанія явной гибели, и что самый характеръ этой борьбы налагаетъ на Россію долгъ предложить убѣжище угнетеннымъ, а равно, вмѣстѣ со всѣми христіанскими державами, оказать Греціи покровительство и помощь, потому что государь не можетъ предать своихъ единовѣрцевъ на произволъ слѣпого изувѣрства. Чтобы еще больше подчеркнуть свои намѣренія и увлечь Европу на путь своей политики, Александръ послалъ 4 іюля четыремъ великимъ державамъ ноту, въ которой онъ старался доказать, что его поведеніе не содержало ни малѣйшей непослѣдовательности и что въ его программѣ не было никакой честолюбивой задней мысли; что онъ являлся на Балканскомъ полуостровѣ, какъ и повсюду, явнымъ противникомъ революціи и поборникомъ порядка; что, наконецъ, совершенно естественно было бы предоставить ему, отъ имени Священнаго союза, возстановленіе порядка въ Греціи, подобно тому, какъ Австрія была уполномочена на аналогичныя дѣйствія въ Италіи. Поэтому онъ категорически спрашивалъ союзниковъ: 1) что они предпримутъ, если возникнетъ война между Россіей и Портой? и 2) что они предложатъ взамѣнъ турецкаго господства, если во время этой войны оно будетъ уничтожено? Такимъ

образомъ, идея раздѣла турецкихъ владѣній уже начинала въ это время носиться въ воздухѣ.

Если Россія изъ своего конфликта съ Турціей старалась сдѣлать вопросъ исключительно русской внѣшней политики, то вѣнскій и лондонскій кабинеты, наоборотъ, хотѣли придать ему общеевропейскій характеръ. Въ ихъ интересы вовсе не входило раздробленіе оттоманской имперіи и усиленіе за ея счетъ могущества русскаго императора. Меттернихъ и Кастельри въ секретныхъ письмахъ сообщали имп. Александру, что «событія на Востокѣ, по ихъ мнѣнію, составляютъ развитіе революціонныхъ началъ, послѣдовательно распространившихся по Европѣ и вспыхивавшихъ каждый разъ, какъ верховная власть ослабѣвала по какой-нибудь причинѣ», — «что революціонное дѣло не заслуживаетъ въ Греціи большей поддержки, чѣмъ въ Италіи; — что нужно предоставить законной власти, т.-е. Портѣ, право бороться съ нимъ; — что неистовства и безумія турокъ сами собою прекратятся, какъ только султанъ не будетъ имѣть возможности подозрѣвать своего сосѣда въ потворствѣ мятежу». Запугивая Александра гибельными послѣдствіями народныхъ волненій, оба кабинета рѣшили приложить всѣ усилія, чтобы внести охлажденіе въ отношенія его къ гр. Каподистріа, усиліямъ котораго приписывали не безъ основанія недавній поворотъ въ русской внѣшней политикѣ. Всегда колеблющійся и нерѣшительный Александръ довольно скоро подпалъ подъ вліяніе тѣхъ взглядовъ, которые установились на греческій вопросъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ. Въ августѣ 1822 г. онъ окончательно разстался съ Каподистріа и охранительная точка зрѣнія восторжествовала въ русско-турецкомъ конфликтѣ.

Опасенія Меттерниха, что «брешь, пробитая въ системѣ европейскаго монархическаго союза войною съ турками, явилась бы брешью, черезъ которую ускореннымъ шагомъ вторглась революція», могли мало-по-малу разсѣяться. При такихъ обстоятельствахъ созванъ былъ новый конгрессъ въ Веронѣ въ октябрѣ 1822 г.

На его обсужденіе поставлены были слѣдующіе три вопроса: 1) о возстановленіи законнаго правительства въ Испаніи; 2) о мѣрахъ для прекращенія торговли неграми; и 3) о водвореніи мира на Востокѣ. Три сѣверныя державы, главнымъ образомъ, по настоянію Александра, рѣшительно высказались за подавленіе революціоннаго движенія въ Испаніи. Возстановленіе

порядка на Пиренейскомъ полуостровѣ возложено было на Францію послѣ того, какъ на требованіе конгресса измѣнить конституцію въ болѣе монархическомъ смыслѣ, испанское правительство отвѣтило гордымъ отказомъ. Только одинъ англійскій уполномоченный гер. Веллингтонъ высказался противъ вооруженнаго вмѣшательства въ испанскія дѣла; русскій же императоръ предлагалъ даже свою армію въ помощь французскимъ войскамъ. Весной 1823 г. французская армія подъ предводительствомъ гер. Ангулемскаго подавила революціонное броженіе въ Испаніи и возстановила во всей силѣ прежнюю власть короля Фердинанда.

Что касается греческаго вопроса, то онъ на Веронскомъ конгрессѣ былъ выведенъ изъ сферы русско-турецкаго конфликта и былъ объявленъ одинаково касающимся всѣхъ членовъ союза. Въ силу чего въ его разрѣшеніи всѣ державы должны были дѣйствовать коллективно. Беря на себя роль верховнаго арбитра въ столкновеніи между греками и Портой, конгрессъ не допустилъ на совѣщанія прибывшую въ Верону греческую депутацію съ ходатайствомъ за повстанцевъ. Грекамъ не оставалось ничего иного, кромѣ надежды на самихъ себя и вѣры въ правоту своего дѣла.

Уже въ январѣ 1822 г. временное правительство созвало національное собраніе, которое, провозгласивъ независимость Греціи, вотировало въ высшей степени демократическую конституцію. Потерявъ увѣренность въ поддержкѣ Россіи, молодое греческое государство получило неожиданно покровителя въ лицѣ Каннинга, занявшаго какъ разъ въ это время мѣсто Кастльри. Англійское правительство, устами новаго министра, высказалось за вмѣшательство и за поддержаніе христіанъ-грековъ противъ мусульманско-турецкаго ига. Увѣренность въ помощи и поддержкѣ со стороны Англіи придала грекамъ новыя силы, и борьба за независимость продолжалась. Меттернихъ превосходно понималъ, какъ сильно въ моральномъ отношеніи проигрывала Россія, отступая отъ традиціонной политики въ восточномъ вопросѣ: «Русскій кабинетъ, — писалъ онъ импер. Францу,—однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра и всѣхъ его преемниковъ». Но Александръ, казалось, этого не сознавалъ.

Отношенія Россіи къ Турціи продолжали оставаться натянутыми. Порта давала неопредѣленное обѣщаніе: «доказать цѣлымъ рядомъ дѣйствій, въ какой степени европейскія дер-

жавы могли положиться на ея благоразуміе и умѣренность». А между тѣмъ въ дунайскихъ княжествахъ, подъ предлогомъ прекращенія грабежей, оставлены были два независимыхъ отъ господарей военачальника съ отрядомъ въ три тысячи человѣкъ. Хотя во время свиданія Александра съ Францемъ въ Черпавчицѣ осенью 1823 г. Меттернихъ и старался внушить ему, что Порта сдѣлала все, обѣщая снисхожденіе грекамъ, однако Александръ, раздраженный медлительностью турецкаго правительства, готовъ былъ даже объявить войну. Въ русскомъ обществѣ война съ Турціей въ то время была крайне популярна. Въ грекахъ видѣли единовѣрцевъ и въ войнѣ за нихъ — святое дѣло, крестовый походъ противъ невѣрныхъ.

Въ началѣ 1824 г. къ союзнымъ дворамъ была разослана русская циркулярная нота, въ которой, между прочимъ, говорилось: «Можетъ ли Россія оставаться равнодушною, когда разстроены ея связи съ Востокомъ, поражена бездѣйствіемъ ея торговля и нарушены ея важнѣйшие интересы?» Вопросъ о будущей судьбѣ грековъ былъ поставленъ въ этой нотѣ необходимымъ условіемъ для возстановленія политическихъ сношеній между Россіей и Портой, при чемъ предложеніе русскаго кабинета состояло въ томъ, чтобы образовать на материкѣ Греціи три княжества, подъ верховнымъ господствомъ Турціи, по образцу дунайскихъ княжествъ. Для обсужденія своего проекта Россія предлагала державамъ созвать конференцію въ Петербургѣ. Хотя Меттернихъ и Каннингъ были противъ этого, однако, въ концѣ-концовъ, должны были согласиться, не желая давать Россіи преобладающаго положенія въ разрѣшеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Александръ чувствовалъ свое затруднительное положеніе и искалъ поддержки на сторонѣ. Въ 1824 г. онъ сказалъ французскому послу Ля-Ферроннэ слѣдующія знаменательныя слова: «Помогите мнѣ уладить это греческое дѣло; знайте, что я одинъ, въ цѣлой моей имперіи, хочу мира для обращенія всѣхъ моихъ силъ противъ революціонеровъ южной и западной Европы; но я могу умереть, и вы останетесь тогда въ страшной опасности». На конференціи Россія выступила съ предложеніемъ потребовать отъ Порты заключенія перемирія, подъ угрозой отзыва всѣхъ европейскихъ миссій, но остальные уполномоченные предлагали обратиться съ запросомъ къ турецкому правительству: не найдетъ ли оно возможнымъ обратиться къ общему посредничеству и на время переговоровъ прекра-

тить военныя дѣйствія. Въ этомъ смыслѣ и составленъ былъ протоколъ, но на представленіе державъ Турція отвѣтила весьма рѣшительно, что «она не допуститъ никакого посторонняго вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла» и что «она не нуждается ни въ чьихъ услугахъ и не можетъ обѣщать никакого измѣненія въ своихъ учрежденіяхъ». Но еще до полученія этого отвѣта русскій кабинетъ обратился къ европейскимъ дворамъ съ новой нотой, въ которой доводилось до ихъ свѣдѣнія, что «отнынѣ Россія намѣрена дѣйствовать, соображаясь только съ своими правами и выгодами».

Такимъ образомъ греческій вопросъ наносилъ рѣшительный ударъ прочности Священнаго союза и въ виду консервативной позиціи, занятой континентальными державами, приводилъ къ сближенію русскаго кабинета съ англійскимъ, хотя точки зрѣнія Каннинга и Александра были различны, такъ какъ первый высказывался за признаніе политической независимости Греціи, а послѣдній, не желая потворствовать революціонному духу, хотѣлъ дать ей такое же устройство, какимъ пользовалась уже Сербія. Въ исходѣ 1825 г. такое сближеніе уже вполнѣ опредѣленно намѣчалось. Каннингу было предложено, совмѣстно со всѣми державами, принять на себя иниціативу въ рѣшеніи греческаго вопроса.

Отказавшись съ самаго начала возстанія отъ энергичныхъ мѣропріятій въ пользу грековъ, Александръ принесъ невознаградимую жертву Священному союзу и потерялъ плоды всѣхъ подвиговъ, совершонныхъ имъ для освобожденія Европы. «Этотъ герой конгрессовъ», по выраженію Соловьева, на закатѣ своихъ дней сдѣлался оплотомъ общеевропейской реакціи, хотя онъ самъ настолько слабо сознавалъ это, что еще на смертномъ одрѣ заявлялъ о вѣрности либеральнымъ убѣжденіямъ своей молодости. Въ отсутствіи въ характерѣ Александра сильнаго душевнаго закала, въ присущихъ ему нерѣшительности и колебаніяхъ и въ общемъ направленіи европейской общественной мысли, утомленной бурями и грозами революціонной эпохи, надо искать источника тѣхъ началъ, которыми проникнутъ былъ актъ Священнаго союза, явившійся какъ бы основаніемъ реакціонной политики въ международныхъ отношеніяхъ Европы послѣднихъ десяти лѣтъ царствованія Александра I. Благодаря всему этому эпоха конгрессовъ сдѣлалась самымъ мрачнымъ періодомъ въ исторіи Европы первой половины XIX ст.

В. Бочкаревъ.

Реакція въ Россіи.

Вторая половина царствованія Александра I, падающая на время послѣ Отечественной войны и заграничныхъ походовъ, носитъ совершенно опредѣленный реакціонный характеръ. Какъ извѣстно, русская реакція 1812—1825 гг. была только частью общеевропейской реакціи: всѣ европейскія правительства этой эпохи, потрясенныя грозными событіями французской революціи и Наполеоновской эпопеи, напрягали усилія для того, чтобы укрѣпить расшатанныя основы политическаго строя и побороть освободительныя стремленія своихъ подданныхъ. Но было бы ошибочно объяснять русскую реакцію, какъ это дѣлалось не разъ въ литературѣ, исключительно дѣйствіями русскаго правительства, увлеченнаго примѣромъ другихъ европейскихъ правительствъ. Несомнѣнно, въ состояніи самого русскаго общества той эпохи можно найти условія, объясняющія проявленное этимъ обществомъ стремленіе къ попятному движенію; не принимая во вниманіе этихъ мѣстныхъ причинъ, невозможно удовлетворительно истолковать себѣ, отчего реакціонныя идеи Запада такъ хорошо принялись на русской почвѣ.

Говоря о причинахъ реакціоннаго поворота въ русскомъ обществѣ, прежде всего слѣдуетъ остановиться на фактахъ экономическаго характера. Экономическая исторія Россіи еще очень мало разработана, но фактъ значительнаго замедленія въ ростѣ русскаго вывоза въ Александровскую эпоху сравнительно со временемъ Екатерины II можно считать несомнѣнно установленнымъ. Въ вывозѣ же русскаго сырья за границу былъ заинтересованъ прежде всего тогдашній командующій классъ — дворянство, и многіе представители этого класса должны были мечтать о возвращеніи прежнихъ условій, столь благопріятныхъ для нихъ. То же дворянство въ зна-

чительной степени являлось и держателемъ государственныхъ ассигнацій, — а между тѣмъ финансовая политика русскаго правительства начала XIX вѣка привела къ обезцѣненію этихъ ассигнацій; наибольшаго паденія русскій ассигнаціонный рубль достигъ именно послѣ войны 1812 года. Далѣе, самая основа дворянскаго благосостоянія — владѣніе крѣпостными душами — представлялась болѣе прочной въ концѣ XVIII вѣка, чѣмъ въ началѣ XIX. Екатерининская эпоха была эпохой наивысшаго развитія крѣпостного права, она принесла русскому дворянству офиціальное признаніе полноты его рабовладѣльческихъ правъ и дала ему сословную организацію. Правда, въ царствованіе Александра ничего — или почти ничего — не было сдѣлано для ослабленія гнета крѣпостного права, но и однихъ неопредѣленныхъ слуховъ о намѣреніи правительства освободить крестьянъ было достаточно для того, чтобы заставить представителей дворянства испуганно насторожиться. Въ силу всѣхъ этихъ условій немудрено, что для многихъ русскихъ дворянъ первой четверти XIX столѣтія эпоха Екатерины представлялась золотымъ вѣкомъ.

Въ той психологической атмосферѣ, которая создалась въ русскомъ обществѣ во вторую половину царствованія Александра, очень значительную роль сыграла борьба съ Наполеономъ; говоря о послѣдствіяхъ Отечественной войны для Россіи, никакъ нельзя обойти того вліянія, которое она оказала на душевный укладъ очень многихъ людей александровскаго времени.

Въ 1819 г. Александръ I говорилъ квакеру Грелье де-Мобилье: «Въ 1812 г. Господь снова призвалъ меня къ Себѣ, по любви и милосердію Своему, и прежнія движенія благодати возобновились въ сердцѣ моемъ съ новою силою». Прусскій евангелическій епископъ Эйлертъ передаетъ такія слова Александра: «Вслѣдствіе воспитанія, общаго въ то время въ высшихъ кругахъ европейскаго общества, я чувствовалъ душевную пустоту, но московскій пожаръ озарилъ мою душу, и судъ Божій, совершившійся на ледяныхъ поляхъ, наполнилъ мое сердце невѣдомою дотолѣ теплою вѣрою; съ тѣхъ поръ я сталъ другимъ человѣкомъ... Тогда я познала Бога, какъ Его описываетъ Священное писаніе»... Вотъ очень важное свидѣтельство современника о психологическомъ вліяніи Отечественной войны. Тѣмъ же чувствомъ смиреннаго

подчиненія велѣніямъ Божіимъ проникнута и извѣстная надпись на медали въ память 1812-го года: «Не намъ, не намъ, Господи, но имени Твоему даждь славу». Для людей, проникшихся убѣжденіемъ въ томъ, что судьбы народовъ устраиваются непосредственно Божествомъ и что разумъ человѣческій ничто передъ высшими велѣніями, всякая попытка общественнаго переустройства на раціональныхъ началахъ должна была представляться суетнымъ и вреднымъ мудрствованіемъ; съ ихъ точки зрѣнія самое разумное было предоставить руководство человѣческими дѣлами Провидѣнію на небѣ и правительству на землѣ. Кромѣ того, въ событіяхъ 1812—1815 гг. усматривали совершенно опредѣленно, каковы именно были Божественныя предопредѣленія: побѣда самодержавной Россіи надъ Наполеономъ, этимъ дѣтищемъ революціи, распространявшимъ ея начала по всей Европѣ, смѣло разрушавшимъ старые общественные устои, представлялась торжествомъ охранительныхъ принциповъ надъ духомъ вольнодумства и мятежа, Божьей карой Франціи за ея отступленіе отъ освященныхъ временемъ общественныхъ началъ. Побѣда надъ Наполеономъ приравнивалась къ побѣдѣ надъ революціей. Такимъ логическимъ путемъ часть русскаго дворянства дѣлала изъ событій европейской исторіи общественные выводы реакціоннаго свойства. Мистицизмъ явился спутникомъ политической реакціи — какъ это обыкновенно бываетъ.

Во внѣшней политикѣ Россія съ 1816 года вступила на новый путь — апокалиптическій, по выраженію историка эпохи (Шильдера). «Отнынѣ въ дипломатическихъ документахъ... вмѣсто ясно преслѣдуемыхъ политическихъ цѣлей встрѣчаются уже темныя толкованія о геніи зла, побѣжденномъ Провидѣніемъ, о глаголѣ Всевышняго, о словѣ жизни»... На практикѣ эти туманныя выраженія означали то, что Россія стала играть видную роль въ общеевропейскомъ реакціонномъ движеніи. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности этого движенія, геніемъ - вдохновителемъ и организаторомъ котораго былъ знаменитый Меттернихъ. Тревожимые призракомъ революціи, монархи и ихъ министры съѣзжались на конгрессы для обсужденія того, какъ имъ совмѣстными усиліями удержать въ старыхъ цѣпяхъ народы, стремившіеся — особенно на южныхъ полуостровахъ — къ освобожденію отъ гнета, и какъ ликвидировать наслѣдіе

великой революціи. Послушный исполнитель плановъ Меттерниха, Александръ дошелъ до того, что не рѣшился прійти на помощь единовѣрной Греціи, возставшей противъ гнета турокъ: это означало бы, по его мнѣнію, поддерживать возстаніе противъ законной власти.

Изъ внутреннихъ дѣлъ Россіи Александра, совершенно забывшаго о прежнихъ либеральныхъ попыткахъ, послѣ Отечественной войны серьезно занимало только одно военное устройство. Онъ сталъ чрезвычайно взыскательнымъ въ вопросахъ военной дисциплины; офицерамъ было предписано самымъ строгимъ образомъ соблюдать форму въ одеждѣ. Увлеченіе парадами и вообще показной стороной, не имѣющей значенія для войны, либеральные офицеры презрительно окрестили «шагистикой». Крайнія строгости дисциплины довели даже въ 1820 г. гвардейскій Семеновскій полкъ до «возстанія», такъ встревожившаго императора.

Результатомъ увлеченія Александра военнымъ дѣломъ явились и печальной памяти военныя поселенія — эта неудачная попытка соединить земледѣліе съ солдатчиной при строжайшей регламентаціи всѣхъ сторонъ жизни поселенцевъ. Давно уже установлено, что идея военныхъ поселеній нераздѣльно принадлежитъ Александру — Аракчеевъ былъ только исполнителемъ велѣній государя.

Любопытно, что Александръ, въ другихъ случаяхъ обнаруживавшій отсутствіе настойчивости, проявилъ большую твердость при осуществленіи несчастной идеи военныхъ поселеній. Когда, при самомъ введеніи поселеній (въ 1816 г.), нѣкоторые сановники выражали свои сомнѣнія относительно цѣлесообразности нововведенія, Александръ заявилъ: «Они будутъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами всю дорогу отъ Петербурга до Чудова». До самаго конца царствованія Александръ заботился объ этомъ своемъ дѣтищѣ — и къ 1825 году военныя поселенія составляли уже цѣлую треть русской арміи. Аракчеевъ и другіе осуществители желаній императора писали лживыя донесенія о бытѣ поселянъ, гдѣ рисовали какую-то счастливую Аркадію; открыть Александру глаза на истинное положеніе вещей не могли даже такіе бунты военныхъ поселянъ, какъ чугуевскій бунтъ 1819 г., усмиреніе котораго носило чрезвычайно кровавый характеръ.

Усиливая строгости дисциплины въ войскѣ, правительство эпохи реакціи еще больше вниманія удѣляло на то, чтобы дисциплинировать умы подданныхъ, воздѣйствуя на нихъ въ желательномъ ему направленіи. Самымъ важнымъ средствомъ такого воздѣйствія представлялась соотвѣтственная постановка народнаго образованія, — и именно въ дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія наиболѣе ярко сказались реакціонныя стремленія эпохи. Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи этого министерства при Александрѣ I былъ манифестъ 24-го октября 1817 года объ образованіи Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Управленіе этимъ сложнымъ министерствомъ было поручено личному другу государя, князю А. Н. Голицыну, бывшему до того оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Голицынъ, воспитанный въ духѣ XVIII вѣка, былъ нѣкогда скептикомъ и вольнодумцемъ въ вопросахъ религіи, но съ теченіемъ времени обратился въ ревностнаго мистика-піэтиста. Повидимому, событія 12-го года повліяли въ этомъ отношеніи на Голицына такъ же, какъ и на Александра. Получивъ въ свои руки завѣдываніе народнымъ просвѣщеніемъ, Голицынъ показалъ себя самымъ ярымъ обскурантомъ, поборникомъ слѣпой вѣры, гонителемъ разума.

Для направленія дѣятельности Голицына характерно уже соединеніе въ одно вѣдомство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ одной инструкціи Голицына говорится, что министерство должно стремиться «къ истинной, высокой цѣли — къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью». На самомъ дѣлѣ, «согласіе» между вѣрою и знаніемъ сводилось къ тому, что офиціальная наука стала такой же «служанкой богословія», какъ это было въ средніе вѣка.

Самые ревностные сотрудники Голицына въ его «просвѣтительной» дѣятельности группировались въ главномъ правленіи училищъ и въ ученомъ комитетѣ при этомъ правленіи.

Ученый комитетъ занялся, между прочимъ, разсмотрѣніемъ курсовъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. При составленіи новаго расписанія учебныхъ предметовъ изъ курса уѣздныхъ училищъ были исключены начальныя правила естественной исторіи и начальныя правила технологіи; курсы исторіи и географіи были сокращены. Изъ предметовъ, преподававшихся въ гимназіяхъ, комитетъ исклю-

чилъ: курсъ всеобщей и русской статистики, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ, начальныя основанія политической экономіи, технологіи и коммерческихъ знаній, а также миѳологію и всеобщую грамматику. Вмѣсто выбрасываемыхъ курсовъ комитетъ считалъ необходимымъ ввести въ гимназіяхъ чтеніе Евангелія отъ Матѳея съ дополненіями изъ другихъ евангелистовъ и преподаваніе христіанской нравственности; впредь до составленія учебника по послѣднему предмету рекомендовалось пользоваться притчами Соломона и книгой премудрости Іисуса сына Сирахова.

Но главное вниманіе реакціоннаго министерства было обращено не на низшія и среднія учебныя заведенія, а на университеты. Это враждебное вниманіе особенно поддерживалось происходившими въ то время среди нѣмецкаго студенчества волненіями. Германскіе университеты, по мнѣнію главнаго правленія училищъ, были разсадниками мятежнаго духа и развращенности; образцомъ для министерства стали учебныя заведенія Франціи и Австріи, проникнутыя клерикальнымъ католическимъ духомъ. Отношеніе Голицына къ духу высшаго преподаванія въ Германіи выразилось въ запрещеніи русскому юношеству обучаться въ пяти наиболѣе популярныхъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Кромѣ того, было запрещено принимать въ Дерптскій университетъ лицъ, раньше обучавшихся въ иностранныхъ университетахъ.

Геркулесовыхъ столбовъ гасительная политика министерства достигла въ дѣлѣ реформированія Казанскаго университета. Дѣло это заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ подробнѣе. Главный герой казанской университетской исторіи — печальной памяти М. Л. Магницкій, нѣкогда пострадавшій вмѣстѣ со Сперанскимъ за свою близость къ реформатору. Магницкій, «нравственный дреноменъ», какъ называли его современники, по воцареніи реакціи великолѣпно приспособился къ новымъ правительственнымъ вѣяніямъ и, какъ всѣ ренегаты, сталъ даже хватать черезъ край въ своемъ усердіи. Въ 1819 году Магницкому, въ качествѣ члена главнаго правленія училищъ, было поручено обревизовать Казанскій университетъ. Ревизоръ нашелъ такіе безпорядки во всѣхъ сторонахъ университетской жизни, что въ своемъ докладѣ предложилъ уничтожить Казанскій университетъ, указывая, что это уничтоженіе можно произвести двояко: либо просто пріостановить дѣятельность универ-

ситета, либо подвергнуть его публичному разрушенію. Александръ, очевидно, нашелъ, что это ужъ слишкомъ, и постановилъ оставить университетъ, произведя въ немъ радикальныя реформы. Преобразованіе было поручено тому же Магницкому, получившему званіе попечителя Казанскаго учебнаго округа. Начавъ съ удаленія изъ университета 12-ти профессоровъ, признанныхъ имъ наиболѣе зловредными, Магницкій затѣмъ изложилъ свои преобразовательные принципы въ «Инструкціяхъ директору и ректору Казанскаго университета». Эти инструкціи — одна изъ самыхъ любопытныхъ и самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Относительно учебной части въ инструкціяхъ указывается, что «всего важнѣе для правительства, чтобы воспитаніе его народа стояло на твердомъ основаніи христіанской религіи, чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства не проникнулъ въ тѣ священныя убѣжища, гдѣ воспитаніемъ настоящаго юношества обезпечиться должно счастье будущихъ поколѣній». Сообразно съ этимъ, отъ профессоровъ требовалось прежде всего благочестіе, и преподаваніе всѣхъ наукъ должно было сообразоваться со Св. писаніемъ. Преподаватель философіи долженъ былъ внушать слушателямъ, что всякое умствованіе, несогласное со Св. писаніемъ, есть заблужденіе и ложь. Въ основаніе философіи рекомендовалось брать тѣ мѣста изъ посланій ап. Павла къ Колоссянамъ и къ Тимоѳею, гдѣ говорится о ничтожности злоименнаго разума передъ вѣрою. Эти слова ап. Павла были даже написаны золотыми буквами на особыхъ доскахъ и повѣшены надъ каѳедрами. Преподаватели политическихъ наукъ должны были брать основаніе для своей науки изъ Моисея, Давида и Соломона и доказывать, что монархическое правленіе установлено Самимъ Богомъ. Студентамъ медицины профессора должны были постоянно повторять, что, по Св. писанію, искусство врачеванія нераздѣльно съ благочестіемъ. Преподаватель астрономіи «укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца». Главнымъ занятіемъ профессора русской словесности должны быть указанія на красоты славянскаго языка и разборъ священныхъ писателей; обязательный выводъ для профессора былъ тотъ, что ни одна книга не можетъ сравниться съ Библіей по красотѣ языка. При изученіи древнихъ языковъ главное вниманіе обращалось на хри-

стіанскихъ авторовъ — Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина и др. Преподаватель всеобщей исторіи долженъ былъ показывать, что «все то, что въ языческой исторіи называется великостью и добродѣтелью, есть только высочайшая степень гордости человѣческой и ничто передъ величіемъ христіанскимъ». Наконецъ изъ лекцій русской исторіи слушатели должны были вынести убѣжденіе, что Россія предупредила европейскія государства своимъ развитіемъ. Геологія въ Казанскомъ университетѣ была совсѣмъ выброшена изъ курса, «какъ наука въ нынѣшнихъ ея системахъ вулканистовъ и нептунистовъ противная Св. писанію».

До самаго конца царствованія Александра Магницкій оставался во главѣ Казанскаго округа. За это время онъ довелъ Казанскій университетъ до полнаго паденія. Какая тамъ наука преподавалась — объ этомъ можно судить по инструкціи. Очень многихъ книгъ изъ университетской библіотеки не выдавали даже и профессорамъ, зато каждый студентъ непремѣнно долженъ былъ имѣть Библію. Во внутренней своей жизни университетъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ монастыря. Начальство чрезвычайно тщательно слѣдило за тѣмъ, чтобы студенты не пропускали всѣхъ установленныхъ богомоленій. Надъ поведеніемъ не только учащихся, но и учащихъ былъ установленъ самый бдительный и мелочной надзоръ. Провинившихся студентовъ сажали въ особую «комнату уединенія», гдѣ помѣщены были распятіе и картина страшнаго суда. За заключенныхъ, называвшихся «грѣшниками», приносились общія молитвы. Выпускали грѣшника только тогда, когда ходившій къ нему для увѣщанія священникъ, найдя достаточные признаки раскаянія, допускалъ его къ исповѣди и причастію. Былъ случай, что двухъ казанскихъ студентовъ, отъ которыхъ пахло виномъ, отдали въ солдаты.

Чрезвычайно характерной для временъ владычества Магницкаго является программа торжественнаго университетскаго акта. Вотъ она: «Послѣ обѣдни и молебна пропоютъ: Днесь благодать Св. Духа насъ собра; профессоръ прочтетъ о пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи; пропоютъ: Боже, царя храни; студентъ прочтетъ о золотосодержащихъ пескахъ; пропоютъ: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ; студентъ прочтетъ о необходимости соединенія со внутреннимъ богопочитаніемъ наружнаго; пропоютъ: Слава

въ вышнихъ Богу; ректоръ произнесетъ слово о достойности и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ; пропоютъ: Господи, силою Твоею возвеселится царь».

Въ атмосферѣ принудительнаго ханжества, лицемѣрія и сыска развилась въ университетѣ невѣроятная деморализація. Профессора наперерывъ старались выдѣлиться передъ попечителемъ своей благонамѣренностью и набожностью. О той степени, до какой дошло ихъ низкопоклонство передъ Магницкимъ, можно составить представленіе по началу публичной рѣчи одного изъ профессоровъ: «Да будетъ началомъ моего слова всеблагій Богъ; да будетъ началомъ моего слова могущественный Александръ, исполненный толиким добле-стями, сколько оныхъ цѣлая вселенная вмѣщать въ себѣ когда-либо можетъ; да пріиметъ начало слово мое отъ соизволенія знаменитѣйшаго нашего попечителя, который съ чрезвычайнымъ нѣкіимъ тщаніемъ трудится для возвышенія наукъ и, соображая всѣ свои дѣянія съ Божественными заповѣдями, подаетъ намъ примѣры, достойные подражанія». Довольно затруднительно было выказать свое благочестіе ректору университета Никольскому въ преподаваніи математики, но онъ нашелся. Студенты узнавали отъ него, что въ математикѣ можно найти превосходныя подобія истинъ христіанства. «Напримѣръ, какъ числа безъ единицы не можетъ быть, такъ и вселенная безъ Единаго Владыки не могла бы существовать». Относительно прямоугольнаго треугольника Никольскій сообщалъ слѣдующее: «Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, черезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнымъ, небесное съ земнымъ». Дальше итти въ угодничествѣ, кажется, было некуда.

Послѣ Казанскаго университета больше другихъ пострадалъ Петербургскій. Въ немъ дѣйствовалъ попечитель Петербургскаго округа, Руничъ, правая рука Магницкаго. Подражая Магницкому даже и въ высокопарности стиля, Руничъ самъ даетъ такую характеристику своей дѣятельности: «Злой духъ носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный... Счастливымъ почту себя, если вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова!» Въ 1821 году былъ удаленъ изъ университета профессоръ Куницынъ, о зловредности

лекцій котораго Магницкій сказалъ слѣдующій абсурдъ: «Врагу Божію три года только нужно было, чтобы довести дѣло отъ каѳедры Куницына до потрясеній Мадрида, Турина, Лиссабона, отъ одной строки профессора до 200.000 штыковъ, до государствъ, обливаемыхъ кровью». Поводомъ къ удаленію Куницына послужила выпущенная имъ книга «Право естественное», которая главнымъ правленіемъ училищъ была признана «противорѣчащей явно истинамъ христіанства и клонящейся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ». Въ томъ же 1821 г. были удалены сразу четыре профессора — Галичъ, Германъ, Раупахъ и Арсеньевъ. Объ опасномъ духѣ ихъ преподаванія Руничъ сдѣлалъ заключеніе на основаніи отобранныхъ у студентовъ тетрадей съ записями лекцій. Это тѣ самые «упражняющіеся въ расколахъ и безвѣрьи профессора», о которыхъ толкуетъ московскій высшій кругъ въ «Горѣ отъ ума». Послѣ этихъ четырехъ профессоровъ былъ удаленъ еще Плисовъ. Руничъ, разсмотрѣвъ тетрадки по естественному праву, которое Плисовъ преподавалъ въ гимназіи, доносилъ министру: «Хотя въ тетрадкахъ Плисова не найдено ничего предосудительнаго, но это самое и доказываетъ, что онъ человѣкъ вредный, ибо при устномъ преподаваніи могъ прибавлять, что ему вздумается».

Удаленіе «вредныхъ» профессоровъ практиковалось и въ другихъ университетахъ; изъ Дерптскаго университета были устранены три профессора, обвиненные въ раціонализмѣ, изъ Виленскаго четыре — въ томъ числѣ извѣстный польскій историкъ Лелевель, — изъ Харьковскаго два: Шадъ и такая первоклассная научная величина своего времени, какъ Осиповскій.

Министерство кн. Голицына, преслѣдуя съ такимъ рвеніемъ духъ вольнодумства и безбожія въ университетахъ, съ неменьшимъ вниманіемъ относилось и къ литературѣ. Надзоръ за литературой былъ тѣмъ легче для Голицына, что тогда цензура находилась въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія. Магницкій, игравшій въ министерствѣ такую видную роль, высказывался о печати такъ: «Слово человѣческое есть проводникъ адской силы философіи XVIII в., книгопечатаніе—орудіе ея». Легко представить, что приходилось при этихъ условіяхъ переживать русской литературѣ.

Даже такіе благонамѣренные писатели, какъ Карамзинъ и Жуковскій, въ разсматриваемую эпоху имѣли основаніе жаловаться на цензуру. Извѣстны, напримѣръ, нелѣпыя

Военныя поселенія.
(Съ оригинала въ музеѣ *П. И. Щукина*).

цензурныя придирки къ балладѣ Жуковскаго «Ивановъ вечеръ». Цензурный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Рунича, нашелъ, что содержаніе баллады «совершенно противоположно тому почтенію, какое сыны греко-россійской Церкви обыкли хранить къ дню сего праздника». По мнѣнію комитета неумѣстно, что въ балладѣ Жуковскаго подъ такой великій праздникъ происходятъ «соблазнительныя любовныя дѣла». «Противоположность между названіемъ баллады и содержаніемъ ея тѣмъ чувствительнѣе для русскаго читателя, что въ Ивановъ день... обыкновенно бываетъ постъ по уставу греко-россійской Церкви». Жуковскому пришлось подчиниться и измѣнить нѣкоторыя мѣста стихотворенія. — Когда одинъ журналистъ разыскалъ и опубликовалъ неизвѣстное до тѣхъ поръ письмо Ломоносова «О размноженіи и сохраненіи русскаго народа», то цензоръ, пропустившій эту историческую драгоцѣнность, получилъ строгое замѣчаніе отъ Голицына, а самая брошюра была изъята изъ обращенія. — Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ не была пропущена рукопись неизвѣстнаго автора подъ названіемъ «Нѣчто о конституціяхъ». Хотя сочиненіе было написано вполнѣ въ духѣ самодержавія, комитетъ полагалъ, что о такой вещи, какъ конституція, «ненужно, безполезно и даже неприлично публично разсуждать» — все равно, будетъ ли авторъ восхвалять или порицать конституціонный образъ правленія. Оказалось, что авторомъ запрещеннаго сочиненія былъ... Магницкій! — Знаменитый своими нелѣпостями цензоръ Красовскій въ рукописи одного стихотворенія противъ строкъ:

«О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши
Безвѣстный, близъ тебя къ блаженству пріучаться!»

написалъ: «Это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать службы государю для того только, чтобы быть всегда со своею любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно только пріучаться близъ Евангелія, а не близъ женщины». Въ другой разъ Красовскій не пропустилъ статьи «О вредности грибовъ» на томъ основаніи, что «грибы — постная пища православныхъ, и писать о вредности ихъ — значитъ подрывать вѣру и распространять невѣріе». Горячее возмущеніе писателя всѣми этими цензурными дикостями мы находимъ въ извѣстныхъ «Посланіяхъ къ цензору» Пушкина. При такихъ цензурныхъ условіяхъ становится совершенно понятнымъ значительное развитіе рукописной литературы въ эту эпоху.

Въ 1824 году министерство Голицына пало. Голицына свалили дружными усиліями: митрополитъ Серафимъ, дикій изувѣръ архимандритъ Фотій, Аракчеевъ, боявшійся соперника въ милостяхъ государя, и Магницкій, рѣшившій, что выгоднѣе будетъ измѣнить Голицыну. Министръ - обскурантъ сталъ настолько ненавистенъ прогрессивной части общества, что его паденіе было встрѣчено ликованіемъ; отголоски этого ликованія мы находимъ во «Второмъ посланіи къ цензору» Пушкина, гдѣ говорится: «Мрачная година протекла, и нынѣ уже горитъ свѣтильникъ просвѣщенья». Радость оказалась преждевременной: министромъ былъ назначенъ престарѣлый адмиралъ Шишковъ, «трупъ, гальванизированный Магницкимъ», по опредѣленію одного современника; русскому просвѣщенію отъ этого не стало нисколько легче. Голицынъ, врагъ «лжеименнаго разума», былъ, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе терпимъ въ области религіозныхъ вѣрованій; Шишковъ не обладалъ и этимъ свойствомъ. Съ тупостью маніака этотъ поборникъ національнаго духа повторялъ, что Голицынъ стремился къ уничтоженію православія и революціонному перевороту; даже увеличеніе числа грабежей и убійствъ онъ ставилъ въ связь съ дѣятельностью Голицына! Никакого облегченія для литературы не воспослѣдовало за паденіемъ Голицына; измѣнилось только направленіе цензурной строгости. Голицынъ былъ покровителемъ мистиковъ разнаго рода; Шишковъ ратовалъ за церковное православіе, и при немъ мистическія книги стали подвергаться преслѣдованію; былъ даже учрежденъ особый комитетъ при Духовной Академіи для разсмотрѣнія мистическихъ сочиненій. Если при Голицынѣ журналистъ Яценковъ подвергся строгому замѣчанію за неуважительный отзывъ о Штиллингѣ, величайшемъ авторитетѣ нашихъ мистиковъ, то при Шишковѣ былъ пріостановленъ катихизисъ Филарета, такъ какъ Филарета считали близкимъ къ мистикамъ. Для Шишкова и партіи православнаго духовенства главнымъ поводомъ къ тому, чтобы считать Голицына «явнымъ врагомъ клятвеннымъ церкви и государства», было покровительство послѣдняго Библейскому обществу, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ до своего паденія. Библейское общество зародилось въ 1804 г. въ Англіи; оно ставило себѣ цѣлью широкое распространеніе книгъ Св. писанія на различныхъ языкахъ. Въ Россіи Библейское общество было учреждено въ концѣ 1812 г. При Голицынѣ

общество пользовалось всяческимъ покровительствомъ власти; во главѣ его стояли виднѣйшіе сановники и духовныя лица; самъ Александръ при вступленіи въ члены взнесъ 25.000 рублей.

Какъ ни энергично дѣйствовало правительство въ борьбѣ со всѣми общественными стремленіями къ развитію, не слѣдуетъ преувеличивать его роль въ созданіи у насъ реакціи. Какъ уже сказано выше, не правительство создало реакцію; оно только организовало ее, стало во главѣ тѣхъ реакціонныхъ элементовъ, которые были въ дворянскомъ обществѣ. Къ разсмотрѣнію формъ общественной реакціи мы теперь и переходимъ.

Если Александръ I и его министры тщательно выслѣживали ненавистный имъ «духъ времени», то такой же страхъ передъ новыми требованіями жизни, такое же отвращеніе ко всякимъ реформамъ, такая же боязнь свободной мысли обнаруживались и въ извѣстной части общества. Правительство совершило разгромъ въ университетахъ, цензура не давала дышать литературѣ, — но и въ обществѣ шли толки о томъ, что «ужъ коли зло пресѣчь, забрать всѣ книги бы да сжечь». Всѣ поднимавшіеся хоть немного выше средняго уровня по своимъ общественнымъ понятіямъ получали клички вольтерьянцевъ, якобинцевъ, карбонаріевъ. Но самой страшной и самой непонятной была кличка «иллюминатъ». Подъ иллюминатствомъ понимали что то въ родѣ обширнаго революціоннаго заговора, охватившаго весь міръ. Обвиненіе въ иллюминатствѣ было весьма распространеннымъ: Магницкій объяснялъ дѣйствіемъ иллюминатства даже знаменитый указъ Сперанскаго объ экзаменахъ. Мистики, въ родѣ Голицына, именовавшіе своихъ противниковъ иллюминатами, были сами иллюминаты въ главахъ какого-нибудь Фотія или Шишкова. Наши реакціонеры старались запугать воображеніе наивныхъ людей да и сами пугались картинами небывалыхъ революціонныхъ интригъ, мнимыхъ злоумышленій. Такъ, напримѣръ, извѣстный В. Н. Каразинъ предсказывалъ черезъ годъ - два или больше какую-то грандіозную революціонную катастрофу въ Россіи; Фотій изъ нѣсколькихъ словъ «Сіонскаго Вѣстника», имѣвшихъ чисто моральный смыслъ, сдѣлалъ выводъ о томъ, что на Александра готовится покушеніе. Знаменитый французскій реакціонный писатель Жозефъ де-Местръ, жившій въ Петербургѣ въ качествѣ сардинскаго

посланника, въ одномъ произведенiи тоже говоритъ объ иллюминатскихъ интригахъ въ Россiи, выставляя при этомъ главнымъ орудiемъ иллюминаторства евреевъ: «Все заставляетъ думать, что ихъ деньги, ихъ ненависть и ихъ таланты находятся въ распоряженiи великихъ заговорщиковъ». Поэтому онъ рекомендуетъ самое безпощадное преслѣдованiе евреевъ.

Духовная жизнь реакцiонно настроенной части русскаго общества въ значительной степени сводилась къ религiозно-мистическимъ исканiямъ. Въ новѣйшей русской исторiи нельзя указать другого перiода, когда мистическiя настроенiя играли бы такую видную роль въ умственномъ обиходѣ общества. Примѣровъ развитiя мистицизма можно привести множество. Конечно, если ученики Пензенской гимназiи устроили въ эту эпоху христiанскiя литературныя бесѣды, на которыхъ читали псалмы и разсужденья объ истинахъ христiанской религiи, то мы безъ труда увидимъ въ этомъ просто результатъ воздѣйствiя гимназическаго начальства, старавшагося отличиться передъ Голицынымъ; но характеренъ для эпохи, напримѣръ, 19-лѣтнiй племянникъ стараго масона Лопухина, исписавшiй тысячи листовъ на такiя темы, какъ «Плодъ сердца, полюбившаго истину», или «Пути молитвеннаго сердца». Сперанскiй, обладавшiй такимъ яснымъ и систематическимъ умомъ, въ 1817 г. въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей рекомендуетъ способъ добыванiя ѳаворскаго свѣта «устремленiемъ взоровъ на пупокъ при ноздревомъ дыханiи». Религiозные интересы высшаго круга породили обширную мистическую литературу; за время отъ 1813 по 1823 гг. было переведено на русскiй языкъ около 60 мистическихъ сочиненiй западныхъ писателей. Изъ русскихъ мистическихъ изданiй наибольшимъ успѣхомъ пользовался журналъ Лабзина «Сiонскiй Вѣстникъ». Журналъ этотъ въ 1806 г. былъ закрытъ Голицынымъ, но въ 1817 г. Голицынъ, отдавшiйся мистицизму, призналъ свою ошибку: Лабзинъ, награжденный орденомъ и получившiй 15.000 р. на изданiе, возобновилъ свой журналъ, первый № котораго былъ посвященъ «Господу Iисусу Христу». Во главѣ подписавшихся былъ императоръ, потомъ слѣдовало множество свѣтскихъ и духовныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ журналѣ Лабзина, на ряду съ темными мистическими мудрствованiями, довольно ясно сквозитъ та мысль, что религiя состоитъ исключительно во внутреннемъ соеди-

неніи человѣка съ Богомъ, а внѣшнія формы богопочтенія и церковная организація не имѣютъ значенія. Это было положеніе, непріемлемое для партіи православнаго духовенства,—не выдержавъ борьбы съ нею, Лабзинъ принужденъ былъ въ 1818 г. прекратить журналъ.

Религіозныя исканія русскаго общества второго и третьяго десятилѣтій XIX-го вѣка шли по разнымъ путямъ. Одни оставались при ученіи православной Церкви, придавая только ему извѣстную мистическую окраску. Другіе подпадали подъ вліяніе католицизма — въ частности, іезуитовъ. Случаи перехода лицъ изъ высшаго общества въ католицизмъ стали довольно часты; особенно способствовало усиленію католическаго вліянія то, что многія дѣти знатныхъ фамилій воспитывались въ іезуитскихъ пансіонахъ, что считалось признакомъ аристократическаго тона. Не безъ вліянія на русскихъ религіозныхъ искателей были и различныя протестантскія секты — напримѣръ, квакеры, къ которымъ очень благоволилъ самъ Александръ. Русское сектантство также привлекало къ себѣ вниманіе лицъ, искавшихъ религіозныхъ впечатлѣній; хлысты и скопцы съ ихъ радѣніями были одно время въ модѣ. На моленія къ главѣ скопцовъ, Кондратію Селиванову, являлись представители большого свѣта и даже дамы; въ офиціальныхъ бумагахъ кн. Голицынъ называлъ Селиванова «извѣстнымъ старикомъ». Много общаго съ русскимъ мистическимъ сектантствомъ было въ извѣстномъ кружкѣ Татариновой, пользовавшейся долго покровительствомъ Александра и его министра духовныхъ дѣлъ. На собраніяхъ у Татариновой бывали такія же радѣнія, какъ и у скопцовъ; доведя себя круженіемъ до изступленнаго состоянія, отдѣльныя лица изъ собравшихся начинали пророчествовать. Больше всего, пожалуй, приверженцевъ находили себѣ религіозныя ученія, несвязанныя съ какой-нибудь опредѣленной церковью, а говорившія о внутренней церкви, высшемъ религіозномъ вдохновеніи. Представительницей такого туманнаго мистическаго піэтизма была, напримѣръ, г-жа Крюднеръ, экзальтированная женщина, одно время оказывавшая сильное вліяніе на Александра своей безсвязной проповѣдью, исполненной пророческихъ указаній. Наконецъ въ разсматриваемую эпоху возобновились и старыя масонскія ложи, просуществовавшія до 1822 г.; въ этомъ году появился указъ о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ.

Само собой разумѣется, далеко не все то, что говорилось и писалось о Богѣ въ эту пору, было тогда результатомъ искренняго религіознаго исканія. Во-первыхъ, во всѣхъ этихъ мистическихъ увлеченіяхъ большую роль играла мода; она толкала многихъ представителей нашей знати то къ изученію туманныхъ трактатовъ мистиковъ, то къ іезуитамъ или квакерамъ, то на собранія у Татариновой. Затѣмъ піэтизмъ и религіозность бывали зачастую для ловкихъ людей, въ родѣ Магницкаго, только средствомъ снискать расположеніе сильныхъ лицъ, сдѣлать карьеру. Имѣя въ виду такого рода лицемѣровъ, устраивавшихъ свои дѣлишки подъ маской благочестія, Карамзинъ писалъ въ одномъ письмѣ: «Я текстами не промышляю, смотрю иногда въ небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ». Другой современникъ, Гречъ, говоритъ о «толпѣ изувѣровъ и лицемѣровъ, искавшихъ спасенія на томъ свѣтѣ и благъ въ нынѣшнемъ, шедшихъ по кресту къ крестамъ, чинамъ и деньгамъ». По словамъ современнаго намъ историка литературы «никогда еще у насъ въ такой степени не злоупотребляли религіей и именемъ Бога, какъ тогда. Во имя Бога совершались самыя кощунственныя издѣвательства надъ разумомъ, совѣстью и свободой человѣка».

М. Клевенскій.

Арх. Фотій.

Русское либеральное общество послѣ войны.

Война 12 года разбудила русское общество: «Вся Россія въ походъ пошла», какъ выразился одинъ русскій солдатъ.

Не часто бывали въ нашей исторіи такіе моменты. Вѣдь русское общество вѣками отучалось отъ самостоятельности, отъ сознательной работы въ общественномъ строительствѣ, и не гражданиномъ, а обывателемъ привыкъ себя чувствовать русскій человѣкъ. Тамъ, гдѣ-то высоко и далеко, распоряжались его судьбой, приказывали жертвовать жизнью и животами, и онъ жертвовалъ, но смыслъ этихъ жертвъ обыкновенно былъ теменъ ему. Въ войну 12 года русскій обыватель вышелъ бороться за понятное и близкое дѣло національной свободы, и въ этой борьбѣ снова, какъ 200 лѣтъ до нея въ смуту, сознаъ себя гражданиномъ: «каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ», какъ опредѣлилъ моментъ современникъ.

Великое дѣло національнаго освобожденія было закончено съ изгнаніемъ французовъ, но общественное возбужденіе отъ сознанія своихъ силъ и единства долго еще продолжало дѣйствовать. У всѣхъ чувствовался напряженный интересъ къ своимъ русскимъ дѣламъ, всѣ думали о переустройствѣ русской жизни, но разные слои русскаго общества по-своему намѣчали себѣ планы этого переустройства, и чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче расходились между собою эти планы. Въ то время, какъ дворянско-крѣпостническіе элементы общества вмѣстѣ съ правительствомъ ушли въ реакцію, другіе слои мечтали о широкихъ преобразованіяхъ въ духѣ конституціонныхъ началъ и гражданской свободы. Корни этого либеральнаго теченія нашего общества лежатъ глубоко, еще въ XVIII в. въ дѣятельности Новикова и Радищева, но тогда оно захватывало собой лишь отдѣльные интеллигентскіе кружки. Теперь,

на почвѣ общаго и широкаго національнаго возбужденія, эти корни дали многочисленные побѣги, создали цѣлое общественное движеніе: при Александрѣ I даже петербургскіе купцы Гостинаго ряда толковали о конституціи.

Наиболѣе сознательными элементами въ этомъ движеніи явились, конечно, тѣ, которые на своихъ плечахъ вынесли заграничные походы 13-го и 14-го годовъ — это военная офицерская масса. Въ продолженіи двухъ лѣтъ она жила напряженной жизнью: правительства постоянно призывали ее въ своихъ манифестахъ и приказахъ бороться за народную свободу, постоянно твердили ей на примѣрѣ Наполеона о вредѣ деспотизма, пріучали ее чувствовать себя освободительницей всей Европы. Самая жизнь Западной Европы бросалась въ глаза своей культурностью, уваженіемъ къ правамъ личности, свободой. Такое знакомство невольно заставляло даже русскаго солдата сопоставлять свое съ чужимъ, и разница русскихъ порядковъ съ западно-европейскими болѣзненно отзывалась въ сознаніи побѣдителей. То, что простой солдатъ выяснялъ себѣ на практикѣ путемъ сравненія, образованный офицеръ могъ усвоить гораздо глубже путемъ чтенія. Русское офицерство во время заграничныхъ походовъ привыкло читать книжки по общественнымъ вопросамъ, воспитало въ себѣ критическую вдумчивость по отношенію къ окружающему, заинтересовалось даже подробностями конституціоннаго устройства. Въ результатѣ армія во время заграничныхъ походовъ прошла какъ бы хорошую школу, въ которой обывателя учили быть гражданиномъ. «Народы постигли святую истину, что не они существуютъ для правительства, но правительства для нихъ должны быть устроены», вотъ какъ формулировалъ одинъ изъ современниковъ результаты новыхъ вліяній.

Съ такимъ настроеніемъ возвращались освободители Европы изъ заграничныхъ походовъ въ Россію. Русская дѣйствительность съ первыхъ же шаговъ больно хлеснула ихъ: при возвращеніи одной изъ дивизій служили благодарственный молебенъ, а «во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску» (слова современника), и даже самъ императоръ въ торжественный моментъ съ обнаженной шпагой бросился на какого-то зазѣвавшагося мужика, который своей фигурой неловко помѣшалъ величественности народа. «Мы не вѣрили собственнымъ глазамъ, — говоритъ современникъ, — и отвернулись, стыдясь

за любимаго нами царя». Однако на первыхъ порахъ тяжелыя впечатлѣнія родной дѣйствительности склонны были забываться: слишкомъ они были противоположны тому настроенію, которымъ привыкли жить до сихъ поръ за границей. Въ головѣ роилось много плановъ, хотя и неясныхъ, будущаго общественнаго переустройства, въ сердцѣ билось горячее желаніе послужить родной странѣ, много силы чувствовалось,— и будущее казалось яснымъ: участники походовъ вернулись съ увѣренностью, что государь самъ поведетъ ихъ по пути реформъ, и что въ обновленной Россіи правительству пригодятся ихъ молодыя, здоровыя силы.

Императоръ Александръ I своей личностью, дѣйствительно, могъ будить эти мечты. Всѣ помнили, какъ онъ въ первые годы своего царствованія опредѣленно заявлялъ, что онъ ненавидитъ деспотизмъ, что задачей своей власти онъ считаетъ— умѣрить ея неограниченность. И его дѣянія въ эпоху до Священнаго союза какъ будто бы оправдывали эти заявленія: онъ поручаетъ разнымъ лицамъ вырабатывать проекты россійской конституціи, въ 1809 г. торжественно обѣщалъ хранить «въ ненарушимой и непреложной силѣ» коренные законы завоеванной Финляндіи, настоялъ на дарованіи конституціи французамъ, потомъ полякамъ. Даже тогда, когда въ Россіи уже вовсю дѣйствовала реакція, Александръ I на сеймѣ въ Варшавѣ въ 1818 г. торжественно заявилъ о своемъ намѣреніи даровать Россіи «законно-свободныя учрежденія». Варшавскія рѣчи императора подлили, что называется, масла въ огонь конституціонныхъ порывовъ нашей молодежи: «спятъ и видятъ конституцію», писалъ по этому поводу Карамзинъ. Точно такъ же относительно другого исконнаго зла русской жизни— крѣпостного права — императоръ вполнѣ опредѣленно высказался, «что крѣпостное право дурно, что оно должно быть уничтожено, и что, съ Божьей помощью, оно прекратится еще въ мое правленіе».

Всѣ эти рѣчи и факты изъ жизни императора поддерживали увѣренность либеральныхъ круговъ нашего общества въ близкомъ наступленіи возрожденія Россіи. Въ этой увѣренности, въ этихъ свѣтлыхъ надеждахъ невольно хотѣлось закрыть глаза на тѣ явленія русской жизни, которыя такъ грубо и рѣзко не гармонировали съ міромъ ясныхъ надеждъ. Мало того, особое любовное преклоненіе чувствуется къ личности императора: «призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекра-

сенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 14 году, въ Парижѣ», показываетъ современникъ. Это свѣтлое настроеніе современниковъ опредѣленно звучитъ въ ихъ запискахъ и дневникахъ въ пору заграничныхъ походовъ. «Послѣ того, что русскій народъ сдѣлалъ, что сдѣлалъ государь, что случилось въ Европѣ, — освобожденіе крестьянъ мнѣ кажется весьма легкимъ, и я поручился бы за успѣхъ даже скораго переворота», пишетъ, напримѣръ, въ 14 году Н. Тургеневъ, одинъ изъ видныхъ впослѣдствіи членовъ тайнаго общества. И въ высшей степени характерно для будущихъ революціонеровъ, что въ этотъ моментъ они видятъ лишь одинъ путь реформъ — сверху, съ высоты престола: «все въ Россіи должно быть сдѣлано правительствомъ, ничто самимъ народомъ».

Въ ожиданіи, пока правительство призоветъ къ работѣ общественнаго переустройства, военная молодежь внимательно приглядывалась къ русской дѣйствительности. Прежде всего вниманіе, обостренное патріотическимъ возбужденіемъ, должно было остановиться на положеніи народной массы. Эта масса напряженно ждала себѣ воли за тѣ жертвы, которыя она понесла во время народной борьбы съ французами. Ратники ополченія первые начали роптать: «Мы проливали кровь, — говорили они, — а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа». «Войска Наполеона, — свидѣтельствуетъ современникъ, — какъ саранча, оставили за собой надолго сѣмена разрушенія. Многія губерніи обнищали». Положеніе крестьянъ во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ, даже незатронутыхъ войной непосредственно, было самое плачевное: «Сіи люди презрѣны и унижены, какъ нельзя болѣе; доставляя государству и богатство и защиту, они не имѣютъ никакого голоса, никакого участія въ политическомъ существованіи. Воля и прихоть помѣщика есть имъ законъ; рабствовать и повиноваться — вотъ ихъ права. Свобода, дѣти и собственность — все есть для нихъ чужое, все есть собственность ихъ владѣльца», таково показаніе современника. Другой говоритъ, что видѣлъ крестьянъ на барщинѣ въ оковахъ, видѣлъ, что люди продаются поодиночкѣ, что помѣщики развратничаютъ съ крѣпостными дѣвушками и устраиваютъ гаремы. Съ разореннаго населенія правительство собирало непосильныя подати, выколачивало недоимки. «Экзекуціи за недоимки, — указываетъ современникъ, — оты-

маютъ рабочій скотъ, одежду, разоряютъ даже дома и истязуютъ пытками несостоятельныхъ, какъ во времена варварства». Около $^1/_3$ рабочаго населенія деревни выгонялось, даже въ страду на устройство и починку дорогъ, такъ какъ государь очень много ѣздилъ по Россіи и обращалъ особенное вниманіе на исправность путей. Съ этого же населенія брали рекрутъ: въ царствованіе Александра съ населенія около 17 милліоновъ, которое несло военную повинность натурой, было произведено 18 рекрутскихъ наборовъ, такъ что съ ополченіемъ было собрано свыше 2 милліоновъ солдатъ. Словомъ, «вся тягость налоговъ и повинностей, разорительное мотовство дворянства, все лежитъ на семъ почтенномъ, но несчастномъ сословіи», какъ можно обобщить словами современника. Самая система сбора повинностей черезъ чиновниковъ была разорительна для крестьянъ, а кромѣ прямыхъ налоговъ правительство сбирало еще косвенные, главнымъ образомъ, на вино и на соль. На соль налоги въ царствованіе Александра I повысились, а въ продажѣ вина съ 1819 г. введена была казенная монополія. Современники указываютъ, что «вице-губернаторамъ даны были предписанія стараться какъ можно о большей распродажѣ вина подъ опасеніемъ отвѣтственности», что полиція «для пользы государственной» побуждала народъ къ пьянству. Нелегче было положеніе другихъ сословій: неустойчивость тарифа, то запрещеніе, то разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, паденіе курса рубля (въ 1815 г., напр., кредитный рубль стоилъ менѣе 24 коп.), казенныя монополіи — все это въ конецъ подрывало русскую торговлю, и отъ этого, конечно, страдало купечество и мѣщанство. Эти же сословія были стѣснены и поборами правительства. Въ жалкомъ положеніи находилось сельское духовенство: «оно едва имѣетъ нынѣ хлѣбъ насущный», показываетъ современникъ. Даже положеніе дворянства, особенно мелкопомѣстнаго, было неудовлетворительно: оно было охвачено стремленіемъ къ роскоши, а средствъ, при плохомъ сбытѣ хлѣба и при низкихъ цѣнахъ на него, не хватало. Въ результатѣ дворянство спускало свои имѣнія въ закладъ, около половины всѣхъ имѣній было заложено. Въ поискахъ средствъ давили на трудъ крестьянъ, и сами дворяне свидѣтельствуютъ, что въ этомъ отношеніи мелкопомѣстное дворянство составляло прямо «язву Россіи». Законныя права дворянъ, созданныя жалованной грамотой Екатерины II, нарушались самовластными губернаторами. Въ областяхъ все

зависѣло отъ безконтрольной власти мѣстной администраціи. «Безопасность лицъ и собственности ничѣмъ не ограждена, совершенное отсутствіе закона и справедливости въ государствѣ». «Лихоимство дошло до неслыханной степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало высшія мѣста». «Въ казнѣ, въ судахъ, въ комиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ,—вездѣ, гдѣ замѣшался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ — тотъ кралъ». Вотъ отзывы о тогдашней администраціи, отзывы, сдѣланные очевидцами-современниками. Такой представилась картина россійской дѣйствительности пытливому взору возбужденнаго патріота. Историкъ, на основаніи болѣе глубокаго изученія Александровской эпохи, могъ бы дополнить ее еще болѣе сильными мазками, но и въ этой картинѣ изъ русской жизни было схвачено все существенное.

Разныя думы навѣвала она на нашихъ патріотовъ: однихъ заставила поставить вопросъ, согласуется ли наша родная практика съ тѣми теоретическими представленіями о правахъ человѣка и гражданина, которыя они усвоили на западѣ, другихъ, наоборотъ, звала осмыслить дѣйствительность теоретическимъ изученіемъ того, какъ должна быть устроена общественная жизнь. Въ результатѣ и тѣ и другіе были увлечены стремленіемъ такъ или иначе исправить «несообразности» русской жизни, почувствовали, какъ выражается современникъ, «безпокойное желаніе дѣятельности». «Теперь,—признается другой,—было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, восхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ». «Пора танцевъ, баловъ, острыхъ словъ прошла; въ бесѣдахъ болтанье замѣнилось разсужденіемъ». «Обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества». При полкахъ устраиваются читальни, выписываются газеты, молодежь пристально слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ палатѣ французскихъ депутатовъ, въ англійскомъ парламентѣ. Отъ газетъ и журналовъ переходятъ къ научнымъ книгамъ по политическимъ вопросамъ, вчитываются въ нихъ, спорятъ по поводу прочитаннаго, убѣждаютъ другихъ. Смѣлыя сочиненія, острыя поэтическія эпиграммы переписываются и волной разливаются въ рукописяхъ. «Все, что касается до составленія и управле-

нія общества вообще, все это я пожиралъ съ умомъ жаднымъ и любопытнымъ», вспоминаетъ одинъ изъ участниковъ такихъ бесѣдъ молодежи. Наблюдательные иностранцы поражались распространенію либеральныхъ идей среди молодежи: «Русскій молодой офицеръ, подчиненный самодержавному монарху, окруженный своими рабами, говоритъ о правахъ народовъ, какъ гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ».

Но этотъ гражданинъ не только говорилъ: онъ и дѣйствовать пытался, хотя бы въ той узкой средѣ, которая отводилась правительствомъ отдѣльному человѣку. Прежде всего эта молодежь, какъ военная по преимуществу, обратила вниманіе на переустройство быта солдатъ. Положеніе солдата, кромѣ того, что онъ на 25 лѣтъ отрывался отъ хозяйства, было до нельзя тяжелое. Казенное содержаніе было недостаточно, приходилось обращаться за помощью къ роднымъ, тянуть съ нихъ послѣднее или работать на сторонѣ, но заработки не всегда были возможны, такъ какъ шли безконечные парады и ученіе. Дисциплина, военная выправка достигались непомѣрнымъ примѣненіемъ палокъ, и горькой ироніей звучитъ солдатская поговорка того времени: «я отечеству защита, а спина всегда избита». И вотъ эта традиціонная палка теперь начинаетъ выводиться изъ употребленія. Иногда дѣлается это по приказу либеральныхъ начальниковъ (напр., въ 37 егерскомъ полку и во 2-й арміи Витгенштейна), иногда сами офицера, даже безъ указа, выводятъ изъ употребленія тѣлесныя наказанія, какъ, напр., въ Преображенскомъ и Семеновскомъ гвардейскихъ полкахъ. Подъ вліяніемъ товарищескаго мнѣнія даже идейные защитники «мордобитія» и палки вынуждены были сократиться.

Другимъ естественнымъ для молодежи шагомъ по пути практическихъ преобразованій было обученіе грамотѣ. При бѣдности русской жизни тогда наиболѣе удобными казались такъ называемыя ланкастерскія школы. Это школы, гдѣ употреблялся методъ взаимнаго обученія учениковъ: учитель по особымъ таблицамъ руководилъ занятіями всей школы, а наиболѣе грамотные ученики обучали своихъ сотоварищей. Такимъ образомъ одному учителю можно было заниматься съ сотнями учениковъ, и содержаніе такой школы было недорого. Кромѣ чтенія и письма, въ школахъ преподавалась ариѳметика, черченіе, исторія, географія, законъ Божій. Во многихъ мѣстахъ завелись эти школы, напр., въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ,

Могилевѣ, Херсонѣ и особенно при полкахъ. Въ Кіевѣ такую школу устроилъ генералъ М. Ѳ. Орловъ и такъ былъ увлеченъ этимъ дѣломъ, что самъ писалъ для нея учебники, жертвовалъ на школу свое жалованье и истратилъ на нее даже значительную часть своего состоянія. Само правительство поддерживало увлеченіе общества школами: посылало за границу для лучшаго знакомства съ ихъ постановкой, по Высоч. повелѣнію былъ учрежденъ особый комитетъ для устройства такихъ школъ, и въ Министерствѣ Народн. Пр. былъ особый отдѣлъ по нимъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ число учениковъ превышало тысячу человѣкъ. Гуманное обращеніе съ солдатами и ланкастерскія школы — вотъ все, что могли сдѣлать при тогдашнихъ условіяхъ наши патріоты-либералы. Были у нихъ замыслы по освобожденію крестьянъ, и съ этой цѣлью въ 1816 г. М. Орловъ представлялъ даже Александру I адресъ съ многочисленными подписями объ уничтоженіи крѣпостного права, но такое начинаніе не встрѣтило поддержки правительства и должно было стушеваться.

Такая узкая сфера просвѣтительно-филантропическихъ задачъ не могла удовлетворить широкимъ гражданскимъ порывамъ либеральнаго общества. И всегда, когда нормальные пути общественнаго строительства — участіе въ законодательствѣ и въ управленіи — закрываются гражданамъ, является соблазнительная мысль начать общественное переустройство не съ законодательныхъ реформъ, которыя дѣйствуютъ на массу, а съ нравственнаго усовершенствованія отдѣльныхъ личностей. Каждый долженъ развивать въ себѣ нравственную личность, каждый долженъ углубляться въ себя, воспитывать въ себѣ христіанина. Измѣнятся отдѣльные люди— измѣнится и вся жизнь. Наивной гражданской мысли кажется такимъ легкимъ путь, чтобы сначала воспитывать единицы — человѣка, и тѣмъ самымъ воспитывать сумму— общество. Такую задачу нравственнаго перевоспитанія отдѣльныхъ личностей преслѣдовали масонскія ложи. На первыхъ порахъ они пользовались полнымъ признаніемъ правительства, самъ Александръ I покровительствовалъ имъ. Масоны приглашали «уважать священное званіе человѣка, даже подъ тяжкимъ гнетомъ рабства и въ самомъ рубищѣ нищеты», проповѣдывали гуманное отношеніе къ слугамъ, къ крѣпостнымъ. Самая таинственность внѣшнихъ формъ масонства: страшныя клятвы при вступленіи въ общество, торжест-

венныя церемоніи на засѣданіяхъ тоже какъ-будто производили впечатлѣніе и, во всякомъ случаѣ, давали видимое подобіе какой-то важной дѣятельности. Вотъ въ этихъ-то масонскихъ ложахъ и начинаетъ организовываться наше общество. Въ нихъ находили пріютъ не только либералы, но и наши мистики, крѣпостники, темные реакціонеры: вѣдь проповѣдь гуманности и нравственнаго совершенствованія никого и ни къ чему не обязываетъ. Характерно, въ чемъ находили себѣ здѣсь удовлетвореніе даже очень либеральные люди. Вотъ, напр., свидѣтельство изъ дневника Н. Тургенева, впослѣдствіи дѣйствительнаго члена тайнаго общества: «Тамъ я ѣмъ, пью, пою съ наслажденіемъ, говорю съ откровенностью и чистосердечіемъ». Это записано въ 1814 г., а въ 1817 г. чувствуется уже у того же автора разочарованіе въ масонствѣ, а у другихъ его сотоварищей проглядываетъ даже насмѣшливое отношеніе къ масонскимъ «безсмыслицамъ» и «комедіямъ». Извѣстная доля либеральныхъ патріотовъ несомнѣнно застряла въ масонствѣ, но значительная часть въ нѣсколько лѣтъ выросла изъ масонскихъ формъ. Масонство не удовлетворило ихъ гражданскую совѣсть консерватизмомъ своихъ политическихъ заповѣдей, слѣпымъ преклоненіемъ передъ силой существующаго зла, не удовлетворило ничтожными размѣрами благотворительной дѣятельности (масоны александровскихъ временъ въ этомъ отношеніи не могутъ и равняться съ екатерининскими), а особенно не удовлетворило пассивнымъ отношеніемъ къ язвѣ крѣпостного права. Вѣдь по мнѣнію масоновъ александровскихъ временъ выходило, что не нужно освобождать крѣпостныхъ: крѣпостной будетъ свободенъ не тогда, когда онъ освободится отъ помѣщика — это лишь мнимое освобожденіе — а тогда, когда освободится отъ грѣха.

Такъ по пути къ широкой общественной дѣятельности наши либералы зашли на время въ масонство; они не удовлетворились имъ, но масонскія ложи сыграли извѣстную роль въ ихъ жизни: здѣсь они столковались, объединились.

Отдѣлившись отъ масоновъ въ 1816 г. наши либералы-патріоты рѣшили устроить отдѣльное «тайное» общество, гдѣ бы они могли соединиться для помощи правительству. За словомъ «тайное» общество не надо предполагать непремѣнно

чего-нибудь крайняго, рѣшительнаго: въ первой половинѣ XIX в. много «тайныхъ» обществъ возникло съ явнаго разрѣшенія правительства, на нихъ была тогда своего рода мода. Такъ и наши либералы, основывая тайное общество, мечтали не о борьбѣ съ правительствомъ, а о помощи ему. «Въ то время, — говоритъ Н. Тургеневъ, — правительство внушало вообще такъ мало довѣрія и, казалось даже, было такъ расположено поощрять спасительныя преобразованія, что основатели тайнаго общества разсуждали о томъ, не слѣдуетъ ли имъ просить содѣйствія правительства». Первое тайное общество называлось «Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Наиболѣе видными членами его являются Никита Муравьевъ и Пестель.

Уставъ общества до насъ не дошелъ, но впослѣдствіи на допросѣ участники его такъ опредѣляли задачу общества: «Первоначальное намѣреніе общества было освобожденіе крестьянъ, способъ достиженія сего — убѣдить дворянство сему содѣйствовать и отъ всего сословія нижайше объ ономъ просить императора». Тотъ же участникъ указалъ и причину, почему отъ такой задачи пришлось отказаться: скоро убѣдились, что дворянство нельзя склонить къ добровольному освобожденію крестьянъ. Такъ что сама собой возникала другая задача — ввести конституціонный строй, чтобы выполнить первую. Эта задача и выдвинулась впередъ: «настоящая цѣль перваго общества была введеніе монархическо-конституціоннаго правленія», какъ показали на допросѣ. По свидѣтельству другого участники общества, цѣлью его было проведеніе въ жизнь «нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія, — словомъ, всего того, что составляло сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ». Вопросы о томъ, какимъ же путемъ нужно добиваться конституціоннаго строя, и теперь и дальше еще не ставилось, и самыя конституціонныя мысли, по словамъ участниковъ, были у нихъ «весьма неопредѣлительныя». Фактически, стало-быть, это «тайное общество» ничѣмъ не отличалось отъ прежнихъ кружковъ молодежи, только его члены стали ближе другъ къ другу, выдѣлились изъ общей массы неопредѣленныхъ либераловъ. Тѣмъ не менѣе, своимъ положительнымъ признаніемъ необходимости конституціи общество, повидимому, отпугнуло отъ себя многихъ либераловъ, потому что уже въ концѣ 1817 г. начали составлять новый уставъ.

Уставъ этотъ составлялся по образцу нѣмецкаго общества «Союзъ добродѣтели» (Tugendbund). Опять-таки нужно отмѣтить, что на родинѣ, въ Германіи, уставъ этого «тайнаго» общества былъ признанъ прусскимъ королемъ, и въ началѣ его было сказано, что Союзъ добродѣтели «составляетъ среди народа оплотъ трона нынѣшняго властелина Пруссіи и дома Гогенцоллерновъ противъ безнравственнаго духа времени»; поэтому всякій членъ этого общества клялся предупреждать измѣну противъ правительства. Въ уставъ нашего новаго общества, которое было названо «Союзъ благоденствія», эти черезчуръ монархическія обязательства не вошли, и цѣль Союза была опредѣлена такъ: «Союзъ благоденствія въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность распространеніе между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена» (§ 1). Въ члены Союза принимались всѣ «добродѣтельные» граждане, кромѣ крѣпостныхъ. Они должны были заниматься, кромѣ личнаго своего нравственнаго усовершенствованія, благотворительностью, устраивая и поддерживая богоугодныя заведенія, воспитаніемъ юношества, распространеніемъ знаній; должны были бороться съ лихоимствомъ, усовѣщевать «безчестныхъ» чиновниковъ, осмѣивать роскошь, внушать помѣщикамъ гуманныя чувства къ крѣпостнымъ, заводить страховыя и сельско-хозяйственныя общества, чтобы улучшать земледѣліе. Цѣль, такимъ образомъ, опредѣлялась по уставу самая благонамѣренная: стремиться къ нравственному усовершенствованію и обличать безнравственныхъ. Эта благонамѣренность еще болѣе подчеркивалась тѣмъ, что членамъ союза запрещалось вступать въ такія общества, «кои правительствомъ не одобрены», ибо союзъ не желалъ подвергать себя «подозрѣнію». Характерно, что даже прежняя задача либераловъ — освобожденіе крестьянъ — какъ-то совсѣмъ замалчивалась. Въ уставѣ нѣмецкаго общества на этотъ счетъ опредѣленно говорилось, что каждый членъ «Союза добродѣтели» обязанъ отпустить на волю своихъ крестьянъ, но этотъ пунктъ устава намѣренно не былъ включенъ въ уставъ русскаго общества. Значитъ ли это, что наши либеральные круги пошли назадъ, быть-можетъ, къ масонству? Нѣтъ, судя по показаніямъ на допросѣ, такой уставъ былъ составленъ лишь въ цѣляхъ объединенія возможно большаго числа либе-

ральныхъ людей, которые могли еще пугаться опредѣленности задачъ прежняго общества-конституціи и освобожденія крестьянъ. Замѣтно, что съ принятіемъ новаго устава число членовъ Союза быстро возрастаетъ. «Трудно было устоять противъ обаяній Союза, котораго цѣль была — нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ», замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ видныхъ членовъ Союза благоденствія. Какое серьезное значеніе видѣли наши либералы въ томъ, что они вступали въ общество, и какъ еще юны были ихъ гражданскіе порывы, объ этомъ даетъ характерное показаніе другой современникъ: «Эта высокая цѣль жизни самой своей таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла въ душу мою. Я какъ будто вдругъ получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ; сталъ внимательнѣе смотрѣть на жизнь, во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости наблюдалъ за собой, какъ за частицей, хотя ничего незначащей, но входящей въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно было имѣть благотворное свое дѣйствіе». Союзъ благоденствія, такимъ образомъ, своей несложной задачей нравственнаго усовершенствованія лучше объединялъ распыленныя силы интеллигенціи, чѣмъ прежній союзъ спасенія съ его слишкомъ явно подчеркнутыми политическими задачами. Но коренные члены Союза благоденствія держались попрежнему задачи введенія конституціоннаго строя и, по мѣрѣ того, какъ новые члены сами приходили къ выводу о необходимости политической реформы, открывали имъ свои настоящія цѣли. Содержаніе «Зеленой Книги» (такъ назывался уставъ С. б.) было не что иное, какъ пустой отводъ отъ настоящей цѣли на случай открытія общества и для первоначальнаго показанія вступающимъ членамъ», показалъ на допросѣ членъ общества Пестель. Однако и теперь не было еще никакого заговора, свойственнаго тайному обществу — члены его сходились лишь для бесѣдъ. Одинъ ихъ самыхъ видныхъ членовъ общества въ своихъ запискахъ оставилъ такую картину этихъ бесѣдъ: «Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе общества предпринять что-нибудь серьезное. Потомъ разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе Россіи, на неустройства, ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, наконецъ на ея будущее».

Это будущее все еще не представлялось безотраднымъ, все еще надѣялись на государя, ждали отъ него почина въ дѣлѣ реформъ, но по запискамъ членовъ общества видно, какъ съ каждымъ годомъ настроенiе ихъ становится все мрачнѣе и мрачнѣе: «жить тяжело, всякiй день слышишь что-нибудь непрiятное», пишетъ, напр., въ 1820 г. тотъ Н. Тургеневъ, который въ 1814 г. такъ свѣтло смотрѣлъ на будущее, такъ увѣренно ждалъ отъ государя коренныхъ преобразованiй. За шесть лѣтъ русской дѣйствительности эти мечты на реформу сверху были разбиты. «Событiя говорили сами за себя, громче всякой человѣческой рѣчи; это была настоящая пропаганда», говоритъ современникъ. Пропаганда сверху, со стороны правительства заключалась въ напряженiи реакцiонной дѣятельности: безграничная власть Аракчеева, истребленiе просвѣщенiя, развитiе шпiонства, запрещенiе того, что правительство только что поддерживало — масонства и ланкастерскихъ школъ — возмутительная роль жандармовъ, которую государь опредѣлилъ нашей армiи въ подавленiи заграничныхъ возстанiй, наши военныя населенiя, наконецъ явное презрѣнiе къ русскимъ со стороны любимаго прежде государя, когда онъ опредѣленно теперь выражался, что онъ «окруженъ негодяями», что «каждый изъ русскихъ или плутъ или дуракъ», — все это въ корнѣ поколебало надежды нашихъ патрiотовъ. «Мы всѣ надѣялись,— писалъ современникъ, — что императоръ займется внутреннимъ управленiемъ въ государствѣ, съ нетерпѣнiемъ ждали закона постановительнаго (конституцiи) и преобразованiя судопроизводства нашего; ждали, — и что же? Черезъ 12 лѣтъ лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ!» Какъ подъ влiянiемъ реакцiи измѣнялось настроенiе либеральныхъ слоевъ, объ этомъ есть опять-таки характерное показанiе наблюдательнаго современника, который самъ не былъ членомъ Союза благоденствiя: «Я видѣлъ, — пишетъ онъ, — какъ розоватый либерализмъ сталъ густѣть и къ осени (1820 г.) переходить въ кроваво-красный». Этотъ переходъ сказался уже на одномъ засѣданiи членовъ С. б. въ 1820 г. Въ немъ Пестелю было предложено выяснить «всѣ выгоды и всѣ невыгоды какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленiй». «Въ заключенiе всѣ приняли единогласно республиканское правленiе», какъ показалъ тотъ же Пестель на допросѣ. Съ этого времени Союзъ благоденствiя начинаетъ все замѣтнѣе кристаллизоваться въ революцiонное общество, и вмѣстѣ съ тѣмъ

въ немъ начинается расколъ, такъ какъ были недовольные все большимъ тяготѣніемъ Союза къ политикѣ. Чтобы устранить эти ненадежные элементы, въ началѣ 1821 г. былъ организованъ въ Москвѣ съѣздъ, и на немъ было рѣшено закрыть Союзъ благоденствія.

Но тогда же было положено начало организаціи уже настоящаго тайнаго общества, цѣлью котораго было опредѣлено ограниченіе самодержавія въ Россіи и впервые было намѣчено опредѣленное средство для этого — подготовить войска для возстанія. Въ Петербургѣ да въ Тульчинѣ (Подольской губ.), гдѣ стояла тогда вторая армія, создались какъ бы два центра общества — Сѣверное во главѣ съ Н. Муравьевымъ и Н. Тургеневымъ и Южное — съ Пестелемъ. Революцію рѣшили начать послѣ естественной кончины государя, а пока сосредоточили свое вниманіе на разработкѣ конституціонныхъ проектовъ.

Главные изъ этихъ проектовъ принадлежатъ Никитѣ Муравьеву, Пестелю и Н. Тургеневу. По Муравьевской конституціи всѣ русскіе должны были сдѣлаться равными передъ закономъ, не должно быть различія между «благородными и простолюдинами». Всякій получалъ право свободно излагать посредствомъ слова и печати свои мысли и чувства, устраивать собранія, исповѣдывать свободно свою вѣру, всякій платилъ одинаковые налоги въ пользу государства; гражданина никто не имѣлъ права арестовывать безъ законнаго приговора и обыскивать его жилище, и всѣ преступленія должны были разбираться судомъ присяжныхъ. Во главѣ государства попрежнему оставался государь, но онъ не имѣлъ права самостоятельно излагать законовъ, налагать подати, вести войну или заключать миръ. Для этихъ дѣлъ въ конституціи Муравьева рядомъ съ государемъ стоитъ народное вѣче, состоящее изъ двухъ палатъ. Всѣ области, на которыя дѣлилось государство, также должны были имѣть свои собранія выборныхъ для устройства мѣстныхъ дѣлъ, и всѣ должностныя лица по всему государству — начальники уѣздовъ, судьи, сборщики податей, начальники тюремъ и т. п. — также выборные.

Такимъ образомъ по конституціи устанавливались всѣ основныя права человѣка и гражданина, и все управленіе страной переходило въ руки выборныхъ. Но былъ и важный недостатокъ въ планѣ Муравьева: онъ хотѣлъ, чтобы наиболѣе важныя дѣла поручались только состоятельнымъ гражданамъ:

въ уѣздныхъ, напр., выборахъ имѣли право участвовать только тѣ, кто владѣлъ недвижимымъ имуществомъ въ 500 р. или движимымъ въ 1000 руб., а начальниками уѣздовъ могли быть лишь граждане съ капиталомъ въ 30 — 60 тысячъ рублей. Пестель справедливо указывалъ, что это требованіе ценза создаетъ у насъ опять аристократію, если не сословную, то денежную, и потому настойчиво твердилъ, что всѣ должны имѣть право выборовъ безъ различія состоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пестель высказывался и за полную отмѣну власти государя: его мѣсто долженъ былъ, по его проекту, заступить выборный предсѣдатель думы. Муравьевъ стоялъ за конституціонную монархію — Пестель шелъ дальше Муравьева и высказывался за республику.

Точно такъ же и по крестьянскому вопросу Пестель предлагалъ болѣе рѣшительныя мѣры: по конституціи Муравьева крестьяне при освобожденіи должны были получить только землю подъ усадьбу и огородъ, а Пестель предлагалъ половину всѣхъ земель въ государствѣ сдѣлать «общественной», такъ, чтобы ее нельзя было ни продавать, ни закладывать, ни вообще отдавать въ частную собственность отдѣльнаго лица, но чтобы этой землей могъ пользоваться всякій желающій изъ гражданъ. Въ этой мысли — предоставить всякому право на общественную землю — сказалось ясное пониманіе, что одно гражданское равенство,—равенство передъ закономъ, еще не сдѣлаетъ людей одинаково равными и свободными, такъ какъ даже при равенствѣ правъ сильный имущественно всегда легко можетъ притѣснять слабаго. Быть-можетъ, внимательное изученіе хода французской революціи показало Пестелю всю недостаточность однихъ политическихъ реформъ, и онъ хотѣлъ соединить ихъ съ соціальными. Для этого онъ требовалъ не только свободнаго для всѣхъ доступа къ землѣ, но еще и отдѣльной защиты бѣдняковъ-поденщиковъ отъ эксплуатаціи хозяевъ, намѣчалъ своего рода рабочее законодательство. «Правительство, — писалъ онъ, — должно оградить ихъ (поденщиковъ) отъ произвола богатыхъ и не забывать, что несчастные бѣдняки также бываютъ больными, немощными, старѣютъ и, наконецъ, не могутъ зарабатывать свое скудное пропитаніе». И нужно сказать, что не одинъ Пестель думалъ о соціальныхъ реформахъ. Былъ въ томъ же обществѣ и другой сознательный ихъ поборникъ—это Н. Тургеневъ. Онъ и мысли не допускалъ, чтобы въ Россіи можно было что-

нибудь сдѣлать безъ разрѣшенія самаго главнаго соціальнаго вопроса — крестьянскаго. Пока есть рабство — нельзя мечтать о конституціи: «Не позволительно мечтать о политической свободѣ тамъ, — писалъ онъ, — гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы». Н. Тургеневъ въ тайное-то общество вступилъ, главнымъ образомъ, потому, что съ помощью его надѣялся посодѣйствовать уничтоженію крѣпостного права на Руси. Въ этомъ отношеніи дѣятели тайнаго общества намѣтили, въ концѣ-концовъ очень важный принципъ, что освобожденіе крестьянъ должно быть съ землей, намѣтили и реальный способъ для осуществленія этой важной реформы, — что правительство «можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ». Такимъ образомъ, отдѣльными членами тайнаго общества былъ очерченъ цѣлый кругъ соціальныхъ и политическихъ реформъ.

Ни одинъ изъ проектовъ реформъ не былъ принятъ обществомъ окончательно, изъ нихъ не было выработано общей программы, «не было общей мысли и единства въ намѣреніяхъ и видахъ», какъ показалъ на допросѣ Пестель. Особенно большое разногласіе вызывалъ вопросъ, какимъ путемъ добиваться своихъ цѣлей — «введенія новаго порядка вещей». Даже рѣшивъ быть революціонерами, наши либералы все еще были ими только въ мысляхъ. На дѣлѣ рѣшили вѣдь начать революцію послѣ естественной смерти государя, а смерти государя никто еще не ждалъ скоро. Правда, иногда въ горячія минуты наиболѣе горячія головы подумывали даже о насильственномъ устраненіи государя съ престола, но, кажется, они и сами мало вѣрили тому, что говорили въ такія минуты. За отсутствіемъ всѣми принятаго плана дѣйствія попрежнему много спорили между собой, а въ смыслѣ пропаганды своихъ идей дѣлали необычайно мало. Пропаганда еще кое-какъ шла въ кругахъ интеллигенціи, но ея совсѣмъ не было среди солдатъ и народа. Пестель, напр., даже вполнѣ сознательно ставилъ народъ, какъ политическую силу, ни во что, и здѣсь сказалась характерная точка зрѣнія вѣка — вѣра въ возможность дѣйствовать для блага народа безъ народа, дѣйствовать лишь путемъ военнаго заговора и переворота.

Неожиданная смерть государя въ Таганрогѣ поставила членовъ общества въ необыкновенно трудное положеніе: грозила перспектива увидѣть на престолѣ Николая, о которомъ въ обществѣ знали, какъ о человѣкѣ деспотичномъ, а съ дру-

гой стороны — ничего не было готово для немедленнаго выступленія: ни опредѣленной программы, ни реальной силы, на которую можно бы было опереться. Знали только, что нѣкоторыя части войскъ пойдутъ за своими любимыми начальниками изъ членовъ общества, и вотъ, опираясь на нихъ, рѣшили протестовать противъ присяги Николаю. Рѣшили, зная напередъ, что успѣха не будетъ: «Предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо», такъ говорилъ незадолго до возстанія одинъ изъ видныхъ его участниковъ Рылѣевъ. «Мы начнемъ, я увѣренъ, что погибнемъ», были его слова за день до возстанія.

14 декабря 1825 г. они, дѣйствительно, погибли...

Но идеалы декабристовъ — свободный гражданинъ въ свободномъ государствѣ — продолжали развиваться дальнѣйшимъ теченіемъ русской жизни, ибо «отъ людей можно отдѣлаться, но отъ ихъ идей нельзя!» какъ выразился одинъ изъ сосланныхъ участниковъ возстанія.

В. Боголюбовъ.

П. И. Пестель.

С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Россія передъ столкновеніемъ съ Франціей. *В. Филатовъ*	1
Франція передъ столкновеніемъ съ Россіей. *И. Бороздинъ*	18
Внѣшняя политика Россіи до 1812 г. *В. Пичета*	39
Александръ I-й и Наполеонъ. *Е. Ефимова*	57
Россія передъ войной 1812 г. *К. Сивковъ*	71
Русская армія и ея вожди передъ войною. *А. Кабановъ*	89
Война до Москвы. *И. Катаевъ*	97
Москва и пожаръ московскій. *Д. Жариновъ*	115
Народная война и отступленіе французовъ. *Е. Богрова*	130
Война, общество и правительство. *В. Алексѣевъ*	150
Изъ литературныхъ отраженій Отечественной войны. *Н. Бродскій*	165
Конецъ Наполеона. *А. Васютинскій*	182
Вѣнскій конгрессъ. *В. Перцевъ*	198
Александръ I и Европа. *В. Бочкаревъ*	209
Реакція въ Россіи. *М. Клевенскій*	231
Русское либеральное общество послѣ войны. *В. Боголюбовъ*	247

Государств. публичная историческая библиотека